

И. И.ГАРИН

**Й Й Й Й Й Й Й
ИИИИИИИИИИИИ
ИИИИИИИИИИИИИ И ИИИИ
ИИИИИ**

2

**Й Й Й Й Й Й Й Й Й
ИИИИИ ИИИИИИ**

ГАРИНИЗДАТ
Харьков 1994

ББК 84.4УКР6-РОС
Г 20

Художник-
оформитель
Л.Н.Константин
ов

Проблематика второй части второго тома «Йехуизма» (этим словом автор определяет феномен самопорабощения человека примитивными тоталитарными идеологиями) охватывает «инструментарий» внешнего и внутреннего подавления: партию, номенклатуру, бюрократию, ВПК, КГБ, судебную, репрессивную и пенитенциарные системы, карательную науку и культуру, индустрию лжи и обмана. Книга завершается поэмой-коллажем «Страдание всегда достоверно». Автор привлекает огромный документальный материал, излагая его в форме афористических фрагментов, широко пользуется литературными реминисценциями.

Гарин И.И.

Г20 Йехуизм. Исследование тоталитаризма. В 6-ти т. Т. 2: Варварство. Кн. 2 / Художник-оформитель Л. Н. Константинов. — Харьков: «Гариниздат», 1994.—484с. ISBN5-7150-0144-7(т.2,кн.2).

«Варварство» — второй том цикла «Йехуизм», состоящего из шести томов и представляющего собой художественно-документальное исследование тоталитаризма — одного из страшных недугов человеческого общества.

ISBN5-7150-0144-7(т.2,кн.2) ISBN 5-
7150-0083-1

© И. И. Гарин,
1994

© Л. Н.
Константино
в,
художествен
ное
оформление,
1994

Глава 1

УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО
«ПРОМЕЖУТОЧНЫХ» ЛЮДЕЙ

А народ опятьскуем.

Ф. М. Достоевский

ПАРТИЯ ИЛИ СТАЯ?

Партия стала консервативной, если не реакционной силой социалистического общества.

М. Филд

В губернии Козелкова было, как известно, две враждующих партии — консерваторов и красных. Программой первых было: шествуй вперед, но по временам мужайся и отдыхай! программой вторых: отдыхай, но по временам мужайся и шествуй вперед! Так было... Затем эти межпартийные разногласия, а вместе с ними и партии, были преодолены: не отдыхая, гони вперед, затягивай пояс и мужайся! А главное — будь предан своей единственной партии до последней капли крови. Будь предан! Будь предан сплывшим и разорившим твою страну! Будь предан мздоимцам и проходимцам! Будь предан их делу и их воровству...

Не ясно, правда, зачем столько собачьей преданности, если все изменения являются результатом экономического развития и наступают с неизбежностью законов природы. Тем более не ясно, зачем столь передовому пролетариату советчики, авангард или новые слуги, на которых надо молиться и вся служба которых — ударами бича подготавливать их.

Недавно одна из центральных газет писала о сек- ретаре обкома, который заставлял секретарей райкома часами стоять перед ним навьгтяжку. И не так уж редко рецидивы этой системы воспитания дают о себе знать на разных ступенях кадровой лестницы. Часто вспоминаю, как один из руководителей нашего райо- на попросил меня не очень часто приезжать на рай- онные совещания. «Неудобно в присутствии писателя «давить председателей колхозов..нА ведь и как еще «давить, неудобно становится и за тех, кто «давить, и за тех, кого «давить. Не проходит это бесследно, нет: деформация личности довольно распространенное яв- ление. Кто не хотел деформироваться — уходил или «школа воспитания сама его выбрасывала за порог. Потеря уважения к себе требовала какой-либо ком- пенсации. Это одна из причин такого заметного стрем- ления нашего аппарата к привилегиям. Да, меня мо- гут поставить навьгтяжку и стучать на меня кулаком, но зато я езжу в черной машине, и правила уличного движения (да разве только уличного?) для меня не существуют. Да, меня в любую минуту могут «нака- зать, словно мальчишку, да, я живу по известному правилу: ты — начальник, я — дурак, зато я имею возможность войти в любой магазин через черный ход и жена моя не стоит в общей очереди...

На ключевые посты в репрессивном аппарате ставились люди, заранее обреченные. Сталин боялся их, обладавших слишком сильной и специфической вла- стью, и поэтому быстро убирал. Хотя один из них, Берия, удержался дольше других, он был на положе- нии раба. Коба мог его оскорбить, ударить по щеке, плеснуть в лицо чаем — он все терпел...

Закон Передовой Партии и закон стаи — один: кусать и рвать. Для того и шли в партию, чтоб больше урвать. Для того и стремились стать «передовымин.

Нет, партия неум, чести совесть, а шакальстая. И жи- лапо законам шакалов: сильные давили слабых, слабые при- спосабливались, поскуливая, поддельвались, подвывая. Силь- ные боялись могущественных, могущественные — смены во- жака.. И все — стремились урвать кусок побольше, потухлей.. В меру сили возможностей..

Борьба за власть, яростно разгорающаяся после смерти каждого вождя, наглядно показывает, за какую революцию и демократию боролась «старая гвардия» и чьи интересы защищала.

Когда в 1925 году Бронштейн спросил Бухарина: «Почему у нас в партии нет демократии?», — последний без обиняков сказал: «Потому что мы вас боимся»..

Буржуазная система ценностей нигде не находила столь рьяных поклонников, как при социализме. Все, что мы знаем сегодня о «коррупцированных регионах, коими стала вся страна, свидетельствует о том, что вряд ли существует более «буржуазная система ценностей» — в худшем понимании этого выражения, — чем здесь.

Склонность к провокациям и авантюризму, пышные славословия в адрес народных масс, бесконечное красноречие об интересах народа, клятвы в верности ему — на словах. И полное неуважение к нему, пренебрежение реальным народом на деле. Опора в своей политической борьбе не на серьезные классовые силы, а на деклассированные элементы.

То, что партия происходит от шайки, знал еще Джона-тан Уайльд, но вот чего он не знал, так это того, что для мафии одна шайка удобнее многих: вырезав иные, она ус- танавливает абсолютизм паханства и круговой поруки.

В партиях есть что-то от фиддинговских шляп: раз вы знаете, что все вы *шляпы*, какая разница, какой ширины поля на ваших шляпах? Однопартийная государственная система — это осознание... — это не просто осознание бесплодности споров остро и тупоконечников, кавалеров и горлодеров, вигов и фигов. Это, с каких бы идей не начиналось, всегда кончается одним: кошелек и жизнь! Как сказал Дэн, какая разница, черная кошка или белая кошка. Важно, что она ловит мышей.

Это же надо! Чтобы партия не просто вмешивалась во все сферы жизни — хозяйство, искусство, науку, — но определяла, какое научное направление ошибочно и какое нет, какое искусство нужно и какое чуждо. «Партией при-

знается только такое-то учение, Первый заместитель Председателя Совета Министров М-в так и говорил: «Научная дискуссия по вопросам биологии была проведена под направляющим влиянием нашей партии. Руководящие идеи великого вождя и здесь сыграли решающую роль».

Решающая роль руководящих идей — и нет генетики. Решающая роль руководящих идей — и покончено с хлебом. Решающая роль — и нет десятков миллионов...

Они думают, что всё дозволено: сегодня ошельмовывать, завтра реабилитировать, одной рукой спаивать, другой — затыкать бутылку, сегодня вершить насилие, завтра раскатываться на съездах и возвышаться распятых...

Как смели те же люди, которые вершили несправедливость, восстанавливать правду!.. В лучшем случае это цинизм: выходит они всегда знали, что делают.

Этим нью-христианам кажется: стоит покаяться — и все списано, и невинные жертвы — уже не жертвы, и ложь и цинизм — уже не аморальны, и «где так вольно дышит человек — уже не бессовестная ложь».

* * *

Хотя Мавр и считал необходимым наличие классовой партии, он не имел четкого представления о ее функциях после революции и уж во всяком случае не связывал партию с тоталитарным государственным устройством.

А вот ББ, спекулируя «рабочим классом», никогда не доверял ему и на всех этапах революции, не скрывая этого, делал ставку на «старую гвардию» — на элиту, восприимчивую к его идеям и внедряющую их в сознание пролетариата «для выполнения его исторической миссии». Так класс подменяли «авангардом», а «авангард» делали инструментом насаждения тотальности.

В целях «воспитания» передового класса партия прививает ему «передовое учение» извне. Партия заранее знает, что нужно классу, какова его воля и желание. У класса

есть революционная сознательность, — но ровно столько, сколько необходимо, чтобы воспринять поучения партии.

Коммунизм — это партизм, монопартизм, монополиепартизм. Революция — предприятие, монополизированное партией. В период революции партийная элита подыгрывает антиавторитарным настроениям масс, выступающим против абсолютизма. После победы революции она берет абсолютную власть в свои руки, оправдывая это необходимостью быстрого построения нового общества. Одна элита сменяет другую. Именно на элиту Ленин возлагал задачу, выполнение которой Мавр считал делом рабочего класса. Мавр не отрицал партию, но отождествлял ее с классом. ББ видел в ней профессиональных революционеров, взявших на себя функцию класса.

Поначалу партизм не выпячивался: Октябрь действовал не столько от имени партии, сколько от имени Советов, но стоило захватить власть, — и партия оказалась стадом партийных пастырей.

Вот на что следует обратить внимание: по мере «повышения сознательности передового класса» роль партии не ослабла, а усиливалась, власть все более сосредотачивалась в руках элиты, партия в лице ее бонз все лучше знала, что хочет класс. Иными словами, партийная элита все более узурпировала права общества, обеспечивая себе все, а другим — ничего. Свобода — одним, обязанности — другим. Слуги и хозяева..

Партия, сводящаяся к аппарату партии, и аппарат, сходящийся к его руководству... Да, это так: там, где монопартизм, там — обязательно! — элитизм, диктатура вождей, культ личности. Таков закон..

Наше «доказательство» необходимости единственной партии удивительным образом напоминает ницшеанскую идею сверхчеловека, но сверхчеловека коллективного. Диктатуру пролетариата, говорим мы, нельзя осуществить через поголовно (да, да именно так! — как рогатый скот) — через поголовно организованный пролетариат. Рабочий класс неоднороден (иерархичен — что ли?). Поэтому его подлинным руководителем выступают не профсоюзы (поголовная организация пролетариата), а партия (авангард пролетариата).

Итак, авангард — лучшие из лучших! А что такое сверх-человек? А что такое карлейлевский культ героя? А что такое высшая раса?

Отшелушив идею большевистской партии от трескотни и шелухи, болтовни и разглагольствований, учтя, что в самой партии есть свой авангард, а у этого авангарда — свой штаб, свое бюро, свой Генеральный секретарь, мы и приходим ко все тем же — разве что оплебеенным, выхолощенными — Ниц-ше, Сантаяне, Вагнеру с их Заратустрами Зигфридами.

Причина провала всех противников Великого Вождя именно в том и состоит, что они от него... *не отличались*. Как и он, они исповедовали имперский принцип единовла-стия, партократии и централизма. Как и он, они беспощад-но расправлялись с «врагами». Они не видели собственных перспектив вне взрастившей их партии и даже после ис-ключения из нее мечтали об одном — о возвращении в «любимую партию» любой ценой. Они каялись в своих гре-хах задолго до процессов и задолго до них признавали правоту Кобы — свою правоту... Они готовы были на лю-бые унижения, лишь бы остаться в рядах партии, чтобы когда-нибудь взять у Кобы реванш.

Вряд ли есть лучшая характеристика *этой* партии и *этих* людей, чем поведение — партии и людей — во время большого террора. Одного этого достаточно, чтобы вынести приговор и *этой* партии и *этим* людям...

Многие большевики воспринимали и революцию, и саму партию, как чудо. Пятаков так и говорил: «Больше-визм есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным». Но не чудом единым живет партия, и само «чудо» есть результат проявленной воли. Согласно Ленину, развивает мысль Пятаков, большевистс-кая партия «опирается на насилие и не связана никакими законами».

Центральная идея — не принуждение само по себе, а отсутствие каких бы то ни было связанных с чело-веческой волей нравственных и политических ограни-чений. Такая партия может сделать чудеса и добить-ся того, чего не может добиться никакой другой че-

ловеческий коллектив. Настоящий большевик, то есть человек, который был воспитан в партии и достаточно глубоко проникся ее духом, сам становится создателем.

Ради такой партии настоящий большевик охотно выбросит из головы идеи, в которые он верил годами. Настоящий большевик это тот, кто растворил свое личное в коллективе, в партии — настолько, что, сделав необходимое усилие, он порвет со своими взглядами и убеждениями и сможет честно согласиться с партией. Это испытание настоящего большевика. Для него «нет жизни вне партии, вне согласия с нею, и он будет готов верить, что черное есть белое, а белое — черное, если партия этого потребует. В нем не останется ни одной частицы, которая не принадлежала бы партии, не была бы ее частью.

КОРМУШКА ДЛЯ СВИНЕЙ

Наш союз основывался
единственно на сходстве
убеждений. Но вскоре
объявилось, что каждый из нас
предпочитает молоко воде и
жаркое хлебу.

Э.Т.А. Гофман

Цвет нации заслонен дельцами
и лакеями-карьеристами.

В.И. Вернадский

Щеголяют своими нарядами
те, кому нечем щегольнуть чем-
нибудь иным.

М. Монтень

Давай фигляров этих мир
постылый Мы осмеем в сатире с
прежней силой:
Деянья их — как шахмат стук унылый...

Оскотинивание... Оплебеивание партии было заложено в ее
идее. И началось оно задолго до захвата власти. Каж-

дая очередная ступень эволюции была шагом к обыва- нию, к скотству. И первый виток — отстранение интелли- гента Плеханова недоучкой Лениным.

Хотя рабочие в «рабочей» партии на протяжении всей истории ее существования были в меньшинстве, это вовсе не значит, что большинство являло собой цвет нации.

В «передовой» партии в 1917 году почти никто не читал Маркса: важно было не знание его псевдоуче- ния, а «за революцию или против». Возвышение Ста- лина после смерти Ленина — не случайность, а впло- не закономерный результат «недоверия партийных низов к образованным «верхам», к людям в пенсне, которым «не понять наших рабоче-крестьянских ин- тересов».

После революции в партии было немного «людей в пен- сней, зато ни читать, ни писать не умел каждый тридца- тый! В двадцатые годы среди секретарей райкомов и горко- мов более двух третей имели лишь начальное образование — такая вот «передовизна». Даже после отечественной войны на этих должностях оставалось много малограмотных лю- дей. Выдвижение по принципу социального происхожде- ния не могло не вести к мерлокизации партии...

Из дневника В. И. Вернадского:

Истребление ГПУ и партией своей интеллиген- ции — людей, которые делали революцию.... Партия «обезлюдилась, и многое в ее составе — загадка для будущего. Понижение морального и умственного уров- ня партии по сравнению со средним уровнем — мо- ральным и умственным — страны.

Еще ярче это проявляется в том, что в партии — несмотря на все усилия, производимые через полицей- скую организацию, всю проникнутую преступными элементами, — очень усилился элемент воров. Сизи- фова работа их очищения не может быть реально сильной.

Так как реальные условия жизни вызывают ко- лоссальный приток всех воров, которые продолжают

лезть в партию, уровень которой в среде, в которой мне приходится вращаться, ярко ниже беспартийных...

Но и это — только часть правды...

Некогда Томас Манн показал: нет оснований уважать любую аристократию, но аристократия бизнеса и денег особенно отвратительна. Знал бы он нашу...

Увы, элите необходимо все меньше поколений для производства джентльменов: Англии их требовалось не менее сорока колена, Новая Англия довольствовалась четырьмя, нашим хватило одного...

О ФЮРЕРСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ЦЕНТРАЛИЗМЕ

Все добрые люди разобщены и одинокими, все злые спаяны и в «едином строю». Не потому ли так плох мир?

Неизвестный автор

Строжайшая партийная дисциплина является первейшей обязанностью всех членов партии и всех партийных организаций. Постановления партийных центров должны исполняться быстро и точно.

Из устава ВКП(б)

Демократический централизм есть не что иное, как авторитарность в личине демократии, как бюрократический, деспотический централизм. Все бичуемые ныне культы — результат не нарушения этого принципа, а следования ему: подавления низов, неподвластности закону верхов. Демократический централизм — это жесткая и жестокая иерархия, в суе обозванная народоправием. Вообще не понятно, как

централизм может сочетаться с демократией. Это равноценно, скажем, демократической тирании или деспотической демократии. Sic!

Твердость и непреклонность ББ в защите принципа централизма, объясняемая необходимостью повышения дееспособности партии нового типа, были подспудным выражением воли к власти, ибо в условиях свободной конкуренции «бесхребетный демократизм не оставлял шансов на успех. Централизм и единство обеспечивали дисциплину и легкость манипуляции партией. Централизм превращал ее в военизированную иерархическую организацию, лидеры которой узурпировали власть и права и оставляли рядовым членам дисциплину и подчинение.

Вся власть, все командование, всякое решение должны принадлежать центру, а обязанность выполнять, подчиняться и докладывать должна быть «децентрализованной и предоставлена как «привилегия каждой местной организации и отдельному члену.

Расчет оказался точным: не будь централизма, не получилось бы власти.

О том, чем были для Ленина демократия и большинство, красноречиво свидетельствуют Апрельские тезисы, и выборы в Учредительное собрание, и Брестский мир, и II съезд Советов... Когда за сторонников Великого Вождя проголосовала лишь четвертая часть избирателей, эсеровская «Учредилка» немедленно была объявлена контрреволюционной и распущена. Сам же верховный манипулятор по этому поводу писал:

Ограничивать или обуславливать наши завоевания приобретением большинства голосов на выборах при господстве буржуазии есть непроходимое скудоумие или простое надутьельство рабочих.

Формальный демократизм должен быть подчинен революционной целесообразности.

А Брестский мир? Даже большинство голосов членов ЦК ничего не значили для Великого Вождя: вопреки воле большинства приказ Троцкому был: заключать!

А II съезд Советов? Разве уже тогда не сложилась практика утверждения заранее подготовленных решений, загодя принятых Военно-революционным комитетом?

На словах ратуя за демократизацию партии, верховный манипулятор на практике принимал решения единолично или в узком кругу единомышленников. Если же коллегиальное решение отличалось от его собственного, то и тогда, пользуясь своим положением в партии, он действовал настойчиво и с нажимом, пока не добивался своего. Вот она, интерпретация *наших*: «Ленин всегда добивался, чтобы другие поняли суть дела, убедились в правильности выдвигаемых им доводов или задач. А правильность была всегда, ибо он, как известно, не ошибался никогда.

По теории получалось, что пролетариат решает за нас, по Ильичу — партия за пролетариат, на практике — руководство за партию и вождь за руководство.

Когда мы узнаем всю правду...

Большевистскую партийную организацию можно охарактеризовать кратко двумя существенными понятиями: иерархия и централизованный контроль, причем последний преобладает.

Вот вопрос: а не является ли эта демократия все той же паретовской плутократической демагогией элиты манипуляторов или же меершевской идеей-фикцией, будто управители есть выразители воли управляемых? Может быть, как во все времена, — не борьба классов, а все та же конкуренция соперничающих элит?

Симптоматично, что принципы построения партии, порожденные подпольем, — дисциплина, централизм, иерархия, — полностью сохранились и через 70 лет после захвата власти. До последних дней партия строилась по правилам нелегальной, конспиративной организации, разве что без перерывов.

На практике же принцип «демократического централизма» превратился в надежное средство навязывания большин-

ству воли фюрера, в способ, узаконивающий господство аппарата над партией. С разгромом инакомыслящих уже не существует сил, противостоящих диктату. «Централизм действовал, «демократический» камуфлировал правду о механизме власти. И хотя выборы не были ликвидированы, выбрать было нечего, они утратили свою функцию выбора. Нет, это не было постепенное вырождение «демократического» централизма. Так было задумано! Для этого демократический централизм был необходим. Он стал таким не сегодня и не вчера, а в момент своего возникновения.

Все правящие партии в социалистических странах были «передовой и руководящей силой». Но в чем — «передовой» и в чем «руководящей»? В идеологической и экономической оккупации? Партия — «ум, честь и совесть», но когда приходится отвечать за результаты руководства, виноваты всегда другие: «бешенные псы», предатели интересов, вредители, империалистическое окружение, вчерашние вожди, аппаратчики, космополиты, жида, масоны...

Хороша власть, которая имеет право принимать любые решения, не неся за них абсолютно никакой ответственности, при всех обстоятельствах — даже после Кобы и многозвездных — оставаясь «умом и честью»... Это же надо: полная, принципиальная неподсудность — зато все привилегии, какие только можно измыслить!: Возможность принимать любые — самые идиотские — решения и абсолютная бездейственность.

И над всем надпись — демократия....

О том, что это была за демократия, свидетельствует такой факт. Именно в 37-м — 37-м! — на февральско-мартовском пленуме ЦК был рассмотрен вопрос о подготовке партийных организаций к выборам и дано указание партийным организациям «перестроить (!) партийную работу на основе безусловного (!) и полного (!) проведения в жизнь начал внутрипартийного демократизма».

Внутрипартийный демократизм образца 1937 года... Можно ли придумать нечто более циничное?

Типичным методом отбора партийных лидеров является кооптация и назначение сверху. Голосование ус- троено не как выражение свободно- го выбора, а как механизм для фик- сирования санкции на решения, при- нятые на более высокому уровне.

Д. Шапиро

Отсутствие противоборствующих сил открывало неограниченные возможности назначать депутатов под прикры- тием демократической процедуры выборов. Партийная бю- рократия открыто готовила списки тех, кого она желает выбрать, а желала она лишь верных псов. Даже наличие нескольких кандидатов не меняет сути дела — все они оп- ределялись там же, а в смысле податливости, беспреко- словности, исполнительности — были теми же. Впрочем, невозможно было помыслить даже об альтернативных кан- дидатах. Вот она, правда *наших*:

Выдвижение на выборах конкурирующих списков *не увеличило бы* возможности граждан в осуществле- нии своих избирательных прав. Все равно депу- татами будут представители от рабочих, колхозного крестьянства, интеллигенции, служащих, преданных делу построения социализма. Тем не менее фактор конкуренции ослабил бы сознательные усилия обще- ства в отборе лучших представителей в депутаты. Он создал бы возможность для проявления в ходе изби- рательной кампании разного рода личных амбиций, политиканства, борьбы за положение и т. д.

Демократия единственного кандидата не наше изобре- тение. История изобилует примерами, когда колонизаторы или оккупанты даровали покоренным «выборы» спущен- ных метрополией губернаторов, присылая на выборные должности заранее отобранных для этого чиновников. Но история не знала выборов «болванчиков» — статистов для «демократического» голосования, не ведала всенародного «одобряя!н».

Вот ведь как: демократия становилась «все шире и шире», а раз в десять лет мы узнавали, что очередной культ ликвидировал демократию.

Путь к единогласию был непрост. На всех этапах движения происходила интенсивная внутрипартийная борьба за место у руля, прикрываемая расхождениями по тем или иным вопросам политики и хозяйственного строительства. Единомыслие отсутствовало вплоть до «съезда победителей», тогда как все предшествующие 16 шли в напряженной фракционной борьбе. Потребовался многолетний опыт разгромов различных группировок, потребовались чистки, Коба, 37-й год, съезд расстрелянных, послевоенные репрессии, чтобы изжить все виды инакомыслия. В результате этого перманентного погрома, уничтожившего заодно с соперниками цвет и совесть нации, самостоятельное мышление было полностью искоренено.

А как же иначе? К этому шли долго и планомерно. Уже в резолюции X съезда без обиняков сказано: «Всякий, выступающий с критикой, должен учитывать положение партии среди окружающих евразовцев».

Партия, опирающаяся на Великую Идею, рано или поздно становится партией без идей. Ведь любая идея отмирает, а другой нет... Приверженность любой Великой Идее, кроме идеи Бога, есть смертный путь...

К чему это привело в экономике, хорошо известно, а вот к чему — во внутрипартийной борьбе. После разгрома последней из антипартийных групп было проведено 179 902 собрания, на которых 3 771 615 коммунистов единогласно осудили «отщепенцев». Ни одного голоса — за...

Сегодня *наши* доказывают, что однопартийность была вынужденной, что большевики не были сторонниками моновласти и сотрудничали с другими партиями, пока те поддерживали их. И только после предательства им пришлось отмежевываться и принимать меры к «изоляции деятелей этих партий».

Все шли не в ногу, кроме большевиков. Большевики же весьма охотно соглашались на организационные блоки,

коалиций, пактов с кем угодно — от батьки Махно до Гитлера, — лишь бы достичь цели, а уж затем...

Проверенная тактика ... Проверенная и надежная... Она была в ходу до последних дней: сегодня — использовать, завтра — уничтожить...

Стоит ли удивляться анекдоту: «Перестройка — это когда дети наших начальников становятся начальниками наших детей; ускорение — когда дети наших начальников становятся нашими начальниками».

Да: социальное неравенство и элитарность неуничтожимы. Чем более выражены социальная неоднородность и дифференциация труда, тем сильнее стратификация. Но элиты элитам — рознь. Качество общества, качество общественного строя — это качество элит.

* * *

Партия — вместо класса, ЦК — вместо партии, Политбюро — вместо ЦК, Великий Вождь — вместо Политбюро. Самозванно присвоившая себе право выражать сознание класса, партия в такой же мере говорила от имени народа, в какой партийная элита — от имени партии. Все — один камуфляж, власть же — в руках функционеров. Только им и нужна была партия, дабы выдавать себя за выразителей фикции — народной воли.

Теоретическое осмысление явлений общественной жизни, ее главных тенденций позволяет партии предвидеть ход общественных процессов, выработать верный политический курс, избегать ошибок и субъективистских решений.

Кто сказал? Очередной вождь, «избегший ошибок», — тот, чье правление ныне именуют «застойным периодом». Да, таково «владение законами развития общества; пока власть в руках».

Нет, читать надо не сегодняшние газеты — только вчерашние. Тогда мы поймем, что завтра будут писать о сейчас..

У других народов был самообман. У нас — само- обман в квадрате. Поэтому и обманщиков мы произ- вели на свет таких, каких он еще не видывал.

Кстати, забывчивость масс нужна партии. Чем более оглулены массы, тем легче их обманывать, тем меньше они чувствительны к несвободе.

Тер-Ваганян, один из обвиняемых на процессах 30-х годов, как-то сказал следователю: «Я пришел к неизбежно- му выводу, что старые большевики превратились в банду убийц. После этого прошло еще 50 лет.

И нет свидетельств, что насилие искоренено: Минск, Тбилиси, Вильнюс, Рига, Баку...

НОМЕНКЛАТУРА

ПОЧТИ ПО М. ВОСЛЕНСКОМУ

«Развитой социализм — торжество, но не идей Маркса, а интересов «промежуточных людей — распределителей, разверсточников, комчиновников, вмешивающихся во все сферы жизни. Плюс порожденных ими и сросшихся с ними в единое целое спекулянтов, хапуг, рвачей, прохвостов и уголовников. Плюс — поэтов, певцов и горлопанов, пишу- щих и поющих оды этому мерзкому миру.

Генезис «промежуточного человека: вначале професси- ональный революционер, бездельник, провокатор, неудач- ник с комплексом неполноценности, трансформирующимся в манию величия, затем «вождь мирового пролетариата, наконец, клан ничего не производящих и ничего не умею- щих распределителей, стоящих у всех кормушек, допуска- ющих или не подпускающих к ним.

Партийная элита, номенклатура и есть этот клан про- межуточных людей.

Николай Бердяев одним из первых обратил внимание на образование в СССР нового эксплуататорского класса — коммунистической номенклатуры, «охватывающей, как па-

утина, всю страну и всё себе подчиняющейн. Уже в конце 30-х годов появились многочисленные исследования, вы- полненные бывшими коммунистами и посвященные господ- ствующему классу советского общества — партноменкла- туре.

Первые итоги подвел Милован Джилас:

После победы социалистической революции аппа- рат компартии превращается в новый правящий класс. Этот класс партийной бюрократии монополизирует власть в государстве. Проведя национализацию, он присваивает себе всю государственную собственность. В результате новоявленный хозяин всех орудий и средств производства — новый класс становится клас- сом эксплуататоров, попирает все нормы человеческой морали, поддерживает свою диктатуру методами тер- рора и тотального идеологического контроля. Проис- ходит перерождение: бывшие самоотверженные рево- люционеры, требовавшие самых широких демократи- ческих свобод, оказавшись у власти, превращаются в свирепых реакционеров — душителейсвободы.

Главным теоретиком, обосновавшим необходимость но- вого класса — номенклатуры — был Ленин. Вначале он потребовал создания «военной организации агентовн, затем обосновал необходимость «внутреннейн и «внешнейн пар- тии — гвардии революции и партии «ленинского типа» и, наконец, потребовал их обеспечения «по высшему разря- дун, Да, да, забота о кормушках и льготах началась отнюдь не во времена Кобы, а тотчас по приходу большевиков к власти. В 1918-м — в самый разгар военного коммунизма и тотального обобществления — партийные бонзы уже захва- тили себе поместья вчерашних «эксплуататоровн, а в 1922-м на XII партконференции была принята резолюция «О мате- риальном положении активных партработниковн, в которой «гвардия революциин одаривала от барских щедрот второй эшелон денежным вознаграждением «по высшему разря- дун. В § 4 резолюции предписывалось:

Все указанные товарищи должны быть обеспече- ны в жилом отношении (через местные исполкомы), в отношении медицинской помощи (через Наркомздрав),

в отношении воспитания и образования (через Наркомпрос).

Иными словами уже не «сливки общества», а тысячи и тысячи «бессеребренников среднего звена получали льготы «по высшему разряду».

Великий Вождь детально обосновал и систему власти партноменклатуры. Главное в революции, поучал он, это вопрос о власти. Именно так — не о свободе или демократии, а — о власти! А что такое диктатура пролетариата на практике? После революции власть перейдет в руки пролетариата, поучал Ленин, и добавлял: «в лице его авангарда. А кто этот авангард? Авангард, сообщил Вождь, это партия, ядро которой составляет организация профессиональных революционеров. А что это за организация? При ответе на этот вопрос Ленина охватывало лирическое настроение:

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами.

Еще одно поразительное признание Великого Вождя, сделанное 26 марта 1922 года:

Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной партией.

Диктатура пролетариата — тончайший слой «старой гвардии». А вот как это виделось со стороны: Шульгин, Трилицы:

Вернулось неравенство... Мертвящий коммунизм ушел в теоретическую область, в глупые слова, в idiotские речи... А жизнь восторжествовала. И как в

природе нет двух травинок одинаковых, так и здесь бесконечная цепь от бедных до богатых...

Коммунизм был эпизодом. Коммунизм («грабь награбленного и все прочее такое) был тот рычаг, которым новые власти сбросили старых. Затем коммунизм сдали в музей (музей революции), а жизнь входит в старое русло при новых властях.

Вот и все.

Вождь революции Ленин изобрел организацию профессиональных революционеров — жестокую, беспощадную, бескомпромиссную, но не лишенную экзальтации и иллюзий, его верный ученик преобразовал ее в номенклатуру, не отягощенную самообманом и рефлексией. Изобретение Ленина было рычагом, перевернувшим Россию, изобретение Сталина стало молотом и наковальней, перековавшим ее.

Уже при жизни Ленина возникла насущная проблема воспроизводства правящего класса. Основные принципы формирования «тесной кучки» сформулировал Великий Вождь, остальное доделали «верные ленинцы». В докладе на XII съезде партии в 1923 году Сталин заявил:

...необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие их проводить в жизнь.

Иными словами, нужны ретивые и беспрекословные исполнители, при подборе которых «необходимо каждого работника изучить по косточкам — точно как в шайке. Да, принципы отбора паханов, «крестных отцов» мало отличались от вербовки номенклатуры: «Типичным методом отбора партийных лидеров является кооптация и назначение сверху. Голосование устроено не как выражение свободного выбора, а как механизм для фиксирования санкции на решения, принятые на более высоком уровне. То же стремление к тотальному контролю сверху, та же жесткая иерархия, то же стягивание абсолютной власти в руках бонз.

Живописуя жуть «перевернутого мира» наших концентрационных лагерей, Л. Самойлов пришел к довольно очевидному выводу, что лагерное сообщество уголовников полностью отражает бюрократическую структуру тоталитарного общества и власти, с одной стороны, и первобытного общества, с другой. То есть тоталитарное государство — это государство первобытное, оно построено по тем же принципам, по которым первобытные люди строят свою иерархию стаи, а бандиты — свои шайки.

Вся многоступенчатая иерархия лагерной среды напоминает привычную бюрократическую табель рангов, а тяга уголовников к униформе родственна нашей затаенной и вошедшей в кровь и плоть любви к мундирам и погонам (даже для школьников). Во всем общем покорном подчинении кастовым разграничениям, с привилегиями для одних и запретами, рогатками для других, не сказалась ли длительная приученность к издержкам реального социализма — к социальной несправедливости, неравноправию? Во власти и главоров, в их поборках «беспредельно» проглядывает ли подражание недавней могущественным советским вельможам — главам целых бюрократических кланов, магнатам коррупции и произвола? Но в том, что лагерное общество уголовников отразило жизнь советского общества, нет ничего удивительного: заключенные приезжают не из каких-то загранич, лагерь построен нами, а самая идея лагеря рождена у нас, в нашей стране, преступления рождались в нашей действительности. Гораздо удивительнее, что я увидел в лагерной жизни целый ряд экзотических явлений, которые до того много лет изучал профессионально, — явлений, характеризующих первобытное общество!

Для первобытного общества характерны обряды инициаций — посвящения подростков в ранг взрослых, обряды, состоящие из жестоких испытаний; таковой же характер имели у дикарей и другие обряды перехода в иное состояние (ранг, статус, сословие, возраст и тому подобное).

У наших уголовников это «пропискан». Для первобытного общества характерны табу — бессмысленные запреты на определенные слова, вещи, действия. Аб-

солотное соответствие находим этому в общественной идеологии и лагерных нормах, определяющих что «за- подлоң. Будто из первобытного общества перенесена в лагерный быт татуировка — «наколкан. Там она точ- но так же делалась не ради украшения, а имела сим- волическое значение, определенный смысл: по ней можно было сказать, к какому племени принадлежит человек, какие подвиги он совершил и многое другое.

Сама идея вождизма мало отличается от феномена паханства — тот же страх, та же грубая сила, та же беспощадность по отношению к отступникам, те же методы льва и лисы.

Уже во времена «перестройки» главный идеолог КПСС Е. К. Лигачев «в ряду важнейших критериев подбора кадров» на первое место ставил «политические качества работников». Иными словами, принадлежность к пайке — превыше всего. Каждый должен чувствовать, что он занимает место не по праву, а по милости паханов, и если эта милость прекратится, его легко заменить более податливым «верным Русланом». Этот принцип кадровой политики породил у счастливых назначенцев не просто покорность воле начальства, но бурное стремление выслужиться, чтобы хоть таким путем стать незаменимым.

В 1923 году в Новом курсе Троцкий констатировал: «Партия живет на два этажа: в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях».

Моралью партократии, нового эксплуататорского класса, никогда не отличавшегося избытком совестливости и щепетильности, постепенно стал сатанизм: беспощадность, отсутствие колебаний и сомнений, цинизм и насилие. В жестокой борьбе тангулов за власть победителями выходили наиболее аморальные и жестокие, для которых «бить, бить, бить, на допросах пытать» — норма жизни. Последние слова, кстати, принадлежат не Ежову и не Ягоде, а «самому интеллигентному» в правительстве Сталина Молотову...

Партократия не довольствовалась властью. Хотя «твордя революцию» тоже не отличалась любовью к «железным кроватям» и не забывала прибирать к рукам то, что плохо

лежит, повышенный интерес к собственности и наследованию должностей и благ характерен не для «соратников», а для «верных ленинцев». Постепенно была создана феодальная система ленов, предоставляемых «верным Русланам» за «отличную службу». И при феодализме лены состояли не обязательно из земельных наделов, но, например, из права собирать дань. Не кто иной, как Маркс, писал о «вассалитете без ленов или ленах, состоящих из данин. Как в воду глядел: партократия всё больше становилась таким вассалитетом, империя была разделена на множество провинций со своими ханами, богдыханами и тщательно продуманной иерархией надсмотрщиков и фискалов.

У господствующего класса возникла новая классовая потребность: упрочение и распространение своей власти. Для удовлетворения этой потребности возникла острая необходимость в создании невиданной доселе армии и всепроникающего сыска.

Индустриализация, интенсификация, «великий почин», соцсоревнование, субботники и воскресники — все это требовалось партноменклатуре для милитаризации и оснащения ее полицейско-шпионского аппарата. А милитаризация и сыск были необходимы не для защиты от внешних врагов, а от собственного обездоленного и сверхэксплуатируемого народа.

Народ все больше становился человеческим материалом, которого хватит... Но страх был столь велик, а желание обезопасить себя от народа столь настоятельным, что мужского человеческого материала стало нехватать. Отсюда — невиданные масштабы женского и детского труда.

В СССР уже в 20-х годах были открыты школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Их учащиеся работали на производстве. Многочисленные беспризорные под предлогом воспитания их по методу А. Макаренко использовались как дешевая рабочая сила. С той же целью были созданы ремесленные училища — с военной дисциплиной и черными формами для учеников. В комплектование училищ был внесен элемент принуждения: туда фактически в принудительном порядке переводились неуспевающие и недисциплинированные дети из школ.

Показательно отношение партократии котработанному человеческому материалу: мизерные пенсии и ужасающее состояние здоровья обрекло «почетную старость» на жалкое существование... Номенклатура уже использовала рабочую силу пенсионеров, они были больше не нужны...

Ни одно общество, включая рабовладельческое и феодальное, не знало такой степени эксплуатации человека человеком, как коммунистическое: раб в Египте или Ассирии потреблял четверть или треть произведенной стоимости, рабочий при социализме — десятую часть продукта своего труда... Куда же шли 9/10-х? — На коллективное потребление эксплуататоров, поглощавших львиную долю производимой прибавочной стоимости.

Речь идет о расходах на работу партийных органов и их аппарата, на огромную машину органов государственной безопасности, на Вооруженные силы и военные отрасли промышленности, на органы и войска МВД, лагеря, тюрьмы, прокуратуру. Небольшая доля перепадает и на менее жизненно важные придатки этой системы: суды, милицию.

Рабочий при реальном социализме, констатирует Курнон, «производит жизненный минимум для себя и содержит государственную власть против себя. Продукт труда рабочего противостоит ему как чуждая, враждебная сила, так как, хотя он и производит этот продукт, последний ему не принадлежит».

Статистически все население СССР в 80-90-е годы жило ниже американской черты бедности. Пособие по безработице в ФРГ было на 60% больше средней зарплаты советского рабочего.

В стране был создан настоящий социальный апартеид: номенклатурное семейство в СССР могло пройти весь жизненный путь — от родильного дома до могилы: работать, жить, отдыхать, питаться, покупать, путешествовать, развлекаться, учиться и лечиться, не соприкасаясь с советским народом, на службе которого якобы находилась номенклатура.

В стране была создана как бы еще одна — Номенклатура, — от которой рядовые граждане отгорожены так же тщательно, как и от любой другой границы. И в этой стране все свое, специальное: специальные жилые дома, возводимые специальными строительными управлениями; специальные дачи и пансионаты; специальные санатории, больницы и поликлиники, спецпродукты, предоставляемые в спецмагазинах; спецстоловые, спецбуфеты и спецпарикмахерские; спецавтобазы, бензоколонки и номера на автомашинах; разветвленная система специнформации; специальная телефонная сеть; специальные детские учреждения, спецшколы и интернаты; специальные высшие учебные заведения и аспирантура; специальные клубы, где показывают особые кинофильмы; специальные залы ожидания на вокзалах и в аэропортах и даже специальное кладбище.

Открыл эту спецстрану Ленин, а в качестве даты откровения можно назвать 25 октября 1918 года. Именно в этот день Ленин вместе с Крупской и своей сестрой Марией явился в подготовленное для него загородное поместье Горки, отобранное у помещика Бейнбота и ставшее первой в истории номенклатуры государственной дачей. С Ленина повелось и то, что госдача у руководителя номенклатуры не одна. Он жил не только в Горках, но и в усадьбе Корзинкино.

Уже в 20-м году, во время гражданской войны, рождающаяся номенклатура так вошла во вкус привилегий, что в сентябре 1920-го пришлось образовать так называемую «кремлевскую контрольную комиссию, целью которой было изучить вопрос о «кремлевских привилегиях» и ввести их в рамки, якобы понятные любому партийцу. Однако, ликвидированы были не привилегии, а сама комиссия. Да и как могло быть иначе, если еще годом ранее, когда с четвертушкой хлеба на день оборванные красноармейцы шли на смерть ради «интересов пролетариата», между руководителями партии делились дачи. Произошло это, как невозможно сообщает Светлана Аллилуева, «когда после революции, в 1919 году, появилась у них возможность воспользоваться брошенными под Москвой в изобилии дачами и усадьбами». Заметим, комментирует М. Восленский, не чтобы создать приюты для детей рабочих и крестьян, погиб-

ших на войну за коммунизм, или санатории для инвалидов этой войны. Воспользовались для себя.

Вот как выглядела начиная с 1919 года, по описанию С. Ал-лилуевой, подмосковная дача А. И. Микояна: «...в доме — мраморные статуи, вывезенные в свое время из Италии; на стенах — старинные французские гобелены; в окнах нижних комнат — разноцветные витражи. Парк, сад, теннисная площадка, оранжерея, парники, конюшня...» На этой даче «даже зимой была свежая зелень из собственной оранжереи».

Дача Ленина в Горках была отнюдь не исключением, сделанным для тяжело больного вождя (да он в 1918 году и не был болен), а лишь одной из правительственных дач эпохи гражданской войны. Это было в то время, когда поселившиеся на дачах вожди гневно клеймили как «мелко-собственнические инстинкты» стремление простого человека держать парукур.

Но дачи, привилегии, льготы партноменклатуры — все это мелочишка. Как эксплуататорский класс тоталитарного общества, он стремился не только защититься от обездоленного народа, но и расширить свое влияние. Номенклатуре нужна была экспансия, а следовательно, и агрессия. Уже в 1920-м ленинское правительство пыталось захватить Польшу, и в обозе Красной Армии, пересекшей польскую границу, находилось «советское правительство Польши».

Но мы еще дойдем до
Ганга, Но мы еще умрем в
боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя!

Номенклатура по своей сущности класс не только эксплуататорский, но и экспансионистский, поэтому вся история 70 лет — это история непрерывной экспансии. Экспансионистские намерения коммунизма особенно и не прятались: вначале «мировая революция» — «мы мировой пожар раздуем», затем ползущая агрессия и космические приязания: «Мы должны покорить земной шар. Нашим объектом является весь земной шар. О том, как работать на Солнце, мы пока говорить не будем. Что касается Луны, Меркурия, Венеры — всех восьми планет, помимо Земли, — то... Что же касается работы и сражений, то, по-моему,

го наш земной шар, где мы создадим мощную державу. Непременно надо проникнуться такой решимостью. Вы думаете, это — 1917-й? Нет, это — 1959-й!

А вот мини-перечень наших «мирных устремлений»: 1920 г. — агрессия против Польши; 1939 г. — захват «западных областей» Украины и Белоруссии; 1939 г. — нападение на Финляндию; 1940 г. — аннексия Латвии, Литвы и Эстонии; 1944 г. — ввод войск в оставшуюся без союзников Белоруссию; 1945 г. — объявление войны Японии; 1956 г. — агрессия против Венгрии; 1968 г. — агрессия против Чехословакии; 1979 г. — ввод войск в Афганистан..

Номенклатура нападает на слабых и боится сильных. Она топчет покоряющихся и отступает перед непокорными. Этому научил ее Ленин, охотно повторявший русскую поговорку: «Дают — бери, бьют — беги». В таком принципе вся «мудрость» номенклатуры как класса-агрессора, желающего забрать весь мир, если отдадут, и готового убежать, если станут бить.

Номенклатура труслива, но она безжалостна и беспощадна, когда уверена в своих силах. Будь она уверена в слабости Запада, миру не избежать 3-й мировой... победы коммунизма во всем мире..

При Щелокове вседозволенность и всепрощенчество в отношении работников МВД достигли небывалых размеров. Сотрудники этих органов были полностью выведены из-под общественного контроля. На всех уровнях было принято только славить существующие порядки и руководителей.

В 70-е годы можно было наблюдать поразительную запущенность наиболее опасных должностных преступлений, хищений, взяточничества, приписок. Сажали в основном стрелочников. Вне уголовной досягаемости оставались организаторы этих преступлений. Понятие «двойной законности» превращалось в Принцип. Многозвездный и его окружение, не стесня-

ясь, одаривали друг дружку дорогостоящими ювелирными украшениями, коллекционировали лимузины и меха. Постепенно сложилась каста «неприкасаемых» — руководящих работников, для которых суровые требования закона стали попросту забавной фикцией. Даже робкие попытки вывести этих вельмож или их детей на чистую воду пресекалась на корню раздраженной «командой сверху», а лица, проявлявшие принципиальность, предавались нешуточным гонениям и шельмованию.

В лице некоторых руководителей органов МВД в центре и на местах существовали так называемые «группы прикрытия», которые профессионально грамотно охраняли мздоимцев всех мастей. Ряд работников прокуратуры дорого заплатил за попытки призвать их к ответственности. За свою принципиальность и честное исполнение служебного долга заместителя Генерального прокурора страны по следствию В. В. Наиденова сняли со своего поста и подвергли унижительным гонениям. Невеселая история эта облетела самые отдаленные уголки... И у многих честных работников правоохранительных органов опустились руки. А приспособленцы сделали для себя соответствующие выводы относительно «дышла закона».

Особенно неблагоприятное положение сложилось в МВД страны. Щелоков и «зятке» Чурбанов пользовались «высочайшим покровительством». Следственная работа в «верхних сферах» была подобна труду минера: ошибка недопустима, первая же — обернется гибелью. На нашу группу не раз готовились самые настоящие покушения, похлеще, чем в итальянском кино.

Цена правления класса номенклатуры в СССР велика и тягостна. Первая и наиболее мрачная часть этой цены — десятки миллионов человеческих жизней, загубленных номенклатурой. Затем — нищета населения в результате сверхэксплуатации классом номенклатуры, неумения и неспособности номенклатуры развивать экономику и вести хозяйство в соответствии с запросами народа, а не в своих эгоистических классовых интересах. Далее — безудержный рост потребления класса номенклатуры, огромные материальные и людские богатства, расточаемые на гигантские

военную, карательную и идеологические машины, на политику экспансии за пределами страны. На четвертой части суши — ликвидация свободы, удушение самостоятельной мысли, лишение членов общества нормальных интеллектуальных контактов между собой и с другими обществами.

Номенклатура не только класс-паразит, но и класс-тонитель, класс-разрушитель, класс-палач, класс-преступник. Отыскивая ему место в истории, Милован Джилас, а затем Михаил Восленский пришли к выводу, что реальный социализм — это промышленный феодализм или феодальный социализм и что реальный социализм не следует за эпохой капитализма, а предшествует ей. Нет, как и фашизм, реальный социализм — это бандократия, совершенно новый вид государственного устройства, когда к власти приходит банда фанатиков и убийц, которая правит страной по принципам «паханства». Со временем бандократия сверху сливается с бандами снизу, образуя государство-монстр, построенное по законам зоны в представляющее собой концлагерь огромных размеров.

Социализм — не государственно-монополистический феодализм, не разновидность азиатской деспотии, а возврат в варварство, о котором Рауль Глабер писал, что стало привычным есть человеческое мясо и что в общей грязи и нищете были забыты элементарные правила гигиены. Социализм — это варварство, господство насилия, лагерный беспредел.

ЧУДОВИЩЕ

Дайджест

...Имя ему — ВПК. Военно-промышленный комплекс. Мы не знаем его лица, мы не знаем его прописки. У него даже география своя. Челябинск-40, Москва-400, Томск-7... Мы, наивные, раньше думали: мир нас боится потому, что строим социализм. А оказалось, больше за то, что построили самое милитаризованное общество. Военная сфера — единственная, где Советский Союз считался мировой державой. Это единственное, что советская система сумела создать. Все осталь-

ное — нищета, все остальное — вселенский позор, который наконец-то мы признали сами.

Истинные хозяева нашей жизни — почти сплошь выходцы из ВПК или КГБ. Все премьеры, все зампреды, даже министры финансов... Если убрать детали, новые имена, то вся эта пирамида живет теми же принципами и связями, что и при Сталине, из коих наипервейшие: «нужно уничтожить империализм и «необходимо сплотиться вокруг коллективного пахана».

Когда создавалась советская атомная бомба, систему закрытых институтов и конструкторских бюро, объединенных этой проблемой, один из ученых назвал «белым архипелагом». В отличие от черного архипелага ГУЛАГ. Но по масштабам, режиму они были недалеки и работали рядышком, в отдельных местах сливаясь в шарашки.

Объем наших расходов «на оборону» исчислялся сотнями миллиардов рублей. По разным оценкам он составлял от 20 (прямые расходы) до 80% (все расходы) от национального дохода. Мы производили танков, бронетранспортеров, артиллерийских орудий, атомных подводок, бомбардировщиков — в 2-9 раз больше, чем США. Экспорт советского оружия составлял 28% общего мирового, причем оружие это шло в самые «горячие» точки планеты. Мы готовили военные кадры для всех антинародных режимов и держали за рубежом 20 тысяч военных советников и специалистов.

Советский ВПК своей агрессивностью принес несчастье не только нам. Во многих случаях его экспансия деформировала политическое развитие молодых стран, милитаризировала общественную жизнь, вносила авантюризм в их внешнюю политику. Советский Союз несет ответственность за конфликт между Эфиопией и Сомали, за ирано-иракскую войну, за бесчинства ряда диктаторов и некрофилов. Экспорт оружия (и революции) был не регламентирован и покрыт завесой секретности.

Советские ракетные установки и технологии, поставленные в некоторые ближневосточные и другие страны, могут

быть использованы для ведения химической и бактериологической войны.

Мы постоянно жили не в период военной экономики, а в экономике военного времени. В стране действовал не принцип «сколько можно, а принцип «сколько надо». Это только казалось, что для нашей страны после второй мировой наступил мир. Нет, мы по-прежнему воевали на разных фронтах. Всё для фронта, всё во имя фронта! А что останется, то человеку — поддержать бранный дух.

Железной рукой загоним человечество к счастью, глаголющие лозунги, развешенные в столице после революции. Нет, милитаризация — это не просто вооружение. Наши вожди не видели пути вперед «без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит, он будет дезертиром, которого карают».

Трудно представить себе более откровенную аракчеевщину под красным флагом. Но за годы войны у многих сложился предрассудок, основанный на реальном горьком опыте: либо милитаризация нашего завода, совхоза, учреждения, либо дела не будет. Среди вопросов, которые незадолго до перехода к нэпу рассматривало правительство, был даже проект милитаризации московской киношколы. Тогдашние руководители искусства, как видим, всерьез обсуждали военные методы обучения в художественном вузе.

Вот наши собственные статистические данные, свидетельствующие о милитаризации экономики — без поправок на коэффициент правдоподобия, в котором они нуждаются:

Уже в годы второй пятилетки оборонная промышленность возросла на 286% при росте всей промышленности на 120%. В годы третьей пятилетки рост оборонной промышленности продолжался еще более высокими темпами. В 1938г. валовая продукция оборонной промышленности увеличилась на 36,4% при общем росте промышленного производства на 11,8%. В 1939г. продукция промышленности возросла на 14,7%

по сравнению с 1938г., в то же время оборонная промышленность увеличила выпуск продукции на 46,5%.

— Откуда такая человеконенавистническая философия, и почему мы равнодушно приемлем свою судьбу?

— Нас с детства воспитывают: самое главное — безопасность государства. Помните: «Социалистическое отечество в опасности».

Опора ВПК — директорский корпус, высший генералитет, КГБ. ВПК всегда был одним из главных поставщиков номенклатуры. Выходцы из ВПК занимали большую часть ключевых постов в государстве и определяли агрессивный менталитет руководства. Эти силы прекрасно чувствовали себя в условиях экономики военного времени. Им и в голову не приходило, что, стоя на защите государства, они его грабят и обескровливают. Им разрешалось все. Им все прощалось. Когда они говорили: главное — была бы держава, — они имели в виду именно державу собственного обитания.

ВПК — раковая опухоль, пожирившая огромную страну, но ощущавшая здоровыми не ее нормальные клетки, а именно опухоль — себя...

Если ВПК — это саркома, то КГБ — это СПИД. Задолго до открытия вируса ВИЧ социалистическое государство уже было поражено им. Даже способ заражения оказался одинаков: изнасилование государства главным агентом партии — ЧК. Созданное для удержания деспотической власти Министерство любви (номенклатурная пропаганда до сих пор не нахвалился любвеобилием своих «органов») упорно и терпеливо разрушало иммунную систему государственного организма. Как? Вначале довольно примитивными способами. Профессор П. Милоков следующим образом описывал, как действовали руководимые «бесстрашным рыцарем революции» «органы»:

У каждого провинциального отдела «ЧК» были свои излюбленные способы пытки. В Харькове скальпировали череп и снимали с кистей рук «перчатки». В Воронеже сажали пытаемых голыми в бочки, утыканные гвоздями, и катали, выжигали на лбу пятиконечную звезду, а священникам надевали венок из

колючей проволоки. В Царицыне и Камышине пили-ли кости пилой. В Полтаве и Кременчуге сажали на кол.. В Екатеринославе распинали и побивали камнями. В Одессе офицеров жарили в печи и разрывали пополам. В Киеве клали в гроб с разлагающимся трупом, хоронили заживо, потом через полчаса откапывали

Илья Эренбург писал в 1923-м о доме на Лубянке: Взятидом..

Обыкновенный.. Взяти и сделали такую жуть, что пешеход, вздрагивая в летний зной, старательно — сторонкой. Ночью растолкать кого-нибудь — брякнуть: «Лубянка! — взглянет на босые ноги, со всеми простится, молодой, здоровый бык — заплачет, как мальчик..

Ибо уже тогда, при Ленине и Дзержинском, была Лубянка местом, «где кровь окисшая со сгустками, где можно души с вывертом шипать, где всякий рыженький сопляк в каскетке — Ассаргадон..»

На протяжении многих лет создавался миф о всеилии, всезнании и всевидении «органов». Американский агент 007 представлялся жалким подобием наших рыцарей плаща и кинжала. При этом забывали, что КГБ — советское учреждение и ничто советское.. Тот же менталитет комноменклатуры, те же идеологические шоры, тот же корпоративный дух, та же консервативность: весь смысл своей службы гебисты видели в том, чтобы препятствовать даже малейшим сдвигам в обществе в сторону либерализма и демократии, опасных для «родного ведомства».

Свидетельствует бывший руководитель КГБ В. Бакатин:

До прихода в КГБ я был уверен в огромных интеллектуально-аналитических возможностях этой организации. Скажу прямо, меня ждало разочарование.. Почти необработанные информационные потоки сходились на столе Председателя КГБ, который отбирал, какая информация достойна внимания высшего государственного руководства. О слабости аналитической работы говорить можно много. Но достаточно одного

аргумента — именно аналитики КГБ разработали идеологию и сценарий столь бесславно провалившегося государственного переворота в августе 1991 года.

А вот свидетельство другого «человека оттудан, симпатичное тем, что наибольшее количество разоблачений чекизма сделано самими чекистами (это-то при корпоративности сознания):

Нынешний КГБ представляет собой идеал тоталитарного государства в государстве и обладает структурами, необходимыми для автономного существования. У него есть свои заводы, научно-исследовательские институты, совхозы, дома отдыха, армия, флот, специальные средства и методы контроля за населением и воздействия на его поведение, различные виды вооружения, строительные войска и техника, транспорт, средства связи, различные, в том числе секретные, каналы материально-технического обеспечения, скрытый под вывесками различных министерств, ведомств и организаций бюджет.

Агентурно-оперативной работой среди населения занимаются десятки тысяч офицеров. Определенная их часть использует для этого прикрытие различных государственных и общественных структур. Это так называемые офицеры действующего резерва. Существует также большое число внештатных сотрудников КГБ — официальных представителей ведомства в различных организациях, включая гостиницы и мотели. Огромный аппарат негласных помощников состоит из агентов, доверенных лиц, держателей явочных и конспиративных квартир. Негласные помощники КГБ живут почти в каждом доме. Туда, где их еще нет, непременно вхожа агентура из числа различного рода обслуживающих контор и организаций.

В ряде случаев в интересах КГБ используется не менее многочисленная агентура МВД. Прямые задания КГБ выполняют и многочисленные агенты, работающие в органах МВД. Прокурорский надзор за оперативной деятельностью КГБ отсутствует.

Идеологический прессинг нигде не был так силен, как в госбезопасности. Нигде не удавалось выгнать мозги

до такой степени, как они были выужены здесь. Главным корпоративным постулатом КГБ стало: КГБ — вооруженный отряд КПСС, элита общества.

Преимущественным правом поступления на работу в КГБ и на служебный рост пользуются родственники партийных и государственных чиновников, включая и чекистскую «элиту». Считается, что воспитание в «элитарной» семье является достаточной политической, моральной и дисциплинарной подготовкой к повторениям чекистской деятельности.

Если бы было достаточно «детей аппарата», желающих служить в КГБ, то «безродных» туда принимали бы еще меньше, чем вынужденно принимали всегда («дети аппарата» составляют 70 — 80% оперативного состава, а в подразделениях Центрального аппарата их еще больше).

«Дети аппарата» далеко не всегда наказываются даже за серьезные дисциплинарные нарушения и промахи в работе. «Принципиальность» руководства проявляется лишь после ухода на пенсию их высокопоставленных покровителей. Основная масса оперсостава состоит из замшелых чиновников, которые проведению оперативных мероприятий предпочитают просиживание штанов, часовые перекуры, сплетни, интриги, стукачество, бумаготворчество.

Сотрудники «органов» — это типичные чиновники, держащиеся за свои места и старающиеся выслужиться. Интеллектуалам здесь не прижиться — слишком велико «классовое» чутье выучеников «железного Феликса». Это же «чутье» ответственно за цинизм и «философию жизни» офицеров госбезопасности: никаких убеждений, кроме стремления получше устроиться в жизни, у людей нет и быть не может; для осуществления таких стремлений каждый готов на все. Поэтому инакомыслящие либо «агенты», либо «психи». Отсюда — лагерь или психбольница. Чем хуже шло дело с ловлей агентов, тем лучше был поставлен внутренний сыск. В чем КГБ неизменно имел успех, так это в борьбе с инакомыслием, свидетельствовал В. Бакатин.

Впрочем, тотальная слежка — тоже большое преувеличение. Как и все советские органы, этот работал спустя рукава. Да, «слушали» телефоны Б. Ельцина, парикмахерши Раисы Горбачевой или «Самогон, но все мероприятия по прослушиванию обеспечивал исключительно женский отдел, где за сравнительно небольшую плату девушки... Чего им, бедным, только не приходилось слушать... Бывало, и психика не выдерживала.

Да и репрессивные действия «меча партии» со времен застоя шли на спад: не от потери энтузиазма — от неуверенности и страха. Не знаю, сколько «агентов» в эти годы выловили гебисты (есть сведения — ни одного), а вот ряды их редели и редели: число перебежчиков из «органов» многократно превысило количество выслеживаемых ими. Среди «невозвращенцев» гебисты твердо держат первое место среди всех профессий. Тот же Председатель КГБ вспоминает: «Помнится, пришел ко мне на прием человек, работавший по так называемой «английской линии», и говорит: «Уйду на пенсию, и нечего вспомнить, жизнь прожита зря. Мало того, что мы никого не поймали, я все время впустую ходил и хожу, даже не знаю за кем».

Как свидетельствуют бывшие сотрудники ГБ, «органы» полностью сращены с партией — кадрами, целями, методами работы, психологией, связями; КГПБ — не ирония Войновича, а реальная жизнь:

И партийный аппарат, начиная с самой верхушки и вплоть до среднего звена... пронизывает всю структуру КГБ. Налицо взаимопроникновение, сращивание партийного аппарата с КГБ... все — от Ежова до Крючкова — выходцы из аппарата, были и останутся частью системы... первым пособником, правой рукой высшего руководства ЦК является КГБ.

Свидетельствует В. Бакатин:

Когда стал все более и более обостряться кризис идеологии, роль КГБ как «охранителя идеологии» резко возросла. После того как между Горбачевыми частью высшей партийной элиты все больше разрасталась пропасть непонимания, КГБ выдвинулся на

первый план как хранитель идейных основ комидео-логии, располагающей к тому же немалой силой и опытом тайных «активных мероприятий».

Сейчас уже очевидно, что КГБ для достижения своих целей не останавливался перед проведением мероприятий явно провокационного характера.

Речь идет о борьбе с частным предпринимательством, о дискредитации отдельных лиц и российского правительства, о создании «интерфронтон», расколе общества на непримиримые лагери, военных акциях в Вильнюсе, Риге, августовском плуче.

Сознают ли они, вопрошает М. Восленский, что делают грязную работу? Да, но каких-либо душевных конфликтов в связи с этим у них незаметно. Защиту власти и привилегий своих и своего класса они считают делом жизненно необходимым, методы же внутреннеоправдываются уверенностью в том, что все люди — свиньи. Остатки сомнений затаптываются культивируемым в средеработников госбезопасности кастовым духом, чувством своего превосходства и значительности, официально поддерживаемым мифологической чекистского героизма, беспощадности к врагу, преданности и прочих эсэсовских доблестей. Именно эсэсовских: вся эта идеология полностью уместилась в известную гиммеровскую формулу: «Наша честь называется верностью».

Но честь и верность — тоже мифы: в прогнившей до основания стране цинизм и хапачество, коррумпированность всех и вся, жажда стяжательства поразили и тех, кто на протяжении 70 лет искоренял «гидру капитализма». Обладая информацией и властью, чекисты одной рукой искореняли частную собственность, а другой загребали все, что плохо лежит: создавали АНТы и боролись с ними, ловили мафию и вступали в нее, искали деньги КПСС и использовали эти средства для личного обогащения.

Никакие реформы до пресловутой августовской революции 1991г. включительно, не затронули трех главных опор коммунизма — ВПК, корпусов идеологии и госбезопасности. Уникальность «августовской революции» состоит в том,

что как бы повергнув партию, она сохранила и ее репрессивный аппарат, и ее силовые структуры, и, главное, ее кадры.

Но ведь и «революцию» совершили те же силы, второй их эшелон..

«СТУЧАЛАЯ И ЭТИМ ГОРЖУСЬ

В течение 26 лет я негласно сотрудничала с органами госбезопасности. Естественно, своего псевдонима я сообщить не могу с учетом нынешней обстановки. Душа и сердце болят, когда читаешь в прессе, как нас шельмуют. К архивам КГБ допустили всяких проходимцев, нечестных, неподходящих людей типа отца Глеба Якунина и прочих [пешет порядочная]. Сейчас я читаю публикации, слежу, не мелькнет ли мой псевдоним. Пока нет.

Но скажу сразу, совесть моя чиста, Я никого не оклеветала, никогда не врала. По характеру своей работы мне неоднократно приходилось ездить за границу в составе групп, делегаций. Считаю, что глаз органов КГБ там нужен. Поведение многих наших граждан заслуживает, чтобы наблюдение за ними было. И я довольна, что в результате моей информации (как мне говорили мои шефы) не сколько человек были просто спасены от падения в пропасть.

Я сотрудничала добровольно в силу своих политических и патриотических убеждений. Какую-либо плату я не получала, но подарки, сувениры, иногда деньги или простое «спасибо» к 8 Марта, Новому году, дню рождения — ~~всегда~~

Подвига, думаю, не совершила, но были и такие, которые жертвовали жизнью, и здоровьем..

Но существуют и другие свидетельства людей «оттуда»:

Моральный аспект агентурно-оперативной деятельности чекистов вытекает из ее антиконституционности, политикосыскной сущности, из узаконенного разложения общества доносом, изповседневного

попрания общечеловеческих ценностей их христианских заповедей.

Именно сегодня кадровая политика наибольшего благоприятствования продвижению в КГБ «детей аппарата» может дать свои «лучшие плоды». Немаловажное значение имеет и то, что в «органы» идут в основном люди, склонные к авантюризму и демонстрации силы, если не сказать, к насилию. Это пассионарии — люди, которые не могут жить без ореола славы в той или иной форме его выражения, не могут не ставить себя выше всех.

Отсутствие какого-либо контроля за агентурно-оперативной деятельностью создает условия для проявления личной власти над людьми в официальном общении с ними, на явочных квартирах, в следственных изоляторах и в темных подворотнях. Бесконтрольность порождает склонность к ужесточению способов проявления превосходства, воспитывает карательное мышление.

Нынешние органы госбезопасности — это не спасательная соломинка для тонущей партократии. — Это ее броненосец. Но вряд ли его устойчивость выше, чем у тех, что с началом Цусимского сражения от одной пробоины уходили на дно, превращаясь в стальные гробы — и для дворян-офицеров и для бесправных матросов.

Чьи интересы защищают офицеры и агенты КГБ?
Нравственно ли делать из них национальных героев?

Никому из нас, чекистов бывших и действующих, нечем гордиться. Вовек не оплатить людям долги нашей совести.

САМЫЙ ОРГАНИЗОВАННЫЙ ХАОС,
ИЛИ СТАРЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ
КОММУНИЗМА

Никакого самотека!
Начинается суматоха.
В этом хаосе есть закон.
Есть порядок в этом борделе.
В самом деле, на самом
деле он действительно нам
знаком. Паникуется, как
положено, разворачивают,
как велят, обижают, но по-
хорошему, потому что
потом — простят. И не
озаренность наивная,
не догадки о том о сем,
а договоренность взаимная
всех совсеми,
всех обовсем.

Б. А. Слуцкий

Две опасности угрожают миру — порядок и хаос. Точнее одна — попытка сделать из многообразного хаоса мертвенный мир порядка. Но это кажущееся упорядочение. Бюрократия лишь паразитирует на рациональности, внутренне она иррациональна.

Так что же это за такой странный зверь — les bureaux?

Бюрократия неизбежна — и не потому, что фатальна. М. Вебер считал ее непреодолимым социальным результатом политического развития. Она связана с научно-техническим прогрессом — не только опосредственно, через обезчеловечивание управления, но и прямо — через подавление индивидуальности техническим и научным конформизмом. Развитие науки и техники не просто прогрессирует параллельно бюрократизации общества, но обуславливает последнюю:

индивидуальное решение сдает свои позиции воору- женной современной наукой государственной бюрократии.

Развитие техники, народонаселенность, огосударствление резко расширяют круг задач, решаемых чиновниками. С ростом объема государственных функций правительство создает все более многочисленную, квалифицированную и дисциплинированную бюрократию, вмещающуюся во все более широкие сферы частной и общественной жизни. В результате человек все более и более чувствует себя, как в долиберальные времена, скорее подданным, чем гражданином государства. Все идет к тому, что даже при демократических реформах народу ничего не остается, кроме как «признать за этим «Левиафаном» право принимать любые целесообразные, ничем не ограниченные меры регулирования». Так что протест против растущей бюрократизации начинает восприниматься как призыв к анархии.

Общество без бюрократии сегодня немислимо, ибо восхождение от дикости к порядку и от инстинкта к идее требует установления между людьми неких связей и преград, а, следовательно, создания соответствующих инструментов. Системы для дрессировки человеческих животных, то есть обуздания их стихийных порывов и внедрения в их сознание общественных норм. Порядок требует, чтобы тот, кто достоин виселицы, был мысленно к ней готов. Если он не слишком доверяет этой угрозе, это угрожает самому порядку. Такова причина неизбежности бюрократии, этого стержня общества и системы.

Бюрократия тяготеет к этике, являясь ее грубым инструментом и внешней формой. Традиция, обряд, культ, закон, моральные и иные предписания своей внешней стороной опираются на установленный порядок. Вся изобильность жизненных проявлений цивилизованного народа теряется во мраке множества тесно переплетенных установлений и связей, большей частью неясных, трудно объяснимых, иногда рациональных, чаще абсурдных.

Отрицать систему все равно, что утверждать анархию. Общество без организации, без оркестровки, без дирижера невозможно: нет иных инструментов устройства производства и распределения, иных способов организации политической, социальной и — увы! — духовной жизни. Тем более в современном гигантски разросшемся мире — спурте, в

котором путь к свободе, как это ни парадоксально, проле- гает через обуздание.

Возможно, будущие цивилизации и найдут более при- емлемые способы самоуправления, апока..

Великие тенденции все чаще раскрываются нам как демоны, как сущность, обладающая могуществен- ной жизненной силой и собственной закономерностью, соединяющая в себе и свет и тени, означающая и благословение и проклятие. Тяжелая трагедия совре- менной жизни состоит в том, что мы признаем эти силы и должны иметь с ними дело, должны мириться с их разрушительными действиями ради использо- вания их творческих сил.

Бюрократия как лучшее из зол — это не приукрашива- ние, это факт!

Порядок тяготит человека. Беспорядок заставляет его жаждать полиции или смерти. Таковы два край- них, мучительных для людской природы состояния. Человек ищет эпоху приятную во всех отношениях, где он мог бы пользоваться наибольшей свободой и наибольшей поддержкой. Он находит ее в начале кон- ца той или иной социальной системы.

Там-то, на полпути от порядка к беспорядку, царит вос- хитительный мир.

Так о чем же речь? Где кончается порядок и начинает- ся хаос?

Ответ дал Лев Николаевич Толстой в далеком 1891-м. В Р у сском б о г а т с т в е он писал: «При социализме придется учредить такое количество чиновников, что они съедят 3/4 всего того, что будет заработано людьми. Но, видимо, и проницательности Великого Пилигрима не хва- тило на то, чтобы предугадать 18 миллионов официально признанных бюрократов..

Большеви́стская бюрократия не только многократно превышала свергнутую, царскую, но отличалась еще большей иерархичностью и вопиющей некомпетентностью.

На руководящие посты чаще всего назначались не специалисты, а «сознательные большевики», прошедшие кровавую школу гражданской войны и умеющие обеспечивать повиновение. Некомпетентность новых чиновников вынуждает брать на место одного работника нескольких. Масштабы хозяйства по сравнению с предвоенными годами резко сузились, а бюрократический аппарат разрастался с катастрофической быстротой. По сравнению с 1917 годом, число чиновников (после революции) увеличилось с 1 миллиона до 2,5 миллионов. В условиях «военного коммунизма» и распределительной экономики рождалась новая каста людей, которые начинали мнить себя солью земли.

История не знала столь железной иерархии, как установленная большевиками. «Ее установили крупные партийные мыслители, продолжатели дела Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Они самоизолировались от народа умышленно: такова была теория их власти — народ надо держать на отдалении».

Когда Вебер говорил, что бюрократии принадлежит будущее, он имел в виду разделение властей, множественность элит, многопартийность, демократизацию функций управления. Создавая теории технократических и менеджерских обществ, Веблен и Бернхем, обращали внимание на преемственность: новые системы управления не исключали апробированные, но развивали и дополняли их.

Когда порядок наконец упрочен — иными словами, реальность достаточно заgrimирована и зверь в нас достаточно укрощен, — возможной становится свобода духа.

Когда же государство жестко централизовано, оно стремится обеспечить полный контроль и стянуть всю власть в верхние ее эшелоны. Тогда возникает новый феномен: одни забирают все права, другим достаются все обязанности.

Спускаясь по вертикали сверху вниз — «спихотехника!» — ответственность достигает самых низов, распространяя вверх ответную волну недоверия.

Так возникает тоталитарная бюрократия, умножающая самое себя. Никто никому не доверяет, никто ни за что не желает отвечать, никто ничего не делает. Отсюда — бу- мажные моря: бесконечные предписания и инструкции, абсурдные ведомости и отчеты — и все это уже не ради порядка, а в целях самозащиты.

Меняется и человек, работающий в такой струк- туре. Он имеет шансы сохранить свой статус и про- двигаться по ступенькам пирамиды лишь в том слу- чае, если постоянно будет соответствовать образу иде- ального «человека организации». Он должен менять ценности жизни, привычки, характер. Не все способ- ны на это, и бюрократия безжалостно освобождается от «инакомыслящих». Компетентность специалистов в условиях бюрократизма теряет значение. Достаточно, чтобы чиновники приняли, как говорят этологи (спе- циалисты по поведению животных) «позу подчинения».

Бюрократия тоталитаризма стремится к сверхорганиза- ции, а отсюда — прямой путь в П р е к р а с н ы й н о в ы й м и р. Она превращает мужчин и женщин в автоматы, уду- шая их творческие силы и ликвидируя саму возможность свободы.

Экспансия самоподхлестывающего упорядочения, авто- каталитический процесс рационализации и самодоказатель- ства постепенно вытесняет все творческое, вдохновенное, колеблющееся, интуитивное, страстное. Тончайшая ткань духовного, смутного, недоказуемого, личного трещит под напором грубой материи, строгость и точность поедают свободу, рассудочность — интуицию, однообразие — плю- рализм.

Давно подмечено: чем больше порядков, тем меньше порядка. Ничто так не дезорганизует жесткую систему управления, как она сама. Чем сильнее обуздывают жизнь регламентом, сыском, насилием, топором, тем выше взды- маются ее валы. Тоталитарное стремление к бюрократиче-

скому ханжескому порядку и есть высший беспорядок и вакханалия.

Самая нелепая из иллюзий — будто человеческие качества можно обуздать внешней силой. Человека можно какое-то время держать в повиновении, но едва уловимая энтелехия, это непрерывное движение души, всегда оказывается мощнее государства. *Motus onimi continuus* остановить нельзя.

Порожденная недоверием к человеку бюрократия тоталитаризма есть добровольный отказ от созидательной силы разнообразия во имя деспотии Правила. Порядок необходим в борьбе со стихией. Но, став самоцелью, он сам превращается в жестокий и бессмысленный хаос и всеобщую безнравственность.

Так что же — да здравствует анархия?

Нет! Анархия и сверхрегламентация — одно! Отрицание хаоса самосовершенствующимся порядком — это путь к еще большему хаосу.

Пошлым в мечтаниях социалистов-утопистов считается бюрократизм, вера в силу стола, постановления, распоряжения, инструкции, в то, что декретами из «Центрального банка, где заседают непогрешимые, можно устроить рай на земле, как полагал Сен-Симон. Это он предложил своим современникам и оставил потомкам проект общества, устроенного как один большой завод; это он первый мысленно собрал на этот завод все население страны для «объединенного воздействия на природу» по «общему плану», целью которого являлось, конечно же, предоставление каждому человеку «возможно больше удобств и благосостояния». Он не сомневался, что всеми бригадами, участками и цехами этого завода будут управлять лучшие, а в дирекцию («Центральный банк») войдут самые лучшие люди; что же касается директора, то это будет совершенство, гений и святой в одном лице. Руководить они будут по науке, значит, во благо всех и каждого, а раз во благо, значит, правильно, а раз

правильно, значит, незачем будет их проверять, кри- тиковать, давать им наказания и советы, отзываться либо перемещать по воле низов; впрочем, у них будет не так уж много власти, ведь их распоряжения будут носить технический характер (как плавить сталь, се- ять просо), так что управлять будут фактически не они, а «приобретенное к данному моменту знание»; всё будет держаться на исключительной, высшей созна- тельности населения — однако воспитывать, вбивать в людей эту сознательность надо будет неустанно, придется даже выдумать новую религию и создать новую церковь, ведь «чем больше общество прогрес- сирует, тем больше оно нуждается в совершенствова- нии культуры; этому культу — культу не чего-нибудь, а труда — поэты должны будут доставлять воспита- тельный материал высшей пробы, главнейшим из ис- кусств будет красноречие; само собой разумеется, что новая церковь будет объявлена непогрешимой, ее па- стыри будут направлять поведение и «толкать мысли людей» так, с таким расчетом, чтобы они охотно, мно- го и хорошо трудились, ведь других — обычных, при- вычных — стимулов к труду не будет; материальная заинтересованность — это от нечистого, где она, там никакого равенства имуществ, там вместо благород- ной взаимовыручки — холодный обмен на основе чи- стогана, там предпринимательство, торговля, одним словом, излюбленным у наших шестидесятников, — лихоимство.

Среди множества утопий существует бюрократическая: создание свободного, творческого, компетентного чиновни- чества, совершенствование бюрократического аппарата на- укой, непрерывная рационализация бюрократии. Но что Наука перед ликом Структуры? Что Программа перед Вла- стью? Что Страстность перед Бездушием?

Однажды учрежденную бюрократическую систе- му труднее всего разрушить. Она становится инстру- ментом власти для того, кто контролирует бююкра- тический аппарат.

Итак, аппарат...

АППАРАТ

Аппарат был налицо, а так как он был налицо, он работал, а так как он работал, он был в движении, а когда автомобиль движется по ши- рокому полю, то, даже если никто не сидит за рулем, он пройдет оп- ределенный и притом причудливый путь.

Р. Музиль

Да и то видно, как появляется че- ловек, так и бумага около него за- водится, и не малая грудка. А что, если лишнего человека не заводить! Может, и бумаге завестись будет неоткуда?

А.П. Платонов

Один отдел отдает одно распоряже- ние, а другой — другое, никто не знает, что происходит рядом; выше- стоящая контрольная инстанция действует безошибочно, но в силу своей природы с некоторым опозда- нием, поэтому всегда может возник- нуть небольшая путаница.

Ф. Кафка

Канцелярия стала их милым ландшафтом. Серый покой тихой комнаты, наполненной умственными тружениками, был для них уютней девственной природы. За огорожами стен они чувствовали себя в безопасности от диких стихий неупорядоченного мира и, множа писчие документы, со- знавали, что множат порядок и гармонию в нелепом, не- удостоверенном мире...

Там, где кончаются Цезари, там начинаются бюрокра- ты, и то, что не удастся первым, то — долготерпением, настырливостью, задницей — осуществляют вторые.

Трагедия Цезаря заключалась в том, что эта яр- кая, импульсивная, «волонтаристская» личность была

абсолютно противопоказана надвигающейся бюрократической, бездушной и все нивелирующей системе. Здесь требовался уже не блеск, но умеренность, не талант, но здравый смысл, не озарение, а расчет. Октавиан Август, который был лишь бледной тенью на фоне Цезаря, который был всегда холоден и осторожен, который был воплощением здравомыслия и торжественностью рассудочности, который не совершил ни одной ошибки, ни одного тактического промаха, который даже со своей женой Ливией говорил по заранее подготовленному конспекту и который играл всю жизнь намеченную роль и был непревзойденным лицедеем, — вот кто был нужен системе империи.

Все так, но бюрократия Августа, призванная заменить одного Цезаря, насчитывала несколько сот человек, бюрократия европейских монархов и царей состояла из тысяч чиновников, а вот после революций всегда происходило какое-то чудовищное, ракоподобное размножение столончатства. В стране с 18 миллионами управленцев уже невозможно понять, как фараоны управляли своими тоталитарными империями с помощью тысяч писцов или немногочисленные королевские чиновники собирали дань и вершили суд в Европе или директор с бухгалтером справлялись с фабрикой в 1000 рабочих... Мать моего друга сказала мне, что двое служащих управлялись с заводом в Риге в 1939 году, а в 55-м на этом же заводе при той же численности рабочих административный аппарат составлял более 200 человек.

Тоталитаризм — всегда чудовищный бюрократизм. И хотя упорядочение — признак культуры, всегда есть предел, за которым начинается казарма. За социалистом, как и за пророком, стоит бюрократ. Причем это бюрократия — нового типа: в ее вершине сосредоточена функция приказания, в основании — одно только подчинение. Приказывают одни, исполняют и отвечают другие.

— Знаете, что я скажу вам. Чем более высокое положение занимает человек в государстве, тем больше он забывает в себе истинное значение человека, а помнит в себе лишь ту должность, которую он занимает.

С чем ассоциирует бюрократия? Каковы ее ключевые слова? Вот они: рутина, медлительность, тяжеловесность, сложность процедур, лень, субординация, регламентация, консерватизм, самодовольство, равнодушие, многописание, безликость, невежество, нелепость, безответственность, не-брежность, безразличие, волапог, тотальность.

Конечной стадией динамического развития будет египтизм, до предела доведенное мандаринство, где каждый есть раб, чиновник, некий функциональный элемент.

Нас ожидают планомерность и целесообразность — новое механическое божество, Голем, Кинг-Конг делопроизводства.

Всё органическое погибает от распространившейся вокруг организации. Искусственный мир пронизывает и отравляет естественный. Сама цивилизация превратилась в машину.

Мне кажется, что головы даже самых великих людей тупеют, когда они соберутся вместе, и что там, где больше всего мудрецов, меньше всего мудрости. Крупное учреждение всегда так привязывается к мелочам и пустым формальностям, что существенное отходит у него на второй план.

Страсть к организациям уже давно удовлетворяется в ущерб всякой духовности. Вначале организация реализует накопленные ранее запасы человеческой энергии, а потом она становится губительной для всего оригинального и живого. И чем больше она расширяется, тем решительней подавляет всякую созидательную и духовную деятельность.

Чем безжизненней ритуал, тем он жестче и тираничней.

Постепенно возникает жестокий мир формализма, усиливающегося по вертикали, мир не способный к творчеству, невосприимчивый к идеям.

Всякая бюрократия сопровождается инквизиторской деятельностью. Эта абсурдная ситуация имеет тяжкие моральные последствия: каждый гражданин выступает одновременно и как агент государства, и как правонарушитель. И никакая официальная этика ничего не меняет в этом диком положении вещей; заставлять людей жить в ненормальных условиях — значит разлагать их морально.

Бюрократия выхолащивает культуру, делает ее одномерной. Античность, Средневековье были куда многообразней и плюралистичней, чем сегодняшняя тоталитарность. Наряду со славословием божества тысячелетиями существовал ритуал срамословия. Церемониал чествования победителя веками включал в себя не только прославление, но и поношение триумфатора. Официоз неизменно соседствовал с балаганом и фиестой — площадными и даже храмовыми праздниками шутов, дураков и ослов, чего сегодняшняя ослиность уже не допускает. Есть надежный показатель бюрократизации культуры — декарнавализация. Когда карнавал, маскарад, увеселение, празднество, мистерия, соть, фарс, исчезают из культуры страны, это свидетельствует об окончательной победе бюрократического разума, о триумфе бюро. Чем тоталитарней, чем ничтожней правители, тем меньше смеха на улицах.

Бюрократия рождает бюрократию — расширенное воспроизводство. Она непотопляема и живуча. Ей свойственно устойчивое равновесие, гомеостаз, почти природная способность возвращаться в исходное положение послелюбых капаклизмов.

Бюрократия — способ объединения преследующих свои цели индивидов в организации, которые сами по себе уже не являются чьей бы то ни было целью.

Сила этих организаций, к сожалению, так же велика, как и их страх.

Впрочем, страх — цемент для них. Бюрократия — это когда каждый боится всех. Мы — Эверест страха: все так боятся всех, что никто уже не боится никого... Ибо когда страх проходит через свой пик, всем начхать на вса.

Мощь армии КПГБ — следствие ее страха перед народом. А.Битов говорил, что человек страшится и ножа, и чем против него танк и огнемёт, если достаточно шила? Но страх КПГБ слишком велик — отсюда танки...

Болезнь в организациях, как мы знаем, принимает две формы: или ее членов охватывает непримиримая вражда друг к другу и к руководству, или ее лидер превращается в диктатора.

Воевать с тотальной бюрократией бесполезно и опасно. Бесполезно, потому что воевать с ней приходится ее же руками. Опасно, потому что даже заменив ее новой, рискуешь повысить ее жизнестойкость: молодая всегда сильнее, цепче, бесцеремонней, наглее старой.

Вершиной бюрократии является армия, пожалуй, единственная организация, не скрывающая своего консерватизма и ортодоксии. Утопический конформизм в теории и военные диктатуры на практике зиждутся на понимании этого факта. Время св. Бернардов, призывающих к крестовым походам и верящих исключительно в энтузиазм, прошло. Законы Господа окончательно уступили кодексу Юстиниана.

Les bureaux имеет еще одну неожиданную сторону: имперскую. Первая империя, затем вторая, ныне третья. Гнусность и мерзость бюро — даже не в тотальной регламентации, говорил Рембо, но в оргиастической. То, чего она требует от других, то не закон для нее самой. Руководство никогда не следует законам, которые издает, морали, которую проповедует, идеологии, которую навязывает. За чем, если все это в моем кармане? Мерзость, продажность, притворство, бесстыдство, распутство, шабаш страстей, грабеж — вот что есть темная бездна бюро... Мишура власти, плавающая в грязи...

ЧЕЛОВЕК-ЛОКАТОР

Бюрократ — это избранник человечества, которому доверено охранять человека от жизни.

Аkki. Чем государство совершеннее, тем глупее его чиновники.

Полицейский. Это ты пока так говоришь. А станешь чиновником — примешься восхвалять наш строй. Его несравненное величие откроется тебе..

Мне доставляет удовольствие думать о чиновниках.. Скребут по бумаге с утра до вечера. Скребут и скребут, и вот результат — Британская империя. Как удобно жить в мире, где можно поручить другим заниматься всеми скучными делами, начиная от управления страной и кончая приготовлением колбас.

Для чиновника бюрократия является цельным образом жизни. Бюрократия выдвигает требования, создает жесткие правила и строгие стандарты, она накладывает на индивида особый отпечаток.

Так в чем же сущность этого брата — бюрократа? В том, что — человек.

Вот сидишь ты перед ним в его кабинете — никакого кафкианства — человек перед человеком, проситель перед разрешителем — и что же? Кто бы он ни был — столначальник, жандарм, судья, крыса серомордая — и всегда одно и то же: пенние Лазаря, служба собачья, мы-де в государстве последние пешки, а в сущности те же люди-человеки, отцы ближним своим, а не враги, но что мы можем, когда закон, начальство, система..

Впрочем есть и другое мнение. Гениальный предшественник Мавра по части диалектики считал, что чиновник воплощает в себе если не Абсолютный дух, то Абсолютного Человека: ум, образованность, моральность, правосознание.

Так где же истина?

В составе каждой организации большого масштаба есть разные по уровню культуры и образования люди. У «самых низших» из них, безусловно, мало того и другого, и это, в сущности, вполне устраивает руководство. С другой стороны, в организациях существует ложное мнение, будто бы иерархическая вер- хушка всегда состоит из людей, обладающих глубо- кими познаниями и особыми талантами. Иногда так и бывает, но если бы нам потребовалось выявить один, самый характерный для представителей бюрократи- ческой иерархии талант, то мы могли бы сказать, что это *«способность прилечь»*.

На самом деле руководители организации не яв- ляются обычно столь учеными, как кажется другим, а члены — не столь невежественны, как принято о них думать. Стремление к знанию у руководителей всегда сковано опасением узнать нечто невыгодное для организации. Такое опасение в меньшей степени при- суще рядовым членам организации; они могут поэто- му заниматься исследованием реального мира, позна- вая его истинную природу, даже при отсутствии у них формального образования.

Исходя из этого, надо признать возможным и даже вполне вероятным, что рядовые члены организации могут лучше разбираться в создавшейся обстановке и быть более проницательными, чем их лидеры.

подавляющее большинство ведущих администра- торов почти никогда не читает пьес, художественной литературы, философских и поэтических произведе- ний. Те, кто рискует углубиться в эти сферы, явно принадлежат к редкостной разновидности админи- стратора, и их коллеги относятся к ним со смешан- ным чувством благоговения и опасливой насто- роженности.

Они основательно усвоили деловой стиль эпохи кратких сводок и резюме, двухабзачных докладных записок. То, что им приходится читать, они предвари- тельно отдадут другим, кратко излагающим главное. Они больше склонны беседовать и слушать, чем чи- тать или писать. Значительную часть своих знаний они приобретают на деловых совещаниях и в беседах.

В какого рода индивидах нуждается бюрократия? — вопрошает Фромм. Она нуждается в индивидах, способных легко притираться к стандартизированным ценностям, которым легко приказать и легко оказать на них влияние. Оно нуждается в индивидах, считающих себя независимыми и свободными, но охотно готовыми подчиниться и делать то, что от них ждут, стать хорошо притертыми деталями социальной машины. Оно нуждается в индивидах, которыми можно руководить без принуждения, вести без лидеров, подталкивать на действие без всякой цели, кроме одной: действовать, функционировать, идти вперед.

Такие индивиды всегда имеются в изобилии. Это organization man, automation man, homo consumens. Человек организации, человек-автомат, человек-потребитель.

Порядок, о котором печется бюрократия, это, в сущности, уничтожение воли других. Свобода воли членов организации — вот с чем борется любая система. Воля члена организации должна быть подавлена; должно остаться только покорное согласие на диктуемое ему поведение.

Бюрократия — верхушечный конформизм. И это естественно: ее функция — поддерживать status quo настолько, насколько это возможно. Отсюда любимое слово бюрократа: «нет!» Для него хорошо и правильно то, что существует. Вся действительное разумно — его формула!

Бюрократию можно определить как сложное институциональное управление, направленное на застой и обезличку.

Я не мог себе представить, чтобы могла существовать где-нибудь такая административная каста, которой роль заключалась бы в том, чтобы мешать.

Бюрократия — порождение конформного поведения, обезличивания отношений, с одной стороны, и обожествления процессов и вещей, с другой. Незначительные и второстепенные моменты освящаются, бессмысленные операции становятся самоцелью, возникают абсурдные символы и ритуалы. Чиновник свято верит в непоколебимую силу инструкции и испытывает страх при каждом шаге, не предусмотренном ею.

Иерархи придают большое значение тайне и информации, так что смысл действий может раскрываться лишь на высших ступенях. Это настолько обезличивает деятельность низших, что ведет к сильным стрессам, депрессиям и даже психическим расстройствам.

Ритуалы и необходимость соблюдения этикета, как и жесткая зависимость от вышестоящих, порождают скрытую взаимную ненависть, находящую свое выражение в мстительности, подхалимстве и низкокклонстве. Соперничество за место создает атмосферу подозрительности и вражды. Взаимная недоброжелательность скрывается лицемерием, недостаток информации компенсируется сплетнями.

Любовь руководителей к организации имеет то свойство, что чем больше они любят организацию в целом, тем больше недостатков усматривают в каждом из ее членов в отдельности. Здесь полная аналогия с утопией: любовь к человечеству в целом не препятствует ненависти к каждому из членов коммуны.

Важный элемент бюрократического сознания — чувство статуса, выражающееся через символы престижа и успеха: количества власти, ее атрибуты, личного благополучия. Тех, кто внизу, бюрократический характер презирает; теми, кто наверху, он восхищается и их боится. Чувство статуса рождает стремление к росту любой ценой. Но бюрократия же способствует кастовости и создает препятствия вертикальной подвижке — всяческие барьеры, защищающие высшие strаты от посягательств снизу.

В мире «бюрократическое» выдвижение определяется оценкой начальства. Большинство руководителей весьма гордится своей способностью «оценивать людей»; но каково мерило, с помощью которого они производят эту оценку? Применяемые критерии не отличаются четкостью и объективностью, они почти неуловимы. Характер и даже подобающая администратору внешность становятся более важными качествами, чем личное дарование. Выдвиженец должен оправдывать ожидания своих патронов, по своему характеру и политическим взглядам он должен походить на избранных, от оценки которых зависит его собственный успех. Особенность корпоративной этики такова, что достигшие верхов

не могут и не станут восхищаться тем, чего они не понимают и не могут понять. При всем том притворство и восприимчивость являются более важными качествами администратора, чем полученное им образование. Чтобы поймать удачу, они готовы на все. Здесь ценят не ищущих и самостоятельных, но прилежных и послушных, полагающих соблюдение правил канцелярской рутины главной управленческой добродетелью. Подобно трудолюбивым паукам, они стараются сплести любую идею и инициативу.

Высокую карьеру делает тот, кто пришелся ко двору, а ко двору приходится тот, кто соответствует критериям уже ее сделавших. Чтобы ужиться с ними, надо действовать подобно им, выглядеть, как они, думать, как они, быть одним из них и действовать за них. Не чиновно-бюрократические правила старшинства и не объективная проверка деловых качеств, а вера тесного круга в то, что ты свой человек и готов служить ему, является неременной предпосылкой присоединения к высшим кругам. Люди, дорожащие своей индивидуальностью, в этой упряжке не пользуются спросом.

Один из руководителей выразил это следующим образом: нас не интересует называетесь ли вы Фи Бета Капа или Тау Бета Фи. Нам нужен хорошо отшлифованный человек, умеющий обращаться с хорошо отшлифованным народом.

Поскольку власть в глубинах своих не заинтересована в государственных кадрах, над которыми не довели бы партийные интересы и которые являлись бы носителями беспристрастности, чиновничество формируется путем широкой развитой системы патронажа и кооптирования соратников. Отсутствие способностей и ума не суть важно: их легко выдать за скромность и педантизм. Это приводит к заполнению аппарата посредственностями и причает его к бездумному подчинению. Но бюрократия обладает свойством не только впитывать в себя ничтожность, но и преобразовывать ее в напыщенное чванство цинноберов. И вот уже созданы миллионы руководителей, не владеющих профессиональными навыками, а только техникой администрирования и аппаратных манипуляций.

Плохая работа плоха везде, но в государственных делах она трагична, ибо от нее страдают миллионы, говорил Гёте Эккерману.

И вот уже табель о рангах проникает во все сферы жизни: искусство, науку, религию. Уже везде организаторы, уже сама духовность — отсюда, должностная иерархия духа. «Будучи порождением иерархической системы, бюрократия стремится повсюду внедрять иерархические принципы».

Для бюрократа видение мира является туннельным, tunnelvision. Дьюи называл это профессиональным психозом. Чиновник обычно считает, что если не уделять его деятельности внимания, то наступит катастрофа.

Чиновник олицетворяет власть с ее атрибутами и ее носителями, роли последних — с самой сутью власти. Поведение иерархов и носителей власти отождествляется с механизмом ее действия.

Сообразно иерархии строится и само бюрократическое учреждение: величина и местоположение кабинетов, мебель, отделка. Пространственная близость к центру власти становится свидетельством статуса. Регламентация распространяется даже на мелочи: графины, письменные приборы, канцелярские принадлежности.

Имярек говорил: бюрократия — это богатирская власть, которую захватили карлики, поклонники всего ординарного, друзья справки и счетов.

Свойство любой бюрократии — автокаталистический рост. И если в обществе нет сил, препятствующих этой экспансии — многопартийной системы, демократии, разделения властей, — она превращается в ужасающих размеров спрута — нет, в раковую опухоль, убивающую государство.

В тоталитарном обществе интересы бюрократии становятся первостепенными. Из инструмента власти она постепенно преобразуется в саму эту власть.

С регламентированием общественной жизни роковым образом связаны экономические условия, кото-

рые с невероятной жестокостью превращают современного человека в несвободное, несамостоятельное, бездумное, лишенное чувства гуманности существо.

На всех уровнях бюрократического аппарата все заняты одним — разработкой техники лицемерия и приспособления. Уровень этой техники непрерывно растет, приобретая все более изощренные формы. Одновременно возникает своеобразная чиновничья этика, в соответствии с которой в интересах престижа организации скрываются некомпетентность, пренебрежение к обязанностям, неудачи и даже жульничество.

Паразитируя на конформизме, иерархи создают блестящее искусство маскировки, цинично и искусно орудая «интересами общества», «высшими целями», «светлым будущим» и «социальным прогрессом». Эти ссылки, апелляции к мнению большинства, сознательное лицемерие и подавление голоса совести являются ритуальными «правилами игры». Таким образом внутри самого конформизма происходит разделение масс на стадо и пастырей, знающих правду, но умело подделывающихся под «всех».

ПРОЗРЕНИЕ

В этом мире все слишком хорошо понимают, что должно быть, что есть и что будет. И большая нехватка в людях, которые не понимают. Вы думаете, почему я представляю ценность? Только потому, что не понимаю. Предо мной разворачиваются перспективы — а я говорю: нет, не понятно. Меня обольщают теориями, предельно простыми — а я говорю: нет, не понимаю... Вот поэтому я нужен.

Было время, когда я всё понимал, но я был никому не нужен! Все прекрасно обходились без меня. А вот когда я перестал понимать что бы то ни было — о, тогда всё переменялось. Все газеты заметили меня. Куча департаментов заметили меня. Господин президент лично удостоил. Вы представляете, какая это редкость — непонимающий человек? Его знают, о нем пекутся генералы... За что? А за то, господа, что он ничего не понимает!

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ

Когда агенты и представители Фирмы начинают верить своим собственным доводам, это обычно не так уж плохо, ибо прибавляет им искренности, пыла и убежденности, что само по себе уже великолепная реклама. Это порождает преданность и фанатизм, без которых нет хорошего гражданина и хорошего работника. Но когда такое случается с моим сотрудником, это пагубно: он начинает свято верить, будто всё, что он думает и есть правда, и теряет способность изобретать стоящие враки. Он уже не способен убеждать. Именно это и случилось с одним моим сотрудником, у которого было нервное расстройство.

— Нет, это правда, неужели вы не верите? Мы действительно самые лучшие, — кротко внушал он всем агентам, секретаршам и даже мне и улыбался понимающе и снисходительно, словно утверждение это само по себе должно бы для всех быть столь же очевидно, как для него самого. (Он забывал об одном существенном обстоятельстве: неважно, правда это или нет, важно, чтоб люди думали, будто это правда).

* * *

Как бы мы ни относились к иезуитам, становясь членами организации, все становятся последователями Лойолы: беспрекословное послушание и дисциплина, централизм и подчинение — таковы наши гласные и негласные принципы. Ни одна уважающая себя организация не оставляет рядовым членам права на неподчинение. Преданность и любовь к делу не являются достаточными основаниями для инакомыслия.

Одержимая идеей порядка, но лишенная понимания его природы, бюрократия создает авторитарные системы, пренебрегая тем, что их укрепляет. Все бюрократические монстры, какими бы устойчивыми они ни казались, в конечном счете являются колоссами на глиняных ногах. Грубое вмешательство и тотальная регламентация создают видимость порядка, за которой кроется безответственность и безынициативность. Тоталитаризм, в чем бы он ни проявлялся, в отсутствии социального контроля и конкуренции

идей, является самым длинным и болезненным путем к деградации.

Когда система ценит себя больше, чем своих членов, она душист в них мысль. Дидро говорил об иезуитах, что среди них не было ни одного знаменитого поэта или художника или ученого — вот почему все стали их прези- рать

А вы слышали о выдающихся бюрократах?

Правда, ныне одиозность этого слова привела к введе- нию другого — «организатор». «Организатор» промышлен- ности, науки, писательского дела, поэзии, музыки...

Пришли чиновники и жирные их дамы
В сопровожденьи тех, кто нужен для услуг...

Для того, чтобы мировоззрение стало общим, вовсе не обязательно, чтобы оно было верным, — достаточно, чтобы оно было убедительным.

Организации, пишет исследователь ересей, испытывают такую же потребность искажать действительность, как и помешанные, причем у первых эта потребность развита го- раздо сильнее. У организаций при обмане нет никакого сдерживающего начала: здесь обманщик лжет не в своих личных интересах, а из чувства преданности или солидар- ности с другими. В этом можно усматривать даже своего рода жертву: обманщик как бы жертвует своей личной честностью ради общего «блага».

Организация не признает и не видит невыгодных истин: полная слепота и глухота компенсируется чрезмерностью слово- и бумагоизвержения.

Ортодоксальность лишь поначалу безобидна, в итоге она неизбежно обращается в подлость. Примеры бесчисленны — все жертвы всех инквизиций всех времен и народов, закап- чивающие свои дни в огне или на лобном месте. Когда кости Уиклифов кощунственно извлекают из могил для надруга- тельств, а Гусов в очередной раз посылают на костер, Сте- фаны Палецы и Иоанны могут быть спокойны: люди, уют-

но пригревшись на груди мощной организации, надежно его защищены. Судьба безупречного и благородного еретика — это не значит, что таковы все еретики — отличается от судьбы беспринципного служителя системы: если по иронии судьбы Ян Гус оказывается в одной тюрьме с осужденным его папой, то честность первого неизбежно ведет его к трагической развязке, а подлость второго — к новому возвышению.

* * *

Оковы страдающего
человечества сделаны из
канцелярской бумаги.

Ф. Кафка

Канцелярии кипели уставами, как никогда не кипели сказочные реки млеком и медом, и каждый устав весил отнюдь не менее фунта.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЕЧЧЕИ

Чудовищно раздувая бюрократический аппарат, чиновники рассылают во все концы орды зашифрованных сообщений, кодированных инструкций, вводящих в заблуждение докладов, перекрывающих друг друга и абсолютно друг другу противоречащих договоров, протоколов, составленных во изменение ранее подписанных протоколов, которые в свою очередь были предназначены для внесения поправок в прежние законы — также и в законы, которые вообще никогда не должны были существовать в природе.

И все это — на каком-то диком, омерзительном волапоге — бюрократической абракадабре, тоскливо-тошнотворной по форме и лживо-лицемерной по содержанию.

Нет нужды побывать под судом, чтобы свести знакомство с этим поразительным и поистине inferнальным миром канцелярий и справок. Из всех преисподних, которые человек странным образом обречен для себя создавать, эта всегда представлялась мне наиболее зловецей.

Бумаги.. бумаги.. бумаги.. Все завалено бумагами. Все стены заставлены колоннами из папок с делами. Посколь- ку папки все время выгаскиваются из кипы или кладутся назад и делается это в большой спешке, колонны то и дело рушатся; непрерывный, регулярно повторяющийся грохот стал характерным для кабинета Сордини.

В подобном бедламе найти нужную бумагу невозмож- но, но какая поднимается суматоха, когда обнаруживается утрата одного листика! Создают комиссии, проводят обыс- ки, роются в грязном белье.

Высшая добродетель чинуши — недоверие. Верить мож- но только бумаге — не человеку. К тому же обратной свя- зи — нет. Распоряжения отдаются, но никого не интересует ни их выполнение, ни вообще реальное положение дел. Отстаньте с вашими протоколами, говорит Кламм. Он все- гда занят по горло и всегда бежит от новых дел. Завидя посыльного с пакетами ответов на запросы, Кламм прячет- ся от него. Чиновнику страшны контакты с внешним ми- ром — таким большим, неожиданным и столь отличающим- ся от его бюро.

Здесь деятельность всех канцелярий мнима, это лишь видимость занятости, напряженности, быстроты. Здесь ос- новное оружие против реальности — волокита. Добиться решения по конкретному вопросу невозможно. Никто ни- когда не знает, какая инстанция является соответствующей. Здесь в ходу поговорка: «Административные решения пуг- ливы, как молоденькие девушки». Поэтому никто не знает состояния того или иного дела. И при всем этом апофеозе официальнойности результативны лишь знакомство, благи. Лич- ное письмо Кламма, говорит староста, гораздо важнее офи- циальной бумаги.

ОТ ШЕКСПИРА ДО БУШАРА, ИЛИ ОТ
ГОРОДА ГЛУПОВА ДО
ГОРОДА ГРАДОВА

В мире не только всё течет, но
и всё восстанавливается.

А.П. Платонов

О, если б все имеющие власть
Громами управляли, как
Юпитер, — Сам громовержец
был бы оглушен,
Ведь каждый жалкий, маленький
чиновник Гремел бы в небесах
И все гремел бы...

Можно было бы привести длинный перечень великих творений мировой литературы, рисующих фантастическую бюрократическую абсурдную картину от аристофановских Ос до кафковских Замок и Процесса. Но даже гениальные произведения не способны передать страшную суть огненной палаты или канцелярии крысы, наших помпадуров и помпадурш, дьяволиады Петербурга, бесовщины Города Градова. Чтобы до конца прочувствовать «великолепие» Замок, надо жить в нем, бывать в его канцеляриях, обращаться к писцам... Лишь гениальные чиновники, такие как Гофман, Салтыков или Кафка способны до конца понять суть Крошки Цахеса, или помпадуров, или Сордини. Подонки, подлецы и шантажисты Кнаррпанты, наверное, не первый в этой галерее, но именно в нем бюрократия не только узнала себя, но и решила отомстить. Если бы не смерть Гофмана, полицейский директор фон Кампш показал бы ему, на что он замахнулся. Укусы всех этих повелителей блох далеко не так безобидны, год от года они становятся болезненней и опасней... нет, здесь что-то не так, они давно смертельны.

Маленькие виляющие, тывкающие создания, для которых собственное ничтожество превыше всего, вовсе не так просты, как может показаться с первого взгляда: коты Мурры, убийцы поэзии, превращающие искусство в придачу удобного мира, воспитание — в школу покорности, жизнь — в пустыню...

Рассудочность и благопристойность — вот их жизненная

ный порой даже на ханжескую фронду (убедившись, что она безопасна и ничем не грозит) — вот кто истощает жизнь, превращая ее в пустыню, рождая страхи и покорность...

Итак, Крошка Цахес...

Сперва появились мрачные мысли о тайном самопожертвовании на благо государства через болезненное ношение ордена и тому подобное; состояние стало новилось все более опасным.

Но его опасность не смог предвосхитить даже проницательнейший создатель Циннобера. Одержимость бюрократическим демоном, противоречие между внешностью и сутью, наделение Циннобера — Цахеса несуществующими талантами и достоинствами в конечном итоге не его вина — само общество изначально предрасположено к процветанию тулиц.

Конечно, Цахес — марионетка, но чья? Осмеянию подвергается не пасынок природы, глупый, беспомощный «избранник», а среда, спешествующая его процветанию, общество, склонное принимать урод за красавца, бездарность за талант, тупость за мудрость, услужливость за «указание отечества». (А сколько этих украшений, увешанных вдобавок звездами Героев, украшают наше с вами княжество Барсануфа?)

Важно не то, что бюрократия — триумф посредственности, но то, что каждое общество имеет ту бюрократию, которую оно заслуживает. Отсюда жалкие погути на перестройки, амбициозность, провинциализм, претенциозность недоумков. Посредственность посредственностям и нужна: эвримены пытаются обратить Цахеса себе на пользу: заслужить похвалу, подняться на ступень выше, втереться в доверие, а лучше — в семью.

Цахесы только симулируют активность, только болтают, веря в то, что все получится само собой, срывается система — идеал всех ничтожных трублионов по призванию.

Следующий шаг: Цинноберов сменяют помпадурсы, поднесредневековые канцелярии — Министерства Волокиты.

Недостаток знаний порождает чрезмерную требовательность; чрезмерная требовательность, в свою очередь, порождает подозрительность.

«Не без иронии говорят они о недостаточной развитости наших помпадуров и о происходящей отсюда беспорядочной, судорожной деятельности их. Деятельность эту они сравнивают с бесцельным мельканием в пустом пространстве, мельканием, которое на первый взгляд может показаться смешным, но которое при беспрестанном повторении делается почти обременительным».

Как только выяснялось, что нужно что-то сделать, Министерство Волокиты раньше всех других государственных учреждений изыскивало способ не делать того, что нужно.

Стоит человеку попасть в коридоры Министерства Волокиты — и больше ему уже никогда не увидеть света божьего. Заседают комиссии, бормочут докладчики, строчат протоколы секретари, множатся выписки, справки, акты, копии и глядишь — человека не стало. Хотя каждый винтик ничтожен и мелок, но весь механизм чудовищно непроницаем и несокрушим.

Так упрощенно понимали бюрократию каких-то сто лет ~~назад~~

С Диккенсом и Щедриным кончается унижение и высмеивание бюрократии, с Кафки начинается ее торжество. У первых она относительная и локальна, у второго абсолютна: начало и конец всех начал. У Щедрина она обороняется, у Диккенса становится активной, у Голодаря она вездесуща, тотальна, беспощадна (гибнет каждый, кто вошел). Ко всепроникающему огромному организму суда причастны — все! Здесь все находится во взаимной связи и остается неизменным и даже становится еще более сомкнутым, бдительным, суровым и настойчивым. Смеху, иронии, превосходству больше нет места, остается — страх. Страх человеческой незащищенности от созданного человеком порядка.

Там, где Диккенс и Салтыков-Щедрин видели частности, Кафка узрел всеобщность. Непросто Министерство

волокиты или отдельно стоящий Холодный дом, не суд как учреждение, а мир как суд, жизнь как присутствие, свобода как казус. Здесь претендентов подвергают изощренной — шей проверке, но затем принимают всех. Здесь все выслеживают всех, все всех травят, все шпионят, все помогают обвинению. Все — заодно, все — против одного. Мир — судилище, жизнь — травля, бытие — абсурд.

Что за лица вокруг! Маленькие черные глазки беспокойно шныряли во все стороны, щеки обвисали, как у пьяницы, длинные бороды были реденькими и жесткими... Однако под бородами — это только сейчас обнаружил К. — блестели на воротничках значки различной величины и окраски. Насколько можно было заметить, значки были у всех. Все были заодно — кажущиеся партии справа и слева, — и когда К. внезапно обернулся, он увидел такие же значки на воротнике следователя, спокойно сидевшего с руками на животе. — Вот как, — вскричал К. и, потрясенный внезапным открытием, рывком поднял вверх руки, — оказывается, все вы чиновники, та самая продажная банда, против которой я выступал...

«В своей основе мироустройство бюрократично. Даже честная и точно работающая чиновничья машина неизбежно действует против человека. Поэтому нельзя спрашивать: за что преследуют Иосифа К., в чем он провинился против системы, кому нужна его смерть? Вся суть, как полагает Кафка, состоит именно в том, что вполне лояльного Иосифа К. судят ни за что. Кто же несет ответственность за это? Все, вместе взятое, но никто в частности».

Ужас бюрократии, говорил Бушар, имея в виду Голодаря, усиливается обыденностью Процесса. Сила и могущество высокого учреждения в его неотвратимой повседневности. Не доведение до абсурда, а именно эта проза суда и замка делают голодаревскую прозу самой беспощадной сатирой, какую знало искусство.

* * *

Некогда Бетховен нападал на пороки правительства. Он ставил ему в вину произвол и раболепие юстиции, волокиты

ту, полицейские притеснения, привилегии вырождающейся аристократии, лень чиновничества, убивающего всякую инициативу и парализующего всякую деятельность. Но мог ли себе представить величайший из музыкантов музыку тоталитарности — ритм и стук сапог, ту чуму XX века, что мором легла не на тела — на души людей?

Это раньше можно было недооценивать цели и мощь этого инструмента власти, подтрунивать, насмехаться.. В век тоталитаризма пора понять, что бросающиеся в глаза атрибуты — бумажность, волокита, якобы бессмысленность правил — лишь внешняя кажимость. Бюрократия — главный инструмент тоталитаризма: подавлять, делать зависимым в мелочах, внушать страх, предписывать, ограничивать, принуждать пресмыкаться — вот ее функции. Каждый должен отождествить себя со своим местом, знать свой шесток. Даже рвение должно быть предписано и регламентировано.

Перед нами еще один обвинительный акт — Осадное положение, но он уже не обвиняет, а устрашает. Чума пришла в Кадис. Чума эта — мы. Городской пьяница, циник и мизантроп Ничто — во главе администрации. Первейшее дело новой власти — выдача справок о существовании (можно обходиться без хлеба и жены, но без выправленного документа, удостоверяющего в том-то и том-то, обойтись никак нельзя). Получить справку нелегко, свое существование надо показать и доказать. Прежде всего нужна справка о здоровье — так это называется, — но получить ее можно, лишь имея справку о существовании (вспоминается умерший герой Джонсона над Ирданью, заполняющий бесчисленные анкеты о смысле жизни). Перед лицом внешней опасности, которая — внутри, частная жизнь ликвидирована, администрация вольнавмешиваться во все.

Порядок предписано уважать потому, что он существует. Задумываться о разумности предписаний — самая большая крамола. Неумолимость инструкций, необходимость постоянно чего-то добиваться, бесовство метушни по кабинетам должно внушить просителям, а просители — все, чувство виновности перед системой и благоговения — за благоволение. Холопство поощряется — покорнымположе-

ны мизерные льготы. Наконец, покоряются все. И тогда благонадежным гражданам даруют — точнее, вменяют в обязанность — выбирать представителей в администрацию. Кто-то из чиновников выражает сомнение — не рано ли, не будут ли голосовать против? Нет, успокаивают его, — не будут, имеются надежные принципы, исключающие иное волеизъявление. Эти принципы гласят: голосование свобод- но, голосование «за» — свободно, голоса «против» будут считаться несуществующими. Ведь отрицательный голос не есть голос свободный: он продиктован чувствами и, следовательно, находится в плену у страстей.

Вся эта дичайшая чушь, касающаяся малого и большого, потоком обрушивается на растерянных граждан, вдалбливается им в головы. В конце концов они перестают понимать происходящее и повергаются в мистический ужас перед произволом, все на свете выворачивающим шиворот-навыворот и при этом все-гда ухитряющимся откуда-то взять веские доводы, чтобы карать и миловать не просто так, а ради «бла- га» и государственной «пользы». Бред, ловко прики- дываемый железной последовательностью, обезору- живает умы, подрывает их сопротивляемость этому ло- гизирующему наваждению и вынуждает к сдаче, а то и к сотрудничеству с тем, что убивает.

О чем, о ком эта прочувствованная тирада? Где этот Кадис? Что это за чума? Надеюсь, ты догадался, мой по- нятливый читатель.

* * *

Что-то случилось.

Что-то и вправду со мной случилось, лишило меня уверенности и мужества, вселило в меня боязнь ново- го, боязнь всяких перемен и самый настоящий ужас перед всем неизвестным, что может произойти.

Что-то случилось... Когда Макиавелли писал своего Князя и Гоббс своего Леви а фа на, могли ли они по- дозревать, что когда-то что-то случится и что этим случив- шимся станем мы?

Сегодняшние Геркулесы уже не способны вычистить авгиевы конюшни: могучие великаны так же беспомощны перед всеильными, но производящими слишком много гов- на карликами, как и рефлексирующие герои Голодаря. Дерь- мо торжествует над титанами — так резюмирует неудачу своего господина его секретарь Полибий.

* * *

На то и существуем, чтобы всё ос- тавалось как оно есть. В этом наше назначение.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Любопытный факт: вклад нашей культуры в антоло- гию помпадурства беспрецедентен: Гоголь, Достоевский, Щедрин, Чехов, Сухово-Кобылин, Белый, Булгаков, Зощен- ко, Ильф и Петров, Платонов... Видимо, обстановка всегда располагала.

Как там у Гоголя?

— Приставить нового чиновника для того, чтобы ограничить прежнего в его воровстве, значит сделать двух воров наместо одного. Да и вообще система ог- раничения — самая мелочная система. Человека нельзя ограничить человеком; на следующий год окажется надобность ограничить и того, который приставлен для ограничения, и тогда ограничениям не будет конца. Это пустая и жалкая система... Нужно оказать дове- рие к благородству человека, а без того не будет гов- се благородства.

А у Достоевского?

Всякий знает, что такое чиновник русский, из тех особенно, которые имеют ежедневно дело с публикою: это нечто сердитое и раздраженное, и если не выска- зывается иной раз раздражение видимо, то затаенное, угадываемое по физиономии. Это нечто высокомерное и гордое, как Юпитер. Особенно это наблюдается в

самой мелкой букашке, вот из тех, которые сидят и дают публике справки, принимают от вас деньги и выдают билеты и проч. Посмотрите на него, вот он занят делом, «при деле; публика толпится, составил-ся хвост, каждый жаждет получить свою справку, ответ, квитанцию, взять билет. И вот он на вас не обращает никакого внимания. Вы добились наконец вашей очереди, вы стоите, вы говорите — он вас не слушает, он не смотрит на вас, он обернул голову и разговаривает с сзади сидящим чиновником... хотя вы совершенно готовы подозревать что он это только так и что вовсе не надо ему справляться. Грубость, невнимательность, пренебрежение, враждебность к публике, потому только, что она публика, и главное — мелочное юпитерство. Ему непременно нужно выказать вам, что вы от него зависите...

А у Толстого?

Совещание было совершенно такое же, как в советах, собраниях и комитетах, т. е. каждый говорил не потому, что ему нужно было что-нибудь сказать или узнать, а потому, что каждый выдумывал, что бы и ему сказать, чтобы не отстать от других.

Помпадурство. — Салтыков-Щедрин, впервые использовавший эту ассоциацию, хотел вынести приговор бюрократии как проституции. Но — при всей сочности образов этой галереи — символ неточен. И не потому даже, что умудренная маркиза де Помпадур вознаграждалась за свое тело, а эти — за свои ягодицы, а потому, что шлюхи — это одно, а сутенеры — это другое...

Но подлинного проникновения в наш предмет мы не найдем в XIX веке. Бюрократия вообще, а бюрократия тоталитаризма особенно, — иррациональна. Вот почему у Булгакова, Белого, Платонова — столько бесовства, чертовщины, мельгешащей массы нетопырей и — вместе с тем — торжественного штиля, как бы символизирующего отделение сознания от человека.

Аполлон Аполмонович посмотрел вдруг за дверь: письменные столы, письменные столы! Кучи дел!

И — склоненные головы! Какое кипучее и могучее бумажное производство!

Здесь в кабинете высокого Учреждения Аполлон Аполлонович вырастал в некий центр государственных учреждений и зеленых столов. Здесь являлся он силовой излучающей точкою, пересечением, импульсом; был он силой в ньютоновском смысле, а сила в ньютоновском смысле — оккультная сила.

Сознание отделялось от личности, проясняясь невероятно и концентрируясь в единственной точке (меж глазами и лбом): огонек, вспыхнувши меж глазами и лбом, разбрасывал снопы молний; мысли-молнии разлетались, как змеи, от лысы его головы; фантаст, без сомнения, перед собою увидел бы голову Горгоны медузы.

Поражает меня начертанье параграфа: падают — два совокуленных крючка; да, параграф — естественный пожиратель бумаг: филоксер! В параграфе что-то мистическое: он — тринадцатый знак зодиака.

Над Россией размножался параграф: по залам и красному сукну ступеням заводилась параграфациркуляция.

На какой ноте лучше перейти к следующему разделу нашей страшной книги? Конечно же — на платоновской:

Умрищев очутился круглой сиротой среди этого течения новых условий. Он увидел по возвращении незнакомый мир секторов, секретариатов, групп ответственных исполнителей, единоначалия и сдельщины, — тогда как, уезжая, он видел мир отделов, подотделов, широкой коллегиальности, мир совещаний, планирования безвестных времен на тридцать лет вперед, мир учреждений такого глубокого и всестороннего продумывания вопросов, что для решения их требуется вечность, — навсегда забывшую теперь старину, в которой зрел некогда оппортунизм.

Что к этому можно было бы добавить? Разве что сегодняшних нас?

М Ы

Государство у нас рабочее с бю-
рократическими извращениями.

В. Ленин.

Геркулес. Сидите в дерьме,
а управлений у вас хватает.
Авгий. Именно потому.

Ф. Дюрренматт

Было на землю нашу три нашествия: набегали татары, находил француз, а теперь чиновники облегли; а земля наша что? и смотреть жалостно: проболела до костей, прогнила насквозь! продана в судах, пропитана в кабаках, и лежит она на большой степи, неумытая, рогожей укрытая, с перепоею слабая...

Рак чиновничества, разъедающий в одну сплошную рану великое Тело России, едет на ней верхом и высоко держит Знамя Прогресса!

Видимо, эти идеи глубоко засели в нашем сознании, потому что в другом месте, в другое время, у другого писателя нахожу:

Но другое бедствие, столь же стихийное, не раз обрушивалось на кремлевскую старину. Это бедствие — глубокое непонимание ценности исторического прошлого, стремление бюрократии везде наводить «порядок», т. е. разрушать своеобразную и прекрасную старину и заменять ее холодной казармой.

И вот уж совсем недавно, вчера:

Чиновник с циркуляром, наученный, что делать, передовыми людьми общества, именно он должен был вести российскую толпу по их усмотрению: запрещать.. приказывать, где жить, чего сколько выпускать, кому и почему продавать; он должен был иметь глаз и за мужиком, — как бы тот не стал сеять вместо пшеницы кактусы, его чиновничьему сугубому попечению

должно было подлежать просвещению, вся культура, все духовное, во что и как народу веровать, чему его учить, что давать ему читать, слушать, смотреть, какие обычаи и правила соблюдать, никаких, к примеру, разводов.

Это, так сказать, в ретроспекции. Но разве все эти сегодняшние очевидности не были предсказаны «мракобесами» и «реакционерами» на самой нашей заре или еще до восхода нашего солнца? —

Эта двуголовая революция потеряет обе свои головы — пролетариат и крестьянство — и обзаведется третьей, которую водворят ей на плечи, — бюрократией.

Или это:

Социализм, выражаясь чисто технически, есть административный принцип. Каждый рабочий в конце концов принимает характер чиновника, а не торговца. Это было осуществлено в широком масштабе в египетской культуре и совершенно иным образом — в китайской.

Автор Прусской идеи и крупнейший знаток культуры разглядел новую форму того, что уже многократно повторялось в сильно разбавленных вариантах: современную форму иерархии, новую, может быть, высшую форму государственной тотальности, скрываемую за суесловием и фразерством. Вот его правда: «Борьба за свободу, которую сегодня ведут массы, завтра будет вестись ее лидерами — с теми же словами — за служебное положение, за чин, за место под солнцем, за реакционно-бюрократический контроль над экономикой, над массами, над всей системой общественной жизни вообще».

Несколько позже, когда пророчество Шпенглера уже сбылось, левые эсеры констатировали: большевизм вступил в фазу окончательно оформленной коммунистической аристократии.

За трибуном почти всегда стоит бюрократ, за головной идеей — концлагерь. Поиски духовного благополучия церквников привели к инквизиции, материальные вождедения либертинов — к террору и ужасу тоталитаризма. Жестокость и бессердечие общества, в котором мы живем, кроме всего прочего, — плата за веру в неказарменную казарму и за стремление управлять историей. История не любит, когда ею управляют бюрократы. История мстит.

ЦИТАТА

Буржуазные идеологи настойчиво проводят в своих публикациях идею о неодолимости в нашем обществе субъективистских, волюнтаристических проявлений в руководстве.

Проявления субъективизма, волюнтаризма в руководстве в нашем обществе, как известно, не изменили *природу* нашего строя. Ведь ни один здравомыслящий человек не станет утверждать, что в нашем обществе под влиянием этих явлений была снова введена частная капиталистическая собственность.

Что верно, то верно: не введена, всё — ничье с соответствующим отношением...

Самая страшная особенность большевистского «класса бюрократических распорядителей» — «распоряжение основной массой средств производства. В этом причина экономического краха: Расплюевы действительно «уходили и разорили страну. А как могло быть иначе? — С одной стороны чиновники, которым на все начхать, с другой стороны — собственность, которая ничья.

В нашем Полесском районе всего четыре маломощных колхоза... За ними числятся многие миллионы долгов. На фермах не хватает доярок, а те, которые работают, пенсионного или предпенсионного возраста. Но загляните в конторы этих колхозов. Как говорится, столы стоят чуть ли не в два яруса, за которыми сидят молодые цветущие женщины: бухгалтеры, их многочисленные замы, экономисты, главные специалисты. А далее — начальники отрядов, инженеры, электрики, агрономы по заготовке кормов и т.д. Это

в убыточном хозяйстве. На четыре колхоза у нас имеется РАПО. Штат настолько раздут, что в последнее время в новом большом помещении начали делить кабинеты временными стенами, чтобы как-то разделить «руководящие столы. В мизерном районе у председателя РАПО, кроме первого заместителя, появились еще замы. Как грибы, растут отделы, не счесть инженеров, инспекторов, ревизоров..

Казалось бы, хуже некуда, но есть нечто и похуже. Бюрократия тоталитаризма деформировала личность. При любой бюрократии, чтобы двигаться вверх, надо ловчить, иметь имидж «идеального человека Системы. Здесь же — полная деградация человеческого, breakdown, губящий страну и культуру, растение сверху и снизу, полная электрификация населения: всем всё до лампочки.

Большевистский бюрократизм беспощаден: беспощадная этика, беспощадная философия, беспощадная идеология, неподвластная закону беспощадная юстиция и сам закон — беспощаден. И всё это талантливо беспощадно: даже бездарность исполнителей не мешает ему быть виртуозным по части подавления еретичества в любой его форме. Эта бюрократия действенна своей системой унижения. Это ее главное оружие: раздавить. Система уничтожает человека, человек ищет, кого и как унижить в ответ. Эта бюрократия — причина и следствие падения нравов.

...они отрывали голову всякому, кто пытался препятствовать их безнаказанности, их бездарности, их безнравственности, их вседозволенности. Они врили, чего хотели, назначали, кого хотели, и кого хотели топтали.

У разношерстной касты «практических людей сложилась и неплохо функционирует достаточно развитая система особых, неофициальных — экономических отношений, своя, кастовая мораль, изошренная, двух-слойная (для себя самих и для публики) идеология, своя юриспруденция («Помню как-то повздорили в поле первый секретарь райкома и тракторист. Механизатор резко возразил чересчур горячим указанием. И сразу же: «Привлечь к уголовной ответственности

за оскорбление и саботаж! Так трактовали закон»), своя система подготовки кадров и их распределения — спецшколы для «элиты» и т. д., своя, особая система взаимоотношений (субординации, каналов связи, способов решения вопросов и т. д.), далеко не всегда соответствующих отношениям официальным...

Нет, конечно, он ничего не смыслил в порученном ему деле — ни как работник Совета депутатов, обязаный понимать трудящихся и защищать их интересы, ни в строительстве, которым занимался. До этого он в исполкоме ведал сперва торговлей, потом культурой, во всех этих делах ровно ничего не соображал — и все же был профессионалом высокого класса. Он знал, как, не принося никакой пользы, занимать видные должности. Великий мастер интриги, мгновенно соображал, с кем заключить союз, с кем не связываться, а кого спихнуть.

Нет, бюрократы — не простаки и не дураки, как это принято считать, это настоящая, стопроцентная элита киркегоровской эпохи масс-человека, понявшего, что миф о его глупости исключительно выгоден для него.

Из всех знакомых дураков при должности я не встречал ни одного, который дурил бы себе во вред. Чего не было, того не было. Только на пользу! Ищешь почему всегда летят не в него, а в наше родное социалистическое государство. С чего бы, а?

Дураки — не бюрократы, а как раз наоборот — не-бюрократы. И просто грех не обманывать их, жаждущих обмана, да и невозможно их не обманывать, ибо быть обманутыми для них — естественное и любимое состояние духа.

Какой там формализм? Какая там волокита? О! Когда дело идет об опасности для интересов бюрократов (личных, групповых или клановых), они реагируют без малейшего формализма, без всякой волокиты, молниеносно, смело, безошибочно.

Отвергнув органическое различие между людьми и заменив принцип естественной состязательности бюрократическим аппаратом, пропустив в «вершители судеб» то, что

само всплывает вверх, создав институт кадровых комиссий и резерва, мы достигли того, чего не удавалось никому из наших предшественников, — саморазрушения.

Всякая сложившаяся бюрократическая структура перестает развиваться и как бы становится почти абсолютной устойчивой и незыблемой. В условиях моно-полиии управления производством (даже при провоз-глашенной общенародной собственности на средства производства) мы можем говорить фактически о групповой собственности управляющей корпорации, поскольку ее право распоряжения носит абсолютный характер. Рост этих групп идет пропорционально возможностям власти и ее вторичным благам (престижу, особому обеспечению и т. п.), он никак не связан с объемом технической работы, то есть определяется групповыми интересами корпорации. Подобные формы монополизма рассматривались как закономерные или даже оправданные в чрезвычайных условиях форсированной индустриализации и предвоенных лет. С течением времени они стали восприниматься как естественно присущие социализму, как единственно возможные.

Так оно и должно быть. Так оно и есть: все действительное — разумно.

Глава 3

UN ROI, UNE FOI, UNE LOI

В мировом столкновении мы тоталитарное государство — вопреки тем принципам, которые вели нашу революцию.

В. И. Вернадский

Страдание, например, в водевилях не допускается, я это знаю. В хрустальном дворце оно и немислимо: страдание есть сомнение, есть отрицание, а что за хрустальный дворец, в котором можно усумниться?

Ф. М. Достоевский

Беранже. В городе появились носороги с двумя рогами и с одним. Жан. Что я вам говорил? Ну что ж, темхуже. Беранже. Да уж, хуже некуда.

Э. Ионеско

Да: один король, одна вера, один закон.

Закон? Какой же здесь закон? Ведь уже Беккариа знал, что закон, превращающий страну в тюрьму для подданных, и есть беззаконие. Какой же это закон, если суд не судит, а чутко слушает: вчерашние последние известия, телефонный звонок, «есть мнение»? Какой же это закон, когда — «чего изволите?»

Что до вынесенных в эпиграф слов В. И. Вернадского, то академик ошибался: не «вопреки», а в полном, я бы даже сказал, абсолютном соответствии..

Как известно, в некоторых странах и у некоторых на- родов
воцарился совсем иной дух: не человек, а классы,

государство, нация или раса считаются носителями всех прав и единственным предметом уважения, но уважения уже чрезмерного: нет ничего выше их, ничего морально не ограничивает их волю и права. Государство, нация, режим наделены всемогущим авторитетом. Личность, ее свобода духа и совести, право на жизнь и независимость фактически и морально целиком подчинены так называемому коллективизму, но, по сути, чисто авторитарному, на насилии основанному строю. Нет, это не мои инсинуации, это великий писатель Смировым именован...

Это уникальный коллективизм: каждый дурак умнее Сократа, Моисея, Будды, Конфуция. Как там в Было и будет? — «Я один единственный, я не хочу быть, как все; я хочу, чтобы все были, как я». Да, это надо знать: коллективизм — тщательно запрятанный эгоизм в его наилучшей разновидности — диктаторства, тирании.

Roma locuta — causa finita. Рим высказался, дело кончено.

Хорошо, когда Рим! А когда мелкий, жалкий, убогий, примитивный умишко? Не здесь ли истоки тоталитаризма?

Самое страшное право: узурпация права судить — от имени всего человечества, во имя всей истории, именем свободы, по законам науки.

Судьи мира, экстремисты...

В Анатомии революции Бринтон пишет:

Диктатура экстремистов воплощается в государственные формы как грубая и законченная централизация, насилие и подавление свободы. Это — необыкновенная смесь духовной ярости, экзальтации, преданности и самопожертвования, жестокости, безумия и возвышенного обмана. Диктатура и жестокость нужны революционерам для того, чтобы в короткие сроки свести небо на землю. С этой целью они ведут суровую борьбу со всеми человеческими пороками и слабостями, объявляемыми преступлением. Осуждается всё человеческое. Проповедуется аскетизм. Нормаль-

ный человек ощущает себя закованным в цепи на долгое время. Для подчинения установленным порядкам широко практикуется террор.

При всем том принуждение и насилие, направленные против трудящихся, декларируются как выражение их интересов и превращаются на практике в «закручивание гаек»,

«раскулачивание», «экспроприацию», «государственное регулирование, доведенное до каждого крестьянского двора», «беспощадную дисциплину» и т.п.

Представьте себе человечество на одно лицо: никаких от- личий. Или пять миллиардов немых. Или — попутаев. Мас- совое производство безличности, мы... Когда вместо собствен- ных слов — пусть ошибочных или нескладных — везде толь- ко и слышишь примелькавшиеся и причесанные, а главное — абсолютно верные чужие, — язык, мысль, дух мертвеют. По- вторение — даже гениального — приедается, а если — дурно- го? Сказать можно лишь однажды... Остальное — подража- ние, плагиат, попутайство, самообман, усыхание.

Высохшая, пожухшая трава, ждущая огня...

Что может быть ужаснее, чем жизнь в мире фатально предопределенной целесообразности? Единственная надеж- да в этом мире, что в силу горячо любимого нами закона отрицания отрицания он рано или поздно должен выро- диться в хаос.

Любой религии свойственен дух прозелитизма, неисто- вое желание обратить всех в свою веру. Но ни одна вера столь решительно и откровенно не провозглашала свою воинственность, как коммунистическая. Никакие ее смяг-

чения, либерализации, демократизации и гласности, пере- стройки, никакие потуги на респектабельность не измени- ли ее глубинной сути: все, кто не с нами, те против нас.

Всякое неистовство отвратительно. Знание, абсолютно уверенное в том, что оно безошибочно, есть вера.

О какой свободе вы говорите? Где это слово? Вы сами не свободны — а это навсегда. Вы хотите ска-

зать от себя — вы ничего не можете сказать от себя. Вы только от лица своей же системы сказать можете.

Как однопартийность несовместима с демократией, так тоталитарность несовместима со свободой, ибо свобода — всегда и везде — прежде всего ограничение государства. А вот до чего, будто издеваясь над собой, договорились:

«Многопартийность — недемократична, монополия одной партии — путь к демократии!ң Вот источник: М. Ильин. Буржуазный плюрализм. М., Политиздат, 1987.

Государство — это право. Нет права — нет нормального государства. Там, где право деспотично, там государство тоталитарно. Единственный путь к демократизации пролегает через самоограничение государства в пользу гражданина. Но русская мысль всегда была холодна к праву, оно всегда находилось у нас на периферии общественной мысли. Русская интеллигенция была безразлична не только к закону, но и к свободе. Вернадский писал, что не было другой интеллигенции, менее ценящей свободу личности. Правовая необеспеченность, считал Герцен, искони тяготела над русским народом, неравенство перед судом, отсутствие свобод — основная черта русского права. Воистину — «закон пакостная ложь...ң «О правосудие, сколько преступлений творится во имя твое!ң — к кому, как не к нам больше всего относится это восклицание Анатоля Франса. Вот судьи и раскрывают преступления, которые сами совершили — точь Разбитый кувшин Брехта.

По причинам
органическим Мы
совсем не снабжены
Здравым смыслом
юридическим, Сим исчадьем
сатаны.

Не удивительно, что даже в В е х а х сказалась пригупленность правосознания русской интеллигенции. Чего уж там говорить, если даже в О п р а в д а н и и д о б р а право не имеет никакого отношения к личным свободам. Не потому ли в этой стране главные роли на протяжении всей истории играли общинное инквизиторство и тотальное доносительство. Чем, собственно, наши судьи отличаются от инквизиторов, изгоняющих дьявола с благочестивым чувством исполненного долга?

Поверьте мне, господа, я сострадателен по природе, равно как и по предписанию моей веры; дело, которое я делаю, только тому может показаться жестоким, кто не понимает, что еще худшей жестокостью было бы оставить его несделанным; я охотно сам взойшел бы на костер, если бы не был твердо уверен в том, что оно праведно, необходимо и милосердно по самой своей сути.

Так говорил инквизитор на процессе Жанны Д'Арк, и эту речь может без изменений повторить любой прокурор на любом нашем процессе в любое время.

Так что нет ничего удивительного в том, что право всегда было чуждо партии, «выражающей интересы широких масс». Уже сам факт разделения партии на II съезде на большинство и меньшинство с последующим лишением меньшинства всех прав и изгнанием ориентировал партию на лишение личности прав и свобод. Все последующее — следствие идеи большевизма. На том же II съезде была сделана ставка не на закон, а на чрезвычайность, оправдывающую беззаконие. После съезда Мартов писал: «Я думал, что съезд положит конец «осадному положению» внутри партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено и даже обострено».

Ленина не смущала эта ставка на чрезвычайность: «Меня несколько не пугают страшные слова об «осадном положении», об «исключительных законах» против отдельных лиц и групп. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш централизм есть не что иное, как «осадное положение».

Вот так-с, товарищи историки, вот так-с...

Но нормальное государство можно строить в нормальных условиях. А вот тоталитарное всегда строят — в чрезвычайных. Последние всегда найдутся. Наше национальное бедствие в том, что наша история всегда была историей «чрезвычайного времени», точно так же как народ — всечеловечным и богоносным, а государство — исключитель-

ным. Всё это взаимосвязанные доктрины, ибо чрезвычайность истории — свойство нации. И пока она не покончит с чрезвычайностью, исключительностью, всечеловечностью, нормального государства и нормальной истории не будет. Доктрина государственной исключительности — плохая доктрина: она ослепляет. Страну, находящуюся у нее в плену, слишком легко сделать тоталитарной. Государственность, в основу которой веками клались бесправие, рабство, насилие, не могла привести ни к чему иному, кроме того, к чему она привела..

Тоталитаризм — это чисто мифологическое построение: государственность как святость, ведущая беспощадную борьбу с мировым злом, с сатаной, со всеми разновидностями исчадий ада — от антихристов до империалистов.

Воистину «Выпросил у Бога светлую Россию сатана...»

Тоталитарность автокаталитична: лишая человека спонтанности, самостоятельности, свободы — того, что и есть жизнь, — диктатуре ничего не остается, кроме как все сильнее «завинчивать гайки».

Тоталитаризм, хотя и консервативен, происходит от радикальности. Его корни — нигилизм, скептицизм, всеотрицание. Для революционера, пишет Нимейер, прошлого и настоящего не существует — только будущее, каким оно представляется в воображаемом идеале. Учение Мавра даже историю разделяет на неисторию — «до» и историю — «после». Так возникает тот абсолютный разрыв между прошлым и настоящим или настоящим и будущим, в котором мы живем.

Вот мы и находимся в вакууме между пустотой и раем.

Попадая в этот зазор между отвергаемым прошлым и несуществующим будущим, революция в своем порыве к недостижимым целям становится перманентным состоянием, «образом жизни». Здесь мог бы вспомниться «гениальный» Троцкий, но мне вспоминается по настоящему гениальный Кафка, его Мост. Революционеры пытаются строить мост над бездной, между вчера и завтра, используя в качестве строительного материала собственные тела и называя само

сооружение «переходным периодом». Но постепенно неуловимый идеал будущего ускользает от них, а «переходной период» превращается в «жизнь в условиях перехода», в перманентную перестройку. Настоящее становится уже не жизнью, а бесконечной подготовкой к чему-то мистическому, иррациональному, несуществующему. Жизнь отрывается от реальности. Наталкиваясь на человеческую природу, вековые традиции и нравы, она начинает творить иллюзии жизни. Отвергая человека как он есть, и требуя от него стать, каким невозможно, революция вместо обещаемых позитивных результатов творит фальшь и обман. Она создает вокруг себя «пустоту» и в конце концов обращается к последней возможности — «абсолютной организации сверху». Вслед за тотальной критикой общества — тотальной враждебностью, тотальным подозрением, тотальным террором — устанавливается тоталитарная власть.

Из двух возможностей — «государство для людей» или «люди для государства» — неизбежно и однозначно, ратуя на словах за первую, мы выбираем вторую. Слово «согласие» заменяется понятием «коллективная воля», которая, естественно, должна быть единой и неделимой. В сущности это исключает не только инакомыслие, но и саму мысль, не говоря уже о свободе волеизъявления.

Эта единая и неделимая воля целого, воплощенная в диктатуре или цекакрации, противопоставляет личности как отчуждающая и враждебная сила. Блюм так и говорил: люди разъединяет не эксплуатация, порожденная частной собственностью, а утнетение и отчуждение, вызванные подчинением деспотической власти.

Ну и что же человек? А ничего! Судя по нашей практике, адаптационная лабильность человека ко лжи не имеет пределов. В этом отношении характерно определение марксиста одним из «вероотступников»: «человек, умонастроение которого характеризуется готовностью соглашаться с одобренным партией или властью».

Правда превосходно?

Нет, чудовищно!

Как говорил Достоевский, устроить так можно лишь страшным насилием, поставив над народом страшное шпионство и непрерывный контроль самой деспотической власти. Как там в «1984-м»?

Самостоп означает как бы инстинктивное умение остановиться на пороге опасной мысли. Сюда входит способность не видеть аналогий, не замечать логических ошибок, испытывать скуку и отвращение от хода мыслей, который может привести к ереси. Короче говоря, самостоп означает спасительную глупость. Но глупости недостаточно. Напротив, от правоверного требуется такое же владение своими умственными процессами, как от человека-змеи в цирке — своим телом. В конечном счете строй зиждется на том убеждении, что Старший Брат всемогущ, а партия непогрешима. Но поскольку Старший Брат не всемогущ и непогрешимость партии не свойственна, необходима неустанная и ежеминутная гибкость в обращении с фактами. Ключевое слово здесь — белочерный. Как и многие слова новояза, оно обладает двумя противоположными значениями. В применении к оппоненту оно означает привычку бесстыдно утверждать, что черное — это белое вопреки очевидным фактам. В применении к члену партии — благонамеренную готовность назвать черное белым, если того требует партийная дисциплина. Но не только назвать: еще и верить, что черное — это белое; больше того: знать, что черное — это белое, и забыть, что когда-то ты думал иначе. Для этого требуется непрерывная перделка прошлого, которую позволяет осуществлять система мышления, по сути охватывающая все остальные и именуемая на новоязе — двоемыслием.

Двоемыслие означает способность одновременно держаться двух противоположных убеждений. Партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, сознает, что мошенничает с действительностью, однако при помощи двоесмыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна. Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он

опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, — все это абсолютно необходимо.

Самый страшный ужас тоталитаризма — привычка к нему, превращение его в жизненную норму. То, что было чудовищным — голод, беззаконие, репрессии, геноцид, безгласность, — становится привычным и обыденным, одним словом, — нормальным, а для большинства уже правильным и единственно возможным. Затем возникает нечто совсем уж невообразимое: ностальгия по всему этому, желание новых Бесошвили...

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТОТАЛИТАРИЗМА

Спротивляются только в начале,
Затем утрачивают эту
способность. Попав в узду
режима,
Вы подчиняетесь
И делаете все, как все.

П. Вайс

Что такое тоталитаризм? Каковы его признаки? Вот первый: единое мировоззрение. Единомыслие масс-человека и есть тот корень, из которого вырастают эти раковые культуры. А возник он задолго до появления массовых обществ и все из тех же человеческих качеств. Вот почему все, что писал Беккариа об абсолютизме, в еще большей мере применимо к тоталитаризму.

...люди привыкают скрывать свои настоящие чувства, а, привыкнув притворяться перед другими, начинают тем, что притворяются перед собой. Лишенные ясных и твердых начал, которые указывали бы им путь, они блуждают, потерянные и колеблемые, по обширному полю сомнений...

Неограниченная, далекая от принципов справедливости репрессия государства подавляет не столько

преступную волю, сколько свободную волю вообще.

В страхе перед судебными расправами индивид начинает остерегаться всякого решительного волеизъявления, всякой инициативы и риска, всякой неординарности. В итоге люди делаются скрытными, замкнутыми, анемичными; высшая мудрость индивида состоит теперь, как говорил еще Монтескье, в понимании того, «что для него лучше, если должностные лица вовсе не будут знать о его существовании, и что безопасность его личности зависит от ее ничтожества».

Общество как бы окостеневает; все, что в нем делается, делается нехотя, из-под палки, и только в щелях и тайниках сохраняется какая-то неподневольная жизнь. Слава этого общества постепенно меркнет, а богатство оскудевает.

Вот что значит не выносить опыта из прошлого. А ведь Беккариа не только описал симптомы, но и течение болезни. Тоталитаризм губит себя, возводя преграды сильным, ярким, самобытным, думающим, деятельным — инакомыслящим, от которых зависит общественное процветание. Только принудительно ограничив самую принуждающую государственную власть, можно спастись, дает он рецепт.

Тоталитаризм — это террор, особая форма государственного террора, когда каждый заменим и может стать как средством, так и объектом государственного насилия.

Когда честь — это верность, а долг — послушание (верность колочей проволоке границ и послушание фюреру), — это тоталитаризм. И говорю это не я, а весьма авторитетный нелюдь, имя которого — Гиммлер.

Тоталитаризм — возвращение к первобытности, когда нормой является неукоснительное следование раз и навсегда установленным табу и безоговорочное выполнение ритуала, но уже не в руссоистском варианте первобытности, а в ленинском варианте передовизны.

Когда ради Великих идей надо жертвовать собой — все ясно: это — тоталитаризм.

Это — массовая вера, имеющая главной своей опорой духовные беспощадность и жестокость, свойственные тако- го рода верованиям. Чтобы вера не ослабела, необходим диктат, или диктатура, или тирания. Изю всех вер — эта наиболее извращает подлинную сущность человека и максимально эксплуатирует ее же.

Погибнуть должно не только божество, погибнуть должна всякая форма философской веры, кроме собственной. Как на самое высшее, так и на самое под- лое навешивается одинаковая терминология, с тем чтобы шагать вничто.

Тоталитаризм как концентрация политической власти, хозяйственного руководства и мировоззренческих директив в руках государства.

Тоталитаризм как антиплюрализм, как поглощение политической властью всех остальных, как абсолютность кон- троля за всеми социальными функциями.

Тоталитаризм порождает новые типы личностей для «верхов» и «низов» и две соответствующие этим типам мо- рали. Верх живет иллюзией всемогущества и непогрешимости, в низах насаждается культ безличности: идеальным гражданином считается ни в чем предписанном не сомне- вающийся эвзимен. Это рождает общественную безынциа- тивность на всех уровнях: никто не желает ничего пред- принимать, боясь ответственности. Революционный энгузи- азм быстро сменяется приспособлением к статической системе. Чтобы задержать быстро нарастающую деградацию, делаются безуспешные попытки сохранить дух аскетизма, жертвенности, нивелирующего тоталитаризма. Но...

В одном Многозвездный прав: «Морально-политические качества наших людей формируются всем укладом нашей жизни, всем ходом дел в обществе,

Внешними признаками тоталитаризма в направляемом обществе является растущая централизация, господство официальной — и единственной! — идеологии, авторитаризм и диктат, система тотальной слежки и полицейского террора, монопольный контроль над средствами информации, полное

искоренение инакомыслия, бюрократизация управления, внеэкономические методы принуждения, милитаризм и экспансионизм, абсолютная цензура и самоцензура, попрание личных свобод. Двумя словами: НОСАГЕ! — Делай это!

Вообразите себе мир, говорил Майрена, где люди вынуждены передвигаться по рельсам и потому никоим образом не могут отклониться от заданного им пути. Это будет тот круг ада, в котором Данте разместил бы детерминистов, рационалистов и нас.

Зато с политическими убеждениями в этом мире все обстояло бы просто.

Верую, ибо абсурдно? Нет, далеко не так все просто. Ибо за этим единогласием и этой верой кроется долго культивируемый страх.

Каким образом тоталитарная власть добывается беспредельной преданности режиму? С помощью чего? Страх? Веры? Насилия? Оглуления? Рабства? Когда, почему, как принуждение и страх перерастают в убежденность и пафос? В чем секрет влияния тоталитаризма на людей?

Секрет — в людях, в качестве масс, в их исконном внутреннем рабстве. Тоталитаризм — это реализация скотского в людях, торжество скотства.

Все остальное — охранка, насилие, техника промывки мозгов — только инструменты.

«Роевое начало невозможно совместить личностным. Рой есть рой. Муравейник есть муравейник, знающий только одну «личность» — матку, и одну правду — ее солдат.

Осталое тяготеет к крайнему: то к иконе, то к топору. Деспотизм и рабство нельзя преодолеть сменой власти, ибо они глубже, чем власть. Это зло не внешнее, а внутреннее.

Чтобы преодолеть рабство, надо ликвидировать не господ, а рабов — задача неизмеримо более тяжелая. Бердяев в Вехах писал: «Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы».

Власть хорошая отличается от плохой даже не степенью своего демократизма, а качеством своего влияния на массы. Хорошая власть — это власть, делающая людей лучше, чем они были до нее.

Тоталитаризм — это система, в которой современные технологические средства осуществления политической власти используются без ограничений централизованным руководством элитарного движения с целью осуществления тотальной социальной революции, которая охватывает формирование человека, исходя из провозглашенных руководством произвольных идеологических предпосылок в атмосфере вынужденного единомыслия всего населения.

Тоталитаризм представляет собой новую общественную формацию, возникшую в эпоху масс в результате прорастания массовой компоненты личности под влиянием коммунистических или фашистских теорий. Его новизна носит внешний характер, ибо в сущности это худший вариант деспотии, сдобренный «демократической» фразеологией. Почему худший? Потому что диктаторы вербуются из эврименов, олицетворяющих эту массовую компоненту.

При всем разнообразии тоталитарных диктатур их разделяет лишь содержание немудреной, но обязательно массовой идеологии, исторические традиции и степень жестокости. Наряду с явно выраженными тоталитарными режимами имеются тоталитарные тенденции, выраженные тем сильнее, чем больше подавлено личностное начало.

И здесь перо
рвется поведать
про

Сходство. Ибо у вас в
руках те же растения. В
облаках
тот же гудящий бомбардировщик,
летающий неведомо что бомбить.
И сильно хочется пить.

Я пишу из Империи, чьи
края опускаются под воду.

Снявши пробу с двух океанов и континентов, я чувствую то же, почти, что глобус.

То есть, дальше некуда. Дальше — ряд звезд. И они горят.

Тоталитаризм — многокорневая система: история, география, национальная традиция, культура, идеология — все это, взаимодействуя и дополняя одно другое, ведет к нему или уводит от него. Чем отсталее общество, чем слабее личностное начало, чем грубее внешняя опека, тем выражена тоталитарность. Этапизм тяготеет к отсталости, низким жизненным стандартам и примитивным обществам; массовость и конформизм — катализаторы тоталитаризма.

Все тоталитарные системы одинаковы своей тоталитарностью, все демократические разнолики. Ныне не существует единой социальной или экономической системы: сколько стран — столько систем. Некоторые из них куда ближе к грезам Мавра, чем к фритредерскому капитализму, которым они порождены по принципу противопоставления или отрицания.

ЭКСГИБИЦИОНИЗМ ДУХА

Правильно всё, кроме
единственно правильного.

Автор

Концепция «высшего» и «окончательного» уже множество раз подводила культуру — в искусстве, науке, политике, Утопии, Просвещении и т. д., и т. п. — подводила, но, видимо, так ничему не научила. Стремление к всеобщности, универсальности, абсолютности, проявившееся в претензиях Лапласа, не только не оставляет места для развития, свободы, конкуренции, но самым ближним путем заводит культуру в тупик. Некогда Августин отверг науку, «ничего не дающую для спасения души», и тем самым на тысячу лет разрушил интерес к ней. Нечто подобное произошло в XVIII-XIX веках с Просвещением, Утопией и коммунизмом, пообещавшими золотые горы и тоже разрушившими сознание — как невозможностью их обретения, так и связанной с этим ложью. Чтобы не затормозиться еще на тысячелетие, надо знать эти тупики культуры.

Хохут: «Я полагаю, что марксист в своей позиции похож на жреца, который все, что он думает, позволяет и

проповедует, в конечном итоге измеряет правдой своего убеждения, впадая в убийственную ошибку, что существует только одна эта правда,

Идея «торжества разума» опасна единственностью правды, но еще больше — пренебрежением человеческим неразумием, абсурдом, волевым началом, интересом, человеческими качествами как таковыми.

Сформулированная Гегелем и Марксом линия европейского мышления понимает историю как торжество разума, как воплощение серьезности, а все не-серьезное и абсурдное происходит вне истории или на фоне серьезности истории.

В «Приключениях бравого солдата Швейка» Гаушек безжалостно нарушил этот порядок, поставив вопрос: «А что, если рационализация хода событий, то есть объяснение их как следствия разумного поведения, является мистификацией? А что если история просто дура?»

Когда Швейк гадал, какого Фердинанда шлепнули, Франц Кафка записал в дневнике: «Германия объявила России войну. После обеда бассейн. Кафка, как мы видим, воспринимал войну не как немец, сознающий свою принадлежность к великому народу, который в данный момент творит историю, а как пражский еврей, прекрасно понимающий, что ни евреи, ни

чехи историю не делают, а только подчиняются ей. Беккет обнажил человека до его биологической сущности. Кафка же обнажил историю, определив ее суть как стремление к власти, которое не только антиисторично, но вне своей цели не обладает вообще никакой сутью. Для Гаушека язык истории звучит как болтовня, а для Кафки история вообще безъязычна — без идеологии, без самооправдания: это всего лишь власть, которая даже не пытается объяснить, к чему она.

История XX века подтвердила правоту не поборников разума, но — абсурдистов, чьи страхи оказались слишком слабыми перед деяниями Великих Учителей и Величайших Гуманистов. Разум оказался причастным тем категориям свободы, равенства, братства, прогресса, чего там еще? —

категориям, приведшим к невиданным неравенству, рабству, регрессу, неразумению..

Коммунизм — это категорический императив «жизнь за идею». Причем в мире бесчисленного количества идей от вас требуют пожертвовать собой за одну единственную и к тому же чужую.

Коммунизм — это фабрика Абсолюта по производству минитменов, то есть готовых в любую минуту (но больше готовых, чем действующих..)

Кто ясно видит величие чужой мысли, тот и сам поднимается до того же уровня и возносит свою мысль на ту же самую высоту. Но кто считает, что история и мысль начинается с его появлением на свет, тот ведет к непоправимым бедам. Отсутствие сомнения — вот опасность! В сочетании с мессианством самомнение — катастрофа.

Коммунизм — интеллектуальное хамство. Ибо что есть хамство как ни примитивное самоутверждение оскорблением и унижением всего остального.

История нетерпимости ничему нас не научила. А ее уроки заключаются в том, что сожженные ересиархи всегда переживали палачей. Травля пророков, богоульников и святых всегда была бессмысленной борьбой с эволюцией мысли, подавлением тех сил, которые в конце концов вырвались наружу с тем более разрушительной силой, чем сильнее и дольше их подавляли.

Мудрец сказал: степень терпимости зависит от напряженности условий, при которых обществу приходится поддерживать свою сплоченность. В таком случае самые несплоченные — мы. И еще: шабаш нетерпения, а затем нетерпимости — разве не лучшие свидетельства все более глубокого вхождения в варварство?

Нет ни малейших оснований полагать, что современное варварство терпимее любого иного и что судьба святых Иоанн и Ноланцев не повторяется в наши дни в тысячах вариантов. Тысячи мучеников, из которых каждый во много раз менее опасен и страшен для наших прави-

тельств, чем Жанна Д'Арк или Бруно для своих, истреблены, уморены голодом, лишены крова в процессе крестовых походов, преследующих намного более тиранические цели, нежели средневековые, которые не предполагали ничего более грандиозного, чем отвоевать гроб господен у сарацинов. Могли ли современные эквиваленты Инквизиции, такие Огненные палаты, как особые трибуналы, «чрезвычайки», карательные и экспедиционные войска, и т. д., и т. п., — могли ли они похвалиться тем, что жертвам их был предоставлен такой же справедливый суд или такой же добросовестный судья, какие были предоставлены Жанне инквизицией и всем духом Средневековья, в то самое время, когда страна находилась в напряженнейших условиях внутренней и внешней войны? У нас она не добилась бы ни суда, ни закона, кроме закона об обороне государства, отменяющего всякую законность, да в качестве судьи получила бы, в лучшем случае равнодушного майора, которому терзания такого высокообразованного служителя Церкви, как Кошон, показались бы нелепыми и недостойными патриота иборца.

В отличие от рабовладельческого деспотизма и авторитарного абсолютизма тоталитаризм уже не довольствуется общим политическим контролем и подчинением: ему требуется вмешательство в каждое социальное действие и в каждый индивидуальный акт. Пространства, свободного от вмешательства тоталитарного государства, нет. Охвачено все. Никто не остается вне контроля.

Никакая активность индивидов или их объединения, ни одна мысль, ни один человек при тоталитарном режиме не свободен от контроля, ничто не свободно от опеки стоящей у власти партии.

Можно сказать так: рядом с общественным прогрессом и в самих его недрах шел обратный процесс — все больше — порабощения, пренебрежения законом и правом, усиления эксплуатации, «прогресса беспощадности и абсолютизации полицейского государства. И если идеал такого государства еще не достигнут, то — единственно — из-за полного разложения коррумпировавшего полицейско-прокурорско-го аппарата.

Феномены фашизма и большевизма страшны не насилем даже — оно было всегда, и не экстремизмом — и этого хватает. Они страшны тотальностью: единой реакцией на приказ.

Мы присутствуем при одном из величайших скандалов в мировой истории. Целая нация, включая университеты, профессоров, литераторов, врачей и юристов, сегодня мыслит строго по приказу. Как вы думаете, могла бы быть провозглашена эта животная доктрина, если бы каждый образованный человек в этой высокообразованной стране пожал плечами и сухо заявил, что он не позволит делать с собой эти idiotские штуки! Произошло не что иное, как огромное предательство образованных людей, и это наводит на страшные размышления о том, на что способна интеллигенция.

Это чудовищно, когда единственная привилегия думающего — добротная ложь. Ложь — единственное, что открывает безграничные возможности для интеллектуалов. Чем утонченнее ложь, тем изощреннее интеллект. Больше или лучше лжешь — выше вознаграждение!

О, это бушующее море лжи, волны которого носят миллионы тел-трупов..

То, что поначалу укрепляло коммунизм, то же и разрушало его изнутри: единомыслие, конформизм, вырождение, ложь. Ведь тоталитаризму присущи тоталитарные же идеология и пропаганда, на все лады превозносящие его переименованную в прогресс деградацию и именуемый свободой террор. Главный принцип: чем хуже — тем лучше: чем хуже жизнь, тем громче литавры. Это автокаталитический процесс: раз начавшись, он ускоряет сам себя; наступает момент, когда ничего сделать уже нельзя. *Нельзя ничего не делать, но нельзя ничего и подделать*

Каждый раз, когда какую-нибудь частную истину считали единственно верной, это за себя мстило, резюмирует Музиль.

КОЕ-ЧТО ОБ ОНОСОРОЖИВАНИИ

Демос наш доволен, а со
временем ему будет еще лучше.

Ф.М.Достоевский

Человек массы — это естественный тоталитарист. Человеческая масса — это плодородная почва для демагогии, и сила, которую он теперь представляет, открывает демагогу прямую дорогу к захвату власти. Тоталитаризм под этим углом зрения выступает как восстание поднимающегося человека массы против цивилизованного общества, которое он ненавидит из-за того, что оно господствует над ним и предписывает ему нормы поведения, которых он не может или не желает выполнять.

В чем главная притягательность тоталитаризма? В эв-римене! Его сила — в его слабости: лени, пассивности, усталости, конформизме, примитивности. Нацизм и марксизм быстро завоевывали сердца людей, предлагая им духовные ценности низшего порядка, но доступные всем. Они предлагали им стиль жизни, где человек перестает действовать и становится орудием действия других, столь же примитивных, но одержимых волей к власти.

Отказ от мышления (бесконфликтность сознания), пассивное послушание, ограниченность, массовость, инстинктивность, абсолютная уверенность, страх, комплексы героизма и патриотизма — вот что такое тоталитарность.

Тоталитарные движения являются триумфом воли их вождей, которые не без успеха пытаются сформировать мир в соответствии со своими (обычно чуждыми действительности) представлениями. Но было бы большой ошибкой, говоря о воле, роке или судьбе, объяснять подъем бесноватых к вершинам власти необъяснимым событием мировой истории. В эпоху массовых движений это не только объяснимо, но и вполне закономерно.

Появление тоталитаризма обязано не уникальным историческим условиям, а торжеству грядущего хама: ортегианскому восстанию человека-массы в каждом из нас,

его мобилизацией на службу идеологии. Питательная среда всех тоталитарных режимов, начиная с 1789 года, одна: идеологическое рекрутирование масс на защиту «правильной веры», «лучшего народа», «свободы, равенства, братства» и тому подобной чепухи. Необходимое условие — отсталость. Тоталитарное общество создало новый тип личности: человека-локатора, не просто ловца новых веяний, но угадывателя велений, блестяще владеющего языком текущего момента и способного обратить любую кампанию в личную выгоду. Оно и зиждется на вслушивании — на вслушивании инстинктивно хитрых людей, острым нюхом чувствующих то, что носится в воздухе и что хотят, чтобы они унюхали. Оно и гарантирует продвижение вверх строго в соответствии с вслушиванием и внюхиванием.

Происходит кафкианское сращивание официальной и частной жизни: абсолютное закрепощение индивида именно через частную сферу.

Некогда Дидро писал, что наибольшего успеха достигает не тот актер, который отождествляет себя с ролью и с предполагаемыми ею переживаниями, но тот, который принимает эти переживания именно как предполагаемые и заставляет публику рыдать, сам оставаясь абсолютно холодным.

Мы — эти играющие мертвецы.

Но чтобы существовать, элитизм не может отказаться от личности: чем больше государство страдает от тотального волюнтаризма, чем дальше деградирует, тем чаще ему приходится взывать к «человеческому фактору». Конформистско-бюрократической стагнации общественной жизни начинает противиться не столько оносоруженная личность, сколько аппарат оносоруживания, видящий в экономическом застое угрозу для собственного существования. Но аппарат этот не понимает, не хочет понять, что причина упадка коренится в самой системе, в самом источнике, в самой сути, в самих «спасителях». «Чистота идеалов» есть первопричина мрака.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА?

«Советология» не придает никакого значения тщательному изучению и трезвому анализу руководящей роли рабочего класса в социалистическом обществе, которая в ходе экономического и технического развития возрастает по мере повышения его политической активности, знаний, идейно-культурного уровня.

Из «Современного антикоммунизма»

Только диктатура пролетариата, считал Мавр, создает такую благоприятную обстановку, в которой «классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем. Всякое государственное устройство после революции, учил он, нуждается в диктатуре — причем энергичной. Поэтому, заключали *наши*, сторонником пацифистской идеологии Мавр не был никогда.

Разве так важно, был ли Мавр по своей натуре сторонником насилия или не был, если практика репрессий, в которую превратилась его теория, есть неоспоримая реальность? Да и его яacobинские симпатии сомнению не подлежат. В конечном счете вся его деятельность — теоретическое обоснование яacobинских доктрин и традиций. Для Мавра 40-х годов Робеспьер был олицетворением «истинного равенства, искоренителем социальной несправедливости, поэтому он оправдывал, мало того, считал абсолютно необходимым яacobинский террор. И хотя в конце жизни он осудил его, но и тогда списал его не на счет Робеспьера, а — буржуазии, «обдeldывающей свои делишки при терроре».

Конечно, можно возразить, что под диктатурой пролетариата Мавр имел в виду не столько насилие, сколько демократию для большинства, контроль масс. Но что бы он ни имел в виду, его личный опыт и знания уже не освободили его от ответственности с учетом реалий по крайней мере трех революций, которые он знал. Но его логика была очень проста: раз

есть диктатура буржуазии, то должна быть диктатура рабочих.
Иного не дано.

Жизнь дала другое: не диктатуру пролетариата, но диктатуру над пролетариатом. Ни в Советах, ни в ЦК, ни в Политбюро рабочие не играли никакой роли. Даже в партии их доля нередко опускалась до трети, а процент рабочих в Советах, например, в 1936 году составлял... 11,2%... К этому следует приплюсовать спускаемые сверху решения, общую пассивность, страх, систему выживания «верных» и «податливых», машину единогласного голосования, бюрократизм, «механику» принятия решений и пр., и пр., и пр.

Даже теорию пришлось модифицировать: диктатуру пролетариата осуществляет не весь народ, как могли бы подумать простофили, но только революционный народ. Так что же: диктатура пролетариата или деспотия революционеров?

* * *

Мне никогда столько не
приказы-вали за всю мою
жизнь, никогда!

Л. Кэрролл

Согласно закону Михельса, все, что было демократичным в начале, становится олигархичным в конце. А если все начинается с насилия и террора?.. Символично, что «самая демократическая конституция», имеющая своей целью демонстрацию народности и свободы, была принята в канун 1937-го.

Власть, считал Сталин, должна быть несокрушимой, а для этого следовало сокрушить всех, способных посягнуть на нее. Так и строилась «демократия» — методом сокрушения! Формула «власть — трудящимся» подспудно подразумевает безликость власти, легкость манипулирования, отсутствие многообразия, права на различие, отстраненность от сложной реальности.

После краха всех предыдущих — руссоистских по духу — попыток обрести общественный идеал осталась последняя: переместить власть от немногих — ко всем: толпа, управляемая толпой. Что такое народная воля и как осуществить управление массами, никто не знал, но...

Знаете, кто оказался гениальней всех наших гениев? — Некий ныне почти безвестный П. Новгородцев, накануне «великой» революции писавший:

Опыт жизни обнаружил однако тщету этих надежд. Все попытки найти чистую и безошибочную волю народа оказались не достигающими цели: ни представительство, ни парламентаризм, ни референдум, никакие системы выборов и голосований не могли решить этой задачи. В связи с этим, и самая вера в народовластие, как в абсолютное начало, которому должно быть подчинено все остальное, потерпела крушение. В эпоху Руссо перемещение власти от олигархии привилегированных в руки народа могло казаться не только первым, но и единственным условием свободы. Однако власть всегда остается властью, и никакое перемещение или переустройство ее не решает еще проблемы общественного идеала.

Привыкший к старым иллюзиям, к ожиданию близкого конца странствий современный человек чувствует себя потерянным в открывающихся перед ним безбрежных перспективах. Надо отжить эти иллюзии, надо приучить свой взор смотреть в бесконечность и понять, что общественный идеал *только в бесконечном развитии находит свое выражение.*

Понять во всей силе и глубине эти истины, что задачи личности шире перспектив общественного прогресса и что для нее нет надежд на грядущий земной рай, — это и значит выйти на новый путь. На этом пути мы не услышим заманчивых обещаний, но не узнаем и горьких разочарований. Это путь неустанного труда (без видимого и легкого результата) и бесконечного стремления (без столь нам свойственного вождения).

Но нам не нужен труд, нам чуждо долготерпение. Шесть лет спустя грянет революция, которая отбросит нашу страну в каменно-ракетный век.

Демократия и диктатура... демократия и однопартийность... Демократия и централизм... Демократия и иерархия... Демократия и бюрократизм... С чем это можно сравнить?

- С гуманизмом Калигулы?
- С благодеяниями бесноватого?
- С практикой Бесошвили?
- С удушением Советов?

Даже «соратники» были шокированы «практикой» большевиков. Роза Люксембург, наблюдая последствия «второго термидора», констатировала:

Но если политическая жизнь в стране будет задушена, Советы тоже не смогут избежать прогрессирующего паралича. Без общих выборов, свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений в любом общественном институте жизнь застывает, становится лишь видимостью, и единственным активным элементом этой жизни становится бюрократия.

* * *

Нам пришлось осуществить диктатуру в самой ее суровой форме.

В. Ленин

При коммунизме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял.

В. Ленин

Как ни облагораживать ее словами, диктатура есть диктатура: насилие, подавление, «смесь духовной ярости, экзальтации, преданности и самопожертвования, жестокости, безумия и возвышенного обмана. Диктат, централизация, макиавелизм необходимы ей как инструменты подчинения и господства.

В качестве главного аргумента в защиту диктатуры — пришедшей не из практики, а из теории — мы использовали врагов революции, «не соблюдавших никаких законов,

Ограничения формальной демократии были необходимы ради сохранения завоеваний фактической социалистической демократии.

Такое вот словоблудие. Но вот в чем вопрос: революция и враги кончились в 21-м, а затем были — 29-й, 37-й, 49-й... И еще: враги появились в 1917-м, а в каком Мавр начертал диктатуру?..

«Не демократия дает социализм, а социализм дает демократию, последовательная демократия требует социализма, читаем у Ленина. И это говорит человек, главная черта которого — авторитарность, глубинный деспотизм...

Разве вся наша история — не горькая ирония, не пародия на сказанное Лениным? Может быть, великие демиурги и верили во «власть, открытую для всех, делающую все на виду у массы, доступную массе, орган массы и ее воли», но на практике «постепенное превращение органов государственной власти в органы общественного самоуправления» прямым путем вело к Кобе, застою и тушику.

Между прочим, «проклятый ренегат» и «недоумок» К. Каутский еще в 18-м предупреждал, что диктатура пролетариата позволяет удержаться у власти, но не позволяет обеспечить ни благосостояния ни политического согласия масс с режимом насилия.

Система власти коммунистов строилась таким образом, что образуемые путем безвыборных выборов представительные органы подчинялись исполнительным, а те и другие — аппарату партийного руководства. Народ якобы выбирал якобы высшие органы — Советы, Советы полностью подчинялись невыборной организации, ордену, масонской ложе. Вот и вся демократия! Народ «выбирал» одних, страной руководили другие. Глава государства, сам назначивший себя или, в лучшем случае, выбиравшийся за закрытыми дверями 13-ю первомасонами... Есть вопросы? Советы как исполнительные агентства политбюро, автоматически настроенные на беспрекословное выполнение его указаний... Есть ответы?

Слияние аппарата партии с инструментами насилия, голое администрирование, вмешательство партийной элиты во все сферы жизни, беззаконие, атмосфера страха — все это исключало какой-либо контроль общества над властью и создавало неограниченные возможности злоупотреблений и насилия, изнуряющих страну. «Демократия» вырождалась в бандократию, монопольный контроль партийных бонз, ликвидацию правовых норм, беспредел, лагерность, тюремность... Не буду вникать в вопрос, было ли все это отходом от духа Маркса или соответствовало глубинной сути его заветов, важен результат Великих Идей. Между тем, провиденциальный автор Заката Европы предупреждал, что грядущий социализм не имеет ничего общего с утопическими мечтаниями и гуманистическими устремлениями: это власть, власть и еще раз власть

Социализм — в высшем, а не банальном смысле, — есть идеал, исключаящий другие идеалы, и обязан своей популярности только недоразумению (распространенному даже среди руководителей), а именно, будто он есть совокупность прав, а не обязанностей, ослабление, а не высшее напряжение.

Социализм — вопреки внешним иллюзиям — отнюдь не система милосердия, гуманности, мира и заботы, а система воли к власти. Все остальное — самобман. Цель его совершенно империалистическая: благоденствие в экспансивном смысле, благоденствие не больных, а жизнедеятельных, которые стремятся к свободе действия, вопреки сопротивлению собственности, рождения и традиции.

Вот для кого происходят все революции — для маниакально одержимых идей власти. Секрет прост: «Большевики должны взять власть».

На этом можно было бы поставить точку, но я хочу кончить нашенским аккордом: «Однопартийность в нашей стране обусловлена единством общества и преданностью партии»

ГОСУДАРСТВО — НОЧНОЙ СТОРОЖ

И... откроется простор не только высшему государству, но и величайшей тирании.

Б. Паскаль

Начну с пророчества великого демиурга:

Первый акт — захват государством средств производства — есть вместе с тем и последний самостоятельный акт государства как такового. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится излишним в одной области за другой и таким образом постепенно само собой прекращается. На место командования лицами становится заведывание вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*.

Начав с утопии и руссоистского невмешательства государства в гражданскую жизнь, коммунизм кончил отрицанием либерализма и индивидуальной свободы. Вместо приоритета личности — благо масс, вместо свободы каждого — интересы класса, вместо справедливости и закона — тотальное подчинение государству.

Партия рассматривает государство не как простую сумму индивидов, но как организм, содержащий в себе бесконечные ряды прошлых, живущих и будущих поколений, для которых отдельные индивиды представляются лишь преходящими моментами. Из этой концепции общества партия выводит категорический императив: индивиды и группы должны подчинить свои интересы высшим интересам национального организма.

Это великолепно: люди — как преходящие моменты. Но не это даже важно: стоит появиться одержимым волей к власти, как, независимо от идеологии, — сегодня дуче социалист, завтра фашист, — на первое место выходит категорический императив: подчинить личный интерес государственному.

Люди устали от свободы, писал Муссолини. — Теперь свобода уже перестала быть той непорочной девой, ради которой боролись и гибли поколения. Для суровой молодежи, вступающей в жизнь в утренних сумерках новой истории, есть другие слова, вызывающие гораздо большую привлекательность. Эти слова: порядок, иерархия, дисциплина.

Снова отдадим дуче должное за откровенность, за отсутствие эживоков. И... за прозорливость. Когда мы устанем от «свободы», кто знает, не появится ли еще один дуче, еще один народный радетель, первый патриот, спаситель отечества?

Либерализм, поучал он дальше, не есть последнее слово. Либерализм — метод XIX века, который характеризуется двумя основными факторами: развитием капитализма и утверждением чувства национальности. Нельзя быть уверенным, что этот метод непременно подойдет и к XX веку. Факт весит больше книги, опыт больше доктрины. Послевоенный опыт знаменует поражение либерализма. Доказано, что можно править помимо и против всякой либеральности.

Но нужно ли человеку государство, обращающее его в раба? Нужно ли государство, которое не защищает, а, наоборот, посягает на жизнь и душу своих граждан? Нужно ли государство, которое непрерывно требует жертв? Нужно ли государство, которое непрерывно лжет, грабит, насилует собственных граждан? Кстати, ответы на эти вопросы можно найти еще в Ветхом завете, через который красной нитью проходит требование разорвать путы «крови и почвы»;

Аврааму сказано покинуть его землю и стать странником. Моисей воспитан в незнакомой обстановке вдали от семьи и даже от своего народа. Условием миссии Израиля, как богоизбранного народа, является то, что он покидает Египет и странствует в пустыне в течение сорока лет. Осев, иудеи снова впадают в идолопоклонничество, идолом и государству. Центральным пунктом учений пророков является борьба против идолопоклонничества. Они проповедают ценности, общие для всего человечества, — истину,

любовь, справедливость, нападают на государство и те светские силы, которые не осуществляют этих норм. Государство должно исчезнуть, если человек оказывается настолько к нему привязанным, что благосостояние, мощь и слава государства становятся критериями добра и зла. Та идея, что люди должны вновь отправиться в скитания и могут вернуться в свою землю лишь тогда, когда достигнут свободы и прекратят поклоняться идолам почвы и государства, является логической кульминацией принципа, лежащего в основе Ветхого завета и особенно мессианской концепции пророков.

Почему мы так любим Макиавелли, Гоббса, Гегеля? Потому, что они утверждали этатизм: примат государства, абсолютизацию власти. Ни дуче, ни фюрер, ни великие вожди не добавили к ним ничего нового — они осуществили их предначертания на практике.

Когда отсутствует принцип разделения властей, тогда гласные и негласные правительственные и неправительственные циркуляры вполне подменяют законы.

О каких законах вообще могла идти речь в стране, Генеральный прокурор которой объявлял презумпцию невиновности «буржуазным хламом», требования закона — «вступающими в противоречие с живыми интересами» а вместо доказательств использовал во время следствия побои и площадную брань?

Нарастающая волна беззакония выносит Вышинского на самый верх: ему, а не кому-то другому доверяется пост прокурора страны. Пост, где именем закона он будет закон попирает. Создаст декоративный фасад, за которым заплочных дел мастера смогут творить свое кровавое дело. Станет влиять на трибунах, заражая легковерных [только ли их?] своим огненным пафосом, испепеляющей страстью и верой в торжество справедливости, ибо к ней он взывал, о ней только и пекся, ссылаясь всегда на высшие интересы народа. [А чем он отличался от своих «честных»

и «хороших предшественников? Чем вообще эти блю-дуны интересов народа отличались друг от друга?]

Еще в шестидесятые годы по архивным материалам было установлено, что многие жертвы «культы личности и на следствии, и на суде требовали внести в протокол их заявления о пытках и других «нарушениях законности». Об этом стало известно Берии, который потребовал от Вышинского, чтобы прокуроры не настаивали на фиксации заявления обвиняемых о незаконных методах допроса... Вышинский в письме на имя Берии услужливо сообщил, что им дано указание не фиксировать таких заявлений.

В протоколах по уголовным делам последних лет, где вскрыто мерзкое беззаконие следователей, приведшее к расстрелам невинных, мы тоже не найдем ни малейших признаков заявлений такого рода, хотя они делались неоднократно: о побоях, угрозах и шантаже. Когда же об этом им пришлось рассказать на суде, реакция была однозначной: поклеп на наше славное следствие. Так откуда же эта неистребимая преступная практика? Оттуда, отсюда...

У меня перед глазами: «кристальный Вышинский — главный обвинитель в Нюрнберге...

Режимы фюрера и дуче вовсе не считали себя полицейскими и тоталитарными. Рокко, выступая в парламенте в феврале 28-го, настойчиво подчеркивал, что «фашизм не хочет стать государством полициин. Он страдает создать себе всенародную опору. Он хочет, чтобы правительство опиралось на массы посредством множества общественных организаций, которые «позволили бы ему поддерживать контакт с народом, формировать его моральное и гражданское сознание, руководить его духовным и экономическим развитием». Также, наверное, был авангард... Все фашистские лидеры тоже настойчиво подчеркивали общенародный характер своих партий и были близки к истине: массы действительно устремлялись в эти партии, видя в них силу, мощь и выражение собственных интересов.

* * *

Государственный принцип Какании—
«тянуть дальше ту же волюнку».

Р. Музиль

Это закон: любая идея, сообразно с которой мы какое-то время действуем, сменяется привычкой, инерцией, корыстью, насущными нуждами, потому что так устроена жизнь.

Уже Платон знал, что государственное устройство — это нечто чрезвычайно могущественное и с трудом поддающееся распаду. Нередко оно продолжает существовать вопреки здравому смыслу, несмотря на развращенность и невежество должностных лиц, разнuzданности и мятежность народа.

ИЗ ДНЕВНИКА

Перечитал З а м о к. Нет, это не сатира на государство, это оно и есть, в нем я живу.

Господа из З а м к а — представители универсальной власти. Они осуществляют функцию государства и функцию судьбы. Они ограничивают, запрещают, дают, унижают, регулируют, обманывают, оттягивают. Они обеспечивают нормальное функционирование строя бесправия и вместе с тем создают своей деятельностью как бы структуру времени для угнетенных. «Мужики обращаются к начальству, просят, надеются, ждут, им отказывают, им обещают — так проходит время, так проходит жизнь. В конце концов они ничего не получают, запутавшись в лабиринте надежд и проволочек, но зато «проводят время, *ни разу не взглянув в глаза тоскливой и безнадёжной истине*. Вся неустанная деятельность начальства очайшим и остроумнейшим образом устроена так, чтобы быть совершенно бесплодной.

Поколения сменяют одно другое. Они рождаются для обещаний, следующих с цикличностью появления поколений, и с обещаниями же уходят. У них тоже есть свой З а м о к красного камня, он тоже называется К.

Красные колонны величия еще шествуют по площади перед красным Замком, но вот они проходят... шелуха, обрывки бумаги, лопнувшие радужные шары, грязь...Площадь пустынна...

Не состоялось...

О, Голодарь, Голодарь! Ты писал о государстве вообще, а, оказалось, каждый раз о конкретном государстве. Не под властным времени. Воистину: мы рождены, чтоб Кафку сделать былью...

Люди, населяющие «деревню», показаны также в прямом соответствии с конечными результатами нравственного миропонимания. Мало того, что люди эти покорны, как овцы, и послушны всему земному и небесному начальству, — раболепные и податливые, они даже во взглядах на самих себя усвоили точку зрения помывающихся ими чиновников. В отличие от придавленных героев Достоевского, они вовсе не чувствуют себя ни оскорбленными, ни униженными, и в этом самодовольстве падения явнее всего выражается окончательность их перерождения. И, быть может, последний отблеск

человеческого проявляется в них как страх, зависть, презрительное уважение, недоброжелательное почтение по отношению к пришельцу, намеренному — подумать только, какая наглость! — сравняться с начальством и до конца упорствующему в безнадежных попытках осуществить свое намерение. В том, как они сторонятся пришельца, сказывается не только трусость, вошедшая в плоть и кровь, но также и *тайная неуверенность в надежности укorenившегося в их душах иммунитета против чувства человеческого достоинства.*

Нет времени задуматься, остановиться...

Образцово идеальное, превращающееся в образцово растленное. И мы в нем — как мерлоки... Если мир познаем, то пусть объяснят, почему всегда и везде этот перевертыш. Свет, трансформирующийся во тьму. Тьма — из света. Всэ — бессмысленно. Всэ — бессмысленно? Бессмысленно — всэ? Занавесопускается.

Тьма...

ЭКОНОМИКА ДЕФИЦИТА

По плодам их узнаете вы их.

Библия

Не ликуй страна победы, что
бич, которым ты бичевал,
восторжествовал. Ибо из семени
змеи явится василиск, и его
потомство пожрет пшеницу.

О. Уайльд

Бывает экономика изобилия, а бывает — дефицита. Мы сами так ее именуем.

Еще в 1921-м Кришман предвидел, что это — экономика недостатка, что анархия товарного хозяйства ведет ко всеобщему избытку, а волюнтаризм нетоварного — ко всеобщему дефициту, что, если производство дефицитных товаров объявляют ударным и обеспечивают ресурсами в первую очередь, то анархия снабжения только усиливается: ведь на голодном пайке оказываются остальные производства и это продолжается до тех пор, пока дефицитом не становится — ВСЁ.

И разве не то же самое — слово в слово — находим мы у Немчинова?

При карточном рacionamento средств производства, анархия товарного хозяйства сменяется анархией нетоварного, только в первом случае она принимает формы всеобщего избытка, а во втором — всеобщего недостатка.

А какое иное хозяйство могли создать швондеры, шариковы, присыпкины, умрищевы и вермо, единственной

специальностью которых было отрицание всего созданного до них, мерлоки, бесконечно далекие от трудовых навыков, просто конкретных знаний, революционные застрельщики, для которых все великое и непонятное было просто пережитком старого?

На деле речь шла не о пережитках старого, а о пороках нового и не просто экономических — принципиальных, основополагающих, отменяющих законы природы и человеческие качества подобно тому, как красные профессора на общем собрании голосованием отменяли закон стоимости.

Отсюда — от агрессивного невежества, мягко именуемого кавалерийством, — все эти экономические перлы: планирование от достигнутого уровня, затратное ценообразование, фондируемое снабжение, явная или скрытая продрозверска.

Старшина, поучавший студентов на сборах, был недалек от верховной истины марксизма, говоря, что в самой плохой казарме порядка больше, чем в лучшем университете. Единственное, чего не знал этот старшина, так это того, что самая лучшая казарма ни при каких условиях не станет самым плохим университетом.

ИЗ БУЛГАКОВА

— Что такое эта ваша разруха? Что вы подразумеваете под этим словом? Это вот что: если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Павловна, в уборной начнется разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах. Значит, когда эти баритоны кричат «бей разруху!» — я смеюсь. Двум богам служить нельзя! Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьи каких-то испанских оборванцев! Это никому не удастся, и тем более — людям, которые вообще отстав в развитии от европейцев лет на 200, до сих пор еще не совсем уверено застегивают свои собственные штаны!

ИЗ ПЛАТОНОВА

— Во мне, вот, лежит большевистский заряд, — сказал Климент. — А как начну им стрелять в свое дело, так выходит кой-что мало. Ты стараешься все по-большому, а получается одна мелочь — сволочь! Ты скотину питаешь во как, я сам траву жую, прежде чем скотину угощаю, а отчет мне показывает — по молоку недоборка, а по говядине скотина рост перестала!.. На центральном гурте взяли сорок рабочих всякого полу из колхоза, по стовору, — мне два помощника, два умных на глаз мужика достались. Что ж такое?! Ходят они, бушуют и стараются — я сам на них пот щупал, — а все на моем гурте как было плохо, так стало еще хуже... Недосмотрю сам — скотина стоит в траве голодная, а не ест: непоеная! А мужики мои аж скачут от ударничества, под ними волю бегом бегут, а куда — неиз- вестно, кликнешь — они назад вернуться, прикажешь — тужатся, проверишь — проку нет.

Вермо в тот час играл, как он думал, сонату о буду- щем мире: в виду выдуманных им звуков ходили по благородной земле гиганты молока и мяса — живые су- щества, но с некоторыми металлическими частями тела, дабы лучше было уберечь их от болезней и обеспечить постоянство продуктивности; например, пасть была сталь- ная, кишечник оперирован почти начисто против заболе- ваний от разложения кала, а молочные железы должны иметь электромагнитное усовершенствование. Свободные доярки и рабочие слушали музыку Вермо и его разъяс- нения о значении исполняемой музыки, и тогда только верили, что это так.

Товарищ Босталоева, — сказал Вермо, — давайте по- кроем всю Среднюю Азию озерами ювенильной воды! Мы освежим климат и разведем миллионы коров! Я сознаю все ясно!

Однако, опершись рукой на спящего быка, Вермо уже приобретал другую догадку: не пришла ли пора отойти от ветхих форм животных и завести вместо них социалисти- ческие гиганты, вроде бронтозавров, чтобы получать от них по цистерне молока в один удой?

«Надо использовать тяжесть планеты!» — заботливо решил Вермо, наблюдая эту толщину местной земли. — «Можно будет отапливать пастушьи курени весовой силою обвалов или варить пищу вековым опусканием пород».

...пустоту и скорбь капитализма сменил многолюдный социализм.

— Надежда Михайловна, — сказал он, — что если мы ликвидируем всех пастухов, а коров поручим быкам. Висковский мне говорил, что бык это умник, если его приучить к ответственности: субъективно бык будет защитником коров, а объективно — нашим пастухом! Штатное многолюдство это отсталость.

Только десятая часть пастухов была коммунистами, которые старались спать днем, и то посменно, а ночью они ходили во тьме с открытыми глазами. Если каждые сутки будет исчезать по восемь коров, то сколько можно отправить мяса в Донбасс и Сталинград?

Вермо оглянулся издали на Умрищева — все так же стоял человек на толстой земле, вредный и безумный в историческом смысле. Вермо сейчас же предложил Босталовой собрать все районные невыясненные и подопытные личности в одно место и поставить производство исторического идиотизма в крупном или хотя бы полужаводском масштабе, с тем, чтобы заблаговременно создать для будущих поколений памятники последних членов отживших классов; Умрищев ведь тоже хотел, как нравственная и разумно-культурная личность, быть занесенным в список штатных единиц истории.

Умрищев вдруг полюбил своевременность восхода солнца, идущего навстречу календарному учтенному дню, всякую цифру, таблицу, графу, пометку, уточнение, талон, — и теперь читал на утренней заре Науку Универсальных Исчислений, изданную в 1844 году и принадлежащую уму барона Корфа, председателя Общества Поощрения Голландских Отоплений. Одновременно Умрищев заинтересовался что-то принципиальной сущностью мирового вещества и предполагает в этом направлении предпринять какие-то философские шаги.

Умрищев же уныло промолвил, что ошибиться он дав- но не может, поскольку для оперативного свершения ошиб- ки надо все же сунуться куда-то или во что-то, а он давно уже ни во что не касается, особенно же до вопросов миро- воззрения.

— Каждому трудящемуся надо дать в его собственность небольшое царство труда — пусть он копается в нем непрерывно и будет вечно счастлив — развивал Умрищев вслух свое воображение. — Один, например, чистит ското- места, другой чинит по степи срубовые колодцы, третий пробует просто молоко — какое кисло, какое нет, — каж- дый делает планово свое дело, и никуда ему больше со- ваться... такая установка дает возможность опомниться мне и всему руководящему персоналу от текущих дел, которые перестанут к тому времени течь. Пора, товарищи, социализм сделать не суетой, а заботой миллионов.

— Здравствуй, товарищ Умрищев, — у меня горе к тебе есть! — сказалпришедший.

— Горе? — удивленно произнес Умрищев. — Для теоре- тического диалектика, товарищ Священный, горе всегда превращается в свою противоположность: горя боятся только идеалисты.

Священный, конечно, согласился, что горе для него ужас, однако, у него прокисло прошлогодние моченые яб- локи в кооперативе и стали солеными, как огурцы, а мор- ковь пролежала свою сладость и приобрела горечь.

— Это прекрасно! — радостно констатировал Умрищев. — Это диалектика природы, товарищ Священный: ты продавай теперь яблоки,какогурцы,аморковькакредьку!

В большом зале учреждения стоял гул от умственной работы, сотни усердных служащих соображали о снабже- нии тысячи строительств и непрерывно бились на плано- вом поприще с представителями мест, употребляя чай в промежутках труда...

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И КРИЗИСНЫЕ ЭКОНОМИКИ

Но в дни торжества
материализма материя
превратилась в понятие, пищу
и дрова заменил продоволь-
ственный и топливный вопрос.

Б.Л. Пастернак

Так что же лучше — экономический кризис или кризисная экономика?

ИЗ ПИСЕМ

Правда ли, что скоро повысятся цены на все продукты? За последние годы у нас и так уже все, кроме спичек, подорожало в несколько раз. Наша семья состоит из пяти человек (трое детей-подростков), среднемесячный доход без вычетов — 300 рублей. По приходу и расход: одеваемся и питаемся скромно. В Н-е по государственной цене продукты купить невозможно, а кооперативные не ниже рыночных. Вот и бывает, что купишь ребенку на рынке пару персиков, а он и не знает, как их есть — чистить или так кусать. На одежду, на обувь тоже цены бешеные, уже взмолились цены на импорт, а качество плохое.

Пишет вам мать двоих детей. О себе — молодая, высокая, стройная, говорят, симпатичная. Муж с высшим образованием, очень хороший со всех сторон. Люблю его. Я со средним техническим образованием. Несколько лет не работаю ввиду того, что дети у меня несадовские. Болезни перечислять не буду — поверьте и так. Врачи сказали их лекарство — пища, диета, соки. Но кроме зарплаты мужа — 170 руб., не имею никаких доходов. И я никак не могу уложиться в эту зарплату. Детей нужно кормить свежими продуктами, но так как мне имеющихся денег хватает лишь на полмесяца, то я продала все, что у меня было, а теперь нечего продавать.

Мне стыдно, горько (я женщина, которая с мужем зна- кома была год до свадьбы и поцеловалась лишь один раз накануне свадьбы), признаюсь, что я готова стать прости-

туткой. А что мне делать? Чем кормить детей? Если с ними что-нибудь случится по моей вине, я брошусь в Терек. Я не знаю, как стать проституткой, даже не к кому обратиться... Мне на вещи для себя не надо. Я чувствую, как уходит мое личное человеческое достоинство. Я не подписываюсь, мне стыдно, я плачу и краснею от своего письма. Простите.

А что же делать нам? Муж у меня инженер, оклад 130 рублей. Я работаю медсестрой и в этом году собиралась поступать в мединститут. У нас растет дочь, ей два года. Как же нам жить потом, если и сейчас мы еле-еле сводим концы с концами: почти все деньги уходят на питание. Перестройка, в которую мы так верили, оказалась не той. Фамилию не подписываю, а то меня выгонят с работы, со- всем нечем будет кормить ребенка.

И это — после 70 лет «великих побед и свершений». Как говорил один сочувствующий нам писатель, трудности преодоления гор позади. Впереди — трудности движения по равнине. А я добавляю: по равнине, превращенной нами в выжженную пустыню.

Один из наших демиургов писал Валентинову, что в стране, где промышленность привита к первообъёмной общине, стране, в интеллектуальном отношении окруженной китайской стеной, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей.

Вот это действительно прозорливость!

А другой демиург говорил: никакая социалистическая страна невозможна, если она не может собрать достаточный продовольственный фонд.

Золотые слова!

И вот говорящий эти золотые слова своими отнюдь не драгоценными делами закладывает первые кирпичи в эту «невозможность» — решает одним махом вскочить в коммунизм — уравнительным распределением, ликвидацией рынка, денег, оплаты по труду... Затем, когда эта волюнтаристическая попытка завершится крахом и он сам назо-

вет ее жестом отчаяния, идея «ударности в труде и равенства в потреблении» не будет отброшена, пока не приведет страну на грань краха. Да и то, что он затем назовет «жестом отчаяния — мы-то знаем! — на самом деле было жестом долго ожидаемого благодетельствования, завершившимся теми же результатами, что и впоследствии».

Да уж, великая наука! Тонкий анализ!

Вот она, эта «наука»: вчера ссылались на Великого Вождя, что «мелкое товарное производство ежедневно рождает капитализм, а после 85-го кивали на него же, как на научно обосновавшего новый экономический порядок за счет мелкого товарного производства».

А Дело шло плохо. Крестьяне не хотели сеять, поскольку всякий излишек, да и не только излишек, подлежал сдаче органам Наркомпрода. Да и сам Наркомпрод проявлял страшную нерасторопность. При острейшем дефиците предметов потребления были заложены необходимых продуктов. В 1920 году Наркомпроду было отпущено 301,7 миллиона аршин тканей, а реализовано только 154,6, ниток продали пятую часть, обуви — 65 процентов, мыла — тоже 65.

Мы решили, писал ББ, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение..

Даже если вопреки этому признанию великого вождя поверить в то, что военный коммунизм с его насилием, голодом, пайковой системой и казарменностью не был попыткой прямого скачка в Утопию, а действительно, как мы теперь говорим, был вызван «горькой и печальной необходимостью», факт остается фактом: с самого начала экономика строилась с помощью чрезвычайных мер и ориентировалась на диктат. Естественно, «военно-коммунистические» методы дали то единственное, что могли дать: окончательно разрушили хозяйство, подорванное войной и революцией.

Царила страшная уравниловка: в 17 году оплата труда квалифицированного и неквалифицированного рабочего соотносилась, как 2,3:1, в 20-м, как 1,02:1. Впрочем, и эта оплата была скорее символической в условиях невиданной девальвации совзнаков, которых на 1 марта 1924 года было выпущено на 810 квадриллионов рублей. Реальная стоимость этой макулатуры не покрывалась затратами на ее переработку.

Именно на первые семь лет большевистской власти приходится максимальное количество волюнтаристских экономических экспериментов, именно Великим Вождем давились инакомыслящие экономисты Новожилов и Крицман, именно с его именем связано то экономическое шараханье, которое не кончилось по сей день.

Руководящая роль партии нигде не проявилась столь тлетворно, как в экономике. После 70 лет «неслыханных темпов» и «погрязающих ум результатов» мы имеем дело с действительно потрясающим развалом и не только в экономике.

А как могло быть иначе, если закон Ома экономики гласит: сила экономического действия пропорциональна заинтересованности людей и их свободе?

Ну и что же мы? А ничего! Суесловили. В таком, например, ключе:

То, что США производят на 30% больше промышленной продукции, чем мы, ни в коей мере не компенсирует более низкого качества жизни трудящихся США.

Система, работающая против экономических законов, не может быть эффективной. Чтобы добиться эквивалентного результата, ей приходится затрачивать неизмеримо больше усилий. Отсюда — надрыв от пшика, нефеодальные экономические отношения. Где нет экономического побуждения, там появляется внеэкономическое принуждение.

Возникает мир, где рубить баранью тушу выгодней, чем проводить тончайшую хирургическую операцию; где поощ-

рение за ответственную работу осуществляется не столько рублем, сколько с помощью сосисок, карбоната и вырезки; где существуют низкие цены на товары, которых нет в магазине, мир, в котором бессмысленно истратить ресурсы выгоднее, чем их сэкономить, потому что последнее приводит к урезыванию фондов на следующий плановый период и к снижению показателей темпов и объемов; и, наконец, где отчет о результате важнее самого результата, а производство важнее потребления, ради которого производство собственно и организовывалось.

Возникает мир, в котором времени, выстаиваемого нами в очередях, хватило бы для производства 10 автомобилей на каждого гражданина, включая новорожденных и стариков, — 10 автомобилей на каждого гражданина ежегодно...

Это невероятно расточительная экономика — не только из-за синдрома «вражеского окружения». Она расточительна, ибо безразлична к результату. В условиях невыносимого и тотального дефицита в стране гниют продукты и импорт на миллиарды рублей — импорт, стимулом к закупке которого была не потребность в нем, а процесс переговоров, зарубежные поездки и кратковременное приобщение чиновников к «красивой жизни».

Нефть продавали, а вырученные средства превращали в хлам. Закрывать страну, низкий уровень жизни, коррупция номенклатуры, хищничество и цинизм вели к распаду даже национального богатства по бросовым ценам, к переводу закупленного оборудования в хлам...

Случается, незначительные мотивы приводят к выдающимся результатам. Это — у величия! У ничтожества — как раз наоборот! Но вряд ли известен другой пример, чтобы столь титанические заверения приводили к такому шику.

Подобно тому как вслед за революцией наступает постреволюция и реакция, за экономической мобилизацией марксизма следуют постмобилизация и демобилизация.

Выбор и решения, навязанные обстоятельствами, были возведены в ранг всеобщих правил и канонизированы посредством ссылок на великих демиургов.

Все это прагматически-волюнтаристское экспериментирование, задним числом оправдываемое и привязываемое к высказываниям вождей, не могло не привести как к извращению первоучения, так и к экономическому упадку.

Имеет место типичное антагонистическое противоречие между тоталитарным государством и производительным обществом, негибкой авторитарностью и потребностью быстрого экономического реагирования, старой деспотией и новой технологией. Централизация и усиление партийного контроля над всеми сферами жизни и железобетонная идеология полностью сковали инициативу. Считающая себя передовой и революционной партия стала главным препятствием экономического роста.

Здесь вспоминаются имена «отщепенцев»: Гароди и Фишер, Гольдштюкер и Косик, Лим и Когоут, Кундера и Вацулик, Свитак и Млынарж, Шик и Пеликан, Лебль и Кригель, Стринка и Климент... «Замена тоталитарной диктатуры демократией, то есть изменение способа осуществления власти без отказа от наших завоеваний — это сегодня основная проблема...» Деонитеперь?

МЫ И ОНИ

1962 год. Цитирую:

Успешное осуществление этой программы позволило партии выдвинуть задачу обеспечить такие темпы развития сельского хозяйства, при которых производство сельскохозяйственных продуктов опережало бы спрос на них.

К 1980 г. реальные доходы населения возрастут в 3,5 раза. Уже в ближайшие годы все граждане будут иметь высококачественное питание, все нуждающиеся будут обеспечены жильем, а к 80 г. каждая семья обзаведется отдельной благоустроенной квартирой. Рабочий день сократится до 6 часов.

За счет общественных фондов потребления начнет внедряться в жизнь принцип распределения по потребностям. К 80 г. осуществится переход к содержанию всех детей и нетрудоспособных за счет государства.

Будет отменена квартплата и плата за коммунальные услуги, отменена оплата за пользование коммунальным транспортом.

К концу 9-й пятилетки объем промышленного производства превзойдет таковой в США.

Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Все-таки великое дело беспамятство! Почти столь же могущественное, как невежество. Даже считать не надо — провозглашает и всё! Нашу историю лучше всего изучать не от прошлого к настоящему, а от настоящего к прошлому: чтобы знать, что произойдет с решениями XXVII съезда, надо не ждать, а просто познакомиться с выполнением решений XXII-го. Таков наш цикл Вико — пять съездов. Или не ждать, а послушать наших оппонентов.

Что же они критиковали в нашей экономике и с чем мы были с ними не согласны? Не буду комментировать, ограничусь цитатой:

К общим чертам различных вариантов буржуазной политэкономии социализма относятся:

1. Государственная обобщественная собственность подрывает стимулы производства, ибо экономика основана на внеэкономическом принуждении, не считающемся с экономическими законами и исходящими из политических целей.

2. Экономика не учитывает общественные потребности, неоптимальна в структуре конечного и промежуточного продукта, неэкономна в распределении производственных ресурсов и в выборе технических вариантов.

3. Интересы потребителя приносятся в жертву узким военно-политическим целям, на достижения которых концентрируются главные ресурсы.

4. Элементы рациональных экономических отношений возможны в той мере, в какой допускается отступление от господствующей идеологии и вытекающих из нее организационных принципов.

Ответ *наших* на *их* критику:

Отвергая извращения как правого, так и левого ревизионизма, научный социализм противопоставляет им проверенный историческим опытом курс... и т. д., и т. п.

Один английский консерватор взял за правило читать газеты только столетней давности — день в день. Если же он интересовался развитием какого-либо события, ему не приходилось ждать: он узнавал одновременно о зачатии наследника престола и о том, кто родился. Так надо читать нашу прессу: не то, что мы обещаем сегодня на 15 лет вперед, а то, что мы обещали 70, 50, 20 лет тому назад и что из этого получили сегодня. Спасением для нашего великого режима является лишь то, что так никто не читает, а если и захочет, не сможет: старые-то газеты, решения и обещания — под замком-с.

(Я уж не говорю о том, что обещанное и не осуществленное почти всегда отвечало уже существующему в *их* гниющем мире: то, что обещали нам вчера, очень уж напоминало то, что у *них* было позавчера).

Даже экономические законы социализма — планомерного развития, распределения по труду, накопления — не законы общества, а законодательные положения, предписания сверху, диктат с потолка. Все «историко-экономические законы» — не что иное как вера в чудодейственную силу государственной власти: приказ есть закон! Эта почти инстинктивная уверенность в своей власти над законами и рождала волевое администрирование, директивный волюнтаризм... полную безответственность.

Наша экономика — широкомасштабное непрофессиональное и некомпетентное наитие с ярко выраженным волюнтаристическим уклоном. В начале левачество военного коммунизма и «уравнение в нищету», затем насильственная коллективизация, а точнее — аграрная колонизация с соответствующими репрессиями, затем искоренение несоциалистических элементов и разорение сельского хозяйства, затем сверхэксплуатация индустриализации, затем военная разруха неподготовленной войны, затем волюнтаризм Х. и Б., затем перестройка.

И всегда — нехватка, дефицит, материальные лишения.

И всегда — нескончаемые нарушения законности.

И всегда — административное принуждение, насилие, приказ.

И любые экономические эксперименты — с обязательными перегибами, с отступлением от провозглашенных принципов, с возвратом в исходную точку. И все хозяйственные неурядицы — согласно собственной интерпретации — результат не «великих идей», а «недостатков их практического применения».

Вот уж воистину победы, неотличимые от поражений. Чем только не гордились: коллективизацией, индустриализацией, Беломорканалом, расправой с «врагами народа», целиной, великими стройками коммунизма, культурной революцией, бесплатной медициной, привилегированным поколением, лысенковщиной, темпами роста — и везде крах. Все победы как потери. И вот выясняется, что по каждому «завоеванию социализма» и по всем вместе отстаем — со всебольшим темпом — от загнивающих и разложившихся.

* * *

Философия и экономика социализма носят свадебный характер. Жизнь кончается революцией, то бишь свадьбой, а затем начинается бесконечное безоблачное счастье. Экономист Мавр, обосновав фатальную необходимость Кокейна, мало интересовался методами его построения. Конструирование будущего, писал он, не есть наше дело. В 1968 году парижских студенты переименовали это так: главное — сокрушить капитализм, а там посмотрим. Это Каутского и Сореля мог интересовать вопрос, что будет делать рабочий на другой день после революции, — «ревизиониста Каутского и корпоративиста Сореля, но не гениального и безгрешного Мавра и не менее божественного ББ с его крылатым «главное — ввязаться в драку, а там будет видно». Всех их привлекал блистательный итог, а не путь к нему. Рассказывая сказки о грядущем вечном и безоблачном счастье, «великие экономисты» ничего не сказали о методах построения и управления коммунистическим хозяйством, оставив эту малость своим прозелитам — диадхам.

Что ж, это — болезнь и называется она эйфория: тогда — эйфорическое восприятие своих бредовых видений, ныне —

параноидальное восприятие действительности, которая сама впала в параною.

Но и диадокси, имея конечной целью революцию, не учли такую малость, что, взяв власть, надо не только править, но и вести хозяйство. Но программы ведения хозяйства у победившей революции как раз то и не было, и потому все, что затем последовало, было волонтаристским экспериментированием на живом организме общества — и без наркоза.

Свою экономическую систему мы создавали с помощью средств, противоположных декларируемым целям и в отсутствие каких-либо материальных предпосылок к ней. Отсутствие товарных отношений, прибыли, инициативы, конкуренции лишало экономику стимулов, делало ее казарменной. Связь между производством и распределением стала наиболее дефективной из когда-либо существовавших в экономике.

Мы думали, что, стоит на словах признать деньги, кредит, самоокупаемость, — и товарно-денежные отношения устанут сами собой. Но закон стоимости, как и закон Ома, действует в жизни, а не на бумаге. Товарник не тот, кто признает деньги, но тот, кто организует рынок. При полной централизации и тотальном планировании деньги — бумажки. Тут бумагу не обманешь..

«Усечение экономических законов, подмена динамического равновесия рынка авторитарным деспотизмом является насилием над экономикой, — насилием, подрывающим основы самой экономической системы и превращающим псевдоколлективизм в источник нового рабства.

С законом стоимости шутки плохи. Когда предпринимательство оказывается под запретом в сфере производства, оно являет свою мощь в сферах распределения, потребления, управления. Когда честность становится чересчур невыгодна, она теряет свою цену в общественном мнении. Когда закон начинает противопоставляться личным интересам, беззаконие становится законом жизни. Раз самоотверженность, честность, созидательность труда перестает вознаграждать

ся, то общество с неотвратимостью начинает вознаграждать за равнодушие, подлость, разрушение...

Предпринимательство потому ведь так и именуется, что оно умеет приспособиться к любым условиям. К нашим оно приспособилось превосходно, достигнув поистине виртуозности, в частности и в умении замаскироваться под общественно озабоченную деятельность. Но в отличие от капиталистического предпринимательства, сочетающего бурный рост производящего начала с, так сказать, «хапательным», наше предпринимательство вынуждено было расходовать почти весь свой потенциал в секторе хапанья, обирания, растаскивания общественных богатств.

Закон Парето распределения доходов так же приемлем для социализма, как для всех других обществ. Здесь бедные тоже беднеют, а доходы распределяются тоже в меру способностей, но особого рода — способностей урвать, украсть, обмануть, задурить голову. Социальное расслоение в СССР в конце 80-х было гораздо выше, чем в США...

Хотим мы того или нет, но бытие капитализма определяло сознание коммунистов. Все несостоявшиеся экономические перестройки начались под влиянием буржуазных идей прибыли, рыночных отношений и цен, а не под влиянием централизованного управления и общественной собственности.

Как там у Жюль Баша? — «Уничтожьте мотив прибыли, и вы уничтожите весь прогресс. Не отсюда ли наш рррр?»

Стоимостные, товарно-денежные отношения при социализме лишены реального содержания, выполняют только вспомогательные, учетные функции, играют роль инструментов административного управления. Их использование носит не только ограниченный и избирательный характер, но служит, главным образом, дополнением к административному контролю.

Представления об исключительно командном характере нашей экономики верны до известных пределов. Экономического диктатора вообще не может существовать. Наша —

носила принудительный характер лишь как теоретическая структура; ее функционирование, ее практика, ее действительность обязаны не системе, а пренебрежению ею, тому стихийному, горизонтальному, «внутреннему рынку», который создается вопреки вертикальному диктату. Все, что происходило в экономических недрах нашей системы, — это скрытая имитация их методов хозяйствования, но в извращенно-изуродованном виде.

Наши догмы всегда отступали перед напором жизни. Для того, чтобы экономическое здание не трещало по всем швам, мы всегда встраивали в него «капиталистические опоры и балки». Вопреки заверениям о временности товарного хозяйства, вся наша экономическая история — это укрепление и усиление категорий стоимости, цены, процента, платы за фонды, прибыли, оборота, издержек, рентабельности, хозрасчета. Чем дальше, тем меньше оставалось надежд на выполнение заветов наших вождей, каждая очередная экономическая реформа была следующим шагом от централизации к рынку. С темпами черепахи.

Работающая экономика неосуществима без наследования традиционных экономических форм и структур. Попытка преодолеть их жестким силовым планированием имеет своим результатом вторую, тайную, подпольную экономику — и не только черного рынка и двух цен, но экономику толкачей, ухищрений и личных связей.

Наш дежурный тезис, что «уродливые явления теневой экономики противоречат самой сути социализма» остались пустыми словами, ибо вторая экономика неизбежно возникает в противовес авторитарной. Меры силового давления, «повышения научного уровня планирования и управления и даже «самостоятельности предприятий» оказались бессильны против инициативы, предприимчивости и личной заинтересованности.

Основной закон экономики социализма — циклическая смена политически и экономически мотивированных хозяйственных механизмов: смена волевых решений экономическими квазиреформами и наоборот: фиаско одного, фиаско другого.

Реформы 21-го, 53-го, 65-го, 79-го, 86-го, направленные на преодоление экономического застоя и выход из товарно-го кризиса, не дали ни шиша — разве что невыполненные обещания и дутые цифры. Они были неосуществимы с самого начала и носили пропагандистский характер. Их внешний расчет — завораживающее действие щедрых обещаний при полной амнезии масс. Но когда экономика строится в расчете на бестамияство..

Начиная с 21 года мы не столько строили, сколько участвовали в непрерывной экономической перестройке, ускорении, интенсификации, — все силы уходили на шумиху, на экономику их уже не оставалось.

Результат — перестройка, нескончаемая перестройка, свидетельство постоянного кризиса — перестройка.

А вы знаете когда она началась? Уже главным лозунгом XV партконференции (1926 г.) была перестройка: перестройка хозяйства на основе нового подхода, более развитой техники.

В сущности и строительства-то не было — одна нескончаемая перестройка. На каждом съезде «эпохальные доклады» Генеральных секретарей намечали новые «величественные и «созидательные» программы — свидетельства крушения старых. С каждым новым вождем — новая программа перестройки. И с каждой перестройкой — «необходимость понять ее трудности, «подождать, еще чуть-чуть потерпеть. А тем временем забвение качества жизни, ориентация на аскетизм и урезанное потребление, лозунг «всё для будущего».

Все эти перманентные реформы, в силу своей поверхностности и косметичности, практически ничего не изменили и не могли изменить, ибо не затрагивали окостеневшую структуру и вертикальный характер экономики. По этой причине основной надеждой и опорой был давно изживший себя «энтузиазм масс». На безрыбье и рак — рыба: вождей, видимо, устраивал даже фиктивный героизм, способствовавший хотя бы поддержанию мифа о процветании.

Сложившаяся экономическая ситуация долгое время отвечала корпоративным и просто шкурным интересам парт-

и хозноменклатуры: открывала неограниченные возможно- сти присвоения, коррупции, обмана, безответственности, сокрытия неспособности к руководству. «Всенародная соб- ственность» оказалась коллективной собственностью номен- клатуры, а огосударствление полностью отстраи- ление от управления своей собственной судьбой.

Государственная собственность обрекла творческую силу огромного населения на бездействие, заменив ее ничтожеством творчества вождя и номенклатуры. Со- циализм оказался совершенно непроизводительным обществом нищеты.

Социализм потому и оказался противным природе, что сковал волю, он потому был изначально обречен, что под- чинил волю каждого и всех государственному насилию. Он еще мог распределять, но не производить.

Симптоматично, что экономические рычаги потребова- лись нам, как только сломалась палка. Пока бич срабаты- вал, понуждая людей работать, как солдат или святых, почему-то никому не приходила в голову мысль о прибы- ли ихозрасчете.

При социализме не потребности управляют производ- ством, но производство потребностями. Сознательно или бессознательно правящая элита «для скорейшего удовлет- ворения потребностей народа» избегала расширения ассор- тимента. Если производство растет, а новые товары не по- являются, то значительно легче удовлетворить все прияза- ния. Не будь «проклятого буржуазного окружения», все было бы в порядке: мы давно удовлетворили б потребно- сти, доведя потребительскую ценность всех имеющихся то- варов до нуля. Расширение видов и модернизация продук- ции есть враг, а повышение производительности и модер- низация производственных процессов — друг социализма, говорит Уайлз.

Рост потребления при социализме — вынужденная по- литическая акция, необходимая в качестве стимула к тру- ду. Запад и концепция экономического роста способствова- ли росту потребления, а не рост потребления хозяйственно- му росту. Такой экономический нонсенс вел к тому, что

темпы роста потребления оставались незначительными и не имели показаний к повышению.

Непрерывно усиливалось расхождение между структурой производства и потребления: в торговле появлялось все больше продукции, при помощи которой производителям было легче выполнить план, и все меньше продукции, необходимой покупателям. В производстве последней просто никто не был заинтересован. В результате возникала нехватка всего. Социалистическое хозяйство выявляло себя как механическое монопроизводство для самого примитивного потребления.

Общество — слишком сложная система, чтобы монизм привел к его адекватному описанию. Экономические, социальные, культурные, политические, национальные, психологические факторы столь увязаны друг с другом, что первичного просто нет. Культура, традиция, национальный характер — без всего этого экономический анализ примитивен и вульгарен. Общество — не моносистема с универсальным принципом, а плюралистическая подвижность с множеством осей.

Концепция «общественной собственности» — какая-то химерическая форма, искусственный монстр, плод болезненной психики.

Противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью неизбежно ведут к повышению цен, к оскудению и без того скудного предложения, к сдвигам в ассортименте в пользу более выгодной производителю продукции. Введение хозрасчета в условиях тоталитарной экономики усиливает тенденцию к монополизации рынка, ведет к безудержному росту цен и ухудшению качества продукции.

Каждая экономическая акция режима и каждый ее провал завершались спасительными призывами к энтузиазму. После каждой индустриализации и коллективизации требовался свой маленький нэп — очередное «отступление для накопления сил для нового разрушительного эксперимента».

Перманентная революция Бронштейна на практике выродилась в перемежающуюся революцию, точнее, в конвуль-

сии: в «радикальные и даже отчаянные реакции на кризисные состояния». Кстати, когда мы говорим о бескризисной экономике, мы не определяем слово «кризис». При правильном его употреблении весь наш 70-летний «взлет к светлым вершинам» и был этим нескончаемым спазмом — «затягиванием поясов», эксплуатацией энтузиазма, перегибками, выдвиганием утопических программ. Впрочем, иначе и не могло быть: еще в 18-м Каутский характеризовал революцию как обреченную на гибель попытку перескочить через естественные фазы развития.

Перескочить вроде бы перескочили, а результат?

Это не просто экономика дефицита, это предельно бюрократизированная экономика застоя, что, впрочем, одно.

Некоему хозяйственному руководителю, знаменитому на всю страну, принесли схему оптимального использования транспорта, высвобождающую 50% автомашин.

— Великолепно! Я получил удовольствие, знакомясь с ней!

— Когда начнем внедрение?

— А откуда вы взяли, что мы будем ее внедрять? Чтобы ее внедрить, надо отменить тьму всяческих нормативов, форм отчетности, оплаты труда и т.д. У меня пробивная сила термитного снаряда, но если даже я брошу все свои дела и займусь внедрением одной этой разработки, то и тогда до конца своих дней не сумею отменить столько постановлений, принятых на таком уровне.

Это не анекдот — это наша повседневность, один впечатляющий кадр из нее...

ПЛАНИРОВАНИЕ

За что не возьмись, ничего у нас нет.

М.А. Булгаков

Даже планирование из позитивного фактора стало тормозом — рычагом дезорганизации. Оно не только не ис-

ключило колебаний, присущих рыночной экономике на начальных стадиях ее развития, но превратило экономику в производство цифр, ибо производимый хлам представлял интерес только для статистики.

«Бескризисная экономика характеризуется не только спазмами среднегодовых приростов, но и заметным снижением производства по отраслям: в 31-м — руда, в 32—33-м — нефти, в 39-м — чугуна, стали, проката, несколько раз — поголовья скота и большинства видов сельскохозяйственной продукции. Необузданное и нереалистическое планирование вело к невыполнимым программам, дезорганизации, фальсификации итогов, кризису и голоду 33-го, безработице конца восстановительного периода, дефициту рабочей силы «эпохи развитого социализма», диспропорциям между группами А и Б, сельским хозяйством и промышленностью, количеством и качеством, бесконечному товарному голоду.

Временами планы имели больше психологическое, чем экономическое значение: не будучи экономически оправданными, не способствуя росту жизненного уровня, они лишь «вдохновляли на новые подвиги».

В условиях тотального планирования главным правилом поведения является основанное на вере в выполнение приказов, полученных экономикой, которая организована на военной основе.

На словах — свобода, самоопределение, федеративность, на деле — всё, абсолютно всё — от гвоздя до руководящих кадров — определено планом или указанием центра.

Нет, социализм — вовсе не плановое хозяйство, ибо планирование неотъемлемо от любого государственного управления, социализм — это планирование ради планирования. Абсурд в том, что план заслонял и исключал человека, ставил цифру неизмеримо выше его интереса.

Не так давно мне довелось после возвращения из Китая рассказывать о тамошних реформах. В частности, о том, как с помощью семейного подряда там удалось решить продовольственную проблему, увеличить за пять-шесть лет больше чем на треть производство зерна и в три раза поднять жизненный уровень крестьян. И тут слово взял почтенный профес-

сор. Он сказал буквально следующее: «Все это, конечно, неплохо. Но какой ценой это достигнуто? А достигнуто это ценой отступления от социализма и заимствования капиталистических методов. Не слишком ли дорогая цена за хозяйственный рост?»

Позвольте, восемьсот миллионов крестьян — голодных, несчастных, полузадушенных впору «культурной революции» — сейчас стали обретать достаток. Это плохо? с какой точки зрения? Какие принципы говорят, что трудящиеся должны жить в бедности и нищете? Когда я слышу подобные сентенции, у меня такое чувство, будто кто-то из нас ходит на голове..

Централизованная экономика абсурдна. Допущение о возможности совместного решения миллиардов и миллиардов уравнений, регламентация бесконечно многообразных и подвижных процессов и связей носят параноидальный или маниакальный характер. Никакая перестройку шизоидности не излечивает от нее, ибо пытается косметическими приемами воздействовать на внешние симптомы, а не на коренную причину болезни — в данном случае — централизацию.

Вцентрализацию на каждом шагу вмешивается жизнь: составители планов не имели ясных ориентиров не только в выборе критериев соответствия задания и плана, но и в правильном выборе стратегических целей. «Среднее звено не представляет, в какой мере фактические объемы производства могут отклоняться от плановых, и находятся в неведении относительно изменений, предписываемых вышестоящими организациями, и средств, с помощью которых они должны быть осуществлены. Экономическая информация, искажаясь на каждом этапе ее передачи, ведет к хаосу, а противоречия в самой системе, несовершенство ценообразования и регламентация распределения — к застою.

Это же надо до такого абсурда додуматься — планирования цен!

Вследствие иррациональной природы социалистических цен, реализация, прибыль и рентабельность являются на самом деле скорее расчетными концепциями, нежели концепциями экономизации.

Стоимостные категории, выполняющие только одну функцию — распределение!

Жестко централизованное хозяйство, имеющее своей целью иллюстрацию идеологических догм и сохранение всей полноты власти партийной элиты, с неотвратимостью закона бюрократизуется и все больше утрачивает способность согласования различных отраслей и групп хозяйства и оптимального использования ресурсов общества.

Даже мы сами не можем отрицать, что «в период первых (почему только первых?) пятилеток имели место внеэкономические методы руководства и что могла существовать «более экономически эффективная индустриализация, которая привела бы к достижению того же уровня промышленного развития и в те же сроки, но с меньшими диспропорциями между промышленностью и сельским хозяйством». И хотя при этом в 72-м году мы оправдывались тем же, что и в тридцатые, — классовой борьбой, истинной причиной перманентного кризиса на протяжении 70 лет было то, что хозяйство развивалось «любой ценой, в том числе и по преимуществу — путем откровенного грабежа природных богатств, путем «покорения природы» в смысле искоренения ее, путем грабительского колониализма на собственной земле.

Принято говорить, что история не знает сослагательного наклонения: что было — то было, и иного не дано. Но я хотел бы поставить все точки над «и»: не будь обобществления и коллективизации, не будь безудержного грабежа с прожиганием нагабленного — пира немногих среди всеобщей чумы, не будь idiotских или параноидальных доктрин, страна с ее колоссальными богатствами земли, леса, нефти, газа, металлов, золота и алмазов, с ее многообразием наций, культур, укладов, с творческими способностями ее интеллигенции — такая страна могла бы при всей ее дореволюционной отсталости продемонстрировать свое «русское чудо» — и на за 70 лет, — а за два-три десятилетия, как это произошло в Японии — без наших природных щедрот.

Могла бы... но не смогла... — Помешали слишком уж «великие» идеи...

Но вернемся к нашим баранам — самому антидемократическому планированию, известному в истории. Ликвидация нэпа, коллективизация и индустриализация покончили с мифом революции для масс. Индустриализация стала отправной точкой утраты идеалов и веры в партию. Она же создала новую партийно-хозяйственную олигархию со всеми злоупотреблениями бесконтрольной элиты. Это была элита нового образца — киркегоровская, ортегианская, мерещковская — элита грядущего хама. В век масс и огосударствления элита получала выгоду от эксплуатации масс не столько в виде денег, непрерывно обесцениваемых, а в виде более надежных литерных привилегий. Но будучи «хамской» по своей природе, сама эта элита должна была «расплачиваться» еще большей самоэксплуатацией и утратой личностных начал. Милые блага оценивались по самому высокому тарифу: отъезда от человечности. Тоталитаризм зорко следил, чтобы расчеловеченными и эксплуатируемыми были все — до собственной элиты включительно.

«Плановая экономика и справедливость несовместимы, статическая форма эксплуатации пытается выжать из человека больше, чем рыночная экономика, но без эффективности последней. Если она и приемлема, пишет Фромм, то лишь на начальной стадии экономического роста и для многонаселенных стран, где обилие рабочих рук обесценивает труд и позволяет расхищать его.

Мы, большие любители планов, особенно грандиозных, должны знать: все, что с нами произошло, было заложено изначально, находилось в свертке наших «великих» идей.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА?

Лишь в 21 году, когда «пайковый» путь в коммунизм завел страну в тупик, показав «плодотворность» коммунистичности, ББ бросился искать спасение в хозрасчете, правда и здесь демонстрируя всю «широту» своей души:

Я думаю, что тресты на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали, и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий. Если это оказывается ими не достигну-

то, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы..

Нужны комментарии? Хозрасчет под угрозой тюрьмы?

«Новая экономическая политика, открывшая путь спазматическим метаниям в поисках выхода из непрерывно образующихся тупиков и завалов, была одним из первых зигзагов на «прямом пути» в светлое будущее. Она явилась прагматической реакцией на экономический хаос «военного коммунизма» — попытку одним махом перескочить в Кейн. Вся последующая история экономики представляла собой чередование волюнтаристических экономических экспериментов и элементов нормальной рыночной экономики — после очередного провала «коллективизации», «эры планирования», «больших» и «малых» скачков, «строительства зрелого социализма». Стоило великому плоду созреть, как требовался частичный отказ от великих планов, дабы не умереть с голода или устоять против «вражеской идеологии».

НЭП не был просто капитуляцией или отступлением государства под нажимом крестьян, под угрозой крестьянской войны — нэп был, возможно, единственным способом сохранить власть после «окончательной победы». — Выращиванием все того же ленинского прагматизма. Не надеясь на экономические чудеса собственной теории, ББ обратился к привычным и надежным формам рыночной экономики, отложив возможность реализации великих идей до лучших времен, иными словами — после экономического выздоровления с помощью проверенных средств.

Хотя это было явное отступление, своего рода терминатор, делалось все возможное для сохранения хорошей мины при плохой игре. В резолюции XI съезда и в выступлениях демиурга подчеркивалось, что нэп был задуман еще в дни революции и вошел в партийную программу 1918 года, что идея немедленного скачка в Утопию ошибочна, что обойтись без товарных отношений невозможно и что строительству коммунизма должен предшествовать ряд промежуточных ступеней. Отдадим должное откровенности ББ: он не

скрывал ни временного, ни ограниченного, ни вынужденного характера своего отступления:

Отступать будем до тех пор, пока не научимся, не подготовимся перейти в прочное наступление.

Военный коммунизм, какие бы опровержения ни приводились, по духу своему был близок марксизму: и как прообраз «светлого будущего», и как первая модель командной экономики, и как историческая традиция утопического принуждения. Не удивительно, что великий демиург высоко оценил его роль.

Затем *наши* доказывали, что нэп не был ни капитуляцией перед духом индивидуализма мелкого собственника, ни скачком назад, ни сдачей позиций. Параллельно утверждали, что «военный коммунизм» был вынужденной мерой, а не попыткой скачка в Кокейн. Но никто иной как сам ББ витийствовал о «стратегическом отступлении» и о временном возврате.

Да, с самого начала нэп был задуман как кратковременная мера. «Великий вождь» понимал, что бухаринская политика умеренных темпов вела к укреплению позиции зажиточных слоев общества, что было недопустимо для идеалов революции. Поэтому в самом нэпе в свертке содержалось его отрицание: раскулачивание, экспроприация, погром — все те жестокости, которыми она не сослагательно завершилась.

Нэп и был запланирован как способ экспроприации. Аренды, концессии, предпринимательская деятельность регламентировались краткосрочными договорами. Как только данная отрасль восстанавливалась в результате предпринимательства, договора аннулировали и предприятия переходили в руки государства. При этом их прибыли конфисковывались с помощью все тех же проверенных чекистских приемов. XIV партконференция разрешила аренду земли, санкционировала батрачество с тем, чтобы несколько лет спустя начать экспроприацию и раскулачивание.

Наши идеологи лезли вон из кожи, чтобы доказать, будто не нэп, а государственный сектор доминировал в экономи-

ческим росте, но если это так, если государственная экономика была преобладающей, то зачем понадобился нэп?

Производительность труда в частном секторе даже по официальным данным (!) при нэпе была чуть ли не вдвое выше, чем в государственном: годовая выработка на одного рабочего составляла соответственно 4027 и 2339 рублей — это-то при обратном соотношении машино- и энерговооруженности. Так что победа общественного производства над частным была не экономическим превосходством, а голым насилием. Сокращение частного сектора было связано не с экономическими преимуществами государственного, а с неприкрытым грабежом, хорошо отлаженным у «экспроприаторов экспроприированного».

Впрочем, как оказалось, отмены нэпа не было...

После XV съезда ЦК повел решительную борьбу с теми, кто пытался отождествить политику решительного наступления на кулачество с отменой нэпа. «Глупостью или контрреволюционной болтовней следует считать всякие разговоры о том, что проводимая кампания по борьбе с кулаком-спекулянтom означает «отмену нэпа», восстановление «военного коммунизма»... Напротив, вся эта кампания проводится и должна проводиться в рамках нэпа и на его основе».

Не отменялась новая экономическая политика и с началом сплошной коллективизации сельского хозяйства. (Коммунист, 1928, ф. 3-4, с. 5-6).

Вот так-с: не было, не отменялась...

Я говорю: раз они проходят туда
и обратно, стало быть, они не
нашли.

А. Жид

Елена. Бедные пустоцветы!
Галь. Зато как они прекрасны.

К. Чапек

В колхозах жить стало лучше
и веселей.

И. Сталин

ПРЕДПОСЫЛКИ

Хотя именно крестьяне в солдатских шинелях помогли большевикам захватить власть, хотя им было сказано много конъюнктурных слов о союзе вил и молотков, ББ не верил крестьянству и не скрывал этого: мелкое производство, писал он, рождает капитализм и буржуазию. Это не доверие восходит к главному документу марксизма — к его Манифесту, в котором, пусть с оговорками, но сказаны главные слова: крестьянство реакционно.

Вся деятельность комбедов и их быстрый разгон является наглядным свидетельством взаимоотношений большевиков с крестьянством. Партии нужна была не демократическая революция в деревне, а революция социалистическая, не обещанная раздача земли, а ее обобществление, не аграрная программа 17-го года, а программа, принятая 12-го года раньше.

Аграрная политика большевиков до 17 года не была последовательной и непрерывно менялась: на II съезде она сводилась к возвращению крестьянам «отрезков, отобранных при отмене крепостного права, на III — к абстрактно-туманному «проведению преобразований в интересах избавления крестьянства от помещичьего гнета, на Тамерфорсской конференции — к «поддержке крестьянских революционных мероприятий вплоть до

конфискации всей земли. Однако, первоначальная и конечная линия партии— при всех колебаниях —

была однозначна: национализация земли. Кстати, пункт первой программы об обобществлении земли не был идеей ББ, а коренился еще глубже. У Мавра находим:

Земля может быть только собственностью всей нации. Отдать землю в руки объединенных сельскохозяйственных рабочих значило бы подчинить общество исключительно одному классу производителей.

Но аграрная программа партии, направленная на национализацию земли, не устраивала крестьян, и поэтому, дабы получить их поддержку в критический момент, последняя декретом о земле передавалась в руки трудящихся на основе уравнительного распределения, противоречившего всем предыдущим установкам, да и сам декрет о земле был составлен эсерами. Как и следовало ожидать, после взятия власти уравнительное землепользование долго не продержалось. Резкое увеличение количества мелких крестьянских хозяйств создало основу для быстрой дифференциации. Дробление подготавливало почву для последующего «поедания» и свело на нет возможность модернизации: технический уровень, достигнутый в крупных хозяйствах, при дроблении неизбежно падал и вел к регрессу. Законы, издаваемые правительством и направленные на сдерживание аграрной стихии, большей частью оставались на бумаге.

Революция хаотизировала и анархизировала деревню. Уничтожены были крестьянская община и земства. В деревне царил самотек. Ни агитаторы, ни разъехавшиеся по стране делегаты II съезда Советов не могли охватить этих огромных пространств. На селе шли погромы помещичьих имений. Крупные индустриальные хозяйства уничтожались, достигнутый в них индустриальный потенциал падал до нуля.

Революция не просто противопоставила город деревне, но породила неведомые ранее конфликты и главный из них — беспощадную борьбу за хлеб.

Голод 18-го имел своей причиной не столько нехватку хлеба, сколько ликвидацию торговли. Если бы не челочные рейды мешочников, голод принял бы ужасающие размеры. Мешочничество было и первым проявлением «второй (теневой) экономики», пытающейся сгладить одиозность нерас-

торопность первой, государственной, и реакцией на диктаторские методы ведения хозяйства.

Не будь последних, не стань идеи выше людей, при правильно установленных рыночных ценах, при уважении к кормящим партнерам хлебная проблема никогда не достигла бы такого накала и не стоила бы столько жизней...

«Темные мужики лучше всех докторов социологии разобрались, чем грозят им административные методы руководства сельским хозяйством, проголосовав и за неспешность и добровольность, то есть за экономические методы! Дальнейший ход событий показал, насколько они оказались булыжными специалистами, чем те, кто клеймил их как главных носителей мелкобуржуазной идеологии.

Нельзя сказать, что после революции в стране не было оппозиции политике партии, связанной с неэкономическими методами хозяйствования, в том числе хозяйствования в деревне. Достаточно вспомнить имена Маслова, Огановского, Туган-Барановского, Чайнова, Литошенко, Кондратьева, Крицмана, Новожилова, Немчинова. Оппозиция не только существовала, уже тогда — до платоновского Котлована, в 1918-м — она предсказывала крах аграрной программы:

Сколько бы декретов и законов теперь ни сочинялось, они до ушей народа уже не дойдут. Пора признать, что аграрная реформа в государственном масштабе безнадежно сорвана. Дальнейшее развитие аграрных отношений пойдет помимо всякого руководства из центра.

...обострение продовольственного кризиса, обезмеление значительной части крестьянства, лишение заработка деревенских рабочих и огромная подушная подать в пользу комитетчиков — вот краткий перечень результатов большевистских декретов о земле.

Кондратьев, выступая против кооперативного плана, доказывал, что носителями передовых методов хозяйствования в то время являлись наиболее зажиточные крестьяне. Ему же принадлежит другое предвидение: теория убы-

вающего плодородия почв при коллективных методах ее обработки.

Уравниловке и выгребанию закровов оппоненты противопоставляли инициативу, рынок и укрупнение на промышленной основе — то, к чему на словах пришли мы, наученные 70-летним опытом аграрного волонтаризма. Кстати, идея стольпинских преобразований деревни тоже сводилась к созданию крепких крестьянских хозяйств, в которых хозяева дорожат собственностью. В сущности, это был курс на фермерство американского образца, которому так и не довелось осуществиться.

ЦЕЛИ

Коллективизацией Сталин хотел убить сразу нескольких зайцев, хотя и больших. Во-первых, она соответствовала стадным идеалам коммунизма и в этом отношении не следовала пусть провалившийся, зато высокоидейный «военный коммунизм». Во-вторых, противостояла попыткам крестьян определять рыночные цены на хлеб. В-третьих, она становилась важнейшим источником средств и накоплений для индустриализации страны. Иными словами, она одновременно закрывала пути фермеризации деревни и открывала неиссякаемый грабительский источник финансирования города. Альтернатива в виде базаровщины была неприемлема для большевиков, изначально тяготеющих к «закрытой экономике. Хотя выбору не хватало чистоты и пурпура, зато были легкость и безболезненность..

В привлечении на свою сторону крестьян большевики использовали их недовольство системой помещичьего землевладения, однако революцию в деревне ориентировали не столько на улучшение качества жизни тружеников земли, сколько на все ту же эксплуатацию в целях укрепления режима. Не удивительно, что аграрная революция вела к регрессу. На протяжении десятилетий аграрная политика партии способствовала не осереднячиванию, а пауперизации села.

«Раскулачиванию» подлежали не только зажиточные мужики, но и зажиточные колхозы. Стоило появиться

богатому колхозу, стоило ему стать «не как всец, немед- ленно приходила директива «раскулачитьсяяң — сдать все нажитое. Кроме антоновщины, существовало значительно менее известное явление: вооруженная расправа с колхо- зами, отказавшимися от «раскулачиванияяң — сдачи из- лишков. О таких случаях рассказал Н. Коржавин в С о - бл а з н а х к р о в а в о й эпохи.

Противник бросил в бой не то танки, не то броне- машины, не то кавалерию, и героическое сопротивле- ние крестьян былосломлено.

Процветающий колхоз, краса и гордость социали- стической сознательности, был стерт с лица земли. Крестьяне были рассеяны, а колхозное имущество, которое хотели отобрать, погибло. Важно было не овладеть им, а всего лишь отобрать.

Кстати, неожиданное применение термина «кулац- кийяң я встретил потом и в учебниках географии. Сель- ское хозяйство досоветских Латвии, Литвы и Эстонии базировалось, по их словам, на кулацких хуторах, а Дании и Голландии — на кулацких кооперативах. Потом я понял, что это значит: кулацким называется любая форма крестьянского хозяйства, существующая, а тем более процветающая без «насц, то есть без партократии.

То, что требовал Троцкий в 23-м году, — увеличить налогообложение крестьян с целью ускорения индустриа- лизации, — было реализовано коллективизацией. Не будем жонглировать цифирью — 20, 30 или 50% фонда накопле- ния составлял прибавочный продукт, созданный в сельском хозяйстве, — ясно, что без феодальных поборов — то бишь аграрной колонизации — не было бы и быстрой индустри- ализации. Сам факт деградации сельского хозяйства в годы первых пятилеток — красноречивое свидетельство не толь- ко его неэффektivности, но и его выжатости.

Не имея возможности отрицать очевидность «перераспре- деления прибавочного продукта из деревни в городяң, иными словами финансирования промышленности за счет сельского хозяйства (потребление крестьянина было в 2,5 раза ниже очень низкого потребления рабочего), коммунисты объясня-

ли все это «проклятым наследием прошлого»: экономически неравноправное положение крестьянства, говорили они, нельзя было исправить в одностороннем порядке. Это верно, но «одностороннее» растянулось на полвека, а время потекло вспять...

Коллективизация была искусственной и объективно противоречила естественному экономическому развитию деревни: хотя производительность труда в крупных хозяйствах при правильной организации должна возрастать, здесь не было этой правильности и напротив исчез главный стимул крестьянина — частная инициатива, без которой разрушение не достигало своей цели. Кроме того, коллективизация не подкреплялась развитием материальной базы и вообще проводилась не потому, что так требовала земля, а потому, что это требовала «теория». Кроме того, свободный земледелец превращался в государственного крепостного, лишённого возможности протестовать против экспроприации продуктов его труда.

Виртуозно манипулируя цифрами, *наши* пытались доказать будто к началу коллективизации деревня давала все меньше хлеба, что урожайность упала, а возможности повышения производительности были полностью исчерпаны. Так-то оно так, но голод-то наступил не до, а после... Вот в чем дело, к которому и переходим.

ПРАКТИКА

Чем идея ошибочней, тем понятней настойчивость, которой эту ошибочность стараются искупить.

П. Клодель

— Бабуся, а к тебе судьба добра ли?

Бабуся: «Спасибо, что козу не отобрали».

— Россия, что еще народу хочется? Россия: «Хорошо, что это скоро кончится...»

А.А.Вознесенский

Повернуть деревню, не созревшую для социалистических преобразований, на «верный путь» можно было толь-

ко путем насилия. Коллективизация и была его инстру-ментом. Ее основной метод — внеэкономическое принужде-ние до расстрела включительно. Насилием колхозы созда-вались, на насилии существовали, от насилия распались.

Это сейчас — К а н у н ы, М у ж и к и и б а б ы, К а с ь я н ы О с т у д н ы е, и т. Д., а до этого — 50 лет фаль-сификаций и опровержений «буржуазныхнаветов».

Как бы ни стремились буржуазные апологеты выдать за истину свои утверждения о том, что наци-онализация земли в России была осуществлена воп-реки воле крестьян, путем насилия со стороны ком-мунистов, исторические факты свидетельствуют об обратном. Национализация была проведена в соответ-ствии с желаниями самих крестьян. Превратив землю в общенародное достояние, Коммунистическая партия выполнила волю трудящегося большинства крестьян-ств

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

И вот в конце июля поступает приказ: посеять просо на поднятых к будущему году парах. Посеяли. Просо хорошо взошло, раскустилось. Самый раз скосить бы его на сено. Нельзя, ждите зерна. Все пошло под снег: ни сена, ни зер-на. Последовал приказ: отрезать излишки огородов у кол-хозников. Мы и эту задачу выполнили успешно. Меня рай-исполком премировал месячным окладом за эту работу. Излишки огородов никуда не присоединили, они так и за-росли сорняком.

Самые тяжелые были для нас, членов колхоза «Новый путь», 1929 — 1934 годы. 40 семей в колхозе было, имелось в индивидуальном пользовании 37 коров (три семьи не имели никакого скота, да и не хотели иметь). В марте 1932 года поступил приказ: сдать 20 коров государству, а к остальным 17 прикрепить нуждающихся в молочных продуктах. Успеш-новыполнили и этот приказ.

По дорогам, обозначенным только стежками пешеходов, шли из Казахстана изголодавшиеся, полуживые люди. Наши колхозники с великой жалостью к ним относились, послед-ним куском хлеба делились, кружечку молока подавали их детям. Весь Казахстан в то время был охвачен голодом.

И в других районах был голод. Это было преступление. И все потом пошло вкривь и вкось.

Отношения большевиков с крестьянством всегда строились на конъюнктурной основе: когда нам нужна была его поддержка, мы не скупились на лозунги «Всю землю — крестьянам» и активно поддерживали «черный передел», когда же обрели силу, с той же легкостью, с какой не скупились на обещания, отняли у них землю, мотивировав это в высшей степени «демократично»: «По воле большинства». Понимая политическое бессилие отечественных пионов и сервов, великие вожди без колебаний приносили их интересы в жертву «идеям».

В свое время, когда Сталин решил преждевременно ликвидировать нэп, используя чисто административные меры и прямое насилие, это привело народное хозяйство, мягко говоря, к плачевным результатам. Сельскохозяйственное производство оказалось подорванным, в ряде районов страны начался голод. В городах же меры против мелких производителей практически подорвали сферу обслуживания. Жизнь десятков миллионов людей была полна невероятных лишений и трудностей, часто на пределе чисто биологического существования.

Десятилетия отделяют нас от тех или иных событий, но они все еще влияют на нашу жизнь, и тем сильнее, чем старательнее мы делаем вид, что их вроде бы никогда и не было. [А наука наша «доказывает», что и вправду не было]. Вспомним, например, что огромное число колхозов создавалось у нас сверху, административным, бюрократическим путем.. Крестьянам и в голову не приходило считать себя совладельцами колхозов. Они просто наемные рабочие, выполняющие назначенные им виды работ. Неизбежный результат — отчуждение труда, когда нет хозяйской заботы ни о земле, ни об урожае, ни о скотине, ни о качестве дела.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

И вот еду уполномоченным в колхоз. Наша власть была неограниченной, мы указывали седоголовым хлеботоргам, что

и когда делать. Идет уборка. Надо вывозить хлеб. Мне сказали: председатель хоть и коммунист, но отец его имел землю и сапожную мастерскую. Смотри там... Моя бдительность не заставила долго ждать. Стояла сухая погода, хлеб уродился хороший. Колхозники вязали снопы, складывали в копны, в скирды. Когда появилось две скирды, я приказал снять людей с вязания, поставить молотилку, чтобы поскорее отправить хлеб красным обозом. Председатель и мужики стали возражать: мол, пока стоит хорошая погода, надо хлеб убрать с поля, а в дождь можно молотить. Но я пригрозил... Когда домолачивали скирды, пошел дождь, на много дней. Хлеб пропал в поле.

Да, таким всегда и было «научное» или «компетентное» партийное руководство.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

В 1929 г. зимой нас раскулачили, хотя никаких излишков не было, еле-еле хватало, чтобы прокормить нашу большую семью. Короткое время мы жили на чужой кухне, а затем нас выслали. До сих пор вижу этот день: зима, мороз, шестеро детей, мы идем 15 километров на станцию Кургань.

Бабушка Ася и Фрося умерли на чужой кухне. В Кургане несколько дней мы жили под открытым небом, нас много было на этой земле, раскулаченных, ни медиков, ни столовой, никакого благоустройства. Потом подошел состав из «телячьих» вагонов и нас погрузили. По дороге люди умирали.

Наконец привезли нас в казарму, дали нижние нары. Мать работала без выходных, да еще ночью ее заставляли сторожить кирпич. Она не выдержала, умерла, а нас увезли из барака в детский дом. Голод был страшный..

Приблизительно в эти годы писалось: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек, а детишки уже разучивали: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

Кулачество было фикцией. В 99% зажиточность создавалась не эксплуатацией, а собственным тяжелым трудом. Раскулачивали хозяйственных, трудолюбивых. Трудолюбие

народа начали подрывать уже в 18-м — химерами военного коммунизма, а к 30-му все было кончено...

Нередко раскулачивание имело личную подоплеку. В 37-м писали доносы на личных врагов, в 29-м кулаками становились из-за случайно забредшей на начальнический огород козы. Комбеды проводили откровенно антикрестьянскую политику, нанося непоправимый ущерб отношению хлебопашца к своей земле.

Под видом «гражданской войны» против кулачества в сущности был осуществлен блицкриг против крестьянства. Как всегда, поводом для такой войны были использованы «провокации на границе».

Только за первые 5 месяцев 1929 г. по стране был зарегистрирован 1141 случай террора. (А вы говорите о каком-то там единичном поджоге рейхстага...). Экспроприация последнего эксплуататорского класса — кулачества — была кровным (почему не кровавым?) делом самих трудящихся деревни. Раскулачивание, проводившееся в соответствии с директивами партийных и советских органов, осуществлялось на основе постановлений крестьянских сходов (вдумайтесь: сколь изощренное иезуитство...) Более того, известным многочисленными случаями стихийного раскулачивания, когда беднота и середняки, не дожидаясь указаний органов власти, сами, по своей инициативе, проводили раскулачивание (да, какими жалкими и ничтожными ценами были провокаторы охраны...)

Кулаки? Для тех, кто по бедности — ну уж никак — не мог быть причислен к ним, придумали термин «подкулачник». Не шел подкулачник в колхоз — враг, шел — колхоз, принявший его, объявлялся недействительным за несоблюдение чистоты бедняцкой крови.

Когда началось раскулачивание, концлагеря, как ни странно, начали заполняться бедняками. Именно в это время и был придуман этот термин — подкулачник, то есть хоть и голь перекатная, но от колхоза — наотрез. Была еще и разнорядка: столько подкулачников из села. В зажиточных казацких станицах каждый имел одну-другую лошадь, и кулаки рекрутировались из трехлошадных; в бед-

ных деревнях Нечерноземья и однолошадник мог сойти за кулака.

Раскулачивание было, в основном, заботой ОГПУ. Группами по десятку человек шли призванные партией парни и девушки во главе с чекистами и комиссарами по селам, выволакивая несчастных, их жен и детишек, их жалкий скерб из дощатых домишек, не гнушаясь рукояток ружей и наганов, а то и просто кулака, оставляя за собой плач и кровь. Некоторые пытались защищаться — это стоило им жизни. Мог ли кто-нибудь тогда представить, что со временем многие раскулачники сами станут взяточниками и богатеями, важно разъезжающими на своих «сталосадиных силах»?

ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Ликвидация кулачества, как класса, была проведена в условиях ожесточенной борьбы с кулаками, оказывавшими беспечное сопротивление коллективизации крестьянских хозяйств, и с их прямой агентурой — правыми реставраторами капитализма. Ожесточенное сопротивление К. было сломлено в открытом бою; были разоблачены и подавлены также его вредительские попытки против колхозов «тихой сапой».

Коба говорил: раскулачены миллионы. Но ведь уже в 18-м комбеды отобрали в пользу бедняков технику, скот, другие средства производства, реквизировав большую часть (50 миллионов гектаров) земель кулаков. Ведь уже к началу 20-х материальная база кулачества была разрушена, антоновщина раздавлена, земля подушно разделена, созданы «равные условия труда». И вдруг снова возник этот многомиллионный кулак — каждый 20-й был объявлен кулаком! Для чего? А для того, чтобы грабить, чтобы отбирать хлеб. Это был откровенный грабёж с совершенно определенными последствиями разгрома: в середине 20-х годов страна *вывозила* 150 миллионов пудов зерна — *куленного* у крестьян зерна. После раскулачивания она торговала *сло-банным* хлебом, пока можно было отбирать. Но и у колхозов хлеб реквизировали по символическим ценам, и он *сталисчез*.

Все ошибки коллективизации коммунисты пытались представить левацкими перегибами, извращением генеральной линии партии в деревне: Год вел и кого перелома, выступления аграрников в декабре 1929-го, проект постановления партии ВКП(б) о темпах коллективизации от декабря 1929-го и поправки к нему комиссии Яковлева — все свидетельствует не об ошибках, а о тщательно продуманной политике военно-феодалного порабощения крестьянства. Да, были и постановления о перегибах, но это не более чем плоды «змеиного нрава Кобы, который хотел обратить народный гнев против исполнителей его же приказов.

Приказы, постановления, красные слова — сколько за всем этим искаленных жизней, судеб, смертей?..

Коллективизация, индустриализация, стахановское движение, трудовой энтузиазм — все это было грандиозной тупой, обманом, в котором участвовали все и который все покрывали. Это была круговая порука лжи — снизу и сверху — все знали, что это ложь и всем было выгодно выдавать ложь за правду — не для психологической даже защиты, а для самозащиты от пули, которую немедленно получал каждый, увидевший голого — в прямом и переносном смысле — колосса. Голого, без штанов..

Всеобщность, принудительность, подневольность, насильственность привели к сокращению производства. Подобно тому, как диктатура пролетариата оказалась диктатурой против пролетариата, подобно тому «союз рабочего класса и крестьянства» обернулся недоеданием одного и закабалением другого.

Вступление в колхозы сопровождалось массовым убоем скота и разрушением инвентаря. Мы объясняли это провокациями кулачества, но относилось это к середняку и бедняку и даже обрело свое название — «самораскулачивание». Тогда же начался падеж колхозного стада. В период коллективизации поголовье скота скачком уменьшилось чуть ли не на порядок.

СПРАВКА

За годы коллективизации (29 — 33 гг.) уничтожено, пало, забито:

более 25 миллионов крупного рогатого скота, в том числе 10 миллионов коров;

17,7 миллионов лошадей (благородных гуингмов); более

10 миллионов свиней;

71 миллион овец и коз.

Это такая война, настолько планетарная по размаху катастрофа, такой удар по производительным силам страны, что народная поэтика страха — Мамай и прочее — бледна и наивна.

Даже по сравнению с летальным уровнем 18 — 19 годов, когда пульс экономики где-то и не прощупывался, производство мяса в 34 году было в два раза ниже! Ниже голодного 19-го упало к тридцать четвертому году и производство молока, яиц. Представьте, сколько детских смертей.

Неурожай 1932 года обусловлен вовсе не засухой, а грабежом и разрушением сельского хозяйства, не срывшимся и Мамаю, уничтожением самого сильного и заинтересованного производителя, нежеланием уцелевших исправно нести новую барщину. Позорным словом «кулак» называли наиболее трудолюбивых и зажиточных крестьян, которых объявили отдельным буржуазным классом, подлежащим уничтожению. Геноцид 37-го — и в сравнимых масштабах! — начался восьмью годами раньше — с физического уничтожения «кулака». Стоит ли удивляться, что это отбросило страну еще на четверть века назад — в горячелюбимый нашей статистикой 1913 год.

После выхода Постановления от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» процент коллективизации за несколько месяцев 1930 года упал с 52 до 21, а в регионе столицы — с 72 до 7,5% — 65% «добровольцев» просто удрало из вожденных фаланг.

Но недалеко... «Ошибка» от 14 марта, приведшая к распаду колхозов, была быстро исправлена; место прямого принуждения заняло косвенное — был резко повышен налог на единоличников и увеличены символические льготы колхозникам. Но «льготы» не помогали: урожай падал, скотдох. Эти «ошибки» тоже были немедленно вскрыты мудрой

партий — постановлением от 26 марта 1932 года «О принудительном обобществлении скота». Но, увы, случаев восстановления павшего скота с помощью постановления зарегистрировано не было.

Каждый год вскрывались новые ошибки — пионеры! диалектика! — и выходили новые партийные постановления, сельское же хозяйство тем временем хирело. В 32-м в счет обязательных заготовок пошел семенной фонд, в 33-м образовался самый большой из известных в мире скотомогильников.. На все это, конечно же, накладывались спасительные для наших объяснений засухи и дожди, пока вся территория страны не обратилась в устойчивую зону неблагоприятного земледелия. С тех пор каждый съезд оклеивался «решительным поворотом в отношении к сельскому хозяйству». Сколько съездов — столько поворотов.

Периодически — для спасения положения — в села производили инъекции из городов: 10-ти, 25-ти, 40-тысячники. Рабочие, принудительно направляемые в колхозы, естественно, не имели соответствующих навыков и знаний: диктат накладывался на неграмотность. Их встречали неприязненно.

Новый упадок сельскохозяйственного производства — такой каждый раз была реакция на директивное вмешательство очередной «поворот».

То мяса нет, то — колбасы и сыра,
То шапок нет куда я ни зайду
Но я встречал ибольшую беду
Нет близких. Нет здоровья. Нет квартиры.

Нет радости нет совести нет
мира Нет уваженья к своему
труду Нет на деревне теплого
сортира Нет урожая в
будущем году

Но есть консервы РЫБНЫЕ
ТЕФТЕЛИ Распльвчатость и
фантастичность цели Есть подлость
водка скука и балет —

Леса и степи, стройки и ракеты
Есть даже люди в захолустье где-то
И видит Бог! — хоть Бога тоже
нет

Упрямо изыскивая способы посрамления Америки, Хрущев распорядился сккупить у колхозников без всяких уклонений всю их рогатую живность. Таким административным приемом удалось увеличить общественное поголовье на несколько миллионов голов. Но с наступлением холодов выяснилось, что колхозы и совхозы не готовы к размещению и содержанию сккупленных коров, и их пришлось частично забить. С той поры на деревне не стало ни коров, ни телят, а упрямые старушки, как их теперь ни уговаривают, не желают больше возиться с рогатиной. Телевизор лучше. Так что испить на селе кружку молока стало проблемой, порожденной все той же амбицией: «Какое молоко! У нас, милай, теперь ниче не мычит, будто уши заложилон.

«Можно с уверенностью сказать, — звучало потом в одном из документов, — что мясная проблема в самый короткий срок в нашей стране будет успешно решена и мы будем иметь мяса в достатке не только для внутренних потребностей, но сможем заложить значительные государственные запасы и выделить часть мяса и мясных продуктов для внешней торговли».

«Или вспомним печальное постановление о лошадях. Они были обозваны дармоедами, поедающими чужой корм, позорящими советскую Россию бездельным ржанием тележным скрипом. Но дело тут не в «бездельном ржании». Какой-то придворный лукавец нашептал Хрущеву, что ежели забить несколько миллионов лошадей, то сколько сразу сэкономится корма. Да плюс почти за так уйма конского мяса! Да кожа на ремни и подметки! Было запрещено выдавать корма на лошадей, их исключили из всех видов отчетности, то есть фактически объявили вне закона, и колхозы волей-неволей вынуждены были отправлять их на убой. И потянулась на живодерню эти скорбные, понурые шестивия лошадей по дорогам России, которую они много веков кормили, опахивали, окашивали и берегли от врагов. А тем временем молочную флягу от фермы до сельского детского сада везут на тракторе с прицепом. Тогда как высокомоторизованная Америка и теперь держит для рабочих работ 10 миллионов лошадей.

А насаждение декоративных агрогородов?! Ради такой театризированной жизни, случалось, людей силком, с милиционером переселяли в казенные многоквартирные дома

с общим для всех туалетом под забором. А тем временем покинутые деревеньки объявлялись бесперспективными, дворы зарастали чертополохом, кособочились и падали радиостолбы, осыпались колодцы и ветер трепал истлевший белесый флаг, забытый над крышей заколоченной школы.

Или многократное объединение колхозов, превращение их в показушные гиганты, где все огромно: и поля, и тракторные гонны, и объединенные доходы, ставшие миллионными (и долги тоже), но оказался совсем маленьким сам

человек, чей голос все больше терялся в бескрайности обезличенной земли, уже не обогреваемой любовью ее оратая. А какую неразбериху внесли всякие структурно-руководящие комбинации, скажем, создание совнархозов, этих еще одних бумажно-волокитных сооружений!

Решения и постановления, предписания и указания сыпались градом, нижестоящие органы не успевали их воспринимать и осмысливать, их охватывала нервозность и зыбкая неопределенность перспективы. На этом фоне в Рязани раздался трагический выстрел: секретарь обкома Ларионов покончил с собой. Но многие, еще со сталинских времен приученные не перечить, приспособившись к показному цифротворчеству, пустились откровенно врать в отчетах, выдавая желаемое в верхах за действительное в низах.

И, словно предвестники грядущей беды, начались пыльные бури — прямое следствие чрезмерных распахек и разрушения севооборотов. Миллионы тонн растрепанной земли подняло ветрами с полей Кубани и Ставрополя. За одну ночь наши курские, еще заснеженные предвесенние поля переделались в черные сугробы. Черная взвесь проникла сквозь оконную оклейку, черно лежала на подоконнике, на писчей бумаге, ну и, конечно, на душе...

Подобные пыльные бури потом повторялись неоднократно. Вопреки еще не успевшим выпустить, но смытым дождями оптимистическим диаграммам роста надоев и привесов, с прилавков магазинов стало исчезать мясо и все мясное. Потом все молочное. В считанные дни размели привялые плавленые сырки. Куда-то девались пшено и гречка, как потом оказалось, исчезли на целые десятилетия. Дело дошло до лапши и макарон. Осенью хлебозаводы прекратили плановую выпечку батонов и булок, закрылись кондитерские цеха. Белый хлеб выдавали по заверенным печатью справкам только некоторым больным и дошколь-

никам. В хлебных магазинах и столовых появились обращения, предлагающие еще раз подумать, сколько вам нужно хлеба. Над страной нависла угроза карточной системы. Одним словом, приехали...

«Болярская шапкаң оказалась не по «нашему Сенькең,

Хрущев вопреки своему простодушному крестьянскому облику, оказался человеком с упрямым и своевольным характером, был способен, не дослушав, внезапно и бурно разгневаться, бесцеремонно и грубо обругать. Предприняв ряд мер против сталинского монополизма, он сам же перешел к единоличному, волевому и непререкаемому управлению страной, не располагая для этого склонностью к вдумчивому, углубленному социально-экономическому анализу обстановки.

Каким нечеловеческим талантом надо обладать, чтобы бескрайнюю, благодатную, самородящую землю обратить в пустыню, чтобы все уничтожить — до тла. И не за геологические времена — за годы...

Мы много говорим о жертвах репрессий, о войне, но кто знает, сколько миллионов полегло в 33-м после великого свершения — коллективизации, кто знает масштабы голода — и где? — в самых плодородных регионах Черноземья, где голода не знали от татар? Кто помнит, что внутренние войска защищали от обезумевших от голода крестьян полутоленные города? Кто знает, что родители не пускали детей на улицу — украдут, съедят? Да, да, было на Кубани людоедство, пишет кровью сердца болящий за свой народ писатель. Было!

Людей полегло, как на фронте. Каганович проехал — как Мамай прошел, а и сейчас ни гу-гу, словно не люди — собаки какие-то дышали.

К нам приходила какая-то пухлая бабушка и все говорила матери: «Помоете посуду — не выливайте, я попыюң,

Слезы в глазах, мороз по коже... Я другой такой страны не знаю.

Не могу писать...

РЕЗУЛЬТАТЫ

Дабы ободрить народ, он поручил откупщику устроить в загородной роще пикник и пустить фейерверк. Пикник сделали, фейерверк сожгли, «но хлеба через то людишкам не предоставили». Тогда бригадир призвал к себе «излюбленных» и велел им ободрять народ. Стали «излюбленные» ходить по соседям и ни одного унывающего не пропустили, чтоб не утешить.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Коллективизация была не просто обманом крестьянства или насилием над ним — она была дорогой в никуда: разрушением агрохозяйства, вековечно строившегося на отношениях собственности и выгоды, этих гарантиях процветания и изобилия. Подобно тому как в промышленности индустриализация вела к отчуждению рабочего от продукта его труда, в сельском хозяйстве обобществление вело к разорению.

Даже *наши* не в состоянии отрицать, что аграрная революция привела к резкому ухудшению продовольственного снабжения городов. Уничтожение крупных хозяйств имело катастрофические последствия, создание новых на коллективной основе — еще более страшные. Производительность труда, и без того не растущая, упала до минимума, товарная продукция резко сократилась.

Попытки объяснить низкую товарность агросферы тяжелым наследием царизма и ростом крестьянского потребления беспочвенны: спад произошел именно в результате преобразований в деревне и привел к снижению потребления как в городе, так и на селе. При царизме хлебом торговали, после революции его начали покупать. Объяснять неблагополучие продовольственного баланса городов противоречием между государственной промышленностью и мелкотоварным сельским хозяйством тоже нет резона: кооперация деревни лишь усугубила его.

Низкая продуктивность колхозов и высокая себестоимость продуктов питания были прямым следствием командной экономики, приведшей к почти полной экспроприации продуктов крестьянского труда государством и к абсолютной незаинтересованности хлебопашцев в результатах своего труда.

Наш хваленный коллективизм оказался извращенной, искаженной, патологической формой массовости — стадным, обдывающим, примитивным коллективизмом, растаптывающим личность и превращающим народ в покорную, жвачную, апатичную массу, то есть коллективизмом члвеконенавистническим в глубинной своей сути.

Вот почему «временные» трудности колхозов оказались постоянными. Если кризис в промышленности нарастал со временем, то сельское хозяйство с самого начала не выходило из него.

В деревне мы действительно сделали невозможное: за пару десятков лет начисто отбили у крестьян вековую тягу к земле. А как могло быть иначе? Репрессии по отношению к самым трудолюбивым, идиотизм люмпен-обобществления, советская барщина, дурацкие запреты, грошевая оплата, непрерывные и непрогнозируемые колебания: то можно иметь корову, то нельзя, то сверхналоги, то кукуруза, то кок-сагыз, то лысенки... Удивительно не то, что все исчезло, а то, что еще что-то осталось..

И надо всем — «мудрая политика партии!» Да уж — мудреенекуда..

Колхозы привели страну к талонам, к разору на земле, деградации почв, уморили голодом миллионы голов скота, лишили перспективы десятки тысяч деревень, разогнали по городам миллионы потомственных крестьян.

И вот сегодня, в годы «перестройки», новые законы понуждают жителей села войти в арендные отношения с явными банкротами и горе-руководителями, которые только и ждут, чтобы содрать с арендатора очередные три шкуры.

Нет, не герои, не «маяки» решают проблемы селян, То, что сделали с деревней — преступление руководителей государства и партии. Тот шок не прошел. Колхоз — синоним бесправия, уравниловки. И поденщины! Тут не только раскрестьянивание, но и расчеловечивание. Почему масса сельского населения не пошла сегодня в кооперацию? Шок. Дает о себе знать пережитое дедами и отцами. Столыпин назвал нищету худшим из рабств. Народ на селе живет пол-жизнью — во всем недостаток. Пришло время повиниться перед народом за все содеянное в деревне. Ждали этого от Первого съезда народных депутатов — нет, ни слова. Надо бы сказать: «Простите за генеральную линию! За случившееся, за наглую неправду коллективизации, «раскулачивание, ликвидацию крестьянства, списывание тысяч селений в графу «неперспективные, за символические пенсии тем, кто отдал все силы — и кровь, и пот — городам, стройкам-гигантам, армии, на алтарь индустриализации. Победа над фашизмом, освоение космоса — все за счет элементарного счастья нескольких поколений обездоленных.

Ждали? От кого? От Горбачевых-Лигачевых?..

Мы поехали по Калининской, Ярославской, Рязанской и Московской областям. Более страшной картины представить себе трудно. Жуткие дороги. Если асфальт, то это спиральная доска; проселки такие, что все время увязал наш «микрик» — не столько он нас вез, сколько мы его волокли на себе. Отсутствие магазинов, а если есть магазин, — отсутствие продуктов. Деревни разрушены, опустошены, сожжены, растащены, брошены. Российская деревня, в которой прежде дома стояли строем, напоминает сейчас рот старика, где отдельные избы торчат, словно последние зубы. Есть села, где нет воды, нет колодезев. Мы подвозили старух, которые, стибаясь, волокли мешки с продуктами восемь километров от ближайшего селу. В одно село приехала автолавка. Я видел, как крестьянка купила 300 штук яиц, привезенных в деревню из города. Ее соседка купила целый мешок буханок хлеба. От этой противоестественной картины берет оторопь, становится жутко.

Почти в каждой деревне стоят руины прекрасных некогда церквей. Из их куполов, обрушившихся крыши растут березки и прочий кустарник. От этих поездок, (а мы повидали с полтысячи деревень и сел) возникает ощущение, что крестьянство много десятилетий находилось под оккупацией. Сколько нужно было приложить стараний, чтобы так расправиться с собственной деревней, с собственным народом...

Хотя на коллективизированное сельское хозяйство работала большая наука, производительность, качество и товарность частного сектора почему-то оказывались выше, как бы иллюстрируя превосходство дедовских методов над социалистической наукой. Конечно, говорить о превосходстве примитива в эру аграрной индустриализации абсурдно, но наш факт действительно состоит в том, что без науки, техники и государственной поддержки, владея тремя процентами земли, распроклятый частник — чтоб он сдох! — давал треть сельскохозяйственной продукции и несравнимо более высокого качества.

Об этом приходится говорить в конце XX века, когда индивидуальный труд крестьянина становится синонимом отсталости даже в самых отсталых странах...

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ИЛИ СВЕРХЭКСПЛУАТАЦИЯ?

Все экономические мероприятия режима имели откровенно этатистский, стейксистский характер, то есть были направлены исключительно на укрепление государства и власти, а вовсе не на демагогически провозглашенное революцией осчастливливание народа.

Если до сих пор системе что-то и удавалось, то — укрепление собственного режима. Это был экономический монизм: нескрываемая почти ориентация на тяжелую индустрию и милитаризацию и почти столь же откровенное пренебрежение интересами народных масс, от которых отщелачивались обещаниями о грядущем счастье в награду за туго затянутые пояса.

В двадцатые годы в партии шла дискуссия о путях и способах индустриализации, которая попутно выявила и помогла ликвидировать идеалистов, еще помнящих революционные обещания народу и первоначальные идеалы. Как и прочие сорняки, все они были быстро и безжалостно выкорчеваны.

Существует теория «стадий отсталости», согласно которой каждой стадии экономического развития соответствует своя идеология, тем более радикальная, чем сильнее отстала страна. Идеология служит лишь прикрытием экономических акций — скажем, той же индустриализации, — она как бы заманчивая обертка принуждения и насилия, присущих начальным стадиям индустриализации.

Социалистическое государство принуждением и декретированием стремится достичь того, чего непланируемый и ненаправляемый конгломерат социальных и экономических сил достиг в Англии в первую половину XIX столетия.

Хотя речь всегда шла о приоритете экономики над политикой, на самом деле политика властвовала над экономикой, полностью подчиняя последнюю своему волюнтаризму. Чтобы укрепить власть, следовало нарастить мускулы, а чтобы укрепить мускулы, надо было индустриализоваться — быстро и любой ценой! Мы вообще народ широкой души, мы за ценой не постоим... Но если взглянуть глубже, отбросив облатку идеологии, то речь шла о быстрой капитализации экономики, то есть об индустриальном скачке английского общества.

Демииургизм развился в теорию государства, и задачи, которые великий вождь приписал государству, были подобны задачам, которые капитализм выполнял в предыдущее столетие.

Доктрина «капитализма при социализме», правильно отражая сущность процесса, — лишь один срез истины. Ибо на западе индустриализм развивался органично, естественно, инициативно. На востоке же — авторитарно, диктаторски, причем цель тоже была иной — не личное обогащение элиты, а укрепление ее власти.

Революция, скорее всего, не могла бы произойти, если бы ее «гвардия» знала, что за ней последует вовсе не обещанный Кокейн, а бесконечно варьируемые призывы к самопожертвованию и терпению. Но такая трансформация «всеобщего равенства и счастья» в жесточайшую эксплуатацию не была случайной или привязанной к личности даже такого тирана и некрофила, каким был Коба, она была необходимой — заложенной в самые недра коммунистической доктрины. Она была ее тоталитаристским ядром, ее глубинной сущностью, ибо сильной власти — а какой же коммунизм без нее? — не достичь никаким иным путем, кроме как посредством индустриального милитаризма.

Первичной была сильная власть, экономика же — средством укрепления. В этом секрет и причина всего происходящего: отношения к человеку как к средству — прежде всего.

Выбор был ясен: либо глубокое отступление и постепенная эрозия системы диктатуры, либо общая атака с целью тотальной ликвидации способности врага сопротивляться.

Нет, это не противоречие: индустриализация была следствием глубинной сущности коммунизма, и чистым прагматизмом, и принуждением, и сверхэксплуатацией, и добровольным согласием масс на все это. Но, главное, итоги первых пятилеток не были результатом «торжества идей» — просто террористическим вариантом экономического роста в условиях тоталитаризма. Индустриализация России началась до революции (план Витте-Менделеева) и продолжалась бы без нее — вполне возможно, с теми же результатами, но без того надрыва и тех невосполнимых издержек, к которым привела. Во всяком случае специфичность нашей индустриализации не в темпах роста, а в масштабах насилия над человеком и природой.

(Плохо все-таки, что история не знает сослагательного наклонения. Вот бы переиграть ее снова и посмотреть на Россию, осуществившую индустриальный план Витте и аграрный Столыпина — и не на уровне конца XIX — начала XX, а на уровне техники 70-х).

Наша экономика всегда была экономикой военного времени. И когда мы говорим «индустриализация», это не означает гармоничного промышленного развития, это означает, прежде всего, создание мощного военного потенциала, развитие тех отраслей, которые служат войне: тяжелой индустрии, энергетики, ядерно-космического щита, строительства, транспорта. Остальное оказалось там же, где и сельское хозяйство.

Как нигде и никогда, экономика была поставлена на службу политике, политика — на службу укреплению власти. Впрочем, «нигде» и «никогда» не совсем точно: был и аналог: немецкое военное хозяйство образца после 1933 года.

В тридцатые годы удельный вес производства средств производства превысил 61% против 33,3% в 1913 году.

Индустриализация по-коммунистически, может быть, эффективный, но антигуманный метод решения проблемы, за нее заплачена слишком высокая человеческая цена и именно поэтому она придавала отсталости более современную форму.

Вообще же индустриализация носила типичный имитационный характер, имея лишь ту специфику по сравнению с прототипом, что осуществляла полный контроль норм накопления и потребления.

Экономический рост был достигнут за счет низжайшего уровня жизни: уравниловки на основе всеобщей бедности. Даже мы сами не отрицаем того факта, что в период индустриализации рост цен обгонял уровень зарплаты. Именно тогда-то и начался спад энтузиазма, и партия начала терять свою популярность и авторитет. Именно индустриализация покончила с идеалами революции.

Процветания на аскетизме не устроишь. Да и энтузиазм — почти всегда есть оборотная сторона принуждения. Вначале — изнеможение от энтузиазма, затем — усталость от тиранни

* * *

При социализме отсутствует антагонистическое противоречие между накоплением и потреблением. Оба фонда используются в интересах народа для более полной реализации основного экономического закона развития социализма, дальнейшего развития и совершенствования социалистического образа жизни.

Из книги «Антикоммунизм и советология»

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГЕНСЕКА НА ФЕВРАЛЬСКОМ (1964 ГОДА) ПЛЕНУМЕ ЦК ПАРТИИ

Мы затягивали пояса, голодали, мало строили школ и жилья, отказывали себе во многом, в чем так остро нуждался народ, чтобы выкроить лишнюю копейку для индустриализации страны.

ИЗ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ

Народ не жалел ни сил, ни средств, сознательно шел на лишения, чтобы выгнать страну из отсталости.

Мы отвергали «буржуазную теорию принудительного накопления, и тут же, рядом с опровержением, писали: «Высокие темпы роста национального дохода и рост нормы накопления способствовали аккумуляции в руках государства колоссальных сумм накоплений».

Мы утверждали, что высокий уровень нормы накопления связан с отсутствием паразитических классов, а рядом писали, что норманакпления поддерживалась планоно.

СВИДЕТЕЛЬСТВО АНАЛИТИКОВ

Уровень жизни советского народа упал ниже уровня

жизни трудящихся страны до революции. Производство потребительских товаров было решительно ограничено, а потребление широких народных масс постоянно удерживалось на низком уровне.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ИДЕОЛОГА

Объективные данные показывают, что домыслы буржуазных экономистов относительно «принудительного характера накопления» и «падения жизненного уровня советского народа вследствие индустриализации не подтверждаются анализом действительного процесса повышения жизненного уровня людей.

СПРАВКА

Норма накопления, имеющая прямое отношение к степени эксплуатации, при капитализме никогда не превышала 14%, у нас же — согласно нашей же статистике — нередко превышала 30%, будучи в несколько раз(!) больше дореволюционной..

Подойдем к проблеме с иной стороны:

В 1928 году 60,5 процента всей промышленной продукции составляли предметы потребления и лишь остальные 39,5 процента — средства производства, то есть всё «несъедобное». Соотношение по мировым меркам нормальное, можно сказать, почти классическое. В 1940 году эти цифры поменялись местами: 39 процентов — потребительские товары и 61 процент — средства производства. Столь жесткую пропорцию можно как-то оправдать особенностями момента: страна стояла на пороге войны. Однако и в дальнейшем доля потребительского сектора сжималась. К 1985 году уже менее четверти промышленной продукции составляли товары для народа, свыше трех четвертей — «несъедобное».

Или — еще с одной, со стороны степени дешевизны (данные на конец 80-х гг.):

Честный способ определить дешевизну или дороговизну — это подсчитать, сколько времени надо работать, чтобы купить тот или иной товар (если он, конечно, вообще есть в продаже). По такой мерке мясо нашему работнику обходится дороже, чем, скажем,

американцу, в 10-12, птица — в 18-20, масло — в 7, яйца — в 10-15, хлеб — в 2-8 раза и т. д. Даже плата за равноценное жилье у нас много выше.

Есть и такое суеверие: да, непосредственно на себя человек трудится лишь треть рабочего времени, но это ни о чем еще не говорит — весьма крупная часть изъятото возвращается трудящимся через общественные фонды потребления. Так вот, Америка при меньшей численности населения в 1985 году расходовала на образование 178,6 миллиарда долларов, мы — 37,9 миллиарда рублей (1 рубль — 7 центов), на здравоохранение соответственно 174,8 и 20, на социальное обеспечение и страхование — 458,3 и 61,1.

Или — со стороны самой жизни:

Мой друг, переводчик, работал с делегацией советских инженеров во главе с замминистра, приехавшей во Францию, как обычно, для закупок оборудования. По традиции последний день посвящается магазинам, и подводит переводчик делегацию к известному всем советским туристам в Париже — дешевому магазину «Татиң. Тут отводит замминистра переводчика в сторону и говорит ему: «Ты привел нас сюда, спасибо. А теперь, видишь, вон лавочка, ты пойдиди туда, посиди. Ты на наш позор не гляди. Мы здесь сами разберемяся. И пошел замминистра с сотоварищами копаться в дешевом тряпье среди негров, арабов и прочего беднейшего местного населения, близкого к люмпенам...

Такое вот отсутствие эксплуатации... Оказывается, для выжимания соков эксплуататоры вовсе не обязательны.

СПРАВКА

Ежегодные темпы роста капиталовложений в хозяйство в 1929-1940г.г. составили 18%, темпы роста реальных душевых доходов — 2,3%.

Эти цифры — даже без учета всех фальсификаций — красноречивее потоков словесных ухищрений...

ТЕМПЫ, СТАТИСТИКА

Пусть экономией мы
бредим, Мы прямо к
разоренью едем.

Хозяйство всё по швам
трещит, Спим на
заложенной перине
И даже хлеб едим в кредит.

И. В. Гёте

Наше общество все время в
движе-нии, и, порой, отстав,
вырывается вперед,

Ж.-П. Сартр

Во времена не столь отдаленные в наших научных журналах можно было вычитать такие «перлы»:

В последнее время появилось нечто новое в пух-лых «трудах» буржуазных критиков нашей экономи-ки. Речь идет о теории «затухания» наших темпов. Темпы экономического роста, утверждают сторонни-ки новой «теории», всегда находятся в обратной про-порциональности к достигнутому уровню экономики. Классовый смысл этой теории совершенно ясен: ее авторы стремятся доказать, что высокие темпы роста экономики социализма — результат действия «обще-экономических» законов, одинаковых для различных систем. Поэтому дальнейшее наше экономическое раз-витие приведет к падению темпов. Коренным пороком буржуазной теории «затухания» темпов является тот факт, что ее сторонники механически переносят на почву социализма закономерности, присущие проти-воположному (?) экономическому строю. Вот

такая наука...

СПРАВКА

Согласно даже нашим липовым данным годовые темпы

роста капиталовложений в хозяйство упали с 18% в 1929-40гг. до 4,6% в 1976-1980гг. На самом же деле в эти годы следовало говорить не о темпах роста, а о темпах спада.

В самом деле, крутом толкуют о крутом повороте к эффективности — хозяйствовать так, как прежде, нельзя... Если же обратиться к опубликованным статистическим показателям, то получается, что и раньше наше народное хозяйство развивалось на индустриальной основе: стремительно росла производительность труда, все время снижалась материалоемкость продукции, даже фондотдача в не столь далеком прошлом поднималась. Тогда зачем же перестройка? От добра добра не ищут..

Да, лукавые цифры... Лукавые? — Нет, преднамеренно, злобно, по негласному указанию свыше фальсифицированные. Последнее официальное тому свидетельство от 1926 года

СВИДЕТЕЛЬ — Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

Я утверждаю, что цифры, которые дают нам тресты, раздуты, что они фантастичны. Та отчетность, которую мы собираем, есть фантастика, квалифицированное вранье. (Избранные произведения, т.2, с 497).

Не знаю, как цифры, а вот квалификация фантастов с тех пор выросла неизмеримо...

Вначале еще исчисляли индексы физического объема, и эти индексы Герчука и Смит все больше отклонялись от официальных отчетов. Возникло две статьи и, чтобы одна не портила громадные темпы роста, в начале 1930 года исчисление индекса прикрыли. Что там индекс? В начале 1929 года было ликвидировано ЦСУ и восстановлено лишь после хаоса и развала, к которому привело отсутствие — пусть липовой — но все же хоть какой-то информации.

Да, хороша экономика, не имеющая даже индекса цен... А ведь почти весь наш «экономический рост» — там, в **ЦНХ**.

Это же надо! — 50 лет опровергать «буржуазных фальсификаторов» и «мнимое падение темпов роста», чтобы в 1987-м опубликовать вот это:

Средние темпы прироста промышленной продукции, %

Пятилетка	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я	10-я
Темпы	17	91	60	39	25	7

Или это: «в 1982 г. по сравнению с 1978 г. объем продукции оказался абсолютно ниже на 40% всех видов». В 10-й пятилетке начался процесс абсолютного сокращения ввода новых мощностей и выбытия старых. Фондоотдача быстро падала. Производство продукции в большинстве сырьевых областей снизилось. Инвестиционные процессы сдерживались малой мощностью строительных организаций и их низкой технической оснащенностью.

Или это: «Чем дальше, тем больше сокращение приростов производства оборудования, переходящее в сокращение абсолютных объемов его выпуска, будет ставить под угрозу даже простое воспроизводство мощностей в возрастающем числе отраслей».

Несколько капель правды...

С 28-го по 50-й розничные цены увеличились в 12 (!) раз. По поголовью скота уровень 28 года был достигнут лишь в 50-ые годы. В сельском хозяйстве царил даже не застой, а упадок. В промышленности производительность труда за 50 лет возросла в лучшем случае в 3,6 раза.

И при всем этом по официальным данным с 1928 по 1985 год национальный доход страны возрос в 90 (!) раз. Каждые 3 дня 85-го — один годовой доход 28-го! Вот она какая — не знающая удержу — ложь. Ныне мы вынуждены признать, что не было этого. Не было! Не 90, а в лучшем случае 6-7, да и то под вопросом.

Было бы нелепо оспаривать рост жизненного уровня масс при социализме — рост, обеспечивающий последнюю возможность партийно-политических спекуляций. Все дело в темпах, в качестве роста, в плате за него. Было бы просто немыслимым, чтобы за 70 лет НТР не было роста! Но каков этот рост, каковы сравнительные характеристики этого роста, каковы его результаты?

Привязывать экономический рост к «торжеству социалистических идей» все равно, что объяснять рост растений победой учения Лысенко. В эпоху НТР на бескрайних просторах богатой земли не растет разве что железный прут, воткнутый в землю.

А вот к чему бы стоило привязывать этот рост, на что нормировать его, так это не на 13-й год, а на эти-самые территориальные просторы, на запасы полезных ископаемых, на природный потенциал, на неисчерпаемость богатств, ниспосланную Богом стране. И цифры роста национальных окраин отсчитывать не от нуля, деление на который, как известно, дает бесконечность, а с учетом этой нормировки и в сопоставлении с другими бедными до революции странами, ставшими на индустриальный путь, — со страной восходящего солнца, например.

* * *

Наша великая гордость — темпы. С первого взгляда, капитал для тяжелой промышленности извлекался будто бы из ничего и галопировал со скоростью, якобы невозможной для капитализма. Но так ли это?

После 1860 года темпы экономического роста России начали быстро возрастать. За 50 предреволюционных лет по этому показателю она обогнала все страны мира, кроме США. В последней четверти XIX века темпы промышленного производства страны были заметно выше, чем в двадцатые годы — этим уже многое сказано, а в достопамятном 1913 году они составили 19,1%(!). Так что революция не ускорила экономику, а просто унаследовала и ее ускорение, и методы, которыми оно достигалось..

Интересный феномен! Когда нам надо было доказать необходимость революции, мы говорили о нашей промышленной зрелости и пролетарской подготовленности. Когда же мы хвалились экономическими успехами, мы говорили, что страна была отсталой, технически небооруженной, промышленно малоразвитой.

Высокие, хотя и частично фальсифицированные темпы первоначальной индустриализации, всегда являлись пред-

метом нашей особой гордости: вот они — смотрите! — плоды социалистического хозяйствования, вот оно свидетельство преимуществ марксизма! Что ж, надо разобраться: надо, наконец, понять, действительно ли это так или и здесь — обман, надо уразуметь, что дал этот путь и стоил ли он понесенных жертв?

Нет! Нет! Нет! Это была невиданная эксплуатация трудящихся масс, принудительное накопление, вложение львиной доли средств в фонд накопления при нищенском потреблении. А все иное — это лендлордизм в сельском хозяйстве, дающий огромные средства, отказ от выплаты долгов, составивших астрономическую сумму в 64 миллиарда золотых рублей, отказ, сохранивший огромные ресурсы, необходимые для индустриализации; хищническое использование материалов и людей; экологическая катастрофа; непрерывное расширение производства без существенной рационализации; ориентация на низкое качество...

В течение многих десятилетий индустриализация носила экстенсивный характер и представляла собой пространственное расширение. Вопрос об интенсификации возник лишь после исчерпания резервов рабочей силы и почти полного разгрома сельского хозяйства. Вопрос о качестве был поставлен, когда почти все области хозяйства оказались на грани краха...

Итак, наши темпы. Мы унаследовали их от империи, а вот смогли ли их удержать?..

От пятилетки к пятилетке снижались вводы новых мощностей и шло скрытое уменьшение производственных фондов: устаревание техники, количество денег в обороте увеличивалось быстрее, чем товаров. Хотя станочный парк численно возрастал, количество пустующих рабочих мест увеличилось вначале до 700 тысяч, а затем — до нескольких миллионов. Качество продукции падало, а так называемый прирост шел за счет увеличения цен.

При самых больших фондах накопления нам не удалось преодолеть замедления темпов развития. Бескризисная экономика оказалась сплошным кризисом — без взлетов и падений, а с одним генеральным спадом.

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что авторитарная экономика проиграла соревнование с рыночной, что направляемое, принудительное хозяйство — тормоз развития. Возникает вопрос: а совместима ли вообще теория социализма с эффективной экономикой?

Сменяющие друг друга иллюзорные экономические «реформы», сами по себе свидетельствующие о перманентном кризисе, вели не к стимулированию, а к дальнейшему стагу государственного хозяйства, рядом с которым родилась и усиливала свои позиции «вторая экономика» — подпольная. Для спасения положения пришлось прибегнуть к легализации последней.

Командная экономика, возможно, и действительна на коротких исторических дистанциях — в сочетании с принципом «туго затянутых поясов», но она не может обеспечить продолжительную эффективность, как плеть не может гарантировать бесконечную покорность.

Хотя на протяжении всех 70 лет наши темпы роста в несколько раз «превышали» американские, отставание растет. Эта удивительная математика нуждается в своих Кэрроллах, призванных объяснить, как так получилось, что сходившиеся линии одновременно все более расходятся.

При всем том темпы экономического роста — не единственный и не лучший экономический критерий. Подобно бюрократической системе, бурная деятельность которой не гарантирует от бесплодности, возможна экономическая, бесплодная при высоких темпах роста, система, перерабатывающая продукты природы в металлолом. Разве необходимы миллионы тонн и штук, которые никому не нужны?

Кстати, о качестве. С тех пор, как возникло количество, мы только и делали, что ратовали за качество, — с 1929 года. Да, с этого времени все партийные решения на сей счет аутентичны. Как и результаты их выполнения. Между тем, без учета качества темпы темпам — рознь. Ведь высокое качество позволяет наращивать результаты и без повышения темпов.

Экономическую правду скрыть невозможно: при любой липе профессионал определит и коэффициент ее правдоподобия, и относительно достоверные данные. Так что обманывали мы только самих себя. Только себя...

Прекрасной иллюстрацией достоверности нашей статистики служат, например, данные о повышении производительности труда в 30-е годы. Оказывается, уже к 1937 году по производительности труда в промышленности мы в 1,5 раза обогнали Англию и превзошли Германию. В США в это время темпы роста выработки были по меньшей мере втрое ниже, чем у нас. (Э.П. Горбунов. Социалистическая индустриализация в СССР и ее буржуазные критики. М., Соцгиз, 1962, с.118-119).

Вот такая статистика...

Ясно? После всех наших анализов, высоких темпов, бурного нашего роста — откроем свой же журнал «США: экономика, политика, идеология» № 12 за 1988 год и прочитаем нижеследующее:

Во всех странах, где собиралась статистика, доля общего фонда заработной платы в национальном доходе за 120 лет фактически не изменилась, колеблясь в пределах 60- 80%. Что касается нашей страны, то этот показатель составил 64,8% в 1908 г. и 58,1% в 1928 г., после чего снизился до 33,4% в 1950 г., 32,2% в 1960 г., затем к 1985 г. вырос до 36,6%.

Будучи одной из самых низких в мире, доля зарплаты в чистой продукции в СССР соответствует низкому по мировым стандартам уровню средней реальной заработной платы, которая к настоящему времени утратила свои основные экономические функции — стимулятора качественного труда и повышения его производительности; инструмента поддержания высокой трудовой этики исполнителей.

В США заработная плата как основной мотив к труду органически встроена в хозяйственный механизм. Любые попытки прибегнуть к использованию внеэкономических способов давления на партнера практически исключены. В этом смысле политическая инфраструктура американского общества не дает возможности буржуазии присваи-

вать большую, чем это принято по историческим и социальным нормам, часть вновь созданного продукта. Об этом говорит и исключительно стабильная доля заработной платы в национальном доходе на протяжении многих десятилетий.

Очень значительными стали расхождения в абсолютных размерах государственных расходов по отдельным статьям ОФП. Если в США в 1985 г. на образование тратилось 178,6 млрд. дол., то в СССР (с учетом затрат на пропаганду) — 37,9 млрд. руб., на здравоохранение — соответственно 174,8 млрд. дол. и 20,0 млрд. руб., на социальное обеспечение и страхование — 458,3 млрд. дол. и 61,1 млрд. руб. В результате в 1985 г. средний размер пенсии по старости составил в СССР 87,2 руб. в месяц, в США 479 дол., а с женой на иждивении — 814 дол. Кроме того, в США значительная часть средств на эти цели поступает еще и от представителей частного капитала.

В 1985 г. жители городов нашей страны потребляли мяса (с учетом его качества) почти на 50% меньше, чем в 1913 г. В 1913 г. потребление мяса на душу населения в городах Российской империи (без учета мяса, перевозимого по внутренним водным путям и части импорта) составило 88 кг, при этом в Москве — 87, в Петербурге — 94,1, во Владимире — 107,5, в Вологде — 107,5, в Воронеже — 147,7 кг против 62,0 кг (с костями, жиром и субпродуктами) в среднем по СССР в 1985 г. Еще большие объемы душевого потребления мяса были в 1913 г. в городах Сибири и Дальнего Востока. Уровень потребления продуктов питания в СССР в начале 80-х годов составлял в % от США: мясо — 34,2, жиры и масло — 29,8, рыба — 67, сахар — 104, хлеб — 95,5, молочные продукты — 63, картофель — 90, овощи — 19,3, фрукты — 19,7, безалкогольные напитки — 36,5, алкоголь —

119. До катастрофы начала 90-х расходы средней советской семьи на питание в 1985 году составили 72% от семейного бюджета по сравнению с 16,5% у американской семьи.

Оценки экономической доступности, выводимые через количество рабочего времени, необходимого для того, чтобы заработать на покупку продуктов питания, показали, что советскому работнику приходится трудиться намного больше, чем среднему американцу, чтобы купить единицу продукта: по мясу это превышение составило в 1985 г. 10-12 раз, птице — 18 — 20 раз, молоку — 3 раза, сливочному маслу — 7 раз, яйцам — 10-15 раз, апельсинам и бананам — 18-25 раз,

хлебу — 2-8 раз, водке — 18 раз. В 1913 году это отношение по тем же продуктам составляло 0,5-1,5, увеличилось до 2-2,7 в 1927 году и до 4-5 в 1960 году.

Согласно официальным данным, в 1980 г. в среднем на одного человека в СССР потреблялось 8,7 л чистого алкоголя или около 22 л водки. По сравнению с 1913 г. к 1985 г. душевое потребление алкоголя в СССР выросло почти в 5 раз.

Удельный вес крепких напитков в общем объеме всех алкогольных напитков составляет в СССР 69%, а в США 23%. Эти цифры не учитывают самогон. Его у нас потребляется столько же, сколько и водки. В последние 30 лет по общему потреблению крепких напитков СССР с большим отрывом занимает первое место среди 28 развитых стран мира. Если в среднем по странам мира доля расходов на крепкие напитки в семейных бюджетах колеблется от 1 до 6%, то в СССР в 1985 г. составила около 13% (без учета самогона). Для сравнения: в США на алкоголь расходуются 1,5% бюджета семей.

Жилье играет исключительно важную роль в формировании стандартов уровня жизни. Советский Союз уступает по этому компоненту большинству стран мира. В 1985 г. в СССР в среднем на одного человека приходилось около 9 кв. м. жилой площади (в том числе и без удобств), приблизительно столько же, сколько в Петербурге в 1913 г. По размеру жилой, благоустроенной площади на душу населения мы в 6-7 раз отстаем от США (4,5 кв. м. в СССР, 30 кв. м. в США), а с учетом различий в качестве разнообразных услуг (телефон, горячая вода, кондиционер и т. д.) — ориентировочно более чем в 10 раз. При этом жилье обходится у нас на 41% дороже, чем в США — в расчете на 1 кв. м. По данным американских исследований, объем потребляемых жилищных услуг в СССР составляет 14% уровня США. В США достигнута высокая обеспеченность жильем — около 48 кв. м. полезной (обогреваемой) площади на человека. Среднее число комнат в стандартном жилье — 5,1. Жилой фонд США отличается высокой оснащенностью современными удобствами: 60% домов имеют центральное отопление, 75% — канализацию, 90% — телефон.

Отставание Советского Союза по обеспечению населения товарами длительного пользования особенно значительно (14% уровня США), по автомобилям — 5%. При этом качество и класс изделий несопоставимы.

Исключительно большой разрыв между двумя странами сохраняется и в области потребления услуг. Их душевое потребление в СССР составляет менее 20%, в том числе по коммунальным услугам — 21%, связи — 20%, отдыху — 44%.

В 80-х годах каждая шестая больничная койка в стране не обеспечена водой, даже холодной, около 30% наших больниц не имеют канализации, в аптеках нет нужных лекарств. В целом, как заявил министр здравоохранения СССР, оснащенность средней больничной койки у нас в 7-10 раз ниже, чем в США.

Лишь недавно слегка приоткрылась завеса, скрывающая угрожающие тенденции ухудшения состояния здоровья населения СССР: практически все показатели заболеваемости и смертности в нашей стране уже свыше 15 лет непрерывно ухудшались, в то время как во всем мире, в том числе и в слаборазвитых странах, улучшались. Душевое потребление медицинских услуг, по оценкам специалистов США, в СССР составляет 33% американского уровня.

Что касается американской системы медицинского обслуживания, то ее отличает дороговизна, достаточно широкая доступность и высокое качество. Действительно, в середине 80-х годов день пребывания в больнице стоил около 400 долл., средний курс больничного лечения около 3 тыс., визит к врачу — 50 долл. В настоящее время 85% всего населения США охвачено государственным и частным, групповым и личным медицинским страхованием, которое позволяет многим американцам пользоваться качественным обслуживанием. Дело в том, что большую часть страховых выплат берут на себя государство и частный сектор, так что семья среднего американца тратит на здравоохранение лишь 4,4% своего бюджета.

Наша страна отстает от Соединенных Штатов по объему расходуемых средств и качеству подготовки специалистов (77% уровня США). В начале 80-х годов среднее число лет обучения населения в СССР составило 9 лет, а в США — свыше 12 лет. Наибольший разрыв в пользу США отмечался в высшем образовании: в СССР 15% молодежи в возрасте 18-24 лет обучалось в вузах, в США соответствующий показатель равнялся 34%.

Итак, по долям национального дохода, идущим на заработную плату, личное потребление и социальные выплаты

ты населению, СССР уступал практически всем развитым странам мира. Качество потребляемых товаров и услуг несопоставимо с международными стандартами. Наконец, благодаря наличию спецраспределителей разница в качестве товаров и услуг, потребляемых разными категориями населения, очень высока. И это неравенство все время увеличивается.

Нынешний уровень розничных цен на товары и услуги народного потребления (особенно питания) — один из самых высоких в мире.

Он будет повышаться еще большими темпами.

ПОХИЩЕННЫЙ РАЙ, ИЛИ ВОЗНЕСЕНИЕ КАМНЯ

Вереницы отверженных
проходят...
через мир, не узнав его, не имея
досуга, чтобы осмотреться.. не имея
иной цели, кроме ожидания
конца дня, для того, чтобы завтра
снова начать такой же день.

Им внушают, что всякая деятельность хороша, и вот уже все — от ассенизатора до вождя, от вора до генерала, от палача и осведомителя до министра — гордятся своим трудом во славу отличных... изны... изны... тризны.

Величие труда!

Конечно, я видел, как человек наслаждается отдыхом. Я видел, как спал увенчанный лаврами поэт. Я видел, как воин проводил вечер у куртизанок. Я видел, как плотник сидел на крыльце своего дома, вкушая прелесть тихого вечера. И, конечно, всем им, по-видимому, было хорошо. Но я уже сказал тебе: именно потому, что они устали.

Величие труда! Но куда оно подевалось? Не превратился ли сам наш труд в бессодержательную беспечность, в абсурд, в манию, при которой блаженное состояние, ожидаемое в

ми симптомами в реальном настоящем? Производство, производство, производство, но чего?.. И ради чего?..

Лихорадочная, спазматическая, нередко симулируемая активность. Бессодержательный прапктицизм глубоко безразличных. Утрата человечности. Гигантомания пшиков. За ранее скомпрометированный устех...

«Насаждавшееся в народе подобострастное иерархическое мышление, которое якобы должно было сплотить и целенаправить общество, на самом деле обернулось обезличенностью мысли, инертностью поступков, гражданской дряблостью и безразличием. А еще — массовым уродливым явлением, когда главным становилась не работа, не дело, не ремесло, не созидание, не наука, не творчество, не самовыражение во всем этом сообразно общепринятым нравственным ценностям, а наиглавнейшим сделался поиск наиболее престижного, наиболее освещенного места под люминесцентным солнцем, источающим благодать. И мы разучивались распить хлеб, тесать топором, завинчивать простые шурупы, заколачивая их сплеча молотком... В краски мы чего-то там недомешиваем, в клей чего-то недосыпаем, дерево недосушиваем, резину «недорезиниваем», машинам недодаем микронов, и в результате сделанное разучившись, а то и недобросовестными руками перестали покупать другие умелые народы. Как и в стародавние времена, берут у нас только сработанное природой: нефть и газ, лес и руды, шкуры и меха, икру и красную рыбу, последних наших осетров в белут, отстрелянных лосей вместе с рогами и шкурами, грибы, мед, которого у самих почти не стало, и даже волжских раков для закордонных любителей пива. Печальный это перечень.

Страну со всей очевидностью засасывало в безвременье, ее растаскивали, разворовывали — кто карманами, а кто и вагонами, но по-прежнему бодрячески утверждалось, что это и есть развитый социализм,

В Хинд с варадж Ганди писал: «Обнищавшая Индия может стать свободной, но Индия, разбогатевшая с помощью безнравственности, едва ли вновь обретет свободу».

Не разделяя неолуддизм величайшего из индусов, я, тем не менее, говорю о безнравственности труда безразличных,

о разрушительности шизизма, об аморальности интенсификации производства бомб, о разрушении стадным трудом души и тела.

Вот ведь как: на одном конце — мегаломания, на другом — ничтожество, посередине — человек..

Богатство страны не скрашивает бедность, а оттеняет ее. Диспропорции наиболее уродливы именно в бедных странах, — я уже не говорю о том вопиющем зле, когда раковые опухоли богатства и нищеты поражают организм, якобы живущий по принципам равенства и братства.

Нельзя долго держать народ в постоянном революционном напряжении. Жить лозунгами можно год, ну, годы, но — рано или поздно — захочется отведать и результатов обещаний.

Мы надеялись, что, изменив производственные отношения, в обозримое время изменим и человека, а когда убедились в том, что вера тоже имеет свои пределы, прибегли к испытанному революционному средству — насилию, насилию над духом и насилию над телом.

Вот мы говорим: героизм труда, труд — радость и наслаждение, труд — счастье, но ведь для абсолютного большинства «самых передовых и сознательных» труд — тяжкая необходимость, к которой надобно прибегать, чтобы прокормиться. И на пороге царства труда множество людей ненавидит свой труд и работает лишь потому, что ожидаемые удовольствия от заработка перевешивают неудовольствия от труда. Когда отсутствует творчество, мастерство, энтузиазм, страсть, первичным становится заработок, а не труд.

Нет, царство свободы начинается не там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и принуждением, но лишь там, где человек — творец.

Добрый землепашец, говорил Пеги, любит пахать и сеять не меньше, чем собирать жатву. Мы же и жатву собираем спустя рукава — без любви. Коммунизм научил..

Сизифов труд мучителен бесцельностью страдания. Реальность более трагична, чем миф. Сизиф был *наказан* богами за кражу пера, которым Смерть ведет свои списки. Миллиарды прозелитов Сизифа *награждены* абсурдным трудом во имя создания орудий, которыми Смерть приводит свои списки в исполнение.

Бушаровская рекомендация осмыслить бессмысленность, превратив ее в мощь непокоренного духа, слишком абстрактна. Вознесение камня к сияющей вершине, может быть, и свидетельствует о силе духа, но достаточно ли оно для поддержания духа в условиях сплошного оледенения — горы, камня, самих душ?

Можно сколько угодно разглагольствовать о «величайшем энтузиазме, с которым трудится весь народ ради всестороннего развития народного хозяйства» и о «превращении труда в радость творчества, но жизнь-то не обманешь.

ИЗ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ

Труд и дисциплина не будут в тягость человеку; трудовая деятельность перестанет быть только средством к жизни и превратится в подлинное творчество, источник радости.

«Труд — дело чести, дело славы, дело доблести и героизма, «перевоспитание трудом, «не тот труд, который высушивает ум и сердце человека, но «чародей, который из небытия и ничтожества превращает людей в героев».

Кстати, последние слова принадлежат палачу Вышинскому, не только исполнявшему некрофильские замыслы Сталина, но и обосновавшему необходимость принудительного труда в ГУЛАГе. Впрочем, не он был первооткрывателем «перевоспитывающей» мощи труда.

Центральный Карательный Отдел НКЮ, созданный в мае 1918, тотчас погнал тогдашних зеков на работу («начал организовывать производительный труд»). Но законодательно это было объявлено уже после июльского переворота, именно 23 июля 1918 года: «Лишен-

ные свободы и трудоспособные обязательно привлекаются к физическому труду.

Можно сказать, что от этой вот Инструкции 23 июля 1918 (через девять месяцев после Октябрьской революции) и пошли лагеря, и родился Архипелаг.

Необходимость принудительного труда заключенных (и без того, впрочем, всем уже ясная) была еще пояснена на VII Всесоюзном Съезде Советов: «Труд — наилучший способ парализовать развращающее влияние... бесконечных разговоров заключенных между собой, в которых более опытные просвещают новичков».

Тут вскоре подросли и коммунистические субботники, и тот же НКЮ призвал: «Необходимо приучить [заключенных] к труду коммунистическому, коллективному. То есть уже и дух коммунистических субботников перенести в *принудительный лагерь!*»

В Архипелаге ГУЛАГе, в Истребительно-трудо-вых А. И. Солженицын доказывает, как задуманные для геноцида и ликвидации инакомыслия, концлагеря превращались в построенную на рабском труде «вторую индустрию». В древнем мире рабами становились пленники, в «самом передовом государстве» — собственные граждане необходимых специальностей. Им не требовалось совершать преступлений: когда умирали плотники, арестовывали новых — поразрядке.

ГУЛАГ разрастался не по причине увеличения количества «врагов» — главной причиной его расширения был дармовой труд, необходимый для того, чтоб «социализм к пятнице пламенел». У коммунистов «перспективы роста лагерей всегда были прекрасными...

К октябрю 1923, уже в начале безоблачных годов НЭПа (и довольно далеко еще до *культы личности*) содержалось: в 355 лагерях — 68 297 лишенных свободы, в 207 исправдомах — 48 163, в 105 домзаках и тюрьмах — 16 765, в 35 сельхозколониях — 2 328 и еще 1041 несовершеннолетних и больных. И это все — без лагерей ГПУ! Радостный рост!

Лагерный труд-чародей строил социализм — и бесплат- но... Только с 1926-го по 1930-й (1937-й еще далече) лагер- ное производство увеличилось в... 57 раз! «Соловецкое чудо» — это «применение ленинского принципа: ударная ра- бота — ударное снабжение!» Это значило: кормили выпол- нивших нормы...

Да не сам по себе развивался Архипелаг, а ухо в ухо со всей страной. Пока в стране была безработи- ца — не было и погони за рабочими руками заклю- ченных, и аресты шли не как трудовая мобилизация, а как сметанье с дороги. Но когда задумано было ог- ромной мешалкой перемешать все сто пятьдесят тог- дашних миллионов, когда отвергнут был план сверхин- дустриализации и вместо него погнали сверх-сверх- сверхиндустриализацию, когда уже задуманы были и раскулачивание и обширные общественные работы первой пятилетки, — в канун Года Великого Переши- ба изменился и взгляд на Архипелаг и все в Архипе- лаге

О карательной политике было признано, что она недостаточна. Постановлено было: к классовые врагам и классово-чуждым элементам применять суровые меры репрессии, устроить лагерный режим. Кроме того: поставить принудработы так, чтоб заключенные не зарабатывали ничего, а государству они были хо- зяйственно- выгодны. И: «считать в дальнейшем необ- ходимым расширение емкости трудовых колоний». То есть попросту предложено было готовить побольше лагерей перед запланированными обильными посад- ками.

Чекисты набивали лагеря «человеческим сырьем», ин- женеры человеческих душ пели осанну рабскому труду на Беломорканале, как затем — на «великих стройках комму- низма».

Авторы не видят ничего более вдохновляющего, чем этот лагерный труд. В подневольном труде они усматривают одну из высших форм пламенного со- знательного творчества. Вот теоретическая основа ис- правления: «Преступники — от прежних гнусных

условий, а страна наша красива, мощна и великодушна, ее надо украшать. По их мнению, все эти признанные на канал никогда бы не нашли своего пути в жизни, если бы работодатели не велели им соединить Белого моря с Балтийским. Потому что ведь «человеческое сырье» обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, — что за язык! глубина какая! кто это сказал? — это Горький говорит в книге, оспаривая «ловесную мишуру гуманизма».

Интеллигенция... интеллигенция... Классики наши... классики... А ведь и лагеря задумали тоже не дзержинские и ежовы.

В чем лагеря оказались экономически-выгодными — было предсказано еще Томасом Мором, прадедушкой социализма, в его «Утопии». Для работ унизительных и особо тяжелых, которых никто не захочет делать при социализме, — вот для чего пришлось трудящихся. Для работ в отдаленных диких местностях, где много лет можно будет не строить жилья, школ, больниц и магазинов. Для работ кайлом и лопатой — в расцвете двадцатого века. Для воздвижения великих строек социализма, когда к этому нет еще экономических средств.

На великом Беломорканале даже автомашина была редкостью. Все создавалось, как в лагере говорят, «пердячим паром».

«Пердячий пар» двигал реки не только в лагерях. Волжский канал строили не одни зэки и все — киркой, лопатой и тачкой. 128 километров длины, 5 метров глубины, 85 метров ширины — и все вручную... Так же — шахты, заводы, госпромы... Киркой добывали уголь, киркой били джезказганские рудники, киркой начинали рудники урановые. Это обман, что на последние ссылали зэков — не было отбоя от добровольцев: льготы, зарплаты, квартиры, машины... Я сам проходил профилактическое обследование в шестой московской больнице Минсредмаша вместе с живыми трупами из Зеравшана и жертвами Чернобыля — видел своими глазами. Редко кто из шахтеров доживал до 50-ти... А ведь уран — не самое страшное, есть и руть,

и бериллий, и свинец, и кадмий, и мышьяк... А «Маяк»? А жертвы испытаний атомного оружия? А северные народы, многие годы питавшиеся радиоактивной олениной? А армейский травматизм? А жертвы «большой химии»?.. К жуткой статистике жертв ГУЛАГа уже некому прибавить не менее жуткую жертв ВПК — дело не в секретной статистике, а в апокалиптической внестатистической смертности больных раком, бериллиозом, силикозом и т.д., и т.п. масс людей, распятых в возрасте Иисуса Христа на кресте атомно-космического щита. Я бы не удивился, узнай, что жертв Второй мировой было меньше. Сам я всю жизнь занимался проблемой бериллия, почти все, с кем начинал, — профкалеки или «те парни...и...». Может быть, потому я не был потрясен ГУЛАГом, что знал иной мир, ни в каких книгах не описанный, всесоюзный, всенародный, охватывающий уже не десятки миллионов, а «весь советский народ», десятки миллиардов недожитых человеколет.

Как знать, может, в том и спасение — не доживать до всех убогостей старости в наших коммунистических городках.

Оказалось, что объявить производство «храмом труда» недостаточно для ликвидации отчуждения, отвращения, травматизма, профессиональных заболеваний, дыма, копоти, жара, вредных испарений, токсичности и прочих радостей труда.

Жертвами несчастных случаев становятся миллионы. Это сражение отличается от войны лишь тем, что не имеет конца. Новый феномен: в цехах и на дорогах погибает людей больше, чем на войне.

За «светлое будущее» надо платить. И мы платим: слепотой, глухотой, своими членами, нервами и сердцем, опухолью, детскими смертями, выкидышами, просто тем, что почти никто из работников уже не может сказать о себе: «я крепок и здоров, как бык».

Труд создал человека, он же его и убьет.

Речь идет не столько даже о миллионах смертей и увечий. Речь идет о том, что человек теряет себя для того, чтобы могла существовать вещь. Шозизм, вещьность обес-

человечивает человека. Жизнь как бытие-для-вещи. Вещь как фобия, как мания, как способ вырождения.

А могло ли быть иначе в стране, где вещь — любая вещь — всегда была для большинства недоступна?

На самом деле прогресс нашего общества, если что и порождает, то именно утрату интереса к труду. Труд становится неестественным, продукт труда отчуждается, радость труда исчезает. Безличный труд рождает безличного работника. Труд превращается в отрицание труда.

Когда труд превращает живых работников в машины — особенно в машины по производству пушек, — рассчитывать на доброту, теплоту, сочувствие так же нелепо, как в мире роботов. Конвейер рождает злость и эгоизм, а не любовь и альтруизм. Вначале работников помещают в атмосферу лихорадочного такта, а затем удивляются утрате идеалов и оскудению морали. Просвещение уповало на науку и автоматизацию, прогресс приумножил угнетение, сделав его однообразнее, машинальнее, бесчеловечнее. Дело шло к концу, а наши все заклинали и заклинали:

В силу прогрессирующего обнищания пролетариата капиталистических стран и под влиянием НТР обесценивается образованная рабочая сила, а средняя заработная плата рабочих и служащих неуклонно снижается.

(Ну, ну, смелее! Насилу, страдалец, заклял).

Теперь буржуазные экономисты зачастую разрабатывают практические мероприятия, якобы способные излечить капитализм от присущих ему язв. Подобные рецепты «спасения» капитализма основываются на антинаучных, апологетических теориях и не могут предотвратить дальнейшего загнивания капитализма.

(Ну, ну, милый! Давай! Только далось тебе чужое гниение! Загнивают-то они, а копошиться в гнили приходится нам)

Налоговая система в СССР была одной из самых изощренных. Более незаметные косвенные налоги, замаскированные под налог с оборота, отчисления от прибылей предприятий, налоги на кооперативы, займы, лотереи и т. д., и т. п. позволяли выкачивать с производителя до 80—90% его заработка, но и с этого жалкого остатка государство умудрялось брать подоходный налог.

Это же надо: на отдельных витках истории в доходах в бюджет налог с оборота даже по официальным данным достигал 60%!

Если учесть прибавочную стоимость, отчуждаемую тоталитарным государством у рабочего, то еще большой вопрос, когда его эксплуатация была больше — до революции или после. Есть все основания полагать, что степень порабощения растет.

Встречные планы, обязательства, соревнования, субботники и воскресники не были инициативой снизу. Наоборот, они «вменялись в обязанность сверху — вопреки плановости и расчету — и с единственной целью: выжать еще больше. Хотя соцсоревнование было более символическим, чем экономическим, в начальный период энтузиазма оно способствовало повышению темпов индустриализации. Но и тогда оно не способствовало росту товарищества и взаимопомощи. Уже через несколько месяцев после XVI партконференции, призвавшей развернуть соревнование (инициатива трудящихся!), были введены разнообразные стимулы для передовиков, превращавшие Стаханова и его последователей в высокопоставленных должностных лиц, занимавшихся уже не трудовыми подвигами, а исключительно пропагандой.

По мере бюрократизации соревнования бюрократизовались и стимулы.

Безработица может быть и без утраты работы. Это — и непроизводительная, и фальсифицируемая, и симулируемая работа. Безработица — это и пособие по безработице: я делаю вид, что работаю, они делают вид, что платят. Безработица — это и отсутствие товара при наличии денег, и отсутствие денег при наличии товара. Безработица — это и спрос без предложения и предложение без спроса.

Планируемая экономика напоминает рабовладельческую или феодальную экономику тем, что она не увольняет рабочих, которых не использует. Главное экономическое последствие безработицы — потеря продукта, потеря реального дохода в масштабе общества

Как в условиях силовой и авторитарной экономики удалось избежать противоречия между спросом и предложением труда в условиях аграрного перенаселения? — Именно в силу авторитарности и иррациональности инвестиционной политики, которую не выдержала бы никакая рыночная экономика: нищета, энтузиазм и страх — вот те три человеческих фактора, которые спасли экономику от взрыва.

Экономика вторична к труду. В принципе можно домыслить себе конкурентоспособную социалистическую экономику, эффективно использующую людскую психологию и экономические законы рынка. Такая экономика обеспечила бы самый медленный тоталитаризм, ибо лишила бы общество главного противодействия — экономической деградации. Но не в экономике дело. Коммунизм — всегда авторитаризм, а раз так, то рано или поздно любая его разновидность привела бы к экономической нестабильности тоже.

Как сказала одна экономистка, на которую уже успели цыкнуть, сегодня мы пытаемся чуть-чуть забеременеть привить к городам Солнца рыночную площадь. И вот уже не Шанин и не Преображенский, а Базаров и Бухарин! Теория равновесия, не реализованная в тридцатые, дождалась девяностых! Но коммунизм несовместим с рыночной экономикой, вся история утопических учений — тому свидетельство. Словосочетание «рыночный социализм» такой же абсурд как диалектический материализм или демократический деспотизм. Мы построили то, что строили, а перестройка с ее коммерцией — от лукавого: от нового поколения мелких растерявшихся бесов, уже и не знающих куда шарахнуть-ся от «великих наших успехов».

Кто пропитался духом коммунизма, должен знать, что главная экономическая идея великих демиургов — ликви-

дация рынка. Вот она — главная мысль Ленина, — повто- римее:

«Социализм состоит в уничтожении товарного хозяйства»

«Рынок и план при социализме соотносятся приблизи- тельно так же как мистика и рациональность или как хаос и порядок. Потому-то и были так казарменны все проекты тех планов, потому- то не оставляли простора для малей- шей случайности, фантазии, свободы, потому-то и были так горды своими детищами их умозрительные родители, что знали: только так и не иначе, только по-ихнему, только по установленному порядку. А какой порядок в рыночной стихии? Где здесь равенство, справедливость, уверенность в завтрашнем дне? Конечно, всем хочется попышнее пирогов, но откуда им взяться в мире государственного стандарта...»

Противоестественное обезличивание собственности, пре- вращающее всех в безразличных рабов государства, — одна из главных причин краха СССР.

В разгар революции Ленин набрасывает проект грядущего общества, где, разумеется, дает ответ — как поступить с отобранной частной собственностью. От- вет этот поражает завидной простотой и категорично- стью: собственность должна быть национализирована, целиком переходит к государству, а «все граждане превращаются здесь в служащих по найму у госу- дарства, каковым являются вооруженные рабочие».

Но сам способ по найму исключает для тружени- ка всякую возможность чувствовать себя собственни- ком. Если трактор, станок, завод — мой, то явная бес- смыслица наниматься мне для работы на них. Меня нанимают — одно это непреложно доказывает нали- чие чужой мне собственности.

При капитализме рабочий имел хоть какую-то призрачную самостоятельность — у одного хозяина ус- ловия не подходили, искал другого. Теперь и эта са- мостоятельность исчезла. Хозяин-то повсюду один, вы- бирать не из чего.

Государство-хозяин получает диктаторские права, а других, помимо него, диктаторов нет. А так как у него *все* служащие по найму, *все* от него зависимы, никто и ничто не сдерживает, то диктаторство государственной власти становится беспредельным, может позволить себе прямое насилие, не останавливаясь перед крайними жестокостями — сажать, ссылать, расстреливать, пытать в застенках. И тут уж не человек человеку волк, нет, все общество в лице государства хищнически безжалостно к каждому своему члену. К каждому! Высокопоставленные служащие по найму так же не застрахованы от диктаторских насилиев, как и простые труженики.

Все — служащие по найму, выстроившиеся один над другим, наделенные правом диктаторски приказывать и обязанные повиноваться. Все — служащие, все под властью старшего по чину, который вынужден относиться с подозрительной недоверчивостью — того гляди, не исполнит, подведет! На недоверие трудно отвечать прекраснодушным доверием, диктаторское принуждение не может вызвать добрые чувства и обоюдное взаимопонимание. Общество так устроено, что все противопоставлены друг другу.

И складывается самая благоприятная обстановка для проявления низменных качеств — трусости и жестокости, чванства и подхалимажа, лицемерия и беспринципности. И крайне неблагоприятная для проявления качеств высоких — внимательности и уважения, самостоятельности и сохранения личного достоинства. Не смей держать себя независимо, не смей говорить во всеулышание, что думаешь, не смей даже быть недовольным! Ты не принадлежишь себе, ты — раб системы!

Если все — служащие по найму, то никто не в состоянии считать государственную собственность своей — никому не принадлежит, обезличена. Впервые в истории общество лишилось тех, кто был катализатором производительности. И вот Россия, извечный поставщик хлеба в другие страны, вынуждена покупать хлеб, и заработанный рубль не покрывается товарами,

и устрашающий вандализм к государственной собственности — ценная аппаратура валяется под снегом, из десяти выкопанных с поля картофелин только одна попадает на стол потребителя...

Нельзя не ужасаться вопиющим эксцессам, которые совершались у нас в стране после революции... Но едва ли не страшней всего — растлевающее нашу жизнь обезличивание собственности! Сотрудничество служащих по найму у государства на базе обезличенной собственности не только порождает антагонистические отношения людей друг к другу, но и *безнравственное отношение гражданина к самому себе*.

Искать истоки деградации нашего хозяйства — все равно, что лечить сифилис удалением прыщей. Как всегда, мы недооценили дух, сознание, суть, природу человека. Некогда Ф. М. Достоевский говорил: уничтожьте веру человека в бессмертие, и в нем тотчас иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую историю. Мало того, тогда ничего уже не будет безнравственно: всё будет позволено, даже антропофагия. Федор Михайлович как в воду глядел: строительство «светлого будущего» без Бога не обошлось без людоедства — в прямом и переносном смысле... А как могло быть иначе в людоедском обществе, созданном безбожниками? Им и сегодня не удается: крови недопили...

После революции Великий Вождь писал: «Разверстка хлеба должна лечь в основу нашей деятельности. И только тогда, когда мы решим эту задачу, мы сможем строить всё то роскошное здание коммунизма, которое мы не раз начинали строить и которое не раз разрушалось».

...Которое мы не раз начинали строить и которое не раз разрушалось. Которое мы не раз начинали... и которое... разрушалось. Которое... начинали... разрушалось... Которое ~~начиналось. Ничи~~

МУРАВЕЙНИК ВМЕСТО БРАТСТВА

А что можно сказать о массе и власти ее? О толпе и власти ее, кажется, говорено было довольно. Власть ее слепа, глуха, гнусна, груба, ужасна, смешна и бесстыжа.

О. Уайльд

Именно, муравейник — с его незыблемой иерархией, бездушием, обезличкой, инстинктивностью... Да, коммунизм инстинктивен, может быть, поэтому неистребим. Как там в Записках из подполья? Ну, попробуйте развязать нам руки, ослабьте опеку — и мы тотчас же опять попросимся вярмо.

Ф. К. С. Шиллер: «Если марксистский эксперимент будет удачным, то он действительно породит новый тип человека, сравнимый с социальными насекомыми, с рабочими муравьями и пчелами или, в лучшем случае, с различными кастами термитов».

А как может быть иначе там, где, по словам Валентинова, всякий талант есть плод общественных отношений?

Со схоластическим пылом мы искали, кто жепервичен — человек или коллектив, и приходили к выводу уже не о том, что курица возникла до яйца, но что коллектив — до человека...

А, может быть, стоило бы назвать это так:

POPULUS-REX

Как говорится, король бежит, и бюргер торжествует.

Тот раб, кто говорит: «Я ныне стал свободным,
Вольноотпущенник, владык благодари!..
Нет! в узах были мы заложники-
цари; Но узы скинули усилием
всенародным.

Или так:

КОММУНИЗМ — РАЗДОЛЬЕ ДЛЯ
НИЧТОЖЕСТВ

Власть для Прюдомов, Бюваров и Пекюше.

Ничего меня не берет — ни музыка, ни пение, ни вера,
— а водка меня берет! Значит, душа у меня та-
кая твердая, только ядовитое вещество она одобрят..
Ничего духовного я не признаю, то — буржуазный сбмн

ЦИТАТА

Человека, запрограммированного на черно-белое воспри-
ятие мира, любое многоцветье, даже если оно не затрагива-
ет его личных интересов, утомляет и раздражает, оно вос-
принимается как вызов. Авторитарное мышление сочетает почитательно-некритическое
отношение к власти и однаж- ды усвоенную из авторитетного
источника информации крайнюю нетерпимость и враждебность
ко всему, что про- тиворечит привычной схеме.

Ничто так не способствует душевному спокойствию, как полное
отсутствие собственногомнения.

Очень важная мысль! Когда приходит фашизм, то пос-
ле изгнания или уничтожения нескольких тысяч инако-
мыслящих оставшиеся 99,9% населения — смотри резуль-
таты голосования! — фашизм поддерживают! Значит, что-
то от фашизма сидит в нас самих? Значит, фашизм — это не только
бесноватые и бесопшили, не только их клики, но и эти 99,9%! Валить
все на Кобу — абсурдно. Коба — не единица, Коба — кобизм в
нас. Так что же сидит в нас? Как, благодаря каким человеческим
качествам так быстро фашизуется масса?

Не будем спешить с ответом...

Что самое страшное в коммунизме? — Мощь унижения. Унижение присуще всем культурам и социальным образованиям, но тотальным его делает человек-масса. Мы живем в обществе повсеместного и постоянного уничтожения. Все унижают меня, я унижаю всех. Это формула коммунизма.

Есть и другая. Все притворяются страшно заинтересованными и непрестанно вопиют об этом, а на самом деле всем на всё начхать.

Почему? Потому что раздавлено личностное начало. Потому что идет борьба не за дело, а за слово. Потому что вверху — недоноски. Как никогда в прошлом, коммунизм возвысил массы вырожденцев, вся заслуга которых — «одобрямн, тех, с кем бонзы пьянствовали однажды за одним столом или с кем спали в своих постелях. Цезари и Искандеры массовых движений — герои одного таланта: отсутствия всяких свойств.

ИЗ ДНЕВНИКА

Вчера выбирали депутатов. Из пяти тысяч научных работников, пятисот академиков, профессоров, докторов и кандидатов нашлось трое: две девушки-шпукатура 23 и 21 лет и одна подсобная работница — 24-х. Вы думаете, кто-то удивился? Нет, приняли за должное. Да и кандидатов винить не в чем: женщины как женщины... Наши избранницы... Надежное «одобрямн. Впрочем, выбери мы выживших из ума 80-летних академиков, или полных энергии юных кандидатов, или зрелых докторов — что бы изменилось?

Не удивительно, что сегодня самым горячим желанием гражданина земли, томимого желанием что-то сообщить и не обладающего для этого необходимым потенциалом, является: «шибчең, «щательнеең, «вперед — последние инструменты нашего руководства и наше последнее оружие.

Есть три рода деспотии. Деспотия, властвующая над телом. Деспотия, властвующая над душой. Деспотия, властвующая и над телом и над душой. Первая именуется монархией, вторая религией. Третья называется массой.

Хотя масса никогда не выбирает, ей многое импонирует. Ей импонирует вера в райское волшебство и мысль, будто она сама творит свою историю, ей нравится идея своего господства — пусть и неосуществимого, но все же написанного на знаменах, еще она любит крестовые походы — нужна толь- ко цель, еще она любит быть ослепленной...

Если коммунизм и породил новую эру, то это эра со- гласия масс с аппаратом господства. Но и согласия стало мало — потребовалась постоянная его демонстрация. И чем лучше демонстрируешь, тем на большее рассчитываешь. Принцип материальной заинтересованности: меньше дума- ешь — больше получаешь.

Во время строительства китайской стены всеми силами старайся понять указания начальников, но только до опре- деленных границ, а дальше прекращай размышления.

В основе социального порядка слишком долго лежало невежество масс. В Ге н и и х р и с т и а н с т в а Шатобри- ан писал: века науки всегда перемежались со столетиями разрушения. В наше время они слились воедино: цивилизо- ванная масса оказалась если не самой невежественной, то, во всяком случае, самой ослепленной.

Но вот вам парадокс почище уайльдового: каждый в отдельности, даже последний дурак, все видит и все пре- красно понимает. А, собравшись вместе, мы прикидываемся таким гигантским многоликим сверхидиотом, возвещающим миру свое м-э-э-э.

Нет, не то чтобы не верил в коллективизм, коллектив — это сила. Но наш «коллективизм» — это есть э-т-о м-э-э-э-э и ничего больше.

Саламандризм — это куда шире утилитарности, экспан- сионизма, потребительства, насилия. Это всеобъемлющий символ, знак обесчеловечивания и обезлички, массовости и бездушия, посредственности и уравниловки, преобладания материи над духом. Это куда более мы, чем они. Чапек говорит: саламандры — это множество; их эпохальная за- слуга в том, что их так много.

Спросим же себя: где и когда жизнь людей была настолько обезчеловечена, а личность в такой мере снисверована? где и когда техническая цивилизация столь возобладала над духовной, потребление над творчеством, сила над познанием, штамп над мышлением?

Коммунисты сделали все, чтобы оправдать шпенглерово предвидение будущего: угасание свободы, рефлексию вместо переживания, реальность, не допускающую выбора, убогую рациональность, ведущую к хаосу, безумие разума. Воистину, ничто так не разоблачает, как реальность, которой остался всего лишь один шаг, чтобы подтвердить последнее «заблуждение» мессии: масса — это конец, решительное ничто.

(В ницшеанско-шпенглеровской боязни массы нечто большее, чем антидемократизм, — в ней понимание «героизма наборов»).

Вот ведь как: нас еще не было в помине, а патриарх Кнут Педерсен уже все знал о нас и о наших вождях:

Коммунисты — стадо слепых и глухих животных, которые, вывалив языки, несутся за вожакон! Видят ли они дальше своего носа? Нет, все они вообще не умеют думать. Если бы они думали, они давно сделали бы хоть что-нибудь полезное, что-нибудь практическое, вместо того, чтобы проболтаться всю жизнь без реального дела и пускать слюни по поводу их неосуществимой мечты. Тьфу! Переберите всех вождей коммунизма, кто они? Толстые мечтатели, которые сидят в своих мансардах на деревянных табуретках и строчат трактаты об усовершенствовании мира! Конечно, они могут быть вполне порядочными людьми, разве может кто сказать что-либо дурное о Марксе? Но даже этот Маркс только и знал, что сидеть да строчить, уничтожая бедность на земле — чисто теоретически, росчерком пера. С пылающей душой макает он перо в чернила и исписывает страницу за страницей, заполняет большие листы цифрами, отнимает деньги у богатых и передает их бедным, перераспределяет огромные суммы, швыряет миллиарды изумленным беднякам — все это строго научно, все это чисто теорети-

чески! Но в конце концов выясняется, что в наивной своей увлеченности он исходил из совершенно ложного принципа: из равенства людей! Тьфу! И все это вместо того, чтобы заняться какой-то полезной деятельностью.

А вот еще одно, чего не подозревал Мавр, чего он не «вычислил», составляя свои прогнозы: *нравственный упадок, порожденный ложью и лицемерием, ведет не только к закату культуры, но и к физическому вырождению. От этнического упадка до национального слабоумия и блаженной идиотии не столь долгий путь.*

ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ...

O prima infelix fingenti terra Prometheo!
Ille parum cauti pectoris egit opus.
Corpora disponens, mentem non vidit in arte;
Recta animi primum debuit esse via.

О глина, столь неудачно изваянная Прометеем! Свое произведение он создал весьма небрежно; соразмеряя члены, он не думал о душе, тогда как начать ему подобало с души.

Все, что есть у людей бесчестного и позорного, приписали богам Гомер и Гесиод, все, что есть у богов справедливого и благородного, приписали людям Маркс и Ленин. Стержневая идея их теории: «Вся история суть непрерывное изменение человеческой природы». Непрерывное и — подразумевается — скорое.

Если коммунизм в чем-то оригинален, то в том, что природа человека есть сумма всех его социальных и исторических связей. В своей борьбе с Прудоном Мавр многократно подчеркивал, что вся история — непрерывное улучшение человеческой природы, и что общество творит человеческую природу. Критика Мавром Фейербаха также сводится к отрицанию сущности человека вообще, сущности человеческого рода вообще, то есть к критике генетики, психологии, таратологии, вайоленсологии, криминологии, социальной этиологии, революциологии, полемологии — од-

ним словом, наук о человеке. Здесь даже не отсутствие пронизательности в отношении грядущей науки, а недооценка или незнание уже имевшейся.

Человечность у Маркса связана не с человеческими качествами и человеческой природой — тем более не с человеческой болью, — а с собственностью и общественным бытием:

...упразднение *частной* собственности, как присвоение *человеческой* жизни, есть возвращение человека к своему *человеческому*, то есть *общественному* бытию.

Строго говоря, Мавр занимался философской антропологией лишь в молодости, а в зрелые годы утратил интерес к человеку, превратив его в социальную единицу, в составляющую множества.

Маркс принадлежал к типу «истинно верующих»: и в Немцко й и деол оги и, и в Кап ита ле — перед нами левый радикал и фанатик идеи муравейника. Даже рабочий класс, его любимец, какой-то безликий. Не люди — термий.

Вот она правда: появление в философии человека, антропологизм, говорим мы, немедленно делает философию идеалистической. Понять историю из человека нельзя — только из общественных отношений! Это великолепно! — Общественные отношения, существующие *до, над, вне* — человека!

Вера в то, что люди становятся лучше по мере улучшения материальных условий их жизни, не свидетельствует о способности учиться у опыта. Чтобы преобразовать сознание, далеко не достаточно изменить потребление. Общественные отношения в такой же мере формируют личность, в какой личность формирует общественные отношения. Речь идет не о взаимодействии базиса и надстройки, а об отсутствии причинного отношения между ними.

Человек — мы еще посвятим этому отдельную книгу — слишком сложно творение, чтобы описывать его в терминах «религии любви». После Киркегора, Достоевского и Ницше мы знаем, что гуманизм лакирует жизнь, что страдание

и боль — ее движущие силы, что свобода добра неотделима от свободы зла, что самозло появляется на путях свободы.

Среди нас во все времена было слишком много инквизиторов по натуре и убеждению. Стоит дать таким волю, и они будут измываться и глумиться над всем человечеством. Надо иметь надежные средства распознавания их и надежные способы их изоляции. Пока общество и наука не обеспечат себе защиту от некрофилов, человечество не может считать себя в безопасности при любом социальном устройстве.

* * *

В нашем Советском Союзе люди не рождаются. Рождаются организмы. А люди у нас делаются — трактористы, мотористы, академики, ученые и т. д. И это без всякой идеологической чертовщины — генетики с ее реакционной теорией наследственности.

Т.Д.Лысенко

Это же надо до такого додуматься: «происхождение и наследование не обусловлены биологически; индивидуальность — это не ты, индивидуальность — это принадлежность к определенному классу; индивидуальное — приобретаемое, а не Богоданное..»

Доводя до абсурда Дарвина, мы фетишизировали среду, упуская Ламарка — обожествили волю, пропитавшись лысенковщиной — уверовали в овес из овсюга. И вот перед нами вырастающий на наших глазах человек будущего — не просто воспитанный ангел, но еще и пресловутая антилопа, усилием воли удлиняющая свою шею до жирафьей.

Но гельвецианская или фурие-оуэновская легкость, с которой теоретически удастся осуществить эту метаморфозу, на практике непомерно утяжеляется удивительным упорством желез внутренней секреции и спинного мозга — и прежде всего тех, кто

руководит этим переустройством.

Только пустозвоны, относящиеся к человеку равнодушно или презрительно, могут довольствоваться мыслью, что он есть кусок глины, из которого можно вылепить все, что угодно: в случае удачи — несколько миллиардов одинаковых общественно полезных черепков.

Недооценка личности, разрушение индивидуальности, ломка человеческой природы — вот она глубинная наша сущность. Но разве могут фанатики изменить моральный облик человека, если это с трудом удается даже гуманистам-подвижникам? И вот вам результат: усиление частнособственнической психологии, но в ее хамском варианте, склонность к хапачеству, всенаплевательство, эгоизм, неравенство, лицемерие, обман.

Мы и не скрываем связи своего учения с гельвецианскими представлениями о человеке. Не надо большого ума, тонко подмечает Мавр в полемике с Бруно Бауэром, чтобы понять необходимую связь, существующую между учениями о природной склонности к добру и о равенстве умственных способностей всех людей с коммунизмом и социализмом. Вот уж воистину — не надо!..

Этот омассовяющий синдром состоит в приоритете сходства над различием. Тот же Мавр всецело поддерживал А. Смита в его утверждении, будто различие между индивидами по их природным способностям незначительно.

Так и пошло: сначала превратили человека в функцию, а затем внушили ему, что специализированная функция человека более существенна, чем сам человек.

Человеческая одаренность сильно нам мешает. Мы потому отвергаем социометрию и ментиметрию, Морено и Бинэ, что они таят в себе большую опасность для изобретателей. «Гениальным и «великим удобнее быть без меры и конкуренции. Кстати, чтобы определить уровень одаренности, вовсе не обязательно определить ее: ведь можем же мы определить показание термометра и использовать электрический ток, не зная, что это такое и какова их природа. Конечно, человек не термометр, но если пытаться его рационализировать, то он вполне может оказаться флюгером.

Неизбежные спутники обезлички, деиндивидуализации — гипертрофированное чувство собственного бессилия и социальная апатия. Если я не могу реализовать собственную индивидуальность, а все то, что делаю я, с тем же успехом может сделать любой другой — «незаменимых людей у нас нет!», — чего ради вообще стараться? Простейший выход из такого положения — снижение уровня социальных притязаний и потребностей, либо их приватизация, сведение к сугубо личным интересам, которые можно удовлетворить помимо и вне общественной деятельности. Социально-экономические причины и следствия этого — «никому ничего не нужно», «всем все до лампочки» — общеизвестны.

Стационарная, пассивная модель человека — плата за принижение индивидуальности, бюрократизацию общественной жизни и невыполненные обещания.

Когда философией общества становится «не высовываться», результатом становится — бегство от общества, уход, будь то эгоизм или шизизм. И еще — снижение нравственного уровня общества в целом.

Авторитаризм нечувствителен к доводам, он живет в собственном внутреннем мире страхов и происков врагов. Здесь собственная агрессивность выдается за вынужденную самооборону и собственная история — за глобальный заговор против «святого дела». Маниакальная одержимость страхом и заговором куда опаснее реальных угроз и внешних сил.

В нашей любви к человечеству слишком много риторства и слишком мало жизни. Это самая периферийная разновидность любви, которой больше всего любят оперировать ориентированные на власть. Немножко конкретной любви и доброты человека к человеку важнее, чем вся абстрактная любовь к человечеству, но именно ее-то — конкретной — не хватает, именно эту маленькую доброту подавляет и заслоняет эта величественная, пустозвонная, нигде кроме как в лозунгах не существующая, тотальная любовь.

Чем за общее счастье без толку страдать,
— Лучше счастье кому-нибудь близкому
дать. Лучше друга к себе привязать
добротою,
Чем от пут человечество освобождать.

...И ЗАБВЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Человек есть существо, ко
всему привыкающее, и я
думаю, это са- мое лучшее его
определение.

Ф.М.Достоевский

Поплакали, и привыкли. Ко
всему- то подлец человек
привыкает.

Ф.М.Достоевский

Это бесчеловечная философия. Хотя бы в том смысле,
что человека в ней нет. Социализм основан на неуважении к
человеческому, говорил Достоевский, а один из его наи- более
талантливых учеников добавлял: «Коммунизм — воля к
отрицанию жизни; в коммунистическом обществе жизнь сама
себя отрицает».

Думаешь, что ты
владеешь, А на самом
деле
Владеют тобой.

Мы сделали ставку не на человека — на идею, высосав
человека из пальца, а не выведя его из природы. Это даже не
предпочтение ума сердцу, это обожествление благих
намерений, к тому же не укорененных, абстрактных. Мы всегда
мыслили общественными категориями, не видя за ними живых
людей, к которым были беспощадны. Мы — именно мы! —
раздули пожар человеческой абстрактности, устроили погром
киркегоровской обособленности и инди- видуальности, промили
любое проявление инакомыслия, вод- ружая наместо человеческого
многообразия уравниловку и анонимность.

Мы даже не скрываем того, что для нас неповторимость личности сводится к ее производственной функции — способности к той или иной деятельности.

Испокон веков человек стремился убежать в свой внутренний мир. Мифология, искусство стали средствами отрицания мира внешнего. Даже реализм не смог покончить с эскапизмом. И лишь «воплощенная мечта человечества полностью покончила со старой мифологией, предложив взамен — выхолощенный, вульгаризованный, обезчелоченный эрзац. Мы покончили с последними остатками уважения к частной жизни, бесцеремонно вмешиваясь во все личное до интимных отношений включительно. Была создана уникальная система прямого администрирования человеческих отношений, и суд вершил — Хам.

Людей надо любить больше принципов, а беспринципных — более всех, ибо только они способны на человечность. Таков один из многочисленных парадоксов Уайльда. А вот мы не терпим парадоксы, мы любим ясность. Отсюда — отсутствие подинной любви и симпатии к людям у тех, кто считает себя благодетелем всего человечества.

За лицемерием наших слов о ценности личности стоит бестияльно-бесноватое: личность преходяща и только масса бессмертна. Зачем церемониться?

Мавр недооценил сложности мира человеческих страстей. Он не видел отчетливо всех тех бурь и стремлений, которые коренятся в природе человека и условиях его существования и которые сами по себе являются самой могущественной движущей силой человеческого развития. Он не замечал иррациональных сил в человеке, заставляющих его бояться свободы и рождающих в нем жажду властвовать и разрушать.

Так говорит великий психолог, а так великий писатель

Те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, «любовью к человечеству», те, говорю я, поднимают руки на самих себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству. Пусть помжмут плечами на такое утверждение мое мудрецы чугунных идей. Но мысль эта мудрее их мудрости,

ия несомненно верую, что она станет когда-нибудь в человечестве аксиомой.

Ни утопия, ни коммунизм не знали и не хотели знать человека ни в его скотстве, ни в его богоподобии. Они знали его как гомункулюса, особый вид, искусственно выведенный экземпляр.

В коммунисте есть нечто от гегелевского идеалиста, у которого столь высокое представление о человечестве, что ему грозит опасность впасть в человеконенавистничество.

В известном смысле материализм — самое идеальное из учений: настолько идеальное, что даже самые явные реалии бытия и человека в нем полностью исчезают. Остается голая платоновская идея — чистое вождение: не мир как он есть, а мир, каким его жаждут видеть светоносные пророки. (Может быть, эта абсолютная оторванность голубой идеи от материи и делает ее столь привлекательной для масс, но это же и превращает ее в наиматериальнейший источник всех наших извращений).

Да, кошмар всеобщего равенства с его жалким достатком и покоем, стереотипным машинным мышлением — раз, два, да, нет — не оставляет места подлинному человеку с его стремлениями, страданиями и беспокойством, этими стимулами к действию. И хотя все трезвомыслящие понимают несбыточность санаторно-терминного грядущего, оно манит к себе, усиливается мрачной реальностью наших гетто.

Проблема отдельной человеческой личности, открыто признаем мы, вообще не является для нас ни исходной, ни определяющей. Марксизм всегда относился недоверчиво и подозрительно к слову «личность». Индивид здесь только общественная единица. Даже у раннего Маркса личность не была отправной точкой его исследований, наоборот, он всегда считал, что главное — классовый интерес и классовая солидарность: классовый интерес «сцепляет друг с другом членов гражданского общества». Важна «родовая сущность человека».

В отсутствии человека в «научном» марксизме есть некий символ. Утопия могла себе позволить этот шаг — от-

существовало человековедение как таковое. А вот марксизм не мог — после Шопенгауэра, Киркегора, Ницше, Достоевского, Джойса, Кафки, Фрейда это стало абсурдным. И то, что его все-таки нет, — свидетельство чего-то — лицемерия, непреклонности, фанатизма, страха, растерянности, — но не «научности».

Так и пошло: где у нас появляется несуществующий «человек», там начинается очень реальная демагогия. Там, где пыльным цветом цветут прекраснодошнные призывы к терпению, самозабвению, бескорыстию, энтузиазму, там... мы.

Радетели человечества без человека....

Симон говорит: интерес группы берет верх над интересом личности. Это верно, но истина глубже: раз личность инородна учению, то долой личность! Сартровская или фроммовская попытка дополнить марксизм человеком — свидетельства непонимания природы этого учения, вся практика которого сводится к формуле: личность — ничто. Даже не винтик, — именно ничто. Как можно ввести в марксизм личность, как можно обрести уверенность в собственной безопасности, когда даже своих вождей тоталитаризм вот уже двести лет (с 1789 года) объявляет врагами народа, отсекает им головы, выбрасывает из могил, бросает в тюрьмы, топит как щенков, ломает кости. Только и слышишь, ощущаешь хруст, вопль, гарь... Кто-то составил список повергнутых вождей, этих «падших ангелов» от коммунизма: за пятьдесят лет — десять тысяч имен, включая сотни первосвященников. Соискатели монархий — жалкие пигмеи: за пять тысячелетий абсолютизма они отравили и уничтожили меньше, чем мы за одну человеческую жизнь.

Это ли не торжество «реального гуманизма»?

Сделав революцию главным или единственным следствием своего учения, мы действительно превратили философию в силу, вернее, — в насилие. Во всяком случае до нас ни одного философа не посещала мысль, что тотальное насилие — главный итог метафизики. Воистину: всё, что было до нас, не было ни историей, ни философией, ни культурой: мы открываем их, мы — высочайшая мысль цивилизации, построенной на убийстве. Именно с нас начинается культура: «культурная революция», «во-

енный коммунизм, кобизм, маоизм, полпотовщина, чертовщина.

Это уж точно: кобизм — наша подлинная сущность! После смерти Бесошвили, после триумфальных похорон и во- ровского выноса из мавзолея — творческое обновление, о котором мы не единожды оповещали мир, свелось к заме- щению зловещего некрофила мелкотравчатыми некрофиль- чиками, еще более страшными своим числом, медлительно- стью действия и неуничтожимостью.

Где уж здесь до человека?

Знаете, чем бесы Федора Михайловича лучше наших? У Петра Верховенского по крайней мере хватило сил при- зваться: я ведьмошеник, а не социалист..

В те времена, у тех бесов еще была надежда, что это — не синонимы..

ОДИН БРЕШЕТ, ОСТАЛЬНЫЕ СПЯТ

У дураков — своя логика, с кото- рой и умникам не справиться.

Д. Мережковский

Вам всегда будет хорошо,
Гендрик,
что бы ни случилось в нашей
Гер- мании.

К. Манн

ИЗ ДНЕВНИКА

Смотрел Мефистофеля Клауса, сына Т.Манна. Бес- конечная податливость человеческой природы. Человек-для- любой-власти. Сверхпластичное тело, безмерная совесть. Смотрел и в очередной раз убеждался: наци и фашо — мо- локососы, щенки, сопляки, ничтожные слюнтяи. Не та хват- ка, не тот заквас. Воистину, культура обременяет..

Это Геркулес мог вычистить авгиевы конюшни. Но как

делазатебя.Никто,кроменассаших,неочистипнасотсквер- ны,никтонам непоможет — ни друзья, ни враги. Мы можем быть вполне спокойны, сидя в своем дерьме, по крайней мере до тех пор, пока оно не покроет нас с головой. Вот тогда встретимся: задышаться или все же чистить..

Оглядываясь вокруг себя, что я вижу? Даже не дефи- цит душевности — отсутствие души... Жалких атавизмов этического и религиозного происхождения, как и предска- зывал Достоевский, все меньше. Только симулируемый па- фос, скрывающий безразличие. Осанна Маздакам!Маздак, оооо!

Если дано нам построить лишь собачники, если все наши усилия и жертвы приведут лишь к тому, чтобы выдоить мир, как корову, а душа останется таким же зверем, «что и в начале дней, тогда дей- ствительно справедлива будет насмешка потомков над нашей наивной верой..

В конце концов, каждый человек растворяет со време- нем свою душу в разуме, морали и великих идеях, раство- ряет необратимо, но все же остается раствор, а не чистое бездушие. Что же говорить о нас, полностью утративших прекрасную традицию рассматривать себя не только как тело, но и как душу. Вот и получилось в результате: право на Innerlichkeit есть, а сакральности- тои нет..

Утрата индивидуальности, обезличивание — примета времени, но и наш вклад в *это* время. То, что эпоха все больше подавляет человека, освобождая его от нравствен- ности и духовности, от необходимости мыслить и посту- пать самостоятельно, — может быть, величайшее из наших достижений, огромная наша гордость..

Вот она, наша заслуга, наш вклад в цивилизацию: мер- локизация масс.

Разрушив старую этику, мы не создали новую, а просто еще гнуснее продвинулись в сторону предме- тообожания. Наш идеал, который мы ныне уже и не скрываем, — это идеал предметного благополучия,

продолженный в сторону общедоступного минимума. Да, мы правы, но не от нас придет грядущая правда.

Мы ежедневно убиваем лучшее в себе, чтобы умиловить их, — эти слова Менгена относятся не только к делателям денег. И чем дальше, тем больше. Мы убиваем лучшее в себе, чтобы стать такими, как все.

Все недовольны — и все голосуют «за»!

Выдающееся, не имеющее прецедентов время: действие без противодействия. Не просто отсутствие оппозиции — отсутствие всего: классов, прослоек, групп, группок, группочек, пятерок, троек, двоек. Всё есть и ничего нет. — Диалектика абсолюта. Все едины. Всё едино: едино-без-мыслие. Даже краху неоткуда появиться — нет опоры.

* * *

Формирование человека
социалистической эпохи —
величайшее историческое
достижение рабочего класса.

Р. Миллер

«Верный ленинец — это боевой человек, массовый человек, идеологический человек, практический человек, правда, с плохой практикой. Классовый борец, создавший новый уникальный класс — партбюрократию. Процесс и Замок бледнеют... Идеологический человек, начавшийся как синтез святого и революционера и кончившийся как симбиоз растения и охранителя..»

Мы любим разглагольствовать о сознательном классовом борце и деятеле, но не любим панорамных портретов товарищей Щелоковых, Трегубовых и Адьловых, в которые слишком часто отливается революционная бронза живой жизни.

Коммунизм — это строй максимально эксплуатирующий низменное в человеке, с удивительной легкостью находящий убийц, слепо выполняющих волю вождей. Комму-

низм — это идеальные условия для «чего изволите-сч без опасности разоблачений. Коммунизм — это раздолье для злой воли, для страха, для низа, для крови. Даже то, что происходит сегодня — кажущееся осуждение всего этого, — есть его продолжение, более изощренное и лицемерное «чего изволите-сч

Опять вы предали. Опять не удержались. Заставила привычка прежних лет, и как бы вы теперь ни утешались, замкнулся круг. Назадвозврата нет.

Не много ли скопилось тяжких грузов на совести? Как спится по ночам? Я понимаю бесталанных трусов, но вам — чего бояться было вам?

Бывали вы талантливо трусливы. Вы сами вдохновлялись ложью фраз, и, располневший, но еще красивый, с достоинством обманывали нас.

Но потеряла обаянье ложь. Следит за вашим новым измененьем: хозяева — схолодным подозреньем, с насмешливым презреньем — молодежь.

ПЕРЕДОВЕЕ НЕ БЫВАЕТ...

Главное в учении Маркса — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя коммунистического общества.

В. Ленин

Никто не отрицает, что классовые антагонизмы являются источником политических конфликтов. Различие состоит лишь в том, что для марксистов политические конфликты прямо связаны с классовым антагонизмом, а для немарксистов последние лишь один из факторов политических конфликтов...

М. Дюверже

Фрагментарность повествования позволяет мне избежать разбирательства очевидных и общеизвестных истин этого блистательного учения, но мимо одной не пройти — мимо «самой передовой общественной силы, которая... ради которой... для которой... с помощью которой... Нет сомнения, что она таковой — то есть наипередовой — была и останется — даже если ее алкоголизуют не на 70%, как сегодня, а на все 100. Ее ли вина?

Эту нашу несчастную, эксплуатируемую, бесправную, затягивающую пояса «передовую силу» спаивали и дурили все и во все времена — пусть не в таких масштабах, но всегда. Разве что с тех пор, как 70 лет тому назад она якобы осознала свою миссию и якобы осуществила свою диктатуру, потребление алкоголя возросло в 4 раза в душевом исчислении и приблизительно во столько же раз увеличилась доля прибавочного продукта, который у нее отбирают... Покарай меня Бог, если я издеваюсь над бедным рабо-

чим людям, наоборот, я соболезную и сочувствую ему. А вот подлинным издевательством является не то, что здесь написано, а то, что *нашими* сделано: спаивая, обирая, обманывая, одурачивая народ, они твердили ему: так ты же, хозяин, ты все решаешь, а мы — что? Мы — только слути...

Это малоизвестно, но весьма красноречиво. Когда в 19-м народных представителей собрали на съезд бедноты, делегатов разместили в Зимнем дворце. Съезд кончился, и оказалось, что весь палац загажен: «передовые испражнялись в ценнейшие севрские, саксонские и восточные вазы. Не было уборных? Нет, были, водопровод действовал, канализация — тоже. Просто было непреодолимое желание самовыразиться — испортить, загадить, разбить красивые вещи.

Феодальная аристократия эксплуатировала народ, но объем культурных ценностей, созданных этим классом, не поддается ни исчислению, ни обозрению. Жречество и духовенство эксплуатировали [...], но они создали вечные памятники зодчества, живописи, поэзии, музыки, философии, они создали высокие нравственные заветы. Буржуазия повинна во всех смертных грехах, но культурное творчество этого класса составляет едва ли не большую часть того, что теперь имеет культурным наследием. Крестьянство оставалось на социальном дне, но все же и оно создало песни и сказки, орнаменты и легенды, художественные ремесла и фольклор.

А рабочий класс? Я живу в стране, где рабочий класс остается гегемоном уже пятое десятилетие. Что же создал он, кроме всех тех же ценностей материального ряда да всевозможных технических, производственных усовершенствований?

Духовной продукции рабочего класса не существует вообще; его интеллектуальная продукция ничтожна. Рабочий класс не венец человечества, а его трагедия, грозное напоминание о том, что миллионы людей, потенциально ничем не отличавшихся от остального полноценного общества, осуждены этим обществом на духовное скопчество, на культурное вырождение, смягчаемое лишь тем, что эти несчастные в подавляющем большинстве сами не понимают ужаса своего положения. Утратившие связь с матерью-землей и не вознагражденные за это приобщением к мировой культуре, психически искалеченные вечной возней с машинами, эстетически колеблющиеся от красоты индустриального

пейзажа до частушки и пошлой олеографии, эти люди становятся жертвами одуряющей скуки, как только оказываются наедине с самими собой. Они, как огня, боятся тишины, ибо тишина ставит их лицом к лицу с их душевной опустошенностью. Природа для них мертва, философия — смертельно скучна, искусство и литература доступны им лишь в самых сниженных своих проявлениях, религия возбуждает в них лишь выскомерную насмешку невежды только наука вызывает

чувство инстинктивного уважения, как нечто высшее, чем они. Их отдых — карты, водка, домино, спорт, примитивный флирт да кинематограф. И пусть не лгут, будто я клевету на этих людей: им слишком долго кадили фимиамом, их растлевали потоками демогогической лести и лжи, приходит время, когда перед ними поставят их собственные, ничемне разукрашенные портреты.

Закономерно и логично, что именно эту человеческую формацию Доктрина возвела на пьедестал, именно из нее создаются кадры единовластной партии; именно она возносится перед человечеством, как якобы самый ценный из человеческих слоев, как образец, коему должны по мере возможности следовать все остальные.

Смысл индустриализации в том, что она произвела насильственную ломку психологии крестьянства и интеллигенции, заставив Россию, как выразился один иностранный журналист, «мыслить машинами», а в обществе распространяя тот психологический режим, который был до этого свойственен рабочему классу: психологический режим, при котором все расценивается мериллом практической полезности, все чувствуют себя винтиками в гигантской машине и считают это нормой; режим, при котором вырождается искусство, становится государственной проституткой литература, умирает религия, опопшляется культурное наследие и выхолащивается этика: психологический режим бездуховности.

Это писал великий русский провидец в 1958-м. Что мы можем к этому добавить сегодня? Разве что такое скупое признание:

Пролетарской культуры в России не существовало. Рабочие — это были бывшие крестьяне, потерявшие связь с землей, с традицией, но не сформировавшие собственной культуры. Но именно эти люди, лишенные корней, нравственной базы, устойчивых жизненных навыков, в согласии с буквой марксистского учения были объявлены солью земли, носителями высшей культуры.

Промышленное рабство несовместимо с духовной свободой, утонченностью, культурой. Повседневные тяготы и мелкие заботы крайне затрудняют приобщение к духовным и культурным ценностям. Голодному и усталому трудно стать свободным. Ленин понимал истинное положение рабочих, как и то, что без приобщения их к революции последняя невозможна. Поэтому он выдвинул требование «привнесения в рабочий класс необходимых ему идей извне. Он достаточно откровенно пояснял свою мысль:

Мы сказали, что социал-демократического сознания рабочих и не могло быть. Оно могло быть привнесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание традиционного...

Приписывая пролетариату мессианскую функцию, объявляя только что вышедший из крепостничества люд передовой общественной силой, новым «избранным народом», Ленин хотел сделать его рычагом, которым можно будет вернуть мир. А поскольку рычаг не очень годился, ему необходима была организация по перековке плохого материала в «закаленную сталь». Для этого Ленину требовалась партия. С этой целью он писал: «Что делать? В таком направлении рабочего движения придаток «гвардии революции» состояла цель «привнесения».

Меня всегда занимала философия новой сословности «кто был ничем, тот станет всем». Согласно этой философии, последние должны были стать не просто первыми, но еще и передовыми. Передовой класс, авангард плюс «новый порядок». И здесь всегда возникали безответные вопросы:

почему передовой рабочий лишился своей «передовизны» как только получил образование? почему дополнительные знания лишали этого человека социального первенства? И еще: почему становление последних первыми всегда увязывалось с понятием порядка, или железной руки, или отсутствия жалости.

Безжалостно. Железной рукой. При слове «порядок» всегда вздрагиваю. Вожди и фюреры издавна и до самозабвения любили это слово, особенно с эпитетом «новый».

«Передовизна» рабочего класса, достигнутая путем «привнесения», была необходима Ленину не для выражения интересов пролетариата, а для реализации собственных интересов, так прямолинейно и выраженных Великим Вождем: «Большевики должны взять власть!»

Манипулирование сознанием масс, лицемерие пропаганды достигли такой мощи, что уже никто не усомнится, если завтра очередной великий демиург объявит самыми передовыми трамваи, ибо они же везут, мы же, пассивно ведомые, куняем..

Ирония судьбы: те, кто якобы совершил революцию и для кого она совершилась, — рабочие — получили от нее меньше всех: интеллигенция, прозябая, умудряется нечто урвать, крепостные, оставаясь крепостными вплоть до 60-х, чуть ожили в 80-е, рабочие же не получили ни политических свобод, ни социальной справедливости. Их удел — стахановство, но без славы первопроходца — необходимость вкалывать за гроши.. Правда, как платят, так и вкалывают..

Всё как всегда: высшие остаются высшими, низшие — низшими.

Как говорили мырек, даже если пролетариат будет где-то брать верх, это будет по-прежнему победой элиты. Становясь правящим классом, пролетариат не может не унаследовать политических приемов всеобщей политической науки, действенной в любое время и в любом месте.

Даже официальная пропаганда не скрывает желательности того, чтобы дети трактористов и доярок оставались трактористами и доярками. Пушечное мясо тоже особенно хорошо, если его вскормила мать-земля... Арон бьет в самую точку, когда говорит, что классовое расслоение при социализме, возможно, даже увеличивается, а не сглаживается. Антагонизмы между социальными группами тоже не слабеют. Во всяком случае, ни в какие времена слово «интеллигент» не звучало как смачное ругательство.

* * *

Это уникальная демократия: «правлящий класс, полностью устранный от власти. Его политическое участие мобилизовано: он допускается лишь к «коопированию» готовых решений, принятых элитой.

Российский феномен — непреодолимая тяга к концентрации бесконтрольной власти — был усилен революцией. Ленин создал самую абсолютную и самую централизованную власть, какую знали, может быть, только египетские фараоны. Именно к Ленину восходит принцип вмешательства власти во все виды человеческой деятельности. Против Ленина Грамши, которого доктрина классовости завела до открытого отрицания демократии как противоположности «духу и букве Великого Учения, — просто теоретизирующий щенок..

Много наговорено о «рабочей» партии и «народной» власти. Вас могли огорчить высокими процентами «трудящихся» в Советах, наговорить о «лучших сыновьях и дочерях». Но лучшими они были по управляемости, по манипулируемости, по податливости. Во времена не столь отдаленные мы могли прочесть, что в Советах «преобладают» работники физического труда..

Общее число депутатов, чьи руководящие должности предопределили их избрание в Верховный Совет, насчитывает 585 человек, или 39 процентов от общего числа депутатов Верховного Совета.

Как распределяются остальные 61 процент? Среди них решительно преобладают работники физического труда. В этой группе особенно много женщин — 435

из 688, то есть 63 процента, в отличие от первой, где их всего 6 (1 процент); тем самым достигается вполне благоприятный общий процент женщин в высшем органе государственной власти.

Вот такая раскладка. С какой точки зрения можно ее считать оптимальной? С точки зрения пропорциональности представительства? Но допустимо ли говорить о пропорциональности, если определенная категория должностных лиц входит сюда полностью и составляет почти 40 процентов от общего числа депутатов. По степени компетентности депутатов в решении проблем государства и общества? Для этого тоже не слишком много оснований. Вряд ли кто-нибудь возьмется внятно объяснить, почему в высшем законодательном органе страны ткачих, например, собралось 19, а юристов «по должности» всего два: министр юстиции да Генеральный прокурор. Тогда, может быть, критерием является способность к принятию самостоятельных решений, яркость гражданского темперамента, твердость, неуступчивость и независимость в отстаивании общественных интересов? Едва ли и это предположение стоит обсуждать всерьез — достаточно перелистать стенограмму любой сессии любого созыва с вполне одинаковыми исходами голосования по всем пунктам повестки дня: «Кто за? Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принято единогласно».

О какой руководящей и ведущей силе может идти речь, если в самом главном — производственном процессе — рабочие были и остались самым последним — исполнительным — звеном.

Слова, слова, слова, шелуха слов... Рабочее движение... Профсоюзы...

Каждый раз, когда у рабочих появлялось желание организовать свободные или независимые профсоюзы, гильотина срабатывала раньше. Организатор независимого профсоюза В. Клебанов был не просто заключен в тюрьму, но подвергнут абсолютной изоляции вплоть до прогулок. Клебанова не выпустили и в годы «перестройки», а главный перестройщик все доказывал и доказывал, что Клеба-

нов — псих. Почему? Потому что нормальный человек не может бороться за реализацию конституционных и профсоюзных свобод..

Рабочая сила была и осталась самой эксплуатируемой частью общества, самой бесправной, непрестижной, забытой, пьяной. Она была и осталась товаром, а проблески материальной заинтересованности лишь увеличили ее товарный характер.

Но это во всех отношениях только часть истины. Это сегодня — беспросветная апатия и пассивность, деградация мастерства, мерлокизация, наплевательство на труд и на его результаты.. «Самый передовой класс далеко не всегда был таким покорным и управляемым, каким его сделали наши виртуозы. На X съезде партии Посторонний был вынужден признать, что настроение мелкобуржуазной стихии сказалося на пролетариате очень широко. «Мелкобуржуазная стихия в устах ББ нечто тождественное «кулакам и подкулачникам в устах Бесошвили. В 21-м резко увеличилось количество уличных эксцессов, начались «вольты, охватившие Балтийский, Обуховский и Трубный заводы. Рабочие вышли на противоправительственные демонстрации. 1 марта 1921 года «краса и гордость революции — балтийские моряки подняли Кронштадтский мятеж, девизом которого стали: «Власть Советам, а не партиям, «Долой контрреволюцию (!)», «Свобода политическим (!) заключенным социалистическим (!) партиям.

Мятеж был подавлен огнем и мечом. Подавление оказалось нелегким делом, хотя мятежники заняли пассивную, выжидательную позицию, надеясь на переход армии на свою сторону. Часть красноармейцев, по льду штурмующих крепость, действительно не пожелала подчиниться приказу об открытии огня, часть перешла на сторону повстанцев. В армии начиналось брожение. И вновь непреклонная, беспощадная воля ББ, столкнувшись с колебаниями противника, одержала победу. Вокруг Кронштадта был собран мощный военный кулак из свежих частей; делегаты X съезда были отозваны на подавление мятежа, 18 марта почти не сопротивляющийся Кронштадт сдался «братьям по классу.

Военачальники, руководившие подавлением мятежа, и случайно уцелевшие мятежники были уничтожены через 17 лет, день в день... Возможно, их расстреливали вместе.

Хотя марксизм спекулирует на своем рабочем происхождении, он не является движением рабочих. Рабочий класс, чье революционное назначение восхваляли великие демократы, не совершили одной революции и не создали одного правительства. Он служил ширмой для профессионалов революции. Да и по природе своей он никогда не был революционным. Разве мало примеров, когда пролетариат поддерживал буржуазные реформы куда решительней, чем сама буржуазия? Достаточно пролетарским Бюварам и Пекуше добиться небольшого достатка, и они превращаются в самую реакционную силу общества. Даже легкая вовлеченность рабочего класса в революцию связана с единственным фактором — собственностью, оплатой труда, корыстным интересом. Но и это не все: чтобы ради большей оплаты пойти на революцию, идея революции должна быть вбита в голову пролетариата интеллигенцией.

Как скоро Герцен увидал, что и сам рабочий французский, которого он сначала так жалел и на которого так надеялся, ничего большего не желает, как стать поскорее по-прудоновски самому мелким буржуа, что в душе этого рабочего загадочного нет уж равно ничего и что в представлениях его нет ничего оригинального и действительно нового, так Герцен остыл и к рабочему, и отвернулся от него..

Само понятие «рабочий класс» в рыночном обществе становится все более неопределенным. Рабочие все больше растворяются в «среднем классе», все более сливаются с высококвалифицированными специалистами, нуждаются во все более высоком образовательном цензе. Одновременно происходит прогрессирующая стратификация этой группы. Дело идет к тому, что рабочими в мавровом понимании этого слова окажется небольшая страта лиц, занятых неквалифицированным физическим трудом. Поистине грядущий переломный класс..

Общество не классово, а мозаично. Не вражда классов, а многосвязность групп страт. Индивиды плюралистическом

стратифицированном обществе знает, что он контролируем, но он знает это как индивид, а не как представитель класса.

И не гегемония класса, а иерархия культур, духовных ценностей, подлинно гуманистических накоплений.

Передовых и отсталых классов не существует: есть стра- ты, есть либералы и консерваторы, причем экстремистов раз- ных классов роднит нечто большее, чем левых и правых одной социальной группы.

Есть и такая правда: человечество разделено не класса- ми, нациями или территориями, а иерархией культур и духовности. На одном полюсе — потребительский дух стя- жательства и наживы, грубая буржуазно-пролетарская материя, на другом — «работники Земли».

Существуют не классы, а люди, разные люди, разные группы людей. Не коммунизм уничтожает классы, а время размывает классовые признаки, умножая количество страт. То же самое время делает самыми эксплуатируемыми «эк- сплуаторов»: почти столько же потребляя, они сегодня гораздо больше изнашивают себя.

Параллельно эрозии социальных перегородок повсеме- стно идет противоположный процесс дифференциации со- циальных структур. Общество — прежде всего наше — воп- реки нашей же теории — раскалывается на множество групп, находящихся в динамичных отношениях от явной конфронтации до полной непересекаемости траекторий. Политическая, интеллектуальная, художественная элита — на одном конце, бичи и бомжи — на другом, а над всем этим — «хозяева жизни»: мародеры.

Само понятие класс размывается, мифологизируется. Се- годня большинство — «средний класс»: генералы, прости- тутки, бюрократы, политические комментаторы, фирмачи, механизаторы, фарцовщики, кооператоры, деятели науки и искусства.

Социальная однородность — не более чем этическая идея, к тому же — опасная. Человеческий фактор и эко-

номическое развитие — непреодолимые препятствия на пути равенства и бесклассовости, возможных только в теории, ибо жизнь — это в первую очередь многообразие жизни. В сущности, и при тоталитаризме существует две конкурирующие идеи: материальное стимулирование, это мертворожденное дитя философии равенства, и стремление к уравниловке, выкидыш йехуистского идеала. Экономический застой требует стимулировать труд, а это вместо уничтожения социального неравенства неизбежно ведет к меритократии.

Вот ведь как происходит в жизни: расслоение, дифференциация, стратификация и — одновременно — выравнивание, плебеизация, охамление. Казалось бы, взаимоисключительно, а получается взаимодополнительно.

Тем временем, следуя указующему персту верхов, мы занимаемся непрекращающимся сыском классовых интересов. Где мы только их не находим — в личностях, группах, партиях, учениях, движениях — во всем. Мы находим их в науке, этике, искусстве, философии, религии, в удобрениях, вывозимых на поля, в дерьме, в прошлом, настоящем и будущем. Дайте нам любое dung — и мы отыщем — чье...

Классовое чутье...

РАБОЧИЕ НЕ ИМЕЮТ ОТЕЧЕСТВА?

Где та политическая алхимия, при помощи которой можно было бы превратить свинцовые инстинкты горцев в золотые нравы просвещения и культуры?

Э. Баграмов

Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собой.

К. Маркс

Нации — неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития.

В. Ленин

(Между прочим, интересно, кого поддерживал Мавр во время франко-прусской войны 1870—71гг. ? Не знаете? Так поинтересуйтесь! И еще: кто называл целые нации — имен но нации, а не классы — контрреволюционными?)

Вопреки широко известным фактам буржуазные фальсификаторы утверждают, что национальный вопрос у нас якобы не решен. «Равноправие национальностей до сих пор не осуществлено», пишет Кох. Р.Пайпс идет еще дальше и с особым удовольствием смакует старую буржуазную ложь о «пролетарском колониализме».

Так каркает это буржуазное воронье.

Да, наш стиль... Наша «наука»... Очень увлекательное чтение, особенно после Сумгаита, Вильнюса, Минска, Риги, Карабаха и т. п.

Вот она наша «единственно истинная наука»: национализм связан не с человеческими качествами, менталитетом, культурой,

психологией, а с классами. Национальный вопрос, говорим мы, возник при капитализме и связан с эксплуатацией. Национализм и гнет для нас почти синонимы.

нет гнета, нет национальных проблем. Демиурги так и заявляли: падут классовые антагонизмы — исчезнет враждебность между нациями. Национальные проблемы, как, впрочем, и все иные — человеческие, политические, экономические, — связывались с победоносностью революции, их живучесть — с пережитками капитализма.

Вот оно, еще одно «гениальное» предвидение: Пролетариат,

поддерживает все, помогающее сохранению национальных различий, падению национальных перегородок, все, ведущее к слиянию наций. Поступать иначе — значит встать на сторону реакционного националистического мещанства.

Почему — предвидение? А разве этой декларацией Ленин не предвидел, не предсказал национальную политику Кобы? Разве стирание национального разнообразия не было подсознательным вождением всех тоталитарных личностей? Но... «поступать иначе — значит встать на сторону реакционного националистического мещанства».

А как же быть с решениями X съезда, официально признавшего наличие великодержавного шовинизма в партии? Как быть с сегодняшним катастрофическим ростом националистических тенденций? Как быть с тем, что в любых экстремальных обстоятельствах — войны, эпидемии, стихийные бедствия и т. д. — национальные установки неизбежно берут верх над классовыми интересами? Как быть с реальностью вообще — со вчерашними партийными указаниями на неперспективность целых культур, на слияние языков, на переселение целых народов? А что вы скажете об агрессии как интернациональном долге?

Интернациональный долг, ограниченный контингент, героизм убийц.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения недооценка марксизмом национального вопроса. Полное и окончательное его разрешение оказалось такой же фикцией, как и большинство наших «побед». Национальные проблемы не

решаются Биллем о правах или статьями конституций. Слова вождей — слишком эфемерная защита от человеческой природы. Слова они и есть слова. Среди бесчисленных «откровений Мавра — его утопическая вера в несовместимость социализма и национализма. Комплиментарно-рационалистическая модель человека, утвержденная марксизмом, вообще не способна описать такие иррациональные по своей сути явления, как антисемитизм или шовинизм, корни которых теряются где-то в темных глубинах индивидуального и коллективного бессознательного.

Э. Фромм:

Рука об руку с прогрессивным развитием, представляющим собой смешение позитивных аспектов патриархального и матриархального духа, шло развитие негативных аспектов обоих принципов: почитание государства, тесно связанное с поклонением расе или нации. Фашизм, нацизм и другие формы — самые зримые проявления этой смеси из почитания государства и клана, причем оба принципа олицетворяются фигурой «вождя».

На смену феодализму и абсолютизму пришел — с присущими ему связями — национализм, который первоначально был прогрессивным движением. Современный средний человек обретает чувство самоидентичности благодаря его принадлежности к нации, а не потому, что он «сын человеческий». Его объективность, то есть его разум, искажена фиксацией. Он судит «чужих» по другим критериям, нежели членов собственного клана. Его чувства по отношению к чужим также искажены. На каждого, кто не является

«близким нам по узам крови и почвы (как они отражаются в общем языке, обычаях, способе питания, песнях и т. п.), смотрят с недоверием, и при малейшей провокации дело может дойти до параноидального безрассудства. Эта инцестуальная фиксация отражает отношение индивида не только к чужакам, но и к членам собственного клана и к самому себе. Кто не освободился от привязанности к крови и почве, тот еще не вполне родился как человеческое существо; его способность к любви и разуму изуродована, он не

переживает ни самого себя, ни окружающих его людей во всей полноте человеческой реальности.

Национализм — это наша форма инцеста, наше идолопоклонство, наше безумие. Его культ — «патриотизм». Мне едва ли необходимо добавлять, что под «патриотизмом» я понимаю такое поведение, которое ставит собственную нацию выше человечества, выше принципов правды и справедливости.

Все, что мы сегодня знаем, никак не свидетельствует о спаде национализма — на Востоке в еще большей мере, чем на Западе. Высадка людей на Луне не ослабила шовинизм на Земле.

По мере продвижения на Восток национализм становится лишь фанатичнее: пангерманизм, панславизм, панисламизм, паназиатчина. Чем дальше, тем грубее насилие, больше давление на интеллигенцию, наиболее восприимчивую к интернационализму и личным свободам. Если Восток и «показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего», то только первенство в создании массовых, тоталитарных, националистических обществ.

Мы унаследовали славянофильствующий национализм Победоносцева, который, к трагедии нашей культуры, поддерживали Погодин, Тютчев, Достоевский, и который привел нас к новой форме тирании — тоталитарной, вопреки всем устремлениям нашего же национального гения. Из идеи превосходства редко рождается что-то путное, а из идеи национального превосходства и особенно — превосходства великого Востока над гниющим Западом — рождается лишь черносотенство.

Национальный вопрос так же вечен, как и человеческие качества, национализм естественен и непреодолим: даже культура — подлинная культура! — не снимает глубинных национальных симпатий и антипатий. Национализм внесоциален, и черносотенство при ленинизме — в меру его хамской компоненты — гораздо страшней, чем при царизме. Один еврей, ровесник нашего государства, говорил мне: я нена-

вижу человечество, ибо ежедневно в течение 70 лет, чуть ли не со дня твоего рождения только и слышу: «Жид, жид, жид»

Национализм корнями своими уходит в бессознательное, пронизывая все поры человеческого бытия. Национальная рознь массовая и постоянно подогревается — бескультурьем, нищетой, духовной черствостью, неравенством, сверху и снизу, извне и изнутри.

Революция не только не ликвидировала национальные предрассудки, но содействовала их тайному цветению: ложью, сокрытием, выдачей желаемого за действительное, скрытым антисемитизмом и тщательно закамуфлированным черносотенством. Наша Память всегда с нами и в нас.

Интернационализм — чисто логическая конструкция, символ для пропаганды. Изнутри виднее, что такое «единая семья наций»: жида, черножопые, косоглазые, чучмеки, кацапы, хохлы, чурки, лица кавказской национальности — вот оно, наше пролетарское слово.

Вместо «новой исторической общности» в наследство детям достается старая национальная рознь. Русификация лишь усиливала глубинный протест и волю к национальному сепаратизму. Индикаторами националистических тенденций являются не только открытые выступления, но и глубинные процессы: рост количества верующих, исповедующих ислам и другие нехристианские религии, демонстративный отказ представителей национальных меньшинств от языка метрополии, подспудное усиление национальных движений, требование расширить права провинций, эмиграция и т. д., и т. п. Сегодня только 25% туркмен, эстонцев, грузин, таджиков не владеет русским языком. Двухязычие распространено, главным образом, среди коренного населения провинций, «старший брат» упорно не желает знать язык «младшего», у которого живет. Как же! — «Демократическая глубина русского языка!»

Рабочие, ох как имеют отечество: даже то, что из 8160 героев Советского Союза 7/8 имели славянское происхождение, говорит само за себя.

О ярко выраженном националистическом характере революции и гражданской войны свидетельствует тот факт, что революционная армия более чем на 95% состояла из велико- и малороссов, и только 4,7% стражей революции были представлены национальными меньшинствами, главным образом, латышами, грузинами, татарами и башкирами.

Малюя на своих знаменах «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в критических ситуациях мы говорили не об интернационализме, а взывали к самому откровенному шовинизму и национализму. В годы войны русские князья, купцы и полководцы — Александр Невский и Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов, Нахимов и Ушаков — значили для нас куда больше, чем представители вражеского пролетариата, и *нашим* вручали ордена Невского и Ушакова, а не Маркса и Энгельса.

Рабочие еще как имеют отечество! Коммунизм физически содрогается слыша о космополитизме. Являясь скрытой разновидностью шовинизма, он отбрасывает все свое лицемерие, все свои фальшь и притворство, когда, призывая рабов всех стран к объединению, тут же поправляется: «Отечество в опасности, все на защиту отечества, родина превыше всего!»

Г.П.Федотов:

Вещь неслыханная, невозможная вчера: в СССР «родина» объявлена священным словом. Родина скло- няется во всех падежах, комсомольцы учатся патри- отизму по классическим прописям: то есть прежде все- го национальной гордости. Первая в мире страна, са- мая свободная, самая мощная, самая передовая! На нее покушаются — мы дадим отпор. И враги — это уже не мировая буржуазия, а конкретно: Япония, Германия. Нельзя думать, что все это пишется и гово- рится по заказу. Естественнее предполагать, что власть только открыла шлюзы, долго сдерживавшие поток бурной национальной стихии.

Вчера можно было предсказывать грядущий в Рос- сии фашизм. Сегодня он уже пришел. Настоящее имя для строя СССР — национал-социализм. Здесь это имя

более уместно, чем в Германии, где Гитлер явно предал национал-социалистическую идею. Сталин, изменяя коммунизму, становится национал-социалистом, Гитлер, изменяя себе, превращается в вульгарного националиста. Во всяком случае, кровное родство между фашистской группой держав, включая Россию, несравненно сильнее их национальных отличий: последние носят порой чисто символический характер.

Ассимилировав марксистское учение, азиатские народы не изменили своего сознания. Ренессанс ислама, возрождение байства, дискриминация по национальным признакам, патриархальность, социальное расслоение — всё это свидетельства не отсутствия отечества, а того, что даже в отсутствие такового (почему даже? — особенно в отсутствии) отечество и его традиции — превыше всего.

Растущий интерес мусульман к исламу — не столько даже религиозная проблема, сколько форма протеста против националистической политики, полуполегалный вызов старшему брату, ставший сегодня настолько серьезным, что уже слышатся предостережения о религиозной войне, которая, как известно, опасна не столько военными действиями, сколько глубиной и силой вражды.

Исторический опыт учит (если исторический опыт может учить), что острота национальных проблем не притупляется со временем. Наоборот, национализм прогрессирует и крепчает. Будущее России, вне всяких сомнений, определится естественной тягой наций к подлинному, а не декларируемому самоопределению.

В стране, где профессиональные патриоты исповедуют заваалишинскую идеологию, —

Мы продаем нашу святую, великую, обожаемую родину всякой иностранной шушере... Везде, жид, жид, жид!.. Ах, помилуйте, евреи! израэлиты! сионисты! унетенная невинность. Я говорю только одно: у нас, куда ни обернешься, сейчас на тебя так мордой и прет какая-нибудь благородная оскорбленная нация. «Свободу! язык! народные права!» А мы-то перед ними расстилаемся... Н-но нет!.. Нет!.. Этому безобразию

приходит конец. Русский народ еще покамест только чешется спросонья, но завтра... он стряхнет с себя блудливых радикальствующих ин-тел-ли-гентов... и так сожмет в своей мощной длани все эти угнетенные невинности, всех этих жидишек, хохлишек и полячи-шек, что из них только сок брызнет во все стороны.

— в такой стране угрозам рано или поздно суждено сбыть-ся... А вот и свидетельство очевидца... Январь 1990-го... —

Людей выбрасывали из окон, убивали обрезками арматуры, закалывали ножами. У здания вокзала за-живо сожгли четверых, а через центр города толпа несла крест с распятой на нем еще живой женщиной. Многие из погибших не имели следов насильственной смерти — они погибли от ужаса.

Да, да, это не средневековье, это именно январь 1990-го, это «флагман и надежда человечества», это наши «интернационалисты», наш «союз нерушимый»... Это из газеты «Известия» от 18 января 1990 года..

Путь великого народа — крестный путь.. [Русские] создали огромное государство и расплатились за это — собой. Тем расплатились, что личность в сверхдержаве размазана до ничтожества. Тем, что призрак диктатуры продолжает висеть в воздухе. Тем, что охамление народа дошло до степени бедствия.

Народ, избалованный своим имперским положением «большого» и «центрального», даже не замечает того, как он ущемляет волю и самолюбие других народов.

А, с другой стороны, сколь угнетенной и приниженной должна быть нация, которая верит, что всё главное в ее истории творит горстка жидов... Если правда, что «Малый Народ» забывает «Большой», то какова цена последнему, давшему себя «забыть»?.. Это потрясающе: без малого 200 000 000, забытых одним..

Что же это за «Большой Народ», который позволяет «Малому Народу» осуществить «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗ-

РУШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ ЖИЗНИ? Можно ли мыслить большую русофобию, чем эти слова, собственноручно выделенные Шафаревичем?

Я отнюдь не утрирую: финальная мысль Русофобии состоит в том, что исчезновение интереса русского человека к труду и к судьбам своей страны, превращение жизни в бессмысленное бремя, иррациональные вспышки насилия молодежи, превращение мужчин в алкоголиков или наркоманов, отказ женщин рожать детей, вымирание народа — всё это есть тот «конец, к которому толкает «Малый Народ», неустанно трудящийся над разрушением всего того, что поддерживает существование «Большого Народа».

Признаться, большего неуважения к своему народу, чем эта финальная мысль оголтелого антисемита, я не встречал.

Что до Русофобии и Шафаревича, то ограничусь несколькими мыслями относительно этого скверно пахнущего псевдонаучного «трактата». Первое: нет большего зла в отношении собственного народа, чем шовинизм, народоугнетничество, народопоклонство. Свидетельство — фашизм... Когда организм болеет (а все большие нации периодически болят), тогда интеллигенция ставит диагноз, лечит, оздоравливает, а не заклиняет и не поет священные хвалебные песни. Культира и есть этот диагноз, это лечение, это оздоровление. Антикультура, шарлатанство, провокация и есть эти гимны хвори как силе народной.

Второе: увидеть в романах Ильфа и Петрова или Бабыля выражение русофобии, ненависти к русским, может только человек маниакальный, одержимый комплексом войны «Малого Народа» с «Большим Народом».

Третье: деление народа на Малый и Большой — типично марксистская примитивизация реального стратифицированного общества с его социальным расслоением, развитой культурной иерархией, многообразием идей и форм, культурной, научно-технической, военной, политической элитой. Такое упрощение равноценно хрущевскому делению манежной живописи на «хорошую картину» и «плохую картину».

Четвертое: Русофобия — демонстрация псевдоэрудиции, скрывающей внутреннюю пустоту, неукорененность, отсутствие глубины. Цитаты еврейских авторов, надерганные Шафаревичем из малоизвестных текстов, — лишь бледная тень великой русской литературы, творений великих русских писателей, продолжателей темы пушкинской Черни, пушкинского страха перед русским бунтом, бессмысленным и беспощадным. Янов, Померанц, Горский не скажи и сотой доли тех страшных слов, которые бросили в лицо собственному народу великие русские писатели и мыслители, тяжело болеющие за русский народ, — Пушкин, Чаадаев, Гоголь, Печерин, Толстой, Тютчев, Щедрин, Леонтьев, братья Успенские, Соловьев, Чехов, Бердяев, Ильин, пассажиры «философских пароходов».* Кстати, Вл. Соловьеву принадлежит мысль, что антисемитизм — проблема личной гигиены. Но в стране туберкулезной эпидемии не до таких «мелочей, как пожатие рук Шафаревичам и Макашовым.

Пятое: все человеконенавистнические идеи во все времена находили себе респектабельных и «ученых» теоретиков: расизм — Гобино и Чемберлена, антисемитизм — Достоевского, классовая ненависть — Маркса и Энгельса, фашизм — Джентиле и Розенберга. У всех у них куда больше регалий, чем те, которыми так кичится Шафаревич, почти тающий их самым весомым аргументом в споре. У Трофима Денисовича Лысенко их тоже было не меньше...

Мы «закрываем» национализм, потому что он разрушитель для коммунизма. Национализм — это материализованное исконное разнообразие, которого подсознательно не терпит самая «научная» наука в мире. И суверенных национальных партий мы боялись потому, что это бы вело к эрозии единой доктрины. Но отрицая, мы только усиливаем отрицаемое. Национализм не только психологически укоренен, он усиливается тоталитарностью и чувством зависимости от «старшего брата». Это ощущение «второсортности» или «второродности» — могучая дезинтегрирующая сила. Она уже разрушила не одну империю и вряд ли пощадит ту, где «рабочие не имеют отечества».

* В третьем томе Иехуизма, в главе, посвященной «русской идее», я приведу эти убийственные высказывания, опишу эти невыносимо горькие пилюли, которыми великие русские пытались лечить свой народ...

«Национальный вопрос еще покажет себя в стране торжествовавшего социализма, да так, что расовая вражда покажется розовой. За «монолитным единством» явственно проглядывали центробежные тенденции, то там, то здесь возникали симптомы этнических кризисов: подъем мусульманского национализма, ропот в Прибалтике, междоусобицы кавказских народностей, события в Якутии, Нагорном Карабахе, резня в Сумгаите, движение крымских татар, Минск, Вильнюс, Рига, Тбилиси, Фергана, Новый Узень, Приднестровье, Сухуми...

Что будет завтра?

Что бы ни было, но концепции дружбы народов и братского единства основательно подмокли, жизнь все больше противоречит декларациям, и если можно чему-нибудь удивляться, то это тому, что уличные беспорядки националистического характера в государстве-порье народов заставили себя так долго ждать.

Экономические отношения метрополии с сателлитами всегда неравноправны. И это неравноправие всегда рождает конфликты и противодействие диктату метрополии. Так что сценарий распада многонациональных империй никогда существенно не менялся: экономические и политические разногласия, усиливаемые национализмом до взрыва. Возможны варианты откола частей или же цепная реакция распада. Такова «вечная дружба», рано или поздно перерастающая в настоящему долгую взаимную вражду.

Одна оговорка. Мысль о том, что под видом «дружбы народов» скрывалась новая колониальная система — пролетарский колониализм — не вполне верна. Это колониализм, но особого рода — колониализм наизуворот: здесь все эксплуатируют всех, а народ метрополии ходит в самых дырявых штанах. Колониализм — не просто эксплуатация метрополией. Имеется множество других разновидностей колониализма — и прежде всего имперский, политический: навязывание строя, законов, идей. Речь идет о новом типе империализма, для которого экономические факторы вторичны по сравнению с политическими, а материальные выгоды — по сравнению с идеологической экспансией. Рост производства в провинциях — не столько результат интер-

национальной политики, сколько — милитаризации страны. Такой рост не способствует освобождению малых народов или их национально-культурному развитию.

Преимущества имперской государственности, обнаруженные Макиавелли, в плюралистическую эпоху станут недостатками. Не впадая в противоположную крайность полисного дробления государств, можно полагать, что высшей формой государственности является национальная. И поскольку единственный исторический закон — это непреодолимость истории, с обязательностью образования империй происходит и их закономерный распад. Пребыванию малых братьев под эгидой большого рано или поздно приходит конец.

Мы были последней из империй и с имперской же судьбой. В мире торжествующего национального суверенитета избежать дезинтеграции многонациональных колоссов почти невозможно. «Добровольность, объединившая нас, добровольно же нас и разъединит.

Эта книга написана до развала Союза, но все, что происходило в Союзе на протяжении 70 лет, готовило и Карабах, и Сумгаит, и Абхазию, и развал самой России. Полистаем газеты и журналы:

После Октябрьской революции из народов Поволжья и Урала лишь башкиры с оружием в руках добились признания своей автономии, но Ленину же через год потопил Башкирскую Республику в крови и свел ее права к нулю: от двухмиллионного башкирского населения в живых осталось едва ли 600 тысяч человек! Геноцид башкир по масштабам равен турецкому геноциду армян — и об этом власти всегда молчали!

Процесс ассимиляции нерусского населения принял необратимые формы, например: катастрофически обрусевают немцы, евреи и татары (соответственно 62, 54 и 44% их вступают в браки с русскими). Причем из 100 родившихся у них детей 95 берут себе русскую национальность!

И уезжают люди отнюдь не из-за того, что в СССР не удовлетворяются некие особые еврейские культурные потребности. Что не созданы какие-то «еврейские культурные институты».

Идет захлывание обрусевших «евреев по паспорту» в «евреев на деле». Действительно, откуда взялся тот взрыв эмиграции, о котором пишет «Правда»? Откуда этот всплеск интереса к своей утраченной национальности, к своему историческому прошлому? Ведь все это родилось в последнее десятилетие. Почему? Интерес лиц с паспортной записью «еврей» к Израилю возник не из любопытства, не из исторического интереса. Возник интерес к месту, куда можно спрятаться от страха погромов. Куда можно просто бежать.

Бесконечны, неисчислимы страдания «литовцев на Бирюсе, латышей на Колыме, кавказцев в Средней Азии, калмыков на Лене... Людей из теплушек для перевозки скота выбрасывали на снежную целину в 40-градусный мороз — что те фашисты. Гибли сотнями тысяч, замерзали в первую же ночь старики, кормящие матери, новорожденные... Впрочем коренным народам севера, которых никуда не выселяли по причине отсутствия «лучших мест», было не лучше: их лишали традиционных промыслов, спаивали, доводили до физического вырождения. Сколько малочисленных народов в результате «ленинской национальной политики» обречено на полное исчезновение с лица земли — кто подсчитает?

Все те зверства, которыми отмечены почти все национальные конфликты в разлагающемся Союзе, когда с живых людей сдирали кожу и живьем сажали на кол, своими корнями уходят в 70-летнюю историю государственного геноцида и уничтожения личности каждого человека, в историю накопительства человеческого.

В одной из своих статей Елена Боннэр писала:

За скупыми текстами заговских свидетельств смерти скрываются чудовищные факты этого [сумгаитского] погрома. Погромщики врываются в квартиры, мучили, женщин насиловали, отрезали им груди, расчленили и, в конечном итоге, трупы сжигали. Мо-

жет быть, поэтому опознаны не все и не все найдены. Например, в одном из документов написано, что жертв узнали потом только по ботинкам.

Это ли не итог «торжества ленинской национальной политики, это ли не предсказанный пророками Апокалипсис?».

Имперские замашки, национализм, шовинизм, ксенофобия, дурная государственность, границы на замке наруку лишь одержимым волей к неограниченной власти. Перекраивание карты мира, «великие завоевания и гигантские империи имели своей причиной не волю народов, а неумеренные амбиции отдельных личностей, не сдерживаемые законом.

Когда человечество достаточно повзрослеет для того, чтобы изолировать или лечить каждого претендента на «всемирную власть или каждого теоретика геополитики, когда за имперскую деятельность будут предавать суду, когда попытка расширить власть за национальные пределы будет рассматриваться как посягательство на жизнь граждан, когда разрешение государственных конфликтов оружием будет определено как тяжчайшее преступление против человечества, тогда... Что тогда? Не знаю, что тогда, а пока — жириновские, прохановы, макашовы...

ПОД МАСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она неудобный тип для одного государства.

В. Ленин

До революции партия категорически отвергала федерацию и клеймила всех, кто добивался включения в Программу этого требования. Но уже вскоре после революции Базиль писал, что федерация — вернейший шаг к самому прочному объединению различных национальностей. Сколько же было таких крайностей? И почему произошла такая метаморфоза?

Харизматический политик, ББ умел использовать национальные чаяния и движения на пользу глубоко в нем сидящей идее централизации и легко отказывался от них, когда вред национализма для «великого дела» превосходил пользу для него. Когда на II съезде партия сурово осудила федерацию и отвергла национальную автономию, ББ выступал как сторонник государственной монолитности. Когда в суматохе революции и войны усилилось движение за независимость, могла сойти и федеративность. Впрочем, на пути к последней можно было воспользоваться и военной силой, чтобы принудить непокорных (в том числе инакомыслящих членов собственной партии) покориться Центру и остаться в границах Империи. Тут-то в качестве приманки и потребовались федерация, автономия и суверенитет.

Но и тогда, не скрывая своих намерений, ББ писал: «Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций...» и в другом месте: «Сознательные рабочие не проповедуют отделения; они знают выгоды больших государств и объединения крупных масс рабочих». В смешении наций Базиль усматривал великий прогресс и, видимо, считал, что это можно осуществить так же легко и быстро, как и революцию.

Но после того, как революция свершилась, он оказался перед дилеммой: либо согласиться с сокращением государства до размеров княжества времен Василия III, либо любой ценой удержать национальные окраины. Результат известен: отказ от устаревшей программы по национальному вопросу и призыв к федерации.

ББ прекрасно понимал, что экономика империи уже успела превратить ее в единое целое, затруднив раздел, что воспользоваться правом на самоопределение политически и экономически далеко не просто и поэтому так легко шел на декларацию автономии и свободы.

В июле 18-го число членов партии в самой крупной из республик едва дотягивало до 4 тысяч, а в Литве и Эстонии коммунистические партии вообще не были местными организациями и «ввозились» вместе с войсками. Естественно, при этом они состояли почти исключительно из русских.

Коммунисты понимали, что малочисленность партии делает ее неубедительным выразителем интересов и направляли титанические усилия на увеличение численности своих рядов, открыв двери всем желающим. За полгода с осени 18-го до весны 19-го в Литве и Белоруссии число членов партии выросло в 6 раз, в Латвии — более чем в 8 раз (с 900 до 7500 человек).

Между тем, существовало множество разновидностей национального социализма, например, боротьбисты и укаписты, сторонники Затонского на Украине, Червякова в Белоруссии, Мдивани в Грузии и т. д., и т. п. Все было далеко не столь гладко, как в нашей укатанной «истории». Пришлось наращивать мускулы (армию) и укреплять вегетативно-сосудистую систему (бюрократию). (Впрочем, последняя с самого начала не столько содействовала упорядочению власти, сколько — административному хаосу, особенно на Украине).

Централизм был стратегией, самоопределение — тактикой. Само право на самоопределение чуть ли не автоматически аннулировалось несокрушимой доктриной централизации. Вдобавок Базиль открыто пропагандировал ассимиляцию и требовал ее ускорения, не особенно заботясь о том, насколько совместимы ассимиляция и суверенитет.

Великий стратег и тактик, Ильин отдавал себе отчет в мощи национализма: отсюда вся его бурная деятельность по остужению горячих голов, буквально понимающих слова «мировой пролетариат». Но как тактик, умело употреблявший себе на пользу дела мешающие ему, он рассматривал национальную проблему как нечто, что надо использовать, а не решать. Его 180-градусный поворот от отрицания «реакционной» федерации к немедленному Союзу — итог осознания силы национализма, которую можно поставить себе на службу с помощью все того же утопического леденца свободы. Возможно, Базиль верил в свою способность дать такой леденец, но он был бутафорским: национализм полностью подминался под централизм, а суверенитет — под большое сильное и единое социалистическое государство.

Национальная автономия на окраинных территориях была необходимой уступкой местным чувствам,

но большевистские лидеры надеялись ограничить количество таких территорий и быстро поставить их под контроль местных функционеров, сочувствующих большевистской власти.

На выборах во Всеукраинское учредительное собрание сторонники Центральной рады получили около 70% голосов, тогда как ленинцы — только 20%. Не имея возможности опровергнуть эти цифры, мы «объясняли» их тем, что в выборах участвовало не все население. На практике же победа достигалась не голосами, а штыками: на смену германских армий вводились русские войска.

В Белоруссии областной комитет партии был заодно с Белорусской радой. Краевой съезд, решавший судьбу страны, был бесцеремонно разогнан. «Совнарком Западной области, опираясь на волю большинства трудящихся Белоруссии, запретил дальнейшую работу съезда и распустил его делегатов. Вот и всё — просто легко...

Латвию и Эстонию вообще не посчитали целесообразным объявить суверенными республиками, поставив под сомнение право этих народов на национальную государственность.

То, что происходило при этом в более отдаленных провинциях, куда больше напоминает замаскированный ленинскими формулами колониализм, чем проявление народной воли. Ни партий, ни рабочего класса здесь не было, поэтому главной и единственной опорой становилась армия.

Даже после принятия идеи федерации проект объединения, разработанный Кобой и позже признанный ошибочным, предусматривал вхождение республик не в федерацию, а в Россию на автономных правах. Соответственно высшими органами власти должны были стать ВЦИК и СНК РСФСР. Вместо равноправия с самого начала мыслилось подчинение. Однозначность такой «федерации» была слишком явной, поэтому Ильин и подверг проект критике. Но и то, что получилось...

Что такое федерация? Федерация — это объединение, построенное на разделении власти. За привилегию совмест-

ной обороны, за экономические, политические и иные гарантии часть своих прав местные органы самоуправления передают Центру. А как получилось у нас? У нас на откуп Центру были отданы все стратегические, тактические и иные вопросы, канализация же и подметание улиц были доверены «местам». Даже конституции провинций, не понравившиеся «старшему брату», отвергались. С самого начала это была лжефедерация, построенная по принципу абсолютно-го и беспрекословного централизма и подчинения республик России.

Это было великолепное «творчество»: спускаемые сверху конституции и бюджеты, декреты ВЦИК о создании автономных территорий, назначение правительств «автономных провинций», восстановление большевистской власти национальных окраин с помощью армейских частей, открытый диктат, централизованный контроль, почти полное отсутствие самостоятельности, право вето... В одной из конституций была даже статья о том, ведению Центра подлежит отмена постановлений съездов и ЦИК республик, входящих в противоречие с конституцией федерации.

Одним словом, новая Римская империя.

Но гораздо важнее всего этого — неписаное право партийных вождей руководить всеми рангами Советов. Даже органы, которые якобы выбирал народ, находились под башмаком никому не подвластной самозванной организации, — нет, тем, кто выступал от ее имени. Вот и вся цена самоопределения, федерации, союза, советов.

О какой независимости национальных экономик могла идти речь при наличии единого спускаемого сверху плана и бюджета? Как вообще экономическая независимость вяжется с централизованным планированием? О какой самостоятельности выбора политического строя можно говорить в присутствии армии, состоящей, как правило, из солдат другой нации? Самоопределение под дулами пушек и при марионеточной власти, служащей метрополии?

Положение о суверенитете — пропагандистский трюк, не обеспеченный ни конституционной процедурой отделения, ни юридическими гарантиями, ни механизмами защи-

ты от уничтожения. С одной стороны, 72 статья Конституции охраняла право свободного выхода из федераций, с другой — «у нас нет классов и социальных групп, которые были бы заинтересованы в выходе из нее». Тогда зачем эти декларации? Ради сотрясения воздуха? Ну, нет — и нет.

При всем том в ряде республик партийные организации первоначально состояли почти сплошь из русских, почти иностранцев на чужой земле. И наоборот, национальные варианты коммунизма, ищущие свои собственные пути к «светлому будущему», как это было, например, в Закавказье, безжалостно искоренялись — и не кем-нибудь, а самим ББ.

А поскольку все сказанное — правда, которую невозможно опровергнуть, послушаем комментарий к ней *наших*.

Тот факт, что большевистское правительство не только провозгласило федеративный принцип, но и выступило инициатором практического создания федерации и осуществило его, не позволяя соображениям формального порядка взять верх над существом дела, убедительно демонстрирует его принципиальность и твердость.

В переводе на понятный язык: цель оправдывает средства, ради великой цели не до формальностей. Главное: воля, принципиальность, твердость. Остальное мелочевка... Не ясно только, какая принципиальность: та, что до 17-го года или та, что — после?..

Речь шла об административном перекраивании унитарного государства, о перекраивании, имеющем своей целью облегчение централизации, прикрытой разглагольствованиями о суверенитете, самоопределении и свободе. Практически же контроль был абсолютным: не только над военными, экономическими и политическими делами, но и над канализацией и подметанием улиц — тоже. По сравнению с органами власти бывшей империи изменились разве что наименования: на смену царю, губернаторам, земствам и губерниям пришли диктаторы, диктаторишки, области и республики. Самоуправлению было оставлено ровно столько места, сколько требуется для организации демонстраций поддержки правительства. Наркомнац не имел ни веса, ни

влияния, да и просуществовал лишь до 1924 года. Сегодня даже его название напрочь забыто. Царские губернаторы по сравнению с советскими гаулейтерами представляли великую силу!

А могло ли вообще быть иначе?! Могло ли быть иначе, если сам Великий Вождь сказал: «Всякие вопросы борьбы решались советской Россией не тем, что приказы шли из центра, а тем, что эти приказы встречали самое восторженное и горячее сочувствие масс на местах. Лучше не скажешь! Полный ажур! А как может быть иначе в государстве, где все, что делается, делается в интересах трудящихся всех наций?.. Ибо никаких иных интересов просто нет...

Такая «федерация, видимо, замышлялась как прототип мирового большевистского государства — великой всемирной тоталитарной империи «свободных народов, руководимых «передовой партией в лице Великого Вождя из пупа вселенной. Во всяком случае все происшедшее ясно показало, что методы, использованные нами при поглощении окраин, лишь формально отличались от методов большевистской экспансии — пресловутой «интернациональной помощи, ограниченными контингентами войск — Германия, Венгрия, Чехословакия, Афганистан...

Кстати, и здесь есть своя «научная теория, согласно которой сторожевой пес — всегда на чеку:

Защита завоеваний социализма в каждом государстве от посягательств империализма и внутренней реакции выступает интернациональной обязанностью всех социалистических государств, их классовым долгом

Когда речь идет о власти народа, завоеванной в борьбе ценой огромных жертв, социалистические страны и марксистские партии не могут оставаться безучастными, они не только имеют право, но и обязаны рассеять дурман, созданный контрреволюцией, и принять решительные меры. В таких случаях нельзя разделять внутреннее дело и общее дело: речь идет не о вмешательстве, а о совместной защите социалистических завоеваний.

Декларированное право на самоопределение было лишь пропагандистской уловкой, тактическим приемом, направленным на одурманивание сознания национальных меньшинств. Это во всех отношениях было странное самоопределение. Ленин без обиняков заявлял: «Признание партией права на самоопределение отнюдь не означает ее отказа от самостоятельной оценки целесообразности государственного отделения той или иной нации в каждом отдельном случае. И в другом месте: «Партия пролетариата ставит своей главной задачей содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности». Иными словами, решающее слово в самоопределении открыто предоставлялось не народу, а партии, и под объектом самоопределения понималась не нация, а пролетариат внутри нации, что особенно пикантно для наций, не имевших собственного пролетариата.

Признавая под давлением обстоятельств идею суверенитета, Базиль категорически отказывался от самостоятельности не только наций, но и национальных марксистских партий, ибо такая независимость могла превратить декларацию суверенитета в реальность. Ведь если право на самоопределение находилось в руках партии, только более или менее самостоятельная партия могла бы воспользоваться этим правом. Кстати, независимые национальные организации — бундовцы, кавказские меньшевик-ликвидаторы, децисты настаивали именно на партийном суверенитете. Вот почему ББ и бэбэвцы «разоблачили их как проводников буржуазного влияния на пролетариат».

Мы знаем, как союзный ЦК принимал решения о роспуске республиканского, как безжалостно изгонялись любые проявления инакомыслия в провинциальных правительствах, как Великий Вождь налагал вето на учреждение национальных независимых большевистских партий, как центр требовал от окраин повторить конституцию РСФСР «без каких бы то ни было изменений».

Национал-уклонисты на Украине, группа в Грузии, Кокандская автономия в Средней Азии, национальные движения Белоруссии, Латвии, Финляндии добивались подлинной автономии, не ущемляющей национальные интересы. Они боролись с централизмом, как борются с колониализ-

мом, они хотели сохранить все национальные институты и культуру, а не подчиниться навязываемым центром политике и культуре. Сегодня мы признаем это навязывание ошибкой Орджоникидзе и других эмиссаров центра, виним их в поспешности и недостатке гибкости. Но вот что любопытно: Орджоникидзе «проявил грубость и администрирование, а Мдивани изгнали из партии и устранили от руководства республикой. Уклонистов превратили в колонистов. Кокандскую автономию просто утопили в крови. Даже признав независимость Финляндии, ББ не вывел оттуда своих войск до тех пор, пока в страну не вступили приглашенные местным правительством германские войска.

«Декларация прав народов России оказалась, таким образом, лозунгом, фразой, бумажкой, не имеющей гарантий, не обеспеченной законом, не подкреплённой ничем, кроме словесной трескотни. Подчиненность национального вопроса идее диктатуры пролетариата на практике вылилась в подчинение прав наций интересам вождей. Ради великого и лучезарного целого можно было без особых сожалений пожертвовать такой малостью как самостоятельность десятков культур. Все, что происходило в стране после 1922 года, происходило вопреки декларации прав: отделившиеся в смутные времена окраины бывшей империи были вновь завоеваны силой оружия и возвращены в старые имперские границы. Фактом революции в Туркестане стало полное отстранение коренного населения от власти.

ИЗ ДЕКЛАРАЦИИ III СЪЕЗДА СОВЕТОВ ТУРКЕСТАНА

Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Советов р. с. и к. депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет классовых пролетарских организаций...

Лучше не скажешь: туземцы... неопределенное отношение к власти... нет пролетарских организаций...

Вот она правда — в самих решениях, а не в последующих фальсификациях их. Как только неизворачивались,

чтобы объяснить, почему на съезде не было представите- лей коренного населения, почему партия была изолирована от масс, почему появилось такое колонизаторское решение в духе расовой дискриминации XVIII века.

В Туркестан, как и во многие другие окраины, свобода и грядущая радость шли по трупам. Куда их деть? Позже кровавый разгром кокандцев окажется делом рук не рево- люционной армии, а «контрреволюционной партии дашна- ков», и если есть в чем упрекнуть себя, то разве в нераз- борчивости связей — в неоправданном союзе с бандитами. Но спасибо и им: сколько было этих махновцев, дашнаков, боротьбистов, эсеров, которых вначале использовали, а за- тем списывали на них все революционные грехи, предвари- тельно сбросив ввыгребную яму революции?

* * *

Наш интернационализм всегда оставался демагогией, за которой скрывалось глубинное желание слить нации, ис- ключить любые проявления суверенности, обеспечить же- сточайший централизм. Вся история создания «федерации» и «союза» была красноречивым свидетельством утраты на- циональной самостоятельности, подавления автономии, уни- фикации законов, конституций, обязанностей, ритуалов по образу и подобию «старшего брата».

Вот они результаты..

Самобытность наций пошла на убыль. Дело даже не в русификации — в общем обезличивании. Дело дошло до того, что в Казахстане только 30% казахов, в Киргизии — 45% киргизов, миллионы белорусов, украинцев, башкир, чувашей уже не считали свои языки родными. Уменьшилось число школ на национальных языках, был прекращен выпуск пре- подавателей на десятках языков страны — аварском, даргин- ском, лакском и др. Были институты Африки, Латинской Аме- рики, но не было института народов собственной страны, были землячества иностранных студентов, но не было землячеств студентов национальных меньшинств..

Как оценить то, что многие языки были переведены на славянский алфавит, арабская же графика была попросту

ликвидирована. «Коран и комментарии к нему тем самым стали закрытыми книгами. Для поколений, начавших свое образование в советских школах, литературная доска была чисто вытертан. Национальное сталокрамольным.

В конце 40-х годов была начата кампания против националистических элементов окраинных культур. Под обстрел попали такие национальные памятники как М а н а с, Г э с е р, Деде -К о рк у т. На смену соловью, розе и кра- сивой девушке окончательно пришли вездесущие серпи молот.

Первыми жертвами преследования космополитов, обвиненных в преклонении перед Западом, стали ученые-восто- коведы.

Как — какими происками «левых» и «правых» — объяснить то, что метод социалистического реализма, партийное руководство литературой и ее апологетический характер свели на нет разнообразие многочисленных литератур и породили распространенный феномен джамбулов джабае- вых?

Как оценить произвол в перекраивании национальных границ, принудительное переселение целых народов — ев- реев, татар, калмыков, балкарцев, чеченцев, карачаевцев, кавказских турок, курдов, немцев, создание искусственных автономных областей, передачу провинций одной респуб- лики другой? Как объяснить запреты на имена борцов за национальную независимость, поиски высосанных из паль- ца фактов добровольного присоединения к империи силой захваченных земель инародов?

Разве не признак великодержавности — авангардная роль русских в революции и постреволюционном переуст- ройстве? А русификация страны, вызвавшая резкий рост антирусских настроений? А пятая графа? А государствен- ный антисемитизм в самых изощренных, иезуитских, хам- ских формах?

К концу XIX века в России проживало 5,2 миллионов евреев — больше, чем во всей Европе. Сколько их осталось сегодня в результате «ленинской национальной политики»?

Сколько потеряла Россия, вынудив их «исчезнуть»? Сколько еще потеряет? И кто сосчитает меру человеческих унижений, оскорбления, поруганий целого народа — народа-страдальца, народа, давшего миру Иисуса Христа?

А что сделали коммунисты с народами Севера? С народами Сибири? С народами Дальнего Востока? За 70 лет довести десятки народов до грани полного исчезновения — это ли не торжество «братства» и «ленинской национальной политики»..

КОМИНТЕРН: ВО ГЛАВЕ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Дайджест

Коминтерн называл себя «организатором международной революции пролетариата» и заявлял, что его конечная цель — это «замена мирового капиталистического хозяйства мировой системой социализма». Так и было записано в его Программе, разработанной в основном Н. Бухариным (1928)

Коминтерн исходил из того, что империализм, по Ленину, является «загнивающим и умирающим капитализмом», который к тому же охвачен необратимым общим кризисом.

Чтобы приблизить «мировую пролетарскую диктатуру», Коминтерн призывал к насильственному свержению буржуазии. Причем России в этом процессе отводилась роль «гегемона», «двигателя пролетарской революции, толкающего пролетариев всех стран к захвату власти».

Программа Коминтерна включала в процесс мировой революции национально-освободительные движения, освободительные войны и т. д., хотя по своей сущности была программой «импорта революции», при этом даже не скрывалось, что ставка сделана на «красные бригады» — «крайнюю революционную партию социализма» и «беспощадную борьбу против всех остальных партий». Наглядный пример — отношение Коминтерна к социал-демократии, которая расценивалась им как контрреволюционная сила, «нередко играющая фашистскую роль».

Если два Интернационала — 2-й и 2^{1/2}-й (Венское Объединение) вполне спокойно, а иногда и с восторгом, наблюдали четыре года, как большевики во славу коммунизма

«режут, жгут, топят, стреляют и давят свою страну, то Коминтерн открыто делал ставку на «всемирность» этих действий и прямо вмешивался в дела других стран, провоцируя коммунистические партии и пролетариат на захват власти. В 1924 г. Англия разорвала отношения с Россией из-за «письма» Коминтерна, в котором говорилось, что английский пролетариат способен взять власть в свои руки.

В 1927 г. Раковский подписал «внутренний документ», призывающий рабочих капиталистических стран содействовать поражению «своего» правительства в случае войны с Россией. Интересно, что по нашим «внутренним» законам полагалось за такое «содействие»?

В функции Коминтерна входило не только дирижирование инспирированных им же революционных выступлений, но и прямое вмешательство во внутренние дела зарубежных коммунистических партий. Если иностранные марксисты осмеливались критиковать руководство, то они тут же объявлялись «оппозиционерами» или «перерожденцами» и не собственные партии, а руководство Коминтерна исключало их или же отзывало в Москву. Руководители марксистских партий подбирались в соответствии с тем, как выполняли директивы Коминтерна и как рапортовали об их выполнении. Как известно, роспуск компартии Польши в 1937 г. последовал по прямому указанию Кобы. Другой пример: решение подписать договор о ненападении с Германией было принято без предварительной консультации с зарубежными «братскими» партиями. Ошеломленные представители этих партий узнали об этом договоре за три часа до его подписания — им было приказано одобрить его от имени своих партий. В сущности Коминтерн был орудием манипулирования — как наши профсоюзы или «гитлерюгенд». Когда же в этом качестве потребность в нем отпала, то «братья по классу» пошли тем же путем, что и собственные «соратники» — от этапа к этапу... Сколько их было в ГУЛАГе? Сколько Коба выдал Гитлеру? Где больше было немецких коммунистов — в советских или нацистских концлагерях?..

ИЗ ГАЗЕТ

В сталинских лагерях погибло по меньшей мере 242 видных деятеля Коммунистической партии Германии. Тысячи

немецких коммунистов, которые искали в Советском Союзе убежище от террора нацистов, были арестованы, из них не- сколько сотубиты.

Около 4 тысяч товарищей, которые по приказу партии приехали в Москву или добровольно решили помогать в построении социализма в СССР, были переданы в руки ге- стапо после заключения гитлеровско-сталинского пакта в августе 1939 г. Из 130 деятелей искусства, сочувствовавших Советскому Союзу, около 90 погибли в ГУЛАГе.

Из 127 делегатов учредительного съезда, состоявшегося в конце 1918— начале 1919 г., 4 пали от рук Гитлера, 7 — от рук Сталина.

Из 43 членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПГ, действовавшего в период Веймарской республика в Герма- нии было убито 5 человек, в том числе Эрнст Тельман, в Со- ветском Союзе — 5 членов Политбюро и 2 кандидата в члены Политбюро, среди них Хуго Эберляйн, Хайнц Ной- ман, Герман Реммеле. Из 131 членов и кандидатов в члены ЦК КПГ 19 стали жертвами нацистского террора, 15 или 16— сталинского.

ФИАСКО

Сейчас, как в старину, во дни упадка Рима,
Тщеславие растет внас непреоборимо.
Бессмертье всяк снискает при жизни
норовит, Сам лезет на алтарь и сам себе
кадит.

О. Барбье

Человек метаисторичен. Никакие потрясения и истори- ческие бури, системы и диктатуры, цивилизации и культу- ры не способны воздействовать на то постоянство, с кото- рым он добивается своих маленьких эгоистических целей, обретает свои маленькие радости, потакает своим слабостям и удовлетворяет свои инстинкты. Сколько раз человека пытались переплавить в горниле очередной культуры — и каждый раз он умудрялся не утрачивать своего первоздан- ного естества. При всей податливости, мягкотелости, измен-

чивости человека основным его качеством является сопротивляемость, постоянство, способность оставаться самим собой.

Человек бесконечен и неисчерпаем. Все антиномии и все, что заключено между ними, присутствует в нем. И вот этой безмерности ставят единственную цель — построить очередную китайскую стену. Сколь бы величествен не был проект, в стену не вложишь ни тревоги, ни боли, ни трагического напряжения, ни абсурда, ни вождения, ни страха, а ведь все это и есть человек. Кокейн — с любыми его ворками — остается кокейном. Он хорош, пока главное и единственное чувство — голод, но, как только голод утолен, начинается жизнь духа и остановить ее невозможно..

Накормить людей — великая идея, говорит Достоевский, но второстепенная, ибо сытый человек все же спросит, для чего он должен жить?

Устроители хрустальных дворцов потерпели фиаско, ибо делали ставку на несуществующего человека, точнее — на полное перелепливание существующего. Но из глины ничего стоящего не построишь. Чтобы проектировать города солнца, надо сначала изучить человека из подполья Достоевского, недочеловека Киркегора и сверхчеловека Ницше, бессознательного человека Фрейда и архитипичную массу Юнга, усвоить Шекспира, Джойса, Кафку и Голдинга. Надо рассчитать не только самоусовершенствование, но и самодеградацию, обезбоживание, деморализацию, утрату идеалов.

Наши вот не рассчитали, а один «реакционер, волонтирист и охлобобц предвидел:

Позор для всех марксистских системщиков, что они думают, будто возможны условия, при которых не будут больше расти пороки, болезни, преступления, проституция, нужда.

В романе *Мы* Великий инквизитор появляется вновь — уже в образе Благодетеля.

В назидательной беседе с взбунтовавшимся строителем «Интеграла» — через тысячелетия — Благодетель говорит

о том же — о счастье, насильственно привитом человечеству: «Вспомните: синий холм, крест, толпа. Одни — вверху, обрызганные кровью, прибавают тело к кресту; другие — внизу, обрызганные слезами, смотрят. Не кажется ли вам, что роль тех, верхних, — самая трудная, самая важная... А сам христианский милосерднейший Бог, медленно сжигающий на адском костре всех непокорных, — разве Он не палач? И разве сожженных христианами на кострах меньше, чем сожженных христиан? А все-таки — поймите это, все-таки этого Бога веками славил как Бога любви. Абсурд? Нет, наоборот: написанный кровью патент на неискоренимое благообразие человека. Даже тогда — дикий, лохматый — он понимал: истинная, алгебраическая любовь к человечеству — непременно бесчеловечна, и непререкаемый признак истины — ее жестокость».

Здесь и выявляется борьба двух полярных начал: за человека или (для его же якобы блага) против него; гуманизм или фанатизм, исходящий из того, что люди, народ сами нуждаются в жестоком пастыре. Неважно, кто он — обожествленный тиран или свирепый Творец всего сущего; важно, чтобы человека можно было (ему на пользу) загнать в раба, в муравья, в обезличенный «нумерн». Вопрос отдаленного будущего и совсем недавнего прошлого.

Так называемая историческая общность, которую эксплуатировала наша светоносная теория, сегодня претерпела очередной глубокий кризис, демонстрирующий ее несовместимость с человеческой природой и ее недостаточность для всеобщего блага.

Да, общность есть, но она в том, что человек — категория внеклассовая. Некий обличитель дворцового свального греха был куда пронизательнее наших высокоумудрых. Взгляните на вещи шире, писал он, старайтесь разглядеть человека независимо от его класса, и вы убедитесь, что он повсюду один и тот же, какова бы ни была его внешность — лощеная или грубая.

Как говорил Мунье, перспектива социального развития связана не с социальным устройством, а с тем, как оно сближает людей, обеспечивает их сосуществование. Если проблема сосуществования не будет разрешена, вторит ему Феллини, завтра мы можем оказаться перед лицом хорошо

организованного и отлично функционирующего общества, но в котором отношения между людьми поверхностны и лишены всякого внутреннего содержания. Тогда восторженно ствует равнодушие, отчуждение, одиночество.

Отвергнув индивидуализм, мы не изучили и не поняли его природы, не исследовали общность как духовную потребность, как веление времени, как линию внутреннего, самого сокровенного поведения человека.

«Вы можете изменить то, что называете строем или режимом, вы можете заменить класс у власти, вы можете все изменить; если вы не измените, например, меня, Салавена, вы никогда ничего не измените».

Люди не желают развиваться планомерно. А в эпоху заката аскетизм и самопожертвование автоматически сменяются культом самосохранения и благополучия.

Даже немногие марксисты, проповедовавшие идею личности, не предвидели, что люди поймут ее как личный интерес.

А вот Кафка предвидел.

Народ, говорят нам — и настоятельно это внушают — верил во все, что ему вдалбливали: во вездесущих врагов на рода и во всезнающего вождя, упреждающего их диверсии.

Вот это-то и есть самое оскорбительное отношение к народу: вера в единомыслие, единый порыв, героев, умирающих с именем палача на устах! Если бы весь народ действительно был только таким, горе такому народу!

Человеческое знание растет, строительное искусство развивается непрерывно; работа, сегодня требующая года, через полстолетия будет делаться за полгода. Зачем же тогда до крайности напрягать свои силы? Последнее имело бы смысл, существуй надежда, что башня будет построена на протяжении жизни одного поколения. Но на это рассчитывать не приходится. Скорее следует думать о том, что следующее поколение найдет работу плохой, разрушит построенное

и начнет все заново. Такие мысли парализовали силы, и народ больше заботился о своих жилищах, чем о самой башне, каждый хотел получить квартиру по-лучше, в результате возникали конфликты, доходившие до кровопролития.

Так прошла жизнь одного поколения, но другое не принесло с собой ничего нового. Второе для третье поколение поняло бессмысленность строения небесной башни, однако все настолько привыкли друг к другу, что не помышляли о том, чтобы покинуть город.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

L'exceis est toujours un mal.

Да: крайность везде зло.

Как нельзя убежать от общества или от своего языка, так нельзя уйти от идеологии, которой взращен. Как анти- утопия имеет черты утопии, так оппозиция коммунизму — черты Мавра и Бесошвили. Это — неустранимо. Мы, вышедшие из этого горнила и отрицающие этот способковки, уже подкованы и перекованы им. Увы, это бесповоротно.

Живем мы весело
сегодня, Азавтра будет
веселей.

Ох как трудно верить в Человека с большой буквы, живя в мире зримой иррациональности — массового безумия, взаимной нетерпимости, фашизма и коммунизма. Но — надо!

Можно понять тех защитников системы, которые борются за свои привилегии. А что защищали другие? Свой хлев? Но именно в хлеву стадность человека-массы проявляется в чистом виде: скудные, ничтожные льготы жалкой элиты за жалкую же плату защищает армия беспринципных холуев и лицемеров, ни во что не верящих, ибо знающих всю правду, — защищает только потому, что одномерна, труслива, цинична, ничтожна... Защищает, конечно же, из идейных и принципиальных соображений — полной безыдейности и беспринципности.

Пугать вообще любимое занятие идеологов казарменного коммунизма. Прежде всего, конечно, капитализмом. Капитализм для них, как бог для Вольтера: если бы его не было, то надо было бы его придумать! В один голос они предсказывают нам неминуемую реставрацию капитализма и в связи со стимулирова-

нием труда рублем, и в связи с развитием кооперативных форм работы, в связи с хозяйственной самостоятельностью предприятий, быт в набат, извещая об утрате народом былого бескорыстия, оживлении тяги к накопительству, пробуждении собственных инстинктов и т. д. и т. п.

«Держи вора! — кричат они и указывают пальцем на старушек с укропом, которые торгуют, не имея при себе характеристик от партийной организации; на изобретателей, которые дают «слишком большую» выгоду государству; на владельцев садовых участков, выкопавших погреб на десять сантиметров глубже, чем того требует пролетарская идеология.

Да: все мы жители города Глупова. И градоначальники наши известны: Брудастые, Фердыщенко, Бородавкины, Негодяевы, Микаладзе, Намерадзе, Прыщи, Угрюм-Бурчевы, Органчики.

Стоило «агентам империализма» Платонову, Шатрову, Шмелеву, Попковой чуть-чуть приподнять завесу над историей, экономикой, политикой, как «настоящие коммунисты» завопили, что «не могут поступиться принципами. Не могут и не надо! Но вот что по этому поводу написал колхозник из глубинки:

Чтобы вся их демагогия вылетела из головы, я бы им посоветовал следующее:

во-первых, приехать в наше село; во-

вторых, поселиться в моем доме;

в-третьих, питаться в нашей столовой; в-

четвертых, жить на мою зарплату;

в-пятых, покупать вещи и продукты в магазинах нашего села;

в-шестых, посмотреть приписки по строительству, сдаче зерна, мяса, молока и т. п.

Вот это и будет проверка действительностью.

ЦИТАТА

Самая банальная трагедия нашего времени: человек выступает с критикой, а его объявляют клеветником. Сколько их, оскорбленных и униженных правдборцев, пишут,

звонят, приезжают в редакцию — за последней надеждой. «Я прилетел с Камчатки.. Неужели напрасно?ң «Казалось, дожили наконец-то до своего времени, — но тут-то и нача- лось..», пришлите корреспондента! Остальное — без толку..ң Изю дня в день видишь чьи-то измученные глаза, слышишь по телефону просящие голоса... читаешь душераздирающие исповеди в почте.. И охватывает отчаяние: чего стоят наши статьи, наши вдохновенные разговоры о правде, если люди, отвоевывающие эту правду в жизни, страдают сегодня, как и вчера?

Все духовные поборники равенства и братства, увлек- шиеся в юности из гуманистических побуждений идеалами «хрустального дворца», рано или поздно, экзистенциально развившись, осознавали, куда приведет путь к нему. Приме- ры Радищева, Герцена, Достоевского общеизвестны. Каждая страна имеет своих С. Булгаковых и Н. Бердяевых. В свое вре- мя книга С. Булгакова От ма р к с и з м а к и д е а л и з м у, где бывший легальный марксист отрекался от идеалов своей молодости, стала сенсацией. С. Булгакову еще повезло: его вышвырнули из этого самого дворца. А вот недавнему про- пагандистумарксизма Н. Бердяеву Борьба за иде а л и з м уже стоила трех лет вологодской ссылки. Ну а тем, которые **оставить**.

Прочитал уйму наших книг о Троцком — тысячи стра- ниц! — но так и не узнал его идей. Виртуозная, прямо- таки талантливая литература: сплошные потоки ругательств, но за что ругают, в чем суть троцкизма — остается за тек- стом. Да и откуда им знать? Разве кто-нибудь читал Троц- кого, запряганного так.. Когда-то в студенческие годы мы так же осуждали на собраниях своих преподавателей: надо было пригвоздить к позорному столбу, но так, чтобы сама ересь — дабы не повадно было — оставалась неведомой. Вот и сводится «содержательная частьң позиция Бронш- тейна к «политической беспринципностиң, «авантюризмуң, «пассивностиң, «пустому, левому фразерствуң, «эклeкцизмуң, «оппортунизмуң и т. д. в том же духе. Это — всѐ! Больше ничего не найи..

Начитаешься этой галиматъи и думаешь: ну и кретины эти наши профессиональные «оппортунистың, ну и редьки

же эти бывшие соратники по борьбе. И какой только швалью не окружал себя великий ББ?

Каждый раз, когда читаю наши опровержения, мне приходит на память реплика Герцена на статью Белинского, написанную в виде диалога с господином Б. Прочитав ее Герцену, Белинский спросил: — Ну что, как ты думаешь? — Да хорошо-то хорошо, отвечал Герцен, и видно, что ты очень умен, но только охота тебе с таким дураком мяться.

Сегодня молчит лишь тот, кто способен что-то сказать. Почему? Потому что по-настоящему молчишь не тогда, когда молчишь, а когда говоришь.

Вот мы и молчим, выливая океаны слов....

Вот уж воистину *bene qui latuit, bene vixit*: хорошо прожил тот, кто хорошо укрылся.

Привилегированный класс — дети... «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство...»

Смотрел наши детские приюты — видел... Но зачем приютские крайности? Только ли тучка, которая ночевала? Посмотрите, чем питаются эта «буржуица, Вглядитесь в зеленую синь лиц этой «элиты, когда ее затемно волокут в приюты ясель и садов... Загляните в истории болезней детских лечебниц, зайдите в сельские школы, изучите статистику детской смертности.

Временами я понимаю, почему у моего народа крепкий мат.

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ДЕТЬМИ И ДИССИДЕНТАМИ

Дайджест

Через восемь лет после того, как за использование психиатрии в политических целях нас исключили из Всемирной психиатрической ассоциации, и через два года после того, как нас там же условно восстановили, группа англ-

лийских врачей, осуществлявшая инспекцию детских домов, обнаружила «некоторое сходство между «лечением» политических диссидентов огромными дозами лекарств в 60- 70-х годах и применением таких же медикаментов для «лечения» сирот в детдомах и психиатрических лечебницах.

Психиатрический диагноз в СССР — почти приговор к пожизненному заключению: не пересматривается в течение всей жизни. Приговоренные дети автоматически направлялись в детдома для умственно отсталых. Хотя известно, что ряд болезней, умственная задержка, например, поддаются коррекции. На Западе после постановки диагноза «энцефалопатия» ребенок наблюдается до 10 лет, в течение которых диагноз может быть снят. У нас, если ребенок сирота или из неблагополучной семьи, первый диагноз заменяется на «олигофрения в стадии дебильности», благодаря условиям жизни в домах ребенка и детдомах способствуют деградации личности.

Диагнозы «энцефалопатия» и «олигофрения» ставятся в масштабах, вызывающих серьезное беспокойство. Проверки независимыми экспертами (польскими и английскими) показали, что от 36 до 70 процентов обследованных детей с диагнозами «дебильность» или «умственная неполноценность» были нормальными, а «констатированные нарушения» являются лишь следствием условий жизни в детдомах, интернатах или семье.

Во всех развитых странах задержка умственного развития относится к проблемам образования и смягчается чисто педагогическими методами. У нас ЭТО считается неизлечимой болезнью и лечится лекарствами и «стенотерапией». Если ребенку создать особые условия для развития, то с течением времени отставание ликвидируется. У нас это принципиально невозможно, потому что дети, страдающие умственной отсталостью, содержатся в изоляции, не общаются с нормальными сверстниками, их обучение ограничено 4 классами. Деградации помогает и лекарственная терапия. Широко используются психотропные препараты, например, аминазин, который во всем мире применяется для лечения шизофреников. Инъекции могут делаться насильственно. Используется запрещенный в 1990 году (а на Западе — в 30-х) сульфозин, несмотря на вредные побочные

действия: температура до сорока, сильная лихорадка, ломота во всем теле. Есть факты применения нейролептиков, которые активно используются в специализированных психбольницах для осужденных.

Так как лекарственные препараты используются в течение длительного времени в больших дозах, подобное «лечение» оказывает разрушающее влияние на нервную и эндокринную системы, печень.. Лекарства применяются как наказания за побег, плохую успеваемость, агрессивность, попытки протеста против режима. Это — конец..

Ненависть. И это слово говоря, относящий себя к гуманистам, кажущийся беспощадным в этой книге, но снисходительный и всепрощающий в жизни. Злоба, мстительность, ненависть, ярость омерзительны, и, тем не менее, — ненависть! Прекраснодушию нет места там, где подвергаются поруганию дети, где народы превращают в стада баранов, где шайки бандитов вершат судьбами миллионов, где великая народная боль выдается заневиданное счастье.

Здесь ненавидеть мало!

Габриэль Одицио в запальчивости написал Слово о ненависти, обращенное к оккупантам. Но ведь то захватчики. Как же тогда надо ненавидеть своих, которые заставляют страдать и озлобляться собственный народ, называя это благодеянием? Мне, очевидно, понятен гуманизм ненависти, проросший из страдания. В мире боли снисходительность лжива. Ахимса — приятная абстракция, но по отношению к насильнику она превращается в пособничество. Плюрализм невозможен без ненависти. Вот почему я принимаю ее!

С высоты разума, говорил Гёте, вся жизнь представляется злым недугом, а мир — сумасшедшим домом.

Да, амнезия — единственное спасение. Полная, бесповоротная, необратимая утрата памяти..

Как все это ужасно: миллионы и миллионы жизней — живых и мертвых — за «теоретические заблуждения» Плехановых, патологическое властолюбие Лениных, некрофи-

лию Сталиных, маразм Брежневых и Черненко... Где гарантии, что кошмар не повторится? Где спасительные защиты?

Ведь вся мировая культура предостерегала, вопила, била в набаты — и что? Мировая культура не могла постигнуть величие ленинских идей, все гении мира не могли — только «кухаркины дети». Даже сегодня, когда это «величие» проявилось, — «не могут поступиться принципами»...

С тех пор как мы объявили себя мерой и ценностью всех вещей, все вещи стали напоминать карикатуры на самих себя. Замечаю: все величайшие духовные ценности, побывав в наших руках, начинают издавать дурной запах.

Damn! Shit! Sanitation.

Оригинальный образ нового мироустройства: *от ничего к ничему.*

Если хотите, коммунизм — это обскурантизм. Или блаженный идиотизм.

Наставница. Наше счастье священо — так сказал Гэц. Мы счастливы не только ради себя, но и ради других. Мы свидетельствуем всем и перед всеми, что счастье возможно.

К а р л. Я вернусь в свою деревню и принесу эту радостную весть. Я знаю целые семьи, умирающие с голоду: им будет так приятно знать, что вы счастливы ради них.

Не успевали выходить из печати тома нашей позорной энциклопедии, как подписчикам уже слали инструкции, кого и как из них вырезать и кем заменить вчерашних героев. Здесь нет слова «любовь», зато подробно описаны половые органы, ничего не сказано о гуманизме, зато всё — о насилии, нет слова «человечество», зато бесчеловечность царит на каждой странице.

Разум, идеи справедливости и свободы, права человека — действительно величайшие враги деспотизма. Во-первых, того деспотизма, при котором эти слова зародились. Во-вторых, того, который от них родился.

Зачем еще и карикатуры при такой-то действительности?

Всё опробовать — во всем разочароваться. Если в природе действует этот принцип, то мы необходимы. Неясно только, почему к плюрализму надо обязательно идти через фанатизм.

Кто ложится спать с собаками, тот встает с блохами.

Со времен разгрома морганизма-вейсманизма мало что изменилось. Даже гонимые все те же — все те же эфроим-соны... Просто зверя загнали глубже, но суть — та же: гены — генами, а главное — среда и ранжир.

Так всегда случается: говорят о храме, а живут в сор-тире, да и здесь за свое очко готовы перегрызть глотку друг другу.

Мы — Панглось: прежде чем сесть на кол обязательно крикнем: «Всё к лучшему в этом лучшем из миров!»

Пусть только мои достойные Серапионовы братья пожелают, и я берусь сойти с ума на какой им будет угодно *ideefixe*.

В иступленном зазубривании прописных истин — смесь шаманства с неверием. Такова метаморфоза заклинания: сомнение нуждается в ежечасном самоуверении.

О, эти миллионы гениев мимикрии...

Странно: как мистик — так обаятельная личность, сама добродетель; как пессимист, идеалист, монархист — так поэт, романтик, гений. А как трубион — так пустозвон, скопец мысли, мычащий доктринер и шозист.

Прежде всего среди молодежи следует отметить группу, говорит П. Джувилер, «политических активистов». Это небольшое, но активное ядро молодежи, которое следует партийной линии и, вероятно, будет в будущем пополнять ряды политической элиты. Затем им отмечается группа «честолюбивых карьеристов», которые «составляют большую группу людей

и желают получить высокие посты всеми возможными идеологическими средствами,

П. Джувиер пользуется тем мерилom, которое с пещи фично для буржуазного общества. В нашем же обществе мотивы и цели поведения личности иные. Они обусловлены другими условиями, *исключают* развитие таких черт, как *индивидуализм, стремление к частному успеху*.

Иные... другими... исключают... Такова наша «на- ука», Такова наша критика «буржуазных теорий»...

От тряса рождался —
смех, От смеху того —
веселье Безбожно-
трясомых групп:
В младенчество впавших душ.

Воистину мы достигли вершины духа: право на существование имеет лишь коммунальность.

Йозеф Кнехт, покидая орден, был прав: наступит день, когда страна посмотрит на свою Касталию и ее культуру как «на роскошь, которую она уже не может себе позволить».

Коммунизм — это маска, которую волей-неволей приходится раз за разом снимать. «Полная и страшная свобода маски: личины не своего лица. Маска завораживающая и подчиняющая, обнадеживающая и лишаящая надежды, роскошная и ужасная, рождающая неистовую веру и абсолютное неверие.

– Вдох не тот!
– Ход не тот!
– Смех не тот!
– Свет не тот!

По повелению царей я уже пять лет живу в этой стране. Тебе известно, что царь — единственный из христианских государей, чьи интересы имеют общее с интересами Персии, потому что он такой же враг ту- рок, как и мы.

Он полный властелин над жизнью и имуществом своих подданных, которые все рабы за исключением четырех семейств.

Принимая во внимание ужасный климат России, трудно поверить, что изгнание из нее может служить карою, и, однако, когда какой-нибудь вельможа попадает в опалу, его ссылают в Сибирь.

У них отнюдь не персидская манера принимать гостей. Как только посторонний придет в дом, муж представляет ему свою жену; гость целует ее, и это считается вежливостью, оказанной мужу.

Хотя отцы невест при заключении брачного договора требуют обычно, чтобы муж не стегал жену плетью, тем не менее просто невозможно поверить, до чего россиянки любят, чтобы их били. Жена не верит, что сердце мужа принадлежит ей, если он ее не колотит. Вот письмо, которое одна россиянка написала своей матери: «Любезная матушка! Я самая несчастная женщина на свете; чего я только не делала, чтобы муж полюбил меня, а мне это так и не удалось. Вчера у меня была пропасть дел, и я ушла со двора на весь день, надеясь, что по возвращении он меня здорово отколотит, а он не сказал мне ни слова. Вот у сестры совсем не так: муж бьет ее всякий день; они крепко любят друг друга и живут в полном согласии».

Русским запрещено выезжать из своего государства, хотя бы для путешествия. Таким образом они сохранили древние обычаи и привержены к ним тем сильнее, чем и не предполагают, что могут быть другие.

Нельзя лечить человека против его воли. Может быть, он хочет страдать! Дело вовсе не в мазохизме или болезненных влечениях: чтобы быть здоровым, необходима — боль!

Мир стал скоморохом. (А был ли иным?). Мир стал скоморохом, но на улицах поубавилось смеха. Кто бы мог подумать, что «светлое и счастливое будущее» окажется таким беспросветным и мрачным настоящим?

Так легко обращать в свою веру других, так трудно обратиться самому себе.

Мы — оптимисты. Но оптимизм этот без человеческого лица, которое давно заменяет деревянная маска истукана.

Мы теперь как будто разочарованы во всем, нет ни новых религий, ни новых культов, ни новых орден — больше никаких начинаний.

Как и всегда, думание само по себе опасно, а думание опасных людей тем более опасно.

Социализм был своего рода протестом против буржуазного элитаризма и индивидуализма и, если учесть абсурд сверхчеловека, то протестом вполне оправданным. Но он, этот протест, был агрессивным и начисто лишённым одухотворения — того, который делает приемлемой любую точку зрения, даже самую одиозную. Это был грубый казарменный протест, готовый во имя идеи перемолоть весь мир — всех правых и неправых, чужих и своих. Между тем, есть множество других гуманистически ориентированных протестов; не противопоставляющих, а синтезирующих, не стремящихся к догме, а опирающихся на эволюцию. Таков, в частности, тейяровский «Феномен человека»; общественное целое не антипод личности, а ее полюс. В шарденовском осуждении обособления и отчуждения главенствует одухотворение: все отдельные личности, сохраняя исключительность и неповторимость, объединяются в сфере коллективного сознания. Для того, чтобы масса не стала самым жестоким угнетателем, она должна сосредоточиваться не на собственной безличности, а на личности каждого. Только личности, объединяясь, не уменьшают своих творческих сил, а, наоборот, умножают их. Протест против индивидуализма, разбивающего человеческое единство, здесь сливается с протестом против тоталитаризма, в состоянии которого человек перестает быть самим собой, становится чем-то преходящим, второстепенным. Вот — сокровенная причина нашей деградации. Тейяровская гармония единичного и общего — подлинно духовная гармония, отличающаяся от нашей внешней, навязанной, глупцей стоеросовости так, как отличается плотиновская духовность от прудоновской меркантильности. Воистину это живая, открытая, плодотворная духовность, которую Бергсон ставил выше формальной ясности. Тейяр полностью лишен антагонистичности, превращающей мир в поле брани. Он также признает

приоритет целого перед единичным, но это — страстная вера в ценность и возможность каждого человеческого усилия, благоговение перед личностью, живое сознание святости человека и Бога.

Положение, должность влияют на мировоззрение, внутреннюю жизнь духа куда больше, чем мы сами осознаем это. Образ мыслей по долгу службы становится уже неотличим от свободных убеждений. Отнимите у таких людей их положение — и вы отнимете у них веру. Вера как профессиональный долг. Не убеждения поддерживают положение, а положение — убеждения.

Социализм? Но не думаешь ли ты, что он может быть только у того народа, где проселочные дороги обсажены вишнями и вишни бывают целы?

Земля,
Окруженная проволочным
заграждением, Хотя и согревается
солнцем,
Но мечта в нее
Уже не попадает.

Как и всегда, как и везде, у нас сильному и богатому поклоняются, а слабого и бедного презирают, глупость предпочитают разуму, шутов в лицемеров награждают, а заслугу питают подаянием, разврат нежится на мягких пуховиках, а невинность томится в мрачных темницах.

Всяческая религия, стремясь к самоутверждению, ссылается на успех и процветание своих дел. Но, как заметил один мудрец, нет ничего опаснее: народ, привыкнув к столь соблазнительным доводам, легко может поколебаться в своей вере, случись что-либо противоположное этому успеху.

Вчера у Ивана Сусанина бронзовую руку отпилили и в кабак снесли, а сегодня?..

Диодор Диалектик умер во время ученого спора от жгучего стыда, не сумев отразить аргумента противника. Святые времена!

Почему столь живучи замки и процессы? Система сильна своей слабостью, своей небрежной вездесущно-

стью, своим всепроникающим отсутствием, своей ирреальной иррациональностью, пересиливающей любой реализм.

Молодой учитель Линь Чжэнь из рассказа китайского писателя Ван Мэна «Новичок в орготделец (этот рассказ обошелся автору в двадцать лет «трудового перевоспитания» в деревне), попав на работу в один из райкомов, страдает, вплотную столкнувшись с кадровыми партработниками, вчерашними героями и организаторами вооруженной борьбы с японцами и гоминьданом. Он не может понять, почему на мирной работе по строительству новой жизни они оказались циниками, лжецами, демагогами, самодурами, почему «светлыми» и «наполненными сокровенным смыслом» словами они оперируют так легко, словно «перебрасывают косточки на счетах», почему они так вяло, формально, недемократично ведут «домашнее хозяйство» партии, несмотря на то, что умеют великолепно объяснить, что это такое. Линь Чжэнь ответа на свой вопрос не находит, но читателю материал для ответа автор дает. Все дело в том, чем вынуждены заниматься вчерашние красные командиры и герои-подпольщики, в осуществлении какой задачи, спущенной сверху, они участвуют. Задача такая: механическим, кампанейским умножением числа членов партии, простым утолщением партийной прослойки на заводах не медленно поднять производство.

Идеальным общественным устройством является такое, где каждый имеет гарантированную возможность осуществить свое общественное назначение без сопряженных с этим анархии и уравниловки, которые страшнее любого общественного устройства.

Государство при социализме будет значить: столько-то часов работы в день *меньше*, на столько-то заработка в день *больше*.

Вот она, возжеленная мечта демиургов: работать поменьше, зарабатывать побольше. Мечта и приманка одновременно. Клятвы с давних пор были орудием тирании...

Парадокс эпохи конформизма: инакомыслящие — все.

Время не движется в Испании, скажет Ларра. У меня болит Испания, скажет Унамуно.

С ослаблением нужды приходят не раскрепощение и не счастье, а осознание личной зависимости и бессилие. А что думаете вы?

Мы очень печемся о защите нашего образа жизни, не задумываясь, стоит ли он того, чтобы его защищать.

Мы пытаемся распространить метод Прокруста на все сферы жизни, а затем удивляемся результатам.

Коммунизм — это само бескультурие. Ибо впитать культуру, жить ею и верить в убожество — невозможно. Можно, конечно, лгать, но это хуже невежества.

Слава богу, мы вошли в эпоху столь безграмотных и ленивых цензоров, что можем уже безнаказанно реабилитировать Киркегора, а завтра приступать к возведению Солловьева, Шестова и Бердяева в ранг великих философов нашей страны.

Отец нашего реализма говорил устами отрицательного героя: возбуждая в массах волю к власти, мы думаем, что возбуждаем энергию разума, тогда как на деле — только инстинкты: зависть, злобу, месть... Все люди — анархисты, и чем дальше, тем больше. Для безвластия еще не наступило время. Оно наступит не ранее, когда массы раздробятся на единиц, сознающих силу свою и право жить по законам духа своего. Несвоевременны размышления?

Один председатель колхоза говорил: «Сейчас у меня Звезда Героя, а мог бы получить и срок».

Важно, чтобы инструкции именно не соблюдались, что, впрочем, предусмотрено самими их разработчиками: следуя одной, обязательно нарушаешь другую. Это не страшно, пока ты с вышестоящими инстанциями в ладу, то есть делаешь все, что велют. А если засвоевольничал.

Это сегодня мы тщательно прячем остатки своего фанатизма, а еще совсем недавно молодость толкала нас на откровенность:

В великой социальной борьбе нужно быть фанатиками. Это значит: подавить беспощадно все, что идет от маленького зверущего сердца, от личного, ибо временно оно вредит, мешает борьбе, мешает победе. Все — в одном, — только тогда побеждают.

Нет, это не фюрер, это — наш идеолог...

Стоит ли после этого удивляться «железной когорте», уничтожившей себя своими же руками?.. — «Все — в одном»

ИЗ ПИСЕМ

Мучительно стыдно за наше жуткое прошлое, стыдно за равнодушие народа, молча смотревшего на смерть своих сограждан (а, может, и горячо одобрявшего), за палачей, возвращенных уже нашим гуманным строем.

ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Паспортная система была важнейшим орудием полицейского воздействия. Советское право не знает паспортной системы.

Коммунизм начался с ниспровержения династии, а кончился династическими структурами — «комплексами Чаушеску». О, это великолепия династий мерлоков... Василий Джугашвили, Б-вы, Чурбановы и толстые их жены...

Да: усталость от коммунизма растет.

А в Истории рядом кипит разум возмущенный, который из *n*-измерений бытия видит лишь одно — материальный уровень. Он не видит, а ненавидит. В этом тоже есть правда — но одна, а не вся. А в нашем сознании почему-то этот социально-политический горизонт существования выступил как узор-патор Всебытия. Ведь Жизнь тысячаслойна. Она и в

пахоте, и в дружеской пирушке, и в первом снеге, и в звуке Шопена, и «взор во взорц,.. Как собака, глу- пая и добрая, роскошь Бытия лезет-просится к лю- дям простодушно: ну услышь! Но люди в каком-то наваждении узкоглазом видят лишь далекую конеч- ную цель, а все реальность вокруг им закрывают колеса Истории. Лезут переделывать, передавливать Жизнь и природу, на которую у них и понятия, и слуха-тонет.

Ничто так не способствует душевному спокойствию, как полное отсутствие собственногомнения.

Заседания Верховного Совета — это спектакль по бу- мажке, свидетельствует его председатель. — Уж я-то знаю! Поправят тебя сто раз, пока напишешь выступление.

Мы читаем о самосожжениях туркменок, доведенных до отчаяния рабским существованием,о катастрофических масштабах детской смертности в азиатском регионе страны, об убогости жизни миллионов и миллионов,о массовых эпидемиях, о ведущей крождению уродов, массовым вы- кидышам дефолиации полей, вплотную подступающихк се- лам, о генофонде нации, деградирующем по дням и часам..

Жутковато читать, не правда ли? Налево — дет- ская смертность; тысячи загубленных детских душ, направо — миллионы тонн хлопка, «хлопковая неза- висимость», Что переянет? Конечно, хлопок.

А ведь, сукины дети, знали, как сохли, как пухли от голода дети в деревнях, но помещали статьи о колхозных яслях, где ребятешек кормят куриным бульоном с пирож- ками.

Зачем вы отравили воду
И сгрязью мой смешали
хлеб? Зачем последнюю
свободу
Вы превращаете в
вертеп? За то, что я не
издевалась
Над горькой гибелью
друзей? За то, что я верна

осталась Печальной родине
моей?

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ЭКСПЕРТОВ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

Срочная необходимость создания атомного оружия, несовершенство техники, отсутствие опыта, недостаток информации привели к тому, что значительная часть сотрудников предприятия «Маяк» получила высокие дозы облучения... 10 тысяч (!) работников предприятия получили профессиональные заболевания, четыре тысячи умерли от острой лучевой болезни.

СПРАВКА

Всего в окружающую среду было выброшено около 25 миллионов кюри радиоактивности. Радиация «опылила» более 626 тысяч квадратных километров. Более миллиарда кюри радиоактивных отходов скопилось в озерах, траншеях, хранилищах... Часть из них напрямую сливаются в реку Теча, в бассейне которой располагаются населенные пункты Муслимово, Кунашак, Метлино, в течение многих десятилетий подвергающихся радиационному воздействию. Количество радиоактивных отходов, сброшенных в реку Теча и озеро Карачай, в 50 раз превышает весь чернобыльский выброс. Внешнее облучение на берегу реки составляет около 700 микрорентген в час (при норме до 20 микрорентген).

«Когда душа потеряла свою тропку к Всевышнему, человеческую судьбу покинуло ее вечное начало. Потеряв ту живую нить, которая от Адама и Евы, пройдя через нас, уходила в бесконечность, мы свое существование сузили до рамок, обозначенных на могильных надгробиях, — родился тогда-то, умер тогда-то. Исчезновение духовного начала в жизни открыло путь материальной вакханалии, которой все мы отдали дань. И ничего удивительного в том, что судьбы наши оказались в руках воров и проходимцев. И вот после грехопадения, после бесконечных экспериментов, измотанный до последней степени народ, истощенная, отравленная ядохимикатами земля. Погибают леса и реки. Вместе с окружающей природой стала закатываться и наша звезда...»

Чего ждет раб? Пропало все

давно И мысль его ложится
проституткой В казенную постель.
Всё, всё равно Но иногда
становится такжутко...

Одно из преступлений коммунизма — разобщение людей, разобщение коммуналками, собраниями, лагерями, расстрелами, парализующим страхом, водкой, всем образом жизни. Мир не знал такого отчуждения...

Какой небесной чистоты должны быть идеалы, если ради них необходимо было уничтожить цвет нации, если на предложение «Партия требует от вас, как от большевика, чтобы вы признали себя английским шпионом», — немедленно следовал ответ: «Если партия требует, я признаю». Вот уж воистину для построения коммунизма прежде всего нужно было найти страну, которой не жалко...

Почему они убивали себя, даже не помышляя об уничтожении своего палача? Потому, отвечает сын репрессированного и крупнейший наш кафкавед, что этот нелюдь сливался в их сознании с их системой. Хороша должна быть система, с которой надо было обожествлять самого жестокого некрофила в человеческой истории...

Степь, да небо, да ветер дикий,
Да погибель, да скудный разврат.
Да. Я вижу, о Боже великий,
Существует великий ад.
Только он не там, не за гробом,
Он вот здесь сокрушает меня,
Обезумевшей выюги злоба
Горячей смолы и огня.

ДУХ, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ С ЧЕМ-НИБУДЬ
ПОКОНЧИТЬ РАЗ И НАВСЕГДА,
КОНЧАЕТ САМОУБИЙСТВОМ

Гамлеты в хаки стреляют без
колебаний.

Д. Джойс

Национальный, нет,
интернациональный
иммoralитэ в трехорганмах.

Д. Джойс

Наша здешняя литературная
яма имеет, конечно, уездный
масштаб. Но источаемая ею
вонь качественна та же, что и от
ямы всесоюзной.

А. Демидов

Нереализма не существует: существует разноглубинный реализм и множество его профанаций. Существует искусство и его мистификация, откровение и симуляция, человеческая правда и муляжи.

История культуры — два взаимосвязанных процесса: один — восхождение в человеческие глубины, второй — нисхождение к «вершинам» обезчеловечивания. Мировая линия, ведущая от древних трагиков, Аристофана и Лукиана к Шекспиру, Свифту и Джойсу, и траектория Руссо-Белинский-Чернышевский-Фадеев-Сурков. Разгребатели человеческих недр и корчеватели человеческой правды. Страстные борцы с ложью и оскотинивающие клеветы лжи.

Как там у Натали Саррот? — Искусство, напоминающее судебные приговоры, которому для подкрепления своих

поучений необходима полиция.

Литература как мерило благонадежности и как способ политической дискредитации.

ХИМЕРИЧЕСКИЙ
РЕАЛИЗМ, ИЛИ
БЛАЖЕННЫЙ
ИДИОТИЗМ

Was du verlachst wirst du noch dienen.

И. В. Гёте

Знаете, когда возникла идея социалистического реализма? — В начале XVI века. В диалоге Наугерий читаем:

Поэт подобен художнику, который не хочет изображать человека таким, каков он есть, со всеми его недостатками, а, созерцая всеобщую и совершеннейшую по своей красоте идею творца, показывает вещи такими, какими они должны быть.

Это — Фракасторо, 1483 — 1553.

Раньше говорили: усиление природы, ныне: типичный герой

Со времен Ивана Грозного литературе предписывалось во все большей мере отстаивать не просто ту или иную эстетику, но заданные верховным повелением моральные догмы и политические установки. Культура была что дышло — куда повернешь, туда и вышло. Даже национальный гений не уберется этой заданности-служивости, даже еретики и диссиденты, отвергающие догмы официальной церкви, противопоставляли им незыблемые еретические, даже либералы и демократы развивали указующую эстетику строгой необходимости.

Это наша беда. Это наша национальная черта — низвести все эстетические ценности до убогости, до акварельки, до примитивного назидания, каким не брезговали пользоваться даже наши величайшие писатели — Гоголь в *Взбрыках*, Толстой — в эссеистике пост-82-го года, Достоевский — в *Дневнике писателя*. Есть зловещий символ том, что, став на этот путь, двое из троих гигантов отреклись от литературы.

Да, это наше исконное: упростить, оглупить, отделить «чистых от нечистых — и разоблачить. Содержание неважно.

Наш метод столь универсален, что разбираться, в сущности, не нужно: чужой — значит враг. Упростили, писал Достоевский, стремятся не столько разоблачить в сложном явлении, сколько поскорее произнести приговор над ним, чтобы тоже поскорее успокоить себя и других.

Но из добрых чувств создается плохая литература, ибо литература — это боль, это крик, это вопль. Я слишком здоров: не могу писать, говорил имярек. А у нас никогда не было пессимистов, в самые глухие годы мрака у нас все кончалось хорошо: «Взошло солнце, и затенькала какая-то пичка. Религия приучала нас презирать плоть и печься только о высотах духа — это-то среди грязи и рабства, и литераторы наши «тетенькали об одном лишь добре, оправдании добра, добром конце, положительном герое.

Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Соловьев и Федотов, ласковые вы мои, миленькие, вы-то и создали этот мир: темный, издевательский, душный и безнадежный. Вы все Бога искали. Так вот: вы, вы-то, миленькие, голубчики, были одержимы неудержимым, страшным сатанизмом, вы-то и придумали все.

Россия с самого Александра Благословенного — это с точки зрения государственной — очень мягкая, гуманная и просвещенная страна, настолько мягкая, гуманная и просвещенная, что при тогдашнем уровне образования и культуры народа дальше и некуда. И вот сидели по углам какие-то гении и писали книжки. И вдруг, ни с того ни с сего шестьдесят миллионов людей «в корзину для бумаг. Это что же вы там написали такое??

От прошлого мы унаследовали контроль сверху и положительного героя внутри — цензуру и шаблон. Но если цензура естественна для государства, то диктатура крики и синдром мессианства — явления уникальные. После того как революционные демократы самозванно назначили себя блюстителями гражданственности и добродетели, захватив в свои руки нравственный контроль над литературой, даже наши величайшие титаны уже не могли проти-

востоять прессингу пафоса. Раздираемые амбивалентным противоречием между рефлекслирующей любовью к литературе и стремлением поставить ее на службу — народу, идее, «светлому будущему», — наши святые отцы создали схему положительного героя, ставшего архетипом химерического реализма и воспитавшего несколько поколений революцио- неров и фанатиков.

Вот мы ищем истоки свои в Гоголе, а, между тем, имен- но он, не подозревая собственной провиденциальности, го- ворил: много презренного и глупого в жизни... Конечно, для забвения можно писать одно-только прекрасное. Но стоит появиться какой-нибудь книге с горькой правдой, как все так называемые патриоты выбегут со всех углов: «Да хоро- шо ли выводить это на свет, провозглашать об этом». Туда же и мы: «Здесь нет просветляющей правды». Будто, прав- да — это то, что бело.

Отчего это произошло? Не потому ли, что она, Ли- тература, была всегда в нашей стране чрезмерно то- тальна, всепроникающе навязчива, служила, говоря словами Франка, одним из наименее поддающихся свержению кумиров. Пожалуй, выздоровление от нее связано с реабилитацией самой жизни, с восстано- влением в правах всех пяти чувств, не просто обострен- ных голодной и неуютной жизнью, но именно что амнистированных. Текст, в конечном итоге, всего лишь цитата, но любая трехмерная вещь пусть не оконча- тельное, но весомое подтверждение, что мир все-таки существует, — будь то чистая вода, приятный запах, свежий фрукт или устойчивая мебель. Оказалось, что не слово писателя, а именно шапка или шинель есть залог хоть какой-то устойчивости, и надо ли говорить, что прежде дело обстояло ровно наоборот.

Именно она, Литература, брала на подозрение лю- бой материальный объект, относительно которого воз- никло сомнение: не существует ли он без литератур- ной на то санкции? Не описанная в романе вещь не существовала. Цвет и штрих, звук и шорох, любая вещь, чувственно осязаемая и конкретная, но не по- лучившая идеологического оправдания и не прошед- шая школы литературной муштры, объявлялась вред- ной, а значит, несуществующей. Старая вера русской

интеллигенции в то, что жить надо как можно хуже, но лишь стремясь к идеалу, была именно верой литераторской, а тот факт, что идеалы носили весьма утилитарный характер, лишь облегчал литературную задачу их оформления. Как следствие, безусловное доверие вызывал сам ряд напечатанных типографским способом литер, составленных в слова, которыми был составлен текст, и само по себе это опосредование выступало как бы гарантом подлинного смысла. Подозрение вызывала чрезмерная, поскольку практически не нужная, отделка текста, чрезмерное изящество, композиционная слаженность — вспомним хоть, как травила Фета разночинная критика, и с концом дворянской литературы эти разночинные претензии к литературе были сняты, а с воцарением большевиков любой текст стал до конца утилизированным, лишь выиграв от этого в тотальности. Можно сказать, текстом стало всё — чувства, истина, патриотизм, вера в коммунизм и само существование мира. Отдельные книги лишь тиражировали его, а буквы заполнили все советское пространство, подменяя любые иные субстанции: они проникли в картины художников, стали архитектурными украшениями, подменили музыку в песнях и операх, даже пластика балета стала сводима к либретто, даже эротика превратилась в бесконечный диалог, и сам мир превратился в букварь, где, скажем, арбуз существовал лишь как иллюстрация для литеры «А», а словосочетание «мама мыла раму» приобрело какое-то чувственное и легкое очарование уютного идиотизма, как созерцание облаков дикарем или финал повести Гайдара «Чук и Гек». Социализм стал апофеозом тотальности российской словесности, как сам Советский Союз — российской государственности, и что ж теперь удивляться, что и то, и другое рухнуло в одночасье.

То и другое рухнуло в одночасье, ибо построено было не на жизни, не на истинных человеческих качествах, не на укорененной в жизни и человеческих качествах культуре, не на правде жизни и законах бытия, а на химерах... На химерах слов, на красотях речи, на словесных облаках, на высоких, но пустых звуках. Еще — на царских велениях

ях, указах, служивости, верноподданичестве в самом широком смысле слова, стыдливо скрывае­мом снова-таки за высокими словами о «службе отечеству».

Да, это литература, где даже смелость — по указке свыше. Свобода слова в намордниках, изредка рас­стегиваемых хозяевами. И еще: «литература на марше перестройки». Вы можете себе представить перестраивающихся Го­голя, Толстого, Достоевского, Чехова?.. [Да ведь если че­ловек способен перестроиться по приказу, то какой же он художник?]

Был печальный, а стал
печатный Стих.

Я строчку к нему
приписал. Я его от цензуры
спасал.

Был хороший, а стал
отличный Стих.

Я выбросил только слог.
Большим жертвовать я не смог.

НЕ — две буквы. Даже не
слово, Не — я снял. И все
готово.

Зачеркнешь, а потом клянeshь

Всех создателей алфавита.
А потом живешь
деловито, Сыго, мыго,
дуто живешь.

Лакирую
действительность —
Исправляю стихи.

Перечешь — удивительно
— И смирны и тихи.

И не только покорны
Всем законам страны
— Соответствуют
норме!
Расписанью верны!

На многих лицах нескрываема­я печать обреченности.
Это им придется прославлять «вож­дя и учителя», писать

романы о коллективизации, индустриализации, о советском характере, о новой национальной общности, стройках коммунизма. Им придется идти на постоянные компромиссы с совестью и истиной, надирать голос на фальшивых нотах, предавать товарищей и быть преданными самим. На многих из них

догматики и поддонки построят свою политическую карьеру. Их будут уничтожать полуграмотные идеологи, овладевшие, пожалуй, единственной наукой — выучкой идеологического садизма. Главное — загнать и сломить морально, в первую очередь — великих, а мелочь — раздуть до размеров классиков, внедрять их в народ, как картошку. И союз их приравнять к государственному предприятию с назначенным нами «директором», комиссаром, представительством НКВД, «Национальц пусть довольствуются ролью «бригады, управляемой из центра: немного бумаги, немного чернил — пусть пишут и издают свои, нужные нам, книжонки. Ну как? Даже царь Николашка не додумался до такого!

Моя Украина еще засыпала ямы с трупами умерших от апокалипсического искусственного голода восьми миллионов людей, а съезд принимал резолюцию...

«В СССР идет великий рост культуры и творчества народных масс. В странах капитализма — экономический хаос, распад культуры, упадок науки, разложение литературы господствующих классов».

Создателям нашего творческого союза надо отдать должное: почти все состоялось именно по их сценарию. В определенные времена союз санкционировал тюрьму или расстрел, в другие — организовывал педантичную травлю и исключение из своих рядов, оживал слишком строптивых, на несколько лет закрывал рот слишком шумным, подталкивал к эмиграции слишком инакомыслящих и не поддающихся конъюнктуре. В то же время образующиеся пустоты заполнял ушлой, агрессивной серостью, одаряя ее орденами, медалями, премиями, руководящими насестами, поездками в престижных делегациях, шикарными изданием, и даже похоронами по особому разряду — за верную службу. Но делалось это и для живых: видите, как мы чтим своих, послушных.

Еще агрессивнее срабатывала система республиканских писательских союзов против каждой яркой творческой личности. Часто они напоминали исполнительные секторы идеологического отдела местного ЦК партии, причем приказы исполнялись, как правило, «с походом, с лихвой».

На Украине один из секретарей ЦК как-то разоткровенничался: да мы таких, как Гончар, Загребельный, Павлычко, за год по десятку сделаем, если надо будет. «Сделатъ не змогли, а вот творчески умерщвлять — было, как убивали Василя Быкова и Бориса Харчука, Василя Шукшина и Григора Тютюнника, Иона Друзэ и Фазиля Искандера. Где, в какой стране так массированно травили самыхталантливых, причем делали это их же родные творческие союзы?»

Писательское дело Союза писателей строилось на подлости, цинизме, лжи, предательстве. Союз писателей играл функции доносительские, гебистские, фискальные. Секретарь Союза писателей писал Ежову доносы на Мандельштама, а с некоторых пор одним из его секретарей был генерал ГБ. Даже в момент организации своего позорного Союза писатели думали не об «организации творчества, а о дачах и подачках Великого Вождя. Леонов жаловался Сталину на то, сколько труда стоит получить дачу. И «щедрый отец народов» отвечал: «Вот вам дача Каменева осво-бодилась. Можетезаявить..»

«Культурная революция» всеми коммунистическими режимами использовалась для ликвидации старой интеллигенции и ее замены выдвиженцами-минигменами, «готовыми в любую минутку. Главным талантом стал талант не литературный, а исполнительский. Если к «исполнительской дисциплине» добавлялся «внутренний подъем» ермиловского толка, то есть подлость становилась велением души, то это был прямой путь в корифеи. Без подлости и лжи трудно стало пробиться в «писатели». Такова была плата за избранность, притом плата пропорциональная: больше подлости и лжи — больше наград. Талант мало значил, ценилась беспринципность. Писательская организация стала филиалом КГБ.

СОЛЖЕНИЦЫН — IV СЪЕЗДУ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Литература не может развиваться в категориях «пропустят — не пропустят», «об этом можно, об этом нельзя». Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тре-

вогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, — не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь косметики... Такая литература теряет доверие у собственного народа, и тиражи ее идут не в чтение, а в утиль-сырье... Я предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист.

СОЛЖЕНИЦЫН — СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

Протрите циферблаты! — ваши часы отстали от века. Откиньте дорогие тяжелые занавеси! — вы даже не подозреваете, что на дворе уже рассветает. Это не то глухое, мрачное, безысходное время, когда вы так же угодливо исключали Ахматову. И даже не то робкое, зябкое, когда с завываниями вы исключали Пастернака. Вам мало того позора? Вы хотите его ступить. Но близок час: каждый из вас будет искать, как выскрести свою подпись под сегодняшней резолюцией.

...Слепые поводыри слепых! Вы даже не замечаете, что бредете в сторону, противоположную той, которую объявили. В эту кризисную пору нашему тяжело больному обществу вы не способны предложить ничего конструктивного, ничего доброго, а только свою ненависть, а только держать ине пуцать...

Гласность, честная и полная гласность... Кто не хочет Отечеству гласности — тот не хочет очистить его от болезней; а загнать их внутрь, чтобы они гнили там.

Солженицын оказался прав: ныне маститым и знаменитым приходится шуровать по картотекам библиотек, воруя карточки собственных книг, уничтожая собственные статьи из старых газетных подшивок. Но «что написано пером — не вырубишь топором», тем более — бритвой.

Культ героики, положительный персонаж, казенный оптимизм, слащавое холуйство выгравляют человеческое, приучают ко лжи, учат лицемерию, воспитывают приспособленчество. Поддельные образы фабрикует фальсифицированных людей. Когда героика рождается не в мифе, не в

глубинах сознания свободного художника, а навязывается партией и вождями, когда поэт творит типичное из исключительного или несуществующего, когда героизм порожден не художественной необходимостью, а жизненным голово- тупством, когда талант и честность преследуют искусство- веды в штатском, стоит ли удивляться формированию хан- жеского сознания нации, атмосфере цинизма и неверия, утрате веры и идеалов, параличу культуры...

Реализм вообще устраивал нас до тех пор, пока был поверхностным. Но стоило чуть-чуть поднять кожу, про- никнуть скальпелем в нарыв или рану, как... Кисейные ба- рышни падали в обморок, мы — сквернословили, топали ногами, распинали, уничтожали...

Наше искусство не просто лгало, а широко пропаганди- ровало преступные идеи в гуманистической упаковке, ниче- го не говоря о возмездии. Шолоховыи Фадеевы, которые зна- ли ВСЁ, тем не менее п одним али целину и заклады- вали молодую гвардию, Этим обманом они содействовали еще большей деморализации и разрушению остатков человечности, стирая последние различия между ложью и правдой, героизмом и подлостью, жестокостью и милосердием. Все вокруг стояло по коленям крови, они сами дышали еее испарениями, и... пели гимны...

Щедрин говорил, что русская литература никогда не предавалась неправде сознательно, «напротив того, она по- стоянно обнаруживала в этом отношении похвальную брез- гливость». Не из нее ли, не из «похвальной-ли брезгливо- стия» выросла «высокая сознательность»?

Наступили времена, когда ложь в жизни и лите- ратуре насаждалась сознательно, культивировалась теоретически. Нас учили: если вы видите сто жалких колхозов и одно благополучное хозяйство, то типич- ным надо считать не сто хозяйств, а то одно, показа- тельнее.

Не потому ли чем страшнее становилась жизнь, тем «счастливее дышалось»? Не из Кубанских ли каза- ков — Новочеркасск и не из Молодой ли гвардии —

Вильнюс и Тбилиси? Не потому ли в стране «ничто не идет и всё происходит? Не потому ли у Анны Ахматовой писатель — «круглогодичный лжесвидетель? Не оттого ли у Арсения Тарковского эти страшные слова: «Я тот, кто жил во времена мои, но не был мной?»

Зачем мне красота,
любовь и дом
унылый, —
затем, чтобы молчать?
Нет, не молчать, а лгать.
Лгать и дрожать
ежеминутно. Лгать и
дрожать:
и вдруг — не так солгу?

Наша «светлая жизнь» с ее злобой, ненавистью, насильем, всенаплевательством — естественная реакция на такое «воспитание», все мы — растленные культурой лжи и насилия, пожинающие плоды «оптимистического обмана».

Запах лжи, почти неуследимый,
сладкой и святой, необходимой,
может быть, спасительной, но
лжи, может быть, полезительной,
нолжи, может быть, и нужной,
неизбежной, может быть,
хранящей рубежи
и способствующей росту ржи,
все едино — тошный и
кромешный запах лжи.

Искусство может и временами должно быть патетическим, но когда оно целиком превращается в такого рода **рвние**.

Доделывать ли дела?
С одной стороны, конечно,
как быть без цели конечной
— уничтожения зла.

Зато, с другой стороны,
при всех душевных высотах,
усилия наши равны
нолю или ноль нольсотых.

Усилия наши равны
тому прошлогоднему снегу,
что где-то остался для смеху
по милости дружной весны.

То, что говорил Салтыков-Щедрин сто лет назад, никогда не было так актуально, как в дни столь недавние:

Каким образом русский писатель приступит к созданию общественного романа, когда он на каждом шагу должен сдерживаться и фальшивить, когда он ежеминутно должен напоминать себе: туда не заглядывай, о том не можешь говорить...

Мы полагали, что лакирующим «реализмом», этой гнусной снедью для масс, нам удастся закрыть темную реальность, — нет, мы только умножили ее. Ибо даже наши конфликты, наши страдания, наша диалектика на поверку оказываются — нет, не жизнеутверждением — жизнеобогачением. К тому же трагедия человека не менее исконна,

чем его пафос, — без осознания этого правда невозможна.

Подлинный реализм — это не морализующая риторика, не доктринерство, не популистские пророчества, взывающие глухих к совести, подлинный реализм — это хромой бес Лесажу, снимающий крыши домов, чтобы показать студенту Клеофасу, что происходит на свете. Подлинный реализм — не газетное благоденствие и неумные песнопения, а подполье Достоевского, отчуждение Камю, нора Кафки.

Требование оптимизма — даже в трагическом (оптимистическая трагедия!) — ведет к парадной поверхностности, лицемерию, лжи. Жизнеутверждение неотрывно от жизнеотрицания, смерть от жизни, страдание и боль от счастья и радости.

Выделение и гипертрофия одной стороны антиномии превращает жизнь в подделку. Это — казенный, шинельный, «спущенный сверху оптимизм. Оптимистическую трагедию этого толка принимать всерьез нельзя, ибо в ней нет боли, душевных мук, выстраданности, сомнений — только голый, фанатичный, механический, бестрепетный героизм.

Героика — опасный материал для культуры. Она уместна у Гомера, романиков, трагических экзистенциалистов, но у революционеров и бунтарей почти всегда содержит примесь фальши. Даже у таких, как Жид или Мальро. Она фальшива, ибо несвободна, идеологична, лишена страдания. Есть лишь один вид героев — герои боли. Все остальные —

непогрешимые, целостные, бездумные — или фанатики, чуждые любви, или краснобаи, собирающие фиги с чертополоха, или клеветы очередной тирании.

Даже сочувствующие революции писатели, чьим лозунгом было: мысль, не завершившаяся действием, — предательство, — даже они требовали простора чистым размышлениям и упрекали революционный реализм в отсутствии попыток достичь глубины человеческих страстей.

А какая глубина при полной и тотальной бюрократизации искусств — вплоть до того, что писать и кому. Унифицированная тематика, унифицированный язык, унифицированный талант. И гениальное указание великого вождя: впредь писать, снимать, ставить на сцене — только шедевры.

Вот и снимали Кубанских казаков, издавали Кавалера золотой звезды, выставляли Праздник в колхозе.

Фанатики в кожаных куртках, новые Рахметовы, заполнили литературу, умножая себя безликими двойниками. Благодетельный, вдохновляющий пример победы духа, скажет Роман. Да, — фанатичного, экстремистского, утопического духа, обезчеловеченного героя, не имеющего иных качеств, кроме идеологических добродетелей. Мэтьюсон так и говорит: литература двух типов героев — новых и лишних людей. Новые — это мы, лишние — это люди.

Туберкулезная литература в состоянии эйфории... Поток рифмованной «боевой графомании».

Впрочем, так и должно быть:

Чрезмерная, гипертрофированная приверженность к внешней действительности — результат долгой голухи. Как только отпадет вопрос о хлебе насущном, насущным становится вкус, стиль, самоуглубление, мир эйфосов.

Весна человечества. Родина социализма в ее борьбе, в ее безостановочном движении вперед — это и есть прекрасное!

С этой эстетикой мы жили. 37-ой год — вот прекрасное! Коба — вот прекрасное! Ускорение застоя — вот прекрасное! Авторитарность перестройки — вот прекрасное! Литературные фельдфебели, выстраивающие писателей в шеренги: шаг влево, шаг вправо..

Идея общественной активности художника и его слияния с массой мало отличается от его изоляции от общества. Подлинная же автономия — это автономия, доказываемая критикой состояния общества, — только так художник может сопротивляться силам, индустриализующим сознание

Искусство не направляет, не рассуждает, не зовет — искусство показывает. Каждый великий художник воспроизводит невероятное и немислимое — свою вселенную. А звать за собой — дело не художника, а фюрера. Читайте речи бесноватого, смотрите Обыкновенный фашизм.

Кассирер говорил: искусство — не имитация, а открытие реальности. Художник не подражает и не отражает, а творит и открывает новую реальность. Каждое произведение великого искусства — новая реальность. Искусство не зеркало и не увеличительное стекло, но путь в иные миры — Бодлера, Джойса, Малларме, Шенберга, Дали, Шагала, Врубеля, Платонова, Введенского, Хармса.

Но даже и без идеологизации применение теории отражения к искусству стирает грань между творчеством и наукой, служит рационализации, натурализму, обедняет палитру выразительных средств, связывает фантазию художника, лишает искусство «пророческой миссии». Да, искусство отражает, но только одно — глубины духа. Отсюда его провиденциальность.

Социальный смысл художественного творчества — не в отражении, а в углублении. В духовном постижении существностей и эйдосов, в их целостности и множественности.

Уже сказано: нереалистического искусства нет, есть искусство и не-искусство. А вот самое реалистическое —

отражение духовных глубин человека, его мифологической сущности, его магических первооснов, его величия, немелости, абсурда. Высочайший реализм — это модернизм!

Значение искусства не в том, как оно отражает, а — как ставит диагноз, как предсказывает, как глубоко видит. Обладая способностью проникать в сокровенные сферы психики, художник является индикатором общественного. Искусство — не отражение, а мироощущение, мироотношение. Оно отражает более важное, чем мир или цель, — душу и боль

Без акта сотворения объект не воспринимается как произведение искусства. Самое реалистическое искусство — это, в гораздо большей степени, чем отражение, — отбор, упрощение, ступение, прояснение, затемнение, абстрагирование. Художник не воссоздает вещь, он воссоздает свой внутренний мир, еепреломивший.

Искусство и интуиция — одно. И общественная функция художника не в примитивном служении, а в уникальной способности материализовать интуитивную жизнь наиболее глубоких уровней психики — уровней по-своему коллективных, по-юнгиански архетипических, всечеловечных.

Замечено: высокомерие, чванство куда чаще результат бескультуры, чем мощи духа. Возьмем все наши износившиеся штампы: «имярек не понял, не дорос, не осознал», «горе-мыслитель», «неклассовая позиция», «идейная ограниченность», — весь этот джентльменский набор «идеалист, декадент, предатель, ревизионист, реакционер» — сколько человеческих жизней изничтожено нами с помощью этих дебильных заклинаний?

Стоит посмотреть хронологию «чистки» нашей литературы от скверны — запрет лично Ильиным Н о в о й ж и - з н и и других изданий, затем распашку двадцатых, тридцатых, сороковых, пятидесятых, семидесятых, нашего времени — и все станет ясным: научились! Подковались! И мышь не могла прошмыгнуть сквозь ряды колючей проволоки, ограждающие великоеискусство.

Пенитенциарная система лагерей и искусств...

Социалистический реализм как творческий метод является единственной в нынешнем столетии нормативной литературной теорией, требующей от писателя учитывать определенные твердо установленные политические, социальные, нравственные и философские ценности.

Е. Можейко

Хотя эстетика — наименее разработанное отцами-основателями звено великого учения, и здесь ими внесен «ошеломляющий вклад»: теория отражения, принципы партийности и идейности, концепция типичности.

Трудно сказать, кого он ошеломил, но вот искусство огулишил основательной надолго. Лефевр не прав, утверждая, что в марксизме не заключено никакого эстетического содержания. Ого! Вклад не просто ошеломляющий или огулишающий — разрушающий. Разрушающий искусство. Ибо все, что декретирует принципиально недекретируемое, смертельно.

Да, это наиболее государственная и партийная из когда-либо существовавших литератур, включая и фашистскую, литература, ставшая на службу не человечности, а государственности и партийности.

Партия навязала всем писателям художественное кредо — химерический реализм, который требует, чтобы писатель изображал реальность не так, как он ее видит, а так, как он ее понимает; и от него ждут, что он ее понимает с точки зрения партийности, то есть так, как понимает партия.

Искусство как глубоко замаскированный политический трактат.

Искусство как иллюстрация политических догматов и лозунгов.

Искусство как интеллектуальный террор, интеллектуальный

Литература барабанов или тавр.

Литература кличей: этого возвысить, этому задать перцу. Сегодня — писать это, завтра — то. Потрафишь — получишь, не потрафишь — тоже, коленкой под зад. А в промежутках — кающийсясятат...

Сам метод — результат абрютярующей, по нашему — оскотинивающей, идеологизации всех сфер жизни. Результат, может быть, и закономерный для толп и масс, но противоречащий самой природе творчества личностей. Ибо творчество несовместимо с идеологией, которая ограничивает свободу, регламентирует, унифицирует, подавляет индивидуальность художника.

Это — политическая теория искусства, набрасывающая сеть на поэтику. Это — средство управления художниками, способ их контроля и искореживания: купюрами, запретами, физическим уничтожением, внутренней цензурой.

Даже премии, звания, награды коммунисты преврали в средства управления культурой...

До чего должно было дойти дело, чтобы не просто сделать музыку партийной, но еще социально-экономически очемоданить ее, как это сделано в Социально-экономических основах музыки и некого Чемоданова.

Обосновывая необходимость лжи в искусстве, наш первопроходец, повторяя Аристофана и Аристотеля, писал:

Кроме огромных недостатков в людях живут маленькие достоинства, выработанные человеком в себе самом медленно, с великими страданиями, — эти достоинства необходимо — иногда — прикрасить, преувеличить, чтобы тем поднять их значение, расцветить красоту ростков добра, которые — будем верить! — со временем разрастутся пышно и ярко!

Может быть, поэтому приходится так бдительно охранять свои рубежи?

Когда красоту эксплуатируют как средство существования,

это имеет свое название... Если же проституцией

занимаются из идейных соображений, это, товарищи жиго-ло, уже фашизм, обыкновенный фашизм...

Марксизм и творчество несовместимы: марксизм убивает в человеке художника, марксизм — самая враждебная художественному творчеству теория.

Социалистический реализм как литературный эквивалент генеральной линии партии. Отсюда — проповедь классовой борьбы, ненависть, разрушение — традиций и новых, восторженное невежество, буйный расцвет бескультурья, селекция серости.

Партийность писателя — это тоже правда. Маленькая, хитрая, доходная правдочка военнослужащих отискусств.

Литература как тренируемая споровкалгать.

В древности главная польза мудрости состояла в научении говорить свободно, в наше время — как требуют.

Платоновские филодексы. Кто такие филодексы? — Это те, что обо всем мнят, не зная того, о чем имеют мнение. Мудрость любит то, что знает, глупость — то, что за нее придумывают.

Мы вновь возродили нормативность искусства и довели догматизм до абсурда классовости, идейности, обезлички. Вот ведь как: искусство как воинская повинность, культура как осадное положение: кто не с нами, тот против нас. Вездевраги.

...люди годами лишались права выбирать искусство по своему вкусу, художники должны были «поправлять» себя, подстраиваясь под официальные образцы мышления, чуждую концепцию.

Тот, кто принимал участие в художественной жизни, либо был бит, либо бил сам.

Все свежее, что появлялось — хотя и с трудом — в творчестве художников молодых поколений, попадало под тяжелую державную пятау верховного художественного учреждения.

Не кто иной, как президент академии Вл. Серов явился активным участником и едва ли не вдохновителем того разгрома, который был учинен в 1963 году на выставке 30-летия МОСХ'а. Мы помним, каким гонениям подвергались тогда П. Никонов, Н. Андронов, А. Васнецов и многие другие, как вновь густая тень легла на творчество А. Древиной, Р. Фалька, Д. Штеренберга... Академия боролась за унификацию творческого почерка, за успокоение ретивых и горячих, за полное забвение тех, кто «сбивал живопись с «правильных ног».

Цель — отбить с помощью лозунгов и цитат всякие попытки возродить забытые традиции или искать новые.

Закостенелый догматизм, отказ от эксперимента, от новых форм, от глубины, политизация, прислужничество, engage — вот суть «самого передового и прогрессивного искусства». Художник низведен до уровня иллюстратора идей, форма и стиль рассчитаны на быдло. Вместо гуманизма, духовности, любви — классовая борьба, ненависть, практичность. Плюс карьеризм и лизоблюдство служивого люда, пером пробивающегося в привилегированный клан

«слуг народа». А вы спрашиваете: откуда эти ограниченность, тенденциозность, постоянная деградация творчества?

Провидя результаты, Хаксли писал: «Мы пожертвовали высоким искусством. Вместо него у нас ощущение».

Еще раньше это провидел Достоевский. Когда он писал стихи капитана Лебядкина, он намекал на то, что ждет культуру. Вот вы, а вот ваше искусство, говорил он. — Таким оно будет, если вы победите.

Таким оно стало..

Методом «культурной революции» стала площадная брань. Сторонники «культурной революции» с полной безнаказанностью расправлялись с творческой интеллигенцией и партийным активом. Нельзя сказать,

что не было попыток переманить людей на свою сторону.

Так Го Мо жо выступил с унижительной речью,

в которой заявил о готовности сжечь все созданное им за всю жизнь и начать сначала — с изучения «идей Председателя Мао». Нет такого цинизма и лести, до которых бы он не унизился в угождении перед Мао.

«Если мне нужно вывалиться в грязи, я охотно поступлю так», — заявил он всерьез.

В условиях «культурной революции — террора, насилия, ожесточенной борьбы за власть — культурная жизнь сошла на нет. Прекратился выход литературных журналов и новых книг — бумага пошла на издание многомиллионными тиражами сочинений Мао. Были разгромлены книжные магазины, сняты из проката кинофильмы прошлых лет, репертуар театров сократился до восьми «революционных пьес, уцелевших благодаря причастию Цзян Цин к их созданию. Зимой 1966 — 1967 годов центральная пресса, полностью поставленная под контроль сторонников Мао, перешла к публикации хунвейбиновских материалов об осужденных деятелях китайской культуры. Так стали известны обвинения, предъявленные Тину, Чжао Шу-ли, Хуа Цзюнь-у и многим другим.

Со второй половины 1966 года уже не печатались литературные произведения.

В самом словосочетании «искусство революции» Камю видел несовместимость. О каком реализме, о какой типичности можно говорить, когда факты отбирают у будущего, у того, чего нет, когда желательное принимается за действительное, а действительное замалчивается? Так агитируют, а не творят.

Истинный объект социалистического реализма — как раз то, что не имеет реальности.

В конце концов это искусство становится социалистическим как раз в той мере, в какой перестает быть реалистическим.

Кстати, требование правдивости, которым кичится реализм, тоже вступает в неразрешимое противоречие с требованием типичности — соответствия заданным эталонам. Это даже не мифический реализм, ибо миф — это и

есть сокровенная правда, а именно химерический: творя- щий химеры.

Вспоминаются схоластические споры Скрыги и Роско- ши о преимуществах этих пороков и их значении в развра- щении человечества...

Да: было и такое требование-заклинание: писать правду. Не будем говорить о истрепанности этого простигуирован- нейшего из слов, не будем говорить о мириадах несостояв- шихся правд, не будем говорить об оскверненных святынях — оставим нашу «правду» потомкам: они как-нибудь разберут- ся. В сущности, кроме нее, нам нечего и оставить: всеосталь- ное разрушено. Уникальный феномен: везде одна только «правдан, а вклад советской литературы в сокровищницу мировой культуры — стгулькиннос...пшик..

Большое искусство, говорили мы, живет обобщением, целостностью, воплощает в образе то «единство во множе- ственности», которое составляет важнейший принцип реал- истической эстетики. Декадентское искусство, напротив, раздробляет, хаотизирует, лишает мир всякого закона. В каждой мимолетности вижу я миры, пишет Бальмонт. По- этому столь характерны для декадентского искусства «оча- рования отраженных культурн, всеядно-эстетское, безраз- борчивое отношение к истории, преувеличенное внимание к детали без стремления охватить целое. Не будем вступать с вами в споры, товарищи орловы, тем более, что это беспо- лезно. Нас удовлетворяет то, что ваши служивые книги, полные умалчиваний, искажений, извращений, лучшелю- бых дискуссий и доказательств характеризуют эти «целост- ности и единство, этот реализм, эту правду.

Когда кончилась война, Томас Манн сказал: Опустив- шись до жалкого уровня черни, до уровня бесноватого, романтизм выродился в истерическое варварство, в безумие расизма и жажду убийства. Высшее преступление искусст- ва — потакать черни, солдатне. Когда Вагнер отдается на растерзание офицерью, а миф — ландскнехтам, искусство исчезает. Таковзакон..

Популизм — дряхлое дитя, хилый отпрыск последних реалистов.

Поднадзорность искусства — наша национальная традиция.

Почему наша и национальная? Разве самая демократическая страна не имела Короля-солнца, или Наполеона, или Луи-Филиппа, принимающего довольно крутые меры против обличительных тенденций в литературе? Разве не было Мольера, Ишполита Бабу, Флобера, Бодлера, Золя? Разве в античные времена не были осуждены Еврипид, Сократ, Аполлодор?

И все же наша национальная традиция бесподобна и беспримерна.

Салтыков-Щедрин: «...наше общество до того развилось и умудрилось, что уже не руководится литературой, но, наоборот, литература находится у него под надзором. Завелись соглядатаи, наблюдатели, руководители и вдохновители, но более всего развелось равнодушных, которых нельзя подкупить даже талантливостью и в глазах которых литература есть одна из тех прискорбных и жалких потребностей, которые, подобно домам терпимости, допускаются в обществе как необходимое зло. Нынче на литературном рынке оказывается так много продающих, что прежние высоты превращаются в низменности, а бывший горделивый монополист мысли все больше приобретает отличительные качества зайца.

Сколько умолкло, сколько поникло головами! Сколько, напротив того, выползло на свет божий таких, которые и не надеялись когда-нибудь покинуть те темные норы, в которых они бессильно злоумышляли!

И в другом месте: «Куда исчезли таланты? — Приведены к одному знаменателю. — Куда девалась бодрая и смелая русская мысль? — Приведена, к одному знаменателю. — Куда скрылось живое, образное русское слово? — Приведено к одному знаменателю! И что за прелестное, для всех одинаково ясное выражение! С какою простотою оно устраняет все возражения, разъясняет все сомнения!

И далее: «Я — русский литератор, и потому имею две рабские привычки: во-первых, писать иносказательно и, во-вторых, трепетать».

Привычке писать иносказательно я обязан цензурному ведомству. Оно до такой степени терзало русскую литературу, как будто покаялось стереть ее с лица земли. Она и сама преисполнилась рабым духом и заразила тем же духом читателей.

Да наш читатель добр; он уж давно привык,
Чтобы язык родной, чтоб Пушкина
язык Звучал так подло и так пошло...

Лесков: «Теперь в литературной среде появляются молчаливые люди, не обнаруживающие ни огня, ни страстности к каким бы то ни было идеям, но они пишут гладко и покладливо в какую угодно сторону. Их, к сожалению, уже много и, может быть, скоро их будет еще больше».

В том, что мы стали первыми жителями Утопии, нет случайности: вся наша культура вела к ней, экстремизм — наша национальная черта. Это сказал не я — это сказал Федор Михайлович Достоевский. А сказал он так: «Нас не любят в Европе, нас обвиняют, что мы все, почти поголовно, страшные либералы, мало того — революционеры и всегда, с какой-то даже любовью, склонны примкнуть скорее к разрушительным, чем к консервативным элементам Европы».

И не только в разрушительности дело. Наша культура — даже в лице лучших ее представителей — суть культура нигилистов. Почитайте-ка, что пишут величайшие наши писатели о литературе: да ведь это сплошное взаимное отрицание, взаимная нетерпимость друг к другу. Смотрите, что пишет тот же Щедрин о величайшем из современников: экскрементально-человеческая комедия! производитель экскрементов! псевдорелизизм! скучно, назойливо, бездарно! Даже Достоевский, глубже, чем кто-либо проникший в душу человека, Достоевский, проклявший хрустальный дворец, — отрицает Запад, громит жидов — куда там черные сотни — и видит грядущий Сад, всечеловечность и зерно будущего — в родном хлеву. При этом «Константинополь будет наш!»

«Зерна будущего прорастали в нашей культуре и когда мы отрицали друг друга, возводя хулу за хулой, и когда дружно ополчались против «искусства для искусства», и когда требовали от искусства одной только пользы, и когда протестовали против Гонкуров, Бодлера и Золя, и когда возмущались Вагнером, и когда глумились над балеринами с задранной ножкой и обнаженной женщиной на картинах. Как будто обнаженное тело не истина и не добро...

Я совершенно не понимаю принципа «искусство для искусства»; нет, искусство должно приносить пользу, — только тогда оно и имеет определенный смысл. Искусства рисовать обнаженных женщин я не признаю.. Точно так же и в литературе: раз при помощи ее нельзя служить истине и добру — нечего и писать, надо бросить это занятие.

Когда прогремит фашизм и немецкая интеллигенция задумается, откуда он в стране высокой интеллектуальной культуры, она тоже обнаружит, что корни его — в самой этой культуре.

Там, где каждый деятель культуры вызывает к одной-единственной — своей! — истине, громя все остальные, к универсальной, наигуманнейшей и светлейшей истине, там — быть тоталитаризму!

СВИДЕТЕЛЬ — БИБИКОВ

Гаршин отрицал отстаиваемую мною формулу «искусства для искусства», и когда я в свою защиту приводил между прочими доводами слова Пушкина, что «цель поэзии — поэзия», Гаршин возражал, что говорить так мог только один Пушкин, цельная художественная натура которого ни в одном из стремлений своих не могла сделать ошибки, а когда я ссылаясь на любимцев Гаршина — Флора и Мерима, то он отвечал мне пушкинским стихом: «Что нужно Лондону, то рано для Москвы», и заключал спор убеждением, что в России может иметь успех и право на существование писатель-учитель, вечно стремящийся к идеалам правды, добра и красоты и будящий то же чувство в своих читателях.

Добудились...

Парадокс абсурда в том и состоит, что там, где все — учителя правды, добра и красоты, не желающие слушать друг друга, там — ложь, зло и уродство.

Еще из Достоевского:

...все же отрицатель — гунн, варвар, татарин — отрицал не во имя чего-нибудь высшего, а во имя того, что сам был до того низок, что даже и в два века не мог разглядеть европейскую высоту.

Лучше не скажешь... Лучше Федора Михайловича вообще сказать трудно.

КРУШЕНИЕ АБСТРАКЦИЙ

Дайджест

Я сомневаюсь, что есть люди, которые веруют в социалистический реализм, как верует, скажем, герой Андрея Платонова в Розу Люксембург. Он этой Розы в глаза не видел, но она для него дороже всего на свете, дороже всех женщин и всех людей, и он — будучи от природы добрым человеком — готов истребить пол-России, а заодно и себя, лишь бы восторжествовала «идея Розы», так как сама Роза покоится в могиле.

Но и он, правоверный марксист, не может верить в идею отвлеченно, ему нужен образ, нужно живое существо, которое очеловечивало эту идею, которое можно было бы любить, потому что любить идею, теорию нельзя.

Всякий раз, когда речь заходит о социализме, Копенкин (так зовут героя А. Платонова) вынимает зашитый в шапку портрет Розы и смотрит на него, вдохновляясь и укрепляя свою веру. Но какой осязаемый образ, доказывающий телесность, вещественность «самого передового метода», могут поставить перед собой поклонники соцреализма, становясь на очередную молитву? У них нет его, и им остается любить саму идею, саму теорию.

Так поступают авторы учебника «Русская советская литература», изданного, уже в новое время, в 1987 году. Они не находят ничего лучшего как учить школьников абстрактной любви к партии, к партийности в литературе и тому же самому социалистическому реализму, который для еще детского сознания во сто крат отвлеченней, потусторонней, чем Роза Люксембург для Копенкина, потому что у Розы Люксембург хоть есть портрет, есть лицо, а эти понятия ни в какие живые формы не облечешь. На форзац учебника вынесены известные слова М. Шолохова: «...каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством». Прочитав это, школьник должен проникнуться мыслью, что высшая святость для писателя вовсе не истина: что партия стоит даже выше народа, не говоря уж об иных привязанностях, которые может питать человек.

Сердце человека может принадлежать женщине, другу, отцу, матери, но не партии. Можно любить родину, дом, который населен любимыми тобою людьми, но нельзя любить организацию, будь то партия, профсоюз, Совет Министров или ООН.

Сейчас нет культа Сталина, но есть культ партии. Партия, как и воплощаемая ею идея, всегда права. Делегаты партии иногда ошибаются, партия — никогда. Поэтому литература лишь тогда может считаться литературой, когда она, как пишут в учебнике для 10-го класса, «верна партии».

Что это как не новое идолопоклонство, только не персонифицированное, а коллективизированное?

Культ партии переносится и на Ленина. «В. И. Ленин, — говорится в том же учебнике, — одобрял Толстого. Если бы Ленин прочитал такое, он бы, наверное, рассмеялся. Ленин «одобряет Толстого! Как какой-нибудь начальник — своего подчиненного, как секретарь райкома — инструктора отдела культуры!»

Все, что написал Ленин, превращается в «учениц, в заповедь, в инструкцию для исполнения. Написал Ленин, что в одной культуре могут быть две культуры — прогрессивная и непрогрессивная, и русскую культуру разделили, разрубили пополам. Высказал в статьях о Толстом пред-

положение, что идеи художника могут расходиться, и родилась теория о двух Толстых: один из них за революцию, другой против нее.

Вот только о социалистическом реализме Ленин ничего не написал. Не успел. Это уже творение Сталина, эпохи 30-х годов. Именно тогда был изобретен этот теоретический фантом, который царствовал над литературой пятьдесят лет. Полвека тешился он над нашей словесностью, отделяя «чистых» от «нечистых», награждая одних и отлучая других. И только сейчас все увидели, что это Крошка Цахес, который утонул в собственном горшке.

Где сейчас книги лауреатов и депутатов, верных оруженосцев абстракции, которая оказалась «передовой» только в том смысле, что первой упала в яму истории?

Для заказной литературы та идеология, которой она служит, незлыблема. Она склонна наделять ее вечной жизнью, как наделяли ею древние греки своих богов. Эта литература — льстит ли она государю или государству, монархии или диктатуре пролетариата — не может не обожествлять своего заказчика, ибо его бессмертие — залог ее спасения в потомстве.

Добавлю, что эта литература и на сей день составляет львиную долю печатной продукции, что, несмотря на появление массовых изданий Булгакова и Платонова, В. Гроссмана и К. Воробьева, ее тиражи, ее неколебимая верноподданность, звания, которыми увенчаны ее творцы, — все дает ей основания заявлять, что она существует не сама по себе, а представляет интересы общества и народа.

Меж тем она представляет интересы или определенного социального слоя, или ведомства, которые диктуют ей тематику, границы конфликта и саму идею. В России никогда не было ведомственной литературы, работающей, например, на жандармское управление или на министерство иностранных дел, на армию, на военно-морской флот, на сенат или синод.

Сейчас такая литература есть. Она обслуживает или госбезопасность или внешнеполитические институты, или сроснувшаяся с бюрократией творческую интеллигенцию, или генералитет, или МУР, или космос, или комсомол.

Во всех этих отраслях имеются свои поэты и прозаики, авторы многотомных романов и тоненьких повестей. Один трудится на официальную историографию и подает исторические факты так, как они должны быть поданы при современной конъюнктуре, другой специализируется на героях-чекистах, третий — на пламенных революционерах, четвертый — на деятелях аппарата.

И каждая отрасль поддерживает такую литературу, материально и морально поощряет ее, делая призыв в ряды ведомственных гениев несменяемым, перманентным.

Идея принизилась, она слишком срослась с выгодой, о чем и не помышляла литература пионеров социалистического реализма (не помышляла ли?). Они, как и герои «Чевенгу-ра», почти ничего не желали для себя. (Алексеи Толстые — не желали?) и все несли на алтарь идеи, в то время как в наши дни цинизм, проникший на страницы романов и эпопей, достиг такой степени, что от прежних жертвоприношений(?) не осталось следа.

Возьмите дневники К. Симонова, опубликованные в «Знамени», — и «в стол» К. Симонов не способен писать в с.э. и для «стола» он дипломатничает, боится признать ужас — ужасом, боится себя.

Больше всего поразили меня сцены, когда Симонов, Фадеев и другие вместе со Сталиным и его присными обсуждают кандидатуры на присуждение Сталинских премий. Симонов всерьез относится к этим собраниям, высказывая догадку, что Сталину нужны были подобные встречи, чтобы хотя бы так общаться с «интеллигенцией». Он называет этих людей (и себя) интеллигентами, не подозревая, что слово это звучит кощунственно, ибо какие же вы интеллигенты, когда занимаетесь таким делом. Интеллигент А. Платонов, который в это время нищенствует, не желая уступить своей свободы, интеллигенты Зощенко и Ахматова, бичуемые, но остающиеся самими собой, а не вы, что в одной компании с палачами решаете, кому повесить медаль на грудь, кому нет.

Эта слепота в отношении себя — слепота несвободы. Это катаракта, которую только сильные могут содрать со своих глаз. Да и то при условии, что она вообще может покрыть глаза сильных. Крупный талант не слепнет, я не знаю при-

мера, чтоб он сломался, стал петь не свою песню, — могли быть минуты слабости, но родовая черта таланта не слабость, а сила.

Загоды долголетнего правления государственной литературы (назовем ее так), государственного заказного реализма были взорваны пласты культуры, был утрачен опыт духовного мышления, опыт духовного развития. Строились фабрики и заводы (а литература воспевала их), возводились плотины, менялось, что называется, лицо земли, но дух стоял на месте, он упирался лбом в конечную истину. Культура отныне выращивалась, как лысенковская пшеница, — ее насаждали, навязывали, в нее производились инъекции «передовых идей». Культуру заменили всеобщей грамотностью, в то время как культура не сумма знаний, а порыв к свету.

Куда девались лесковские странники, великие юродивые — князья мышкины, где мученики и святые, заступники народа, толстовские философы, чеховские врачи, булгаковские интеллигенты? Этих людей чести и совести заменили функции и машины, производящие материальную энергию, знающие только механический труд, механическое преобразование жизни. Сталевары у домен, академики, Герои Труда, секретари обкомов, маршалы и генералы (если речь идет о войне) — все они не «отдельные, люди», как говорил Чехов, а некая плазма всеобщей стерлости, где дух и не ночевал.

Я не верю в интеллигенцию, я верю в отдельных людей — писал Чехов. Этих отдельных людей почти не было в заказной литературе.

С расцветом «политического романа» на страницы прозы хлынули дипломаты, генералы КГБ, политические обозреватели, чины МИДа, генштабисты и члены Политбюро. А где же традиционный русский герой — герой-идеалист? Где искание смысла жизни? Где смерть и бессмертие? Бог и черт?

У государственной литературы нет духовных ответов, ее идеал заимствован из арсенала политики, а не из сферы духа.

Возьмите «идейных людей» литературы наших дней и идейных людей того же А. Платонова. У Платонова это заложники идеи, они, как странствующие рыцари, покля-

лись служить только одной даме и эта дама — Революция. Они даже не знают, что это такое, не разбираются в полит- грамоте, а большинство из них вообще не умеет читать, но искра идеи запала в их ум, произвела там такое движение,

что ни ум, ни сердце не могут спать, они должны постоянно находиться в действии, боясь упустить наступление коммунизма.

Герои Платонова, как все русские мечтатели, буквально сохнут по раю обетованному, но рай не грядет, грядет нечто такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать — раскрывается преисподняя, и они проваливаются в нее, так и не испытав страха гибели.

Для пролетариата бог — движение, говорит один из героев «Котлована», все остальное ничто. Движение абсолютизируется, ставится над человеком, над его чувствами, над теплом ласки, теплом любви. Все, что попадает на пути этого безумного стремления вперед, сметается, отбрасывается. Нужно уничтожить весь Чевенгур для того, чтобы одиннадцать большевиков ощутили наступивший в нем коммунизм, — уничтожим. Сначала «полубуржуевц (буржуи давно истреблены), а потом и их родственников выведем на площадь или в степь и расстреляем из наганов и пулемета.

Рай обетованный — мечта Гоголя и Достоевского, Толстого и Чехова. В исканиях русской литературы видно желание низвести божественную идею на землю, реализовать ее в пределах смертной жизни человека. С этой мечтой рождаются и герои Платонова. Но вместо рая они обретают ад. Идея насилия отравляет их кровь, и эта отравка вливается и в кровь детей. Те в свою очередь мучаются, чтобы исторгнуть ее из себя, и трагят на это жизнь, истощаются в этой борьбе. Идея насилия калечит человека, увечит его природу: он шкуру собственного отца готов натянуть на барабан, лишь бы этот барабан выбивал дробь революции.

Чевенгурцы сделали солнце своим богом, его материальный свет приняв за духовное откровение. Но солнце, этот «мертвец с пылающим лицом», по выражению А. Фета, не способно заменить отсутствие Бога. В этом городе не осталось не только детей, но и воробьев и собак.

КУЛЬТУРА ПОНОШЕНИЙ

С культурными ценностями у нас от Писемского до Горького обращались очень бесцеремонно.

Н. Гумилев

Нельзя любить будущее, понося прошлое.

Автор

Нацисты, коммунисты, воры и сутенеры тоже утверждают, что у них есть маленькая система духовных ценностей.

А. Блум

Когда почуял деспот Ши-хуан-ди,
Что ополчиться на него
готово Духовное наследие
былого,
Он приказал смести его с пути.

Все книги он велел собрать и сжечь,
А мудрецов — убить. На страх
народу Двенадцать лет, властителю в
угоду, Вершили суд в стране огонь и
меч.

ПИСЬМО М. БУЛГАКОВА

ПРАВИТЕЛЬСТВУ РОССИИ 1

После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет:

Сочинить «социалистическую пьесу (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству России с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и

уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее советский писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Наверядли мне удалось бы предстать перед Правительством России в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить социалистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса меня не выведет.

2

Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе России за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных — было 3, а враждебно-ругательных — 298. Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни.

Героя моей пьесы «Дни Турбиных» Алексея Турбина печатно в стихах называли «сукиным сыном», а автора пьесы рекомендовали как «оде р ж и м о г о с о б а ч ь е й старостью». Обо мне писали как о «литературном уборщике», подбирающем объедки после того, как «набле ва - ла дюжина гостей».

Писали так: «...Мишка Булгаков, кум мой, тоже, извините за выражение, писатель, в залежа - лом мусоре шарит... Что это, спрашиваю, братишечка, м у р л о у тебя... Я человек деликатный, возьми да хряс - тни его тазом по затылку ...Обывателю мы без Турбиных вроде как бюстгальтер собак е без нуж - ды... Нашелся, сукин сын. Нашелся Турбин, чтоб ему ни сборов, ни успеха...» (Жизнь искусства, т. 44, 1927г.)

Писали «о Булгакове, который чем был, тем и остался новобу ржазным отродьем, брызжущим отравлен - ной, но бессильной слюной на рабочий класс и его социа - листические идеалы» (Комс. правда, 14. 10. 1926г.) Сообщи - ли, что мне нравится «атмосфера соба ч ь е й с в а - д ь б ы вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля» (А. Луначарский, Известия, 8. 10. 1926 г.) и что «от моей пьесы «Дни Турбиных» идет вонь» (стенограмма совещания при Агитпропе в мае 1927г.) и так далее, и так далее...

Спешу сообщить, что цитирую я отнюдь не с тем, что бы жаловаться на критику или вступать в какую бы то ни было полемику. Моя цель гораздо серьезнее.

Я доказываю с документами в руках, что вся пресса России, а с нею вместе и все учреждения, которым пору-

чен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с необыкновенной яростью доказывали, что произведение Михаила Булгакова в России не могут существовать.

3

Отправной точкой этого письма для меня послужит мой памфлет «Багровый остров».

Вся критика России, без исключений, встретила эту пьесу заявлением, что она «бездарна, беззуба, убога» и что она «представляет пасквиль на революцию».

Единодушие было полное, но нарушено оно было внешне и совершенно удивительно.

В № 22 «Репет. Бюллетеня» (1928 г.) появилась рецензия П. Новицкого, в которой было сообщено, что «Багровый остров»

«интересная и остроумная пародия, в которой «встает злое, вешая тень Великого инквизитора, подавляющего художественное творчество, культивирующего рабские подходы — лимские — нелепые драматургические штампы, стирающего личность актера и писателя», что в

«Багровом острове» идет речь о «зловещей мрачной силе, воспитывающей илотов, подхалимов и панегиристов...» Сказано было, что «если такая мрачная сила существует, негодование и злое остроумие прославленного буржуазией драматурга оправдано».

«Что же, такое, в конце концов, «Багровый остров» —

«убогая бездарная пьеса» или это «остроумный памфлет»? Истина заключается в рецензии Новицкого. Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает

зловещая тень и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «служащих». Это

он убивает творческую мысль. Он губит русскую драматургию и погубит ее.

Но когда германская печать пишет, что, «Багровый остров» — это «первый в России призыв к свободе печати» — она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, — мой писательский долг, так же, как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-либо из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода.

Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы высокомерного удивления: «М.Булгаков хочет стать сатириком нашей эпохи».

Увы, глагол «хотеть» напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в плюсквам перфектум:

М. Булгаков стал сатириком как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в России абсолютнотнемыслима.

Не мне выпала честь выразить эту криминальную мысль в печати. Она выражена с совершенной ясностью в статье В. Блюма (РБ Лит. газ.) и смысл этой статьи блестяще и точно укладывается в одну формулу:

всякий сатирик в России посягает на социалистический строй.

Мыслим ли я в России?

Ныне я уничтожен.

Уничтожение это было встречено советской общественностью с полной радостью и названо «достижением».

18 марта 1930 года я получил из Главреперткома бумагу, лаконически сообщающую, что не прошлая, а новая моя пьеса «Кабала святош» («Мольер») К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ НЕ РАЗРЕШЕНА.

Скажу коротко: под двумя строчками казенной бумаги погребены — работа в книгохранилищах, моя фантазия, пьеса, получившая от квалифицированных театральных специалистов бесчисленные отзывы — блестящая пьеса.

Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие, и все будущие. И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа «Театр».

Все мои вещи безнадежны.

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ
ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ
ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ РОССИИ В СОПРО-

ВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ
ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКО- ВОЙ.

Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно опустить на свободу.

1

Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в России, я прошу Русское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера.

Я именно и точно и подчеркнуто прошу о категорическом приказе о командировании, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я могу быть полезен России, как исключительно квалифицированный специалист, потерпели полное фиаско. Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили и с п у г, несмотря на то, что в столице громадном количестве актеров и режиссеров, а с ними и директоров театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены.

Я предлагаю России совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста режиссера и автора, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес и вплоть до пьес сегодняшнего дня.

Если меня не назначат режиссером, я прошу на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошу на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу Русское Правительство поступить со мной как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в России и за границей, налицо, в данный момент, — нищета, улица и гибель.

28 марта 1930 года.

* * *

Воистину: задавать вопросы очень полезно, отвечать на них очень опасно.

А началось все это вовсе не с Кобы, как мы представляем, не с 30-гои не с 37-го, а с изгнания культуры Лени-

ным. Нет, еще раньше — с его погрома так называемого эмпириокритицизма, с его абсолютной нетерпимости, с чернышевщины, что его породила.

Между прочим, раздраженный Ильиным Мах не только впервые выдвинул великую программу релятивистской физики, но и вдохновил Эйнштейна на теорию относительности. Борясь с ним, ББ боролся с наукой будущего и с ее философией.

Так что погромы начались вовсе не с генетики и каких-то тамлысенок.

Именно ББ ориентировал искусство на потребу массы, именно он сказал те главные слова, которые легли в основу социалистического реализма: искусство должно быть понятно массам, воздействовать на их мысль и волю, подымать их на борьбу. Это был лозунг не культуры для народа, а масс-культуры, примитивной по форме и по содержанию.

Именно ББ ввел цензуру и начал закрывать неудобные ему издания, начав с горьковской Новой жизни.

Я заметил, что вся их сила в книгах. Когда человек прочитает много книг, он становится умный. А когда он становится умный, он начинает грабить. Я предлагаю уничтожить ихние книги. Я ненавижу книги. Когда мне попадается одна, мне хочется ее бить, плевать ей в рожу, топтать и говорить: Сволочь! Сволочь!

По словам Н. Лосского, уже «осенью 1921 года... кафедра философии Петербургского университета была совершенно разгромлена». Весна 1922 года — начало широкого наступления в области идеологии, резко ужесточившего атмосферу культурной жизни... Не забывали и социологов, экономистов, на уровне Политбюро обсуждались меры против врачей, высказывавшихся на своем съезде о преимуществах земской медицины. Большой резонанс вызвала анонимная статья в «Правде» 2 июня под названием «Диктатура, где твой хлыст», в которой брошюра Ю. Айхенвальда

орусской поэзии длинно поливалась площадной бра- нью как «мразь и дрянь».

Начал выходить теоретический орган «Под знаме- нем марксизма», задачи и линию которого определяли статьи Троцкого в № 1-2 (февраль) и Ленина в № 3 (март). Последняя статья после критики социологиче- ских работ Питирима Сорокина заканчивалась слова- ми о том, что рабочему классу следовало бы «вежли- венько» препроводить в страны буржуазной «демо- кратии» ученых, подобных этому автору.

На XII конференции РКП(б), проходившей с 4 по 7 авгу- ста 1922 г., была принята резолюция, в которой говорилось: «... нельзя отказаться от применения репрессий... по отноше- нию к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции...»

«Срезать надо с земли всех образованных, тогда нам, дуракам, легче жить будет, а то — замаяли вы нас!»

Поскольку кухаркины дети не вполне соответствовали уровню императорского образования, пришлось снизить последний и создать генерацию самой невежественной в истории «красной профессуры», главным достоинством ко- торой, как и гебистского корпуса, была верность «великим идеалам Ленина- Сталина».

Революция могла сказать о себе, что она завоева- ла все, кроме университета. «Кухаркиным сынам» ста- ли доступны сказочные блага правящих классов, включая дворцы и автомобили. Но последняя «бур- жуазная роскошь» — элитарное высшее образование — осталось недостижимым для диктатуры пролетариата. Юридический и историко- филологический факульте- ты Московского университета, где ни один студент не мог обучаться без совершенного знания двух древних языков — латыни и древнегреческого, одним своим существованием доказывали, что высшее образование для человека с улицы, обещанное правительством большевиков, — миф.

Университет решили «победить» другим спосо- бом: снизить уровень «храма науки» до уровня побе-

дившего пролетариата. Именно поэтому в 1920 году по всей России были закрыты классические гимназии. Наркомпрос упразднил автономию Московского и других императорских университетов, отменил обязательные вступительные экзамены. В храм науки хлынул поток желающих получить «буржуазное образование».

1921 год: «Помню «прощальное собрание» закрываемого историко-филологического факультета, — вспоминает русский религиозный философ и правовед, профессор Московского университета Иван Ильин. — Помню и никогда не забуду вещи слова одного из коллег: «Смотрите, на нашем Акрополе нарастает слой персидского мусора...» Этот образ был понятен любому российскому интеллигенту. Понятен ли он современному «советскому» профессору? В 1922 году терпение советского правительства лопнуло — начались массовые аресты неудобной профессуры. Из ЧК выпускали с двумя расписками; о выезде в течение десяти дней и о расстреле в случае самовольного возвращения на Родину.

В 24-м Борис Эйхенбаум писал:

На нас хлынуло средневековье — идея социализма и коммунизма приняла форму государственной религии, которая действует совершенно аналогично средневековой духовной власти — вплоть до инквизиции и проч. Идет борьба против научной мысли как таковой. Время страшное...

Если средневековье...

Тысячи выдвигенцев, «людей из народа», отобранных для обучения философии и истории по классовому, партийному признаку, никак не могли осилить высоты европейской общественной мысли XVIII—XIX веков — Шеллинга, Гегеля, Канта, не говоря уж о тех мыслителях, которых нельзя было прочесть в переводе на русский язык. Поэтому-то они оказались просто обреченными на веру в то, что тексты Маркса являются сосредоточением всей европейской культуры.

Невежество культивировалось, пестовалось. «Грамоту все тогда получали вместе с людоедством».

Множество умных, предприимчивых, честных людей в нашей системе спивается, бесславно кончает свою жизнь, бежит за границу... Социалистическое государство превратилось в настоящее кладбище талантов и самых лучших устремлений. Партийные бюрократы проникли на свои высокие посты в силу осуществляющегося долгие годы противоестественного отбора, отхода от дела, демагогии и не вполне чистой совести.

Стало уже банальностью повторять, что русская культура находится в плачевном состоянии. Разрушены сотни церквей, монастырей, очагов русской духовности и памятников отечественной архитектуры... Смертельно поражена крестьянская культура, плодотворный и воспроизводящий ее слой. Не превращаемся ли мы, русские, в нацию мигрантов? Десятки миллионов людей, по подсчетам социологов, сменили место обитания за последние семьдесят лет.

В первые годы после революции из России были высланы виднейшие интеллигенты — цвет духовности. Уехало в эмиграцию более двух миллионов человек — практически чуть не вся русская интеллигенция того времени.

Россия была обезглавлена.

Так называемые спеццы, еще оставшиеся в России, пошедшие на сотрудничество с властью... были уничтожены в начале 30-х годов. Добавим к этому физическое уничтожение духовенства.

Свято место, как говорится, пусто не бывает. Его заполнила так называемая советская интеллигенция, люди, как правило, плохо и малообразованные. Но секира «классового отбора» настигла затем и их.

Из всех насилий, творимых в мире над людьми, Убийство — наименьшее, Сильнейшее же — воспитанье...

Литература, поэзия расценивались как политическое преступление не только в 18-м или 37-м, но и в шестидеся-

тых! Осип Мандельштам говорил: только в России по настоящему любят поэзию, потому что за нее убивают. Не потому ли в России все запрещалось и все имело особое значение? Когда начальник лагеря спрашивал о Заболоцком: «Как он там, стихи пишет?» — это звучало, как если бы поэт писал прокламации. А скольких поэтов били физически у памятника Пушкину? Когда «искусствоведы» били Ю. Галанскова головой о стену и ногами в живот, они не забывали вопить: «Сволочь! Будешь писать стихи?» И отхаркивая кровью, он кричал в ответ: «Буду!»

ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

В балете Стравинского «Весна священная» (1913) импрессионистские приемы сочетаются с принципами конструктивизма, приводящими к полной дисгармонии. Созданные в отрыве от родной почвы, проникнутые упадочной буржуазно-аристократич. идеологией, балеты Стравинского извращали русский национальный стиль в реакционно-декадентском духе.

Обращение к урбанизму, грубым патологич. звучаниям современной буржуазной музыки, упадочным танцам джаза проявилось в пародийном балете Д. Мийо (р. 1892) «Бык на крыше» (1920). Так же, как и другие виды буржуазного искусства, нынешний балет капиталистич. стран служит реакционными целям империализма. В нем проповедуется покорность судьбе, восхваляется смерть, безумие, убийства, насилия.

Формализмом отмечена постановка балета Лопухова «Светлый ручей» (1935), музыка к которому была написана Д. Д. Шостаковичем (р. 1906). Известная статья «Балетная фальшь» (1936, 6 февр.), указавшая на порочность Б. «Светлый ручей», явилась важной вехой в борьбе против формализма и натурализма в балетном искусстве. Огромное значение для развития балетной музыки имеет историческое постановление «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели от 10 февраля 1948, резко осудившее антинародное формалистич. направление в музыкальном творчестве и укрепившее музыку. Большую роль в приближении Б. к современности сыграли указания партии по вопросам театра от 26 авг. 1946.

* * *

Загнивающий капитализм на империалистической стадии своего развития породил мертворожденного убогодка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики.

И. Презент

В немилость впадали по любому поводу: возражают против «величественных» проектов — типа строительства Дворца съездов в старинном кремле — в опалу, не хотят сеять кукурузу за полярным кругом — в опалу, пишут вот такую малюсенькую правдочку о революции, коллективизации, индустриализации — в опалу, занимаются языкознанием, историей, генетикой, кибернетикой — в опалу... Даже модель вселенной Фридмана объявляли идеалистической, даже теорию относительности Эйнштейна — антинаучной, даже дислокации — буржуазными.

Итак — везде, во всем, всегда...

* * *

Царица, расцветала фикция, то, чего не существовало, не могло существовать. Миражи были объявлены явья, мистификации утверждены. А то, что существовало, то, чем занимался весь мир, было объявлено несуществующим. Гены — не существуют. Хромосомы — не существуют. Посвященные изгонялись из храмов науки. Тех, кто не отрекался от истины, называли шарлатанами. Добытые великим трудом факты выбрасывали, как мусор. Кумиров сбрасывали с пьедесталов. Среди черепков резвились бесы. Они дудели в рожки и трубы во славу своего вожака. Водружали его портреты — аскетическое изглоданное лицо с косячей челкой, из-под которой пылал сверлящий взгляд. То, что он, самоучка, «не кончал академиевн, запросто одолел, разоблачил мировых корифеев, льстило чиновникам, к тому же его учение было понятно

любому невежде, каждый становился посвященным.

Не требовалось ни знаний, ни тем более таланта; мож- но было судить, рядить, поправлять любого специа- листа. Требовалось всего лишь верить. Вера творила чудеса, делала опыты успешными. Не получилось — значит, не верил. Вера влияла на урожай, на удои, на лесопосадки. Истовые крики Самого порождали верующих. Он обещал чудо, и не когда-нибудь, а вот-вот, через год, через два. К нему устремлялись доверчивые души, уставшие от недородов замученной земли, от реформ, починов, невыполненного плана, понукания толкачей, постановлений, оравы уполномоченных. Ему устраивали овации, не согласных с ним освистывали. Он умел вовремя пообещать. За тем, кто обещает, все гдаидут.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

...Но ярость, обрушенная на дрозифилу, была беспри- мерной.

— Зачем понадобились оторванные от практики лабора- торные опыты? — грозно спрашивали враги генетики. — Тра- тить на все это силы, когда столько нерешенных задач, — преступление.

...Люди уже умели шлифовать увеличительные стекла, но догматики средневековья не давали нарождающейся астрономии использовать оптику: стекла увеличивают или уменьшают видимое, то есть искажают, поучали догмати- ки, глядите только невооруженными глазами.

Точно так же догматики тридцатых и сороковых годов запрещали изучение хромосомного аппарата.

Обязанностью исследователей, разрабатывающих кон- кретные области биологии, стало прежде всего подтверж- дать умозрительные законы, один за другим «спускаемые сверху вниз по инстанциям. Подтверждать новые законы образования видов, по которым кукушонок вырастает из птенцов других пород, если эти птенцы питаются мохнаты- ми гусеницами, овес превращается в овсюг, рожь в пшени- цу, ель в сосну. И отрицать закон борьбы за существова- ние, естественный отбор, поскольку основы дарвинизма противоречат умирительному единодушию и гармонии, ца- рящим среди особей одного вида, а в «высшей точкен- верят в единодушие и гармонию.

Тогда публицистами и писателями публиковались сотни статей, очерков, книг, где доказывалось, что генетиков как проводников реакционной буржуазной науки надо безжалостно изгонять из науки и, следовательно, из жизни.

Материалистической биологии противостоит «реакционно-идеалистическое учение Вейсмана— Менделя— Моргана», писал академик Опарин. «Оно, — сообщает статья «Биология» в энциклопедии, — явилось теоретической основой гнусных и человеконенавистнических измышлений... Большой частью те, кто повторял те годы клички «морганист», «менделист», «вейсманист», даже не знали, кто такие Морган, Вейсман и Мендель.

В тридцатые годы был разработан новый замечательный метод получения высокоурожайных гибридных сортов кукурузы. Стало возможным получать дополнительно сотни миллионов тонн драгоценного зерна. Но метод основан на закономерностях классической генетики. У него как бы «подозрительное социальное происхождение», «плохая анкета» — для догматиков этого было достаточно, чтобы отвергнуть его без малейшей попытки проверить в полевом опыте. Догма на одной чашке весов легко перевесила миллионы тонн зерна на другой. Ведь еще Елизавета Петровна говорила: «От врагов Христовых не приемлю интересной прибыли».

В Сибири талантливая ученица Вавилова Л. П. Бреславец собрала невиданный по тем местам урожай выведенной ею «запретной» триплоидной ржи — 36 центнеров с гектара.

Работы Бреславец были «закрыты», драгоценные семена ржи исчезли; не только люди, но и растения признавались носителями идеалистических идей и подвергались преследованию.

Весной 1939 года Н. И. Вавилова, великого растениевода, принял Сталин.

— Ботаникой занимаетесь! Генетикой! — раздраженно повторял он. — Отвлекаете народ от борьбы за урожай!

Несколько месяцев спустя Вавилов попадает в тюрьму и погибает там. Спор, изгнание из науки и, как логическое завершение, — тюрьма..

В те годы шел отбор среди деятелей науки, верх брали типы отрицательные, а непокорившихся ученых ждала печальная участь — их выгоняли с работы,

доводили до инфарктов и самоубийств, как случилось с выдающимся физиологом растений Д. А. Сабининым, застрелившимся 22 апреля 1951 года... с президентом Академии наук Белоруссии В. Игнаговским, с многи- ми противниками народного академика, Героя, триж- ды лауреата, восьмизды кавалера ордена Ленина.

Низкий поклон всем, нашедшим в себе силы выступить противнего: А. Р. Жебраку, И. А. Рапопорту, Б. М. Завадов- скому, П. М. Жуковскому, В. С. Немчинову, С. С. Четверико- ву, С. Н. Ардашникову, В. В. Сахарову, В. Я. Александрову, Я. Л. Глембоцкому, Н. И. Соколову, Б. Н. Сидорову, М. И. Кам- шилову, Ю. Я. Керкису, Е. Н. и Б. Н. Васиным.

Но это были единицы, а против них, единиц, — и не толь- ко в биологии — была рать, «наука колхозно-совхозного строя» — все эти авакяны, презенты, варунцяны, долгушины, колесники, бошьяны, лепешинские, ольшанские, столетовы, нуждины, лукьяненко, беленькие, бушинские, митины... Были сафоновы с их Землей в ц вету, были перовы, были фи- лософы-академики, поющие осанну мракобесию... Были ты- сячи и тысячи энтузиастов общего знаменателя и певцов внешней среды, превративших науку в то, чем она стала се- годня.

Додуматься до представления о гене, как органе с развитой морфологической и очень специфической структурой, может только ученый, решивший окон- чить с собой научным самоубийством. А вы

говорите: средневековье..

А. Толстой, Леонов, Вишневский, Тьянянов, Паустов- ский, Симонов, Антокольский, Федин, Шолохов, Фадеев, Тихонов приветствовали расстрелы, лепешинские и бошь- яны громили Пастера, под письмами-осуждениями подпи- сывались писатели и ученые с мировыми именами, пре- следовали и громили До м и к Катаева, Б е ж и н л у г Эйзенштейна и Бабеля, после появления так называемого «дела врачей» по стране поползли страшные слухи, что эскулапы в больницах умерщвляют новорожденных, под- сыпают яды в лекарства, насилуют и убивают пациенток. Резко упало посещение поликлиник и больниц, пустовали

аптеки, «изверги рода человеческого» просто-таки внушили панический ужас.

Полоса массовых увольнений прокатилась по всем университетам, по большинству вузов, по многим научным учреждениям. Всего было уволено по стране около трех тысяч ученых-биологов. Это была настоящая эпидемия варварских гонений на науку. Над биологическими науками опустилась черная ночь.

Травля... Заправленные... Атмосфера травли... А травил-то — кто? Вот самое страшное: травил-то наш брат, все эти гриппино: гениальные и маститые, народные и орденосные, депутаты и лауреаты, элита нашего племса. Маяковский не только требовал «сбросить Пушкина с корабля современности», но лично травил Замятина и Пильняка. Вишневский травил Булгакова, Фадеев и Сурков — Мандельштама и Платонова, Кочетов и Друзин — Зоценко, Иванов, Софронов, Проскурин и Алексеев — Твардовского, Бубеннов и Первенцев — Гроссмана, все композиторы вкупе — Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Мясковского, Мурадели, затем — Шнитке и Губайдулину, Кольцов — промпартию, Эренбург — «врачей-отравителей», весь большой и маленький Союзы — двух женщин — Марину Цветаеву и Анну Ахматову-Горенко...

Мужик, прилюдно глумящийся над женщиной, омерзителен. Но если этот мужик — известный политический деятель, а женщина — великий поэт, то чудовищность совершенного преступления требует исторического возмездия.

Только за двух этих женщин — Ахматову и Цветаеву — коммунизм нельзя простить никогда.

Сейчас создается эпоха,
И в низ ее — в щепень и в бут,
Чтоб здание вышло неплохо,
Живых миллионы кладут.

За правое дело становилось идеологической диверсией, экономика — с легкой руки Верменчевых —

буржуазной, утрачивались целые направления в науке, философии, этике, по звонку начальства снимались с проката фильмы и спектакли, награды и премии становились инструментами управления культурой.

Доживи Гоголь, Достоевский, Толстой до нас — мы бы их билим.

Сколько их — расстрелянных, застрелившихся, репрессированных, затюканных, замордованных, оговоренных по- смертно? Сколько человеческих трагедий?

Агол, Адамович, Аль, Д. Андреев, Аронов, Аросьев, А. Ахматова, Бабель, Багрицкий, В. Багров, А. Баркова, Баталов, Бахтин, Н. Беляев, О. Бергольц, Бергельсон, Бехтерев, С. Бобров, Ф. Боков, Борисов-Мусатов, Булгаков, Бузалов, Вавилов, Василенко, П. Васильев, Введенский, Версаев, Верховский, Веселовский, А. Веселый, Вильк, Виноградов, Е. Владимирова, Влыско, Вовси, Войно-Ясенецкий, О. Волков, Волошин, А. Воронский, Востриков, Вронский, Врубель, Гаген-Торн, Гартный, Гарун, Гельштейн, М. Герасимов, Гидаш, Е. Гинзбург, Глушко, Гнедин, Голосовкер, Голубкина, Горелов, Городецкий, Готье, Грабарь, Н. Гранкина, Гринштейн, Гроссман, Грунин, Гумилев, Гумилевский, В. Дворжецкий, Демьянов, Дичаров, В. Днепров, Добычин, Дояренко, Древин, Евгенов, П. и М. Егоровы, Заболоцкий, Завадовский, Зазубрин, Н. Зарудин, Збарский, Здродовский, Зеленин, Зильбер, Зоценко, Б. Зубакин, Зускин, В. Иванов, Игнатовский, Измайлов, Л. Ильина, Искин, Итин, Казаков, Какурин, Каменский, Каплер, Каргер, Карсавин, Карпеченко, И. Катаев, Квитко, Кин, Киришон, Клейменов, А. Клещенко, Клычков, Ключев, В. Князев, М. и Н. Коганы, Н. Козырев, Кольцов, Кондратьев, Б. Корнилов, Косынка, Крючков, Кузмин, Курбас, Лазарев, Ландау, Лапшин, Ларионов, Лебеденко, Левин, Левина, С. Левит, Левицкий, А. Лежнев, Ленгулов, Лэстик, Лигнау, Лифшиц, Лихачев, Лонгемак, Лосев, Лопухов, Лукирский, Лупшол, Любавский, Майоров, Макаров, Македонов, Малашкин, Мандельштам, Маркиш, Л. Мартынов, Матвеев, Машков, Мейерхольд, Мейстер, Мельников, Минин, Мирский, Михайлов, Михоэлс, Мурадели, В. Муравьев, П. Набоков, В. Нарбут, Н. Нарвеков, Невский, Незлин, Некрашевич, А. Никитин,

Огановский, Овечкин, Н. Олейников, Ольденбург, Орбели, П. Орешин, Орлов, Осмеркин, Оцуца, Парин, Пастернак, Певзнер, Петров-Водкин, Пильняк, Пиотровский, Платонов, Плетнев, С. Поделков, Полонский, Померанц, Потехин, Преображенский, И. Приблудный, Прокофьев, Прянишников, Пунин, Разгон, Рамзин, Рапопорт, Родченко, П. Романов, В. Романов, Румер, Русланова, Н. Рыкова, Сабинин, Сапожников, Свечкин, Б. Сейфулина, Г. Серебрякова, Серейский, Сельвинский, О. Слиозберг, Смеляков, Снесарев, С. Соловьев, Сологуб, Солодовников, М. Столяров, Н. Суровцева, Сухов, Табидзе, Тагер, Таиров, Таглин, Тарле, А. Тверяк, Темкин, Тимофеев-Ресовский, С. Третьяков, Тутенхольд, Тырса, Тышлер, Удальцова, Уксусов, Фаворский, Фейгель, Фейфер, Фельдман, Филонов, Флоренский, Фок, Фонвизин, Фридендер, Фролов, М. Фроловский, Хармс, Хлебников, Холин, А. Цветаева, М. Цветаева, Чайнов, Челищев, Челпанов, Четвериков, А. Чижевский, Шаламов, А. Шевцов, Шершевский, Шимелиович, С. Шилова, Шмидгоф, Шостакович, Штейнберг, Шпет, Шухаев, Эйзенштейн, Эрдман, Этингер, Эфроимсон, Эфрос, Юровский, Язвицкий, Яшвили, даже Туполев, даже Королев...

Арестовывали институтами, подразделениями, организациями.

Ликвидировали всех ленинградских востоковедов, репрессировали весь состав Института Севера, объявили войну инженерам (шахтинское дело, процесс Промпартии, переломившие хребет технической интеллигенции), учителям в Свердловске — дело десятков преподавателей во главе с завоблоном Перелем, обвинение: устраивали в школах елки, чтобы *жечь школь!*, врачам, языковедам, еще ранее — церковникам (*«следовало бы посадить в тюрьму всю церковь!»*). Уничтожали театры — МХАТ-второй, ГОСЕТ, Камерный, им. Мейерхольда. 90% всех писателей, принятых в Союз в 34-м году — репрессировано... По карточке Э. Белтова только 500 писателей, расстрелянных в течение года...

С худобой табачною сивилл,
мне, Бергтольц рассказывала бль,
как ее, до выкидыша бил
следователь, выбросив впролет...

Сколько ж всего разгромлено — организаций, объединений, журналов, обществ? Свободная эстетика, Голубая Роза, Золотое руно, Весы, Записки мечтателей, Цех поэтов, Скорпион, Аполлон, Северный вестник, Мир искусства, Бубновый валет, Серапионовы братья, Новая жизнь, Красная новь, Звезда, Ленинград. После разгрома Звезды и Ленинграда — настоящая вакханалия гонений: музыка, кинематограф, хореография, живопись, философия, история, социология, психология, сравнительно-историческое языкознание, семиотика... И впереди — армада блюстителей классового подхода — всех этих еголиных, ермиловых, заславских, эльсбергов, суровцевых, оскоцких.

А уже в послесталинское время?

В. Абрамкин, Э. Абрамов (Дрейцер), Абрамцев, Ю. Аввакумов, Аверинцев, Авторханов, М. Агурский, К. Азадовский, Г. Айги, Ю. Айхенвальд, В. Аксенов, В. Алейников, А. Алексеев, М. Александров, Алешковский, Алтанов, Альтман, Амальрик, А. Андронов, Н. Андронов, Арефьев, Аскольдов, Н. Астафьева, Н. Ахметов, Ашкенази, Бабицкий, Б. Балтер, Е. Баранов, Барышников, С. Бахмин, В. Батшев, А. Бек, И. Белгородская, В. Белоцерковский, В. Березжков, Ф. Берман, Бескин, Б. Бетаки, В. Библер, Б. Биргер, Дм. Бобьшев, Богин, Л. Богораз, Н. Боков, Болонкин, Л. Бородин, Босехес, Борщаговский, Бояджиев, А. Бродский, И. Бродский, Г. Брускин, Н. Бронзова, В. Буковский, Э. Булатов, В. Быков, Вагинов, А. Васильев, Ю. Васильев, А. Вайль, И. Варламов, Восленский, А. Васнецов, П. Васке, Варшавский, Вейсберг, Т. Великанова, А. Величанский, Н. Вечтомов, Г. Вишневская, Г. Владимов, В. Войнович, О. Волков, А. Волконский, А. Волохонский, Н. Воробьев, А. и Н. Воронель, И. Габай, А. Гаврилов, П. Гайдено, И. Галимов, А. Галич, Ю. Галансков, Гояускас, П. Генис, Р. и В. Горловины, Герман, В. Гершуни, А. Гинзбург, А. Гладиллин, М. Гладковский, Глазков, А. Глезер, В. Глотов, Т. Гल्पнева, С. Глузман, Е. Гнедин, Г. Головин, Н. Горбаневская, В. Голобородько, Горенштейн, И. Грекова, П. Григоренко, С. Григорянц, В. Гринев, Ю. Гримм, Гроссман, Б. Грушин, Л. Губланов, С. Губайдулина, Гурвич, Н. Гуштин, В. Давыдов, Даниэль, Д. Дара,

Дашкова, Ф. Дектер, В. Делоне, Денисов, В. Добровольский, Добычгин, С. Довлатов, Ю. Домбровский, В. Дрозд, Л. Друскин, И. Друцэ, П. Егидес, В. Екимовский, А. Ерѐменко, С. Ерѐменко, В. Ерофеев, Есенин-Вольпин, Ю. Жарких, И. Жданов, С. Желудков, Жутковский, Б. Заборов, Загуловский, А. Зверев, З. Зинник, Зиновьев, Зеньковский, И. И. Иванов, Р. Иванчук, Ильенков, Ильченко, Иоселиани, И. Иртенъев, А. Исачѐв, Ф. Искандер, Н. Искренко, И. Кабаков, Казьмин, М. Каменский, Ф. Кандель, И. Каплун, Карабчиевский, Л. Карпинский, Ю. Карякин, Ю. Ким, Киришон, Э. Климов, Н. Климонтович, С. Ковалѐв, Е. Ковтун, Вл. Козаков, Ю. Козаков, Е. Козловский, В. Козовой, Ю. Колкер, Комар, Л. Копелев, Копнин, Копылов, Коржавин, Н. Корндорф, В. Кормер, С. Королѐв, В. Корнилов, Корягин, А. Косолапов, Л. Костенко, А. Костерин, Е. Коцдоба, В. Красин, Краснов-Левитин, З. Крахмальникова, Г. Кремер, Кропивницкий, Ю. Кублановский, О. Кудряшов, К. Кузминский, Э. Кузнецов, Б. Куприянов, Ю. Купер, Е. Кушев, А. Лавут, Л. Ламм, М. Ланда, В. Лашкова, Ю. Лебедев, Р. Лерт, В. Лѐн, Л. Лерман, Лесберг, Лобанов, Лозанский, Л. Лосев, Л. Лоссаль, Лотман, С. Липкин, П. Литвинов, Ю. Литвин, И. Лиснянская, Лукьяненко, А. Львов, К. Любарский, Любимов, Макарова, В. Максимов, С. Максимов, Малюгин, Мамардашвили, С. Мамлеев, Ю. Манн, Мансуров, С. Маннаников, В. Марамзин, В. Марков, Д. Маркиш, А. Марченко, С. Маслов, Л. Мастеркова, Медведев, М. Мейлах, Меламид, А. Мень, Мелетинский, И. Менделевич, Ю. Милославский, В. Мильдон, Н. Мильштейн, А. Мирзоян, Г. Михайлов, Г. Моисеев, М. Молоствов, К. Морзовин, Мотыль, К. Муратова, Нейман, Э. Неизвестный, Некищелов, В. Некрасов, Вс. Некрасов, В. Немухин, П. Никонов, Норштейн, Нуриев, Оболдуев, Окуджава, Р. Орлов, Ю. Орлов, Э. Орловский, М. Осадчий, В. Осипов, О. Охапкин, Павличко, Л. Пажитков, А. Панченко, Паперный, С. Параджанов, А. Пахомов, М. Петров, Петкус, В. Пивоваров, Р. Пименов, В. Платонов, Л. Плющ, А. Подрабинек, Померанцев, В. Померанцева, Е. Попов, А. Пригов, В. Провоторов, Л. Пурьгин, Пунин, Путилин, А. Пятигорский, Пярт, О. Рабин, А. Раскатов, И. Ратушинская, А. Регельсон, Рейн, Л. Ржевский, Рогинский, М. Розанов, Розинер, Розовский, В. Ронкин, Ростропович, М. Рошдин, Л. Рубинштейн, М. Руденко, Русин, В. Рыбаков, Д. Савицкий, В. Саврук, Г. Сапфир, Я. Сагуновский, Ф. Светов, Г. Свирский, Э. Севела, О. Седакова, Ю. Селезнѐв, Семонин, В. Сергиенко, Сидур, В. Симоненко, Сияв-

ский, К. Скуениекс, Н. Слободский, Слуцкий, А. Смирнов, Д. Смирнов, Ю. Соболев, В. Сокирко, Л. Соков, С. Соколов, Сокуров, Солженицын, Ю. Соостер, С. Сорока, В. Соснора, П. Старчик, Д. Стонов, С. Страновский, В. Стус, С. Сухо- руков, Г. Суперфин, Сысоев, Тарковский, В. Тарсис, А. Т- вердохлебов, Е. Терновский, Л. Тимофеев, О. Тихий, Толстой, Н. Тополь, В. Топоров, Трифионов, Туфан, Туненхольд, Тюль- панов, Г. Тютюнник, И. Уткин, М. Филиппов, Е. Фирсова, Б. Хазанов, Ханин, Б. Харламов, Е. Харитонов, Б. Харчук, А. Хвостенко, Т. Ходорович, И. Холин, Холодов, Г. Худяков, М. Хуциев, Цветков, О. Целков, Цингер, Л. Чертков, В. Че- лидзе, И. Чиннов, Б. Чичибабин, Чуйков, Л. Чуковская, Э. Шангелая, В. Шевчук, М. Шемякин, Л. Шепитько, Ю. Ши- ханович, Шнитке, Г. Шпаликов, Б. Шрагин, Э. Штейнберг, Штильмарк, Шуть, Н. Щаранский, Ю. Щербак, Т. Щербина, Эльконин, Эткинд, Эфрос, Юзовский, С. Юрьенен, И. Якер- сон, П. Якир, Т. Якобсон, Яковенко, Г. Якунин, Г. Ямполь- ский, Янкилевский, Янов, Ярым-Агаев, И.Яхимович...

Проработки, отлучения, высылка, анафемы, запреты, избиения, психушки, убийства...—

Чтобы убить искусство, надо убить всех...

В искажении действительности обвиняли Абрамова, Быкова, Айтматова, Гончара, Проскурина, Шукшина, Астафьева, Можая, Дудинцева, Яшина, Семина, Воронова, Каремина.

Союз писателей во главе со своим основателем проводил насилие в культуре, как органы госбезопасности — в жизни... Нет, не так: после всего, что случилось, после уничтожения настоящей интеллигенции вся печать, вся литература были всегда «рука об руку с НКВД». Ну, пусть не вся, но ведь для непокорившихся хватит пальцев одного человека...

А с чего начиналось? — А начиналось с еще более мас- сового изгнания, исхода, невозвращения, бегства.

Абрамович, Абрикосов, Аверченко, Авксентьев, Агафо- нов, Адамов, Адамович, Айхенвальд, Акименко, Аксельрод, Андрусов, Адданов, Александров, Алексеев, Алехин, Ам- фитеатров, Андреев, Анненков, Арбузов, Арцыбашев, Баб-

кин, Бакал, Бакст, Бальмонт, Бахметьев, Бенуа, Берберова, Бердяев, Билибин, Блох, Бобрищев-Пушкин, Боголепов, Богас, Бруцкус, Бубнов, Булатов, В. и С. Булгаковы, Бунаков, Бунин, Бурлюк, Валентинов, Васильев, Вейдле, Велыхов, Вернадский, Велутин, Винниченко, Виноградов, Вишняк, Войтинский, Волков, Волковский, Волковыцкий, Вышеславцев, Гамов, Германова, Гершензон, Гингер, Гиппиус, Глазунов, Головачев, Голенищев, Гончарова, Грановский, Гржебин, Гребенщиков, Гречанинов, Григорьев, Грюнвальд, Гуль, Давыдов, Далин, Дан, Данилов, Держинская, Доброжанский, Добровольский, Добролюбов, Добужинский, Дон Аниподо, Дымов, Дятлев, Евангулов, Евреинов, Елапин, Ермолова, Ершов, Зайцев, Зак, Замятин, Зандер, Зюрыкин, Зензинов, Зеньков, Зеньковский, Зилоти, Зубанов, Зубашев, Иванов, Изгоев, Изгомов, Ильин, Ипатьева, Ирецкий, Каган, Каменский, Кандинский, Карпович, Карсавин, Кастерин, Карташов, Катков, Кедров, Кизеветтер, Кленовский, Клоуни, Ключников, Козлов, Кондаков, Корвин-Пиотровский, Коровин, Костицин, Красавина, Крылов, Кудрявцев, Кузнецова, Кузьмин-Караваев, Куприн, Кусевицкий, Кусков, Кшесинская, Лампси, Лапшин, Ларионов, Лепкий, Лифарь, Лихович, Лодыженский, Лопухова, Лосский, Лохвицкая (Тэффи), Лунц, Д. и А. Лутохины, Любарский, Любимов, Маковский, Малолетенков, Малявин, Маруинковский, Масленников, Матвеев, Матусевич, Мартов, Мельгунов, Мережковский, Метальников, Милоков, Минский, Миутрич, Михайлов, Могульский, Мозжухин, Метиславский, Мумокин, Муратов, Мякотин, Набоков, Наживин, Нарбут, Немирович-Данченко, Нижинская, Николаевский, Новиков, Овчинников, Одарченко, Одинцов, Одоевцева, Озерцовский, Оканский, Осоргин, Оцул, Павлова, Петров, Петрищев, Пешехонов, Полнер, Поплавский, Постников, Присманова, Прокопович, Пумпянский, Пуни, Пясецкий, Раевский, Рахманинов, Ремизов, Рожков, Розанов, Розанова, Розенберг, Ромодановский, Ростовцев, Рубенштейн, Рябушинский, Савицкий, Самарин, Санин, Свечкарёв, Святополк-Мирский, Северянин, Секачев, Селиванов, Сикорский, Синкевич, Слоним, Смоленский, Соболев, Соболев, Сомов, Сорокин, Соснинский, Станкевич, Стеллецкий, Степанов, Степун, Стойко, Стратонов, Стравинский, Г. и Л. Страховские, Струве, Судейкин, Сургучев, Суханов, Талин, Терапиано, Терновский, Тимошенко, Титов, Трубецкой, Трефильев, Трошин, Тышлер, Тэффи, Угримов, Улам, Устрялов, Фальк, Фельд, Фи-

лишпов, Философов, Флоринский, Флоровский, Фондаминский, Фокин, Фофанов, Франк, Харитон, Ходасевич, Хра-невич, Чекрыгин, Челищев, Черепин, Чернов, Черный, Чернышева, Чехонин, Чехов, Чижевский, Чириков, Чичибабин,

Чхейдзе, Цадкин, Цветаева, Цветков, Цебриков, Церетели, Шагал, Шаламов, Шаляпин, Шаршун, Шаховская, Шварц, Шестов, Шилкарский, Шишкин, Шкапская, Шмелёв, Шу-хаев, Щербаков, Эрзь, Эрзей, Юркевич, Юшкевич, Юшпгим, Якобсон, Яковенко, Яковлев, Яновский, Ясинский, Ясный..

Возьми любую нацию, любую республику — и все новые и новые, бесконечные списки..

Абдулло, Агниашвили, Алкснис, М. Аляхнович, Аман-тай, Амираджиби, Армен, Астапенко, Астрейко, Ахметели, Багалий, Багряный, Бакунц, Барановых, Барка, Бехбуди, Бобренко, Богун, Буздуган, Буревий, Вацетис, Везир, Ви-талин, Влыско, Вольный, Вороний, Гаргный, Головач, Голубок, Горецкий, Гриневич, Гринько, Грушевский, Гусейн, Давлетшина, Джавад, Джавид, Джавахишвили, Джавхари, Джикич, Дорожный, Драй-Хмара, Дуван-Хаджи, Дудар, Дяркач, Ефремов, Жилка, Жумбаев, Замотин, Зарецкий, Затонский, Зеров, Знаемый, Карамов, Ишемгулов, Йоганский, Кабак, Каюга, Карим, Кляшторный, Кобыленский, Коваль, Костенко, Косынка, Коцюбинский, Крымский, Кутультинов, Кулиев, Куницкий, Курдайбердыев, Курекуру, Лайцен, Лебедь, Ломинадзе, Любченко, Лявочный, Маари, Мадан, Марков, Меденис, Микеладзе, Микулич, Милев, Мирза, Моряков, Мушвик, Назим, Насыри, Неманский, Никанович, Ойунский, Перетц, Пивоваров, Пилипенко, Плужный, Ракита, Родзевич, Розно, Сидоренко, Слисаренко, Сологуб, Старицкая-Черняховская, Сташевский, Степанян, Стере, Табидзе, Тагиров, Тарашкевич, Таубин, Тотовенц, Тумилович, Фалькиевский, Филипович, Фитрат, Хайри, Халипа, Хамди, Харин, Хашим, Хвелевый, Хвыля, Ходыко, Холодный, Хотулёв, Чабан-Заде, Цвижба, Цепордей, Шакарин, Шашалевич, Шашалевич (Мрий), Эйдеман, Эйхе, Элиава, Юлтый, Юри-нец, Яловый, Янаби, Ярошенко, Яшвили..

Может ли человек в здравом уме — на утратив веру в человека или рассудок — написать всё о судьбах сотен и сотен тысяч изгнанных во время и после революции, уничтоженных, сосланных, раздавленных молчанием и неизвестно-

стью, замечательных художников, вроде бы и не подвергавшихся преследованиям, но как бы и не существовавших на земле?..

Сколько мартирологов жертв деспотии со времен Герцена составлено в моей стране? Но никакой другой не сравнится с большевистским...

О, если бы можно было описать этот океан человеческих мытарств — и кого? — самых чувствительных из людей: художников, поэтов, музыкантов, ученых... Тут не может самый высокий человеческий гений; все, о чем писали Свифт или Джойс, Ионеско или Беккет, Замятин или Оруэлл — бледнеет...

Да: в стране, где уничтожены десятки миллионов невинных и где палачи остались безнаказанными, в такой стране страшно жить...

Нет, ты вовеки не гадала
Всудьбе своей, отчизна-мать,
Собрать под небом
Магадана Сынов своих
такую рать.

Это культура некрофилии. Она любит и чтит только мертвых. Только уничтоженных ею...

Мы не обсуждали поэм — мы уничтожали поэтов. Так надежнее...

I съезд советских писателей прошел под девизом бронепоезда. Главными словами, наиболее часто на нем звучавшими, были: револьвер, маузер и расстрелять. Нацистский поэт Йост говорил: когда я слышу слово культура, я спускаю предохранитель своего браунинга. Советский поэт Сурков на I съезде говорил: за плечом девушки, идущей мимо мавзолея, винтовка. Это прекрасно! Наш гуманизм — это гуманизм силы. Так не будем размагничивать молодые красногвардейские сердца интимно-лирическим сюсюканьем. Нам нужен пафос, пафосоружия.

Это были не писатели, это были каратели, накачивающие себя политическим гневом. Их распирала ненависть.

«Они заводили себя, соревновались друг с другом, кто по- бойчее изобразит классовую суть мира сего»,

Вот доподлинное признание одного из участников съез- да «инженеров человеческих душ»: «Беда наша состояла в том, что все мы отвергали лирику, то достойное состояние души, когда художник остается один на один со своими сомнениями. Мы боялись самовыразиться, ибо в глубине души ныло сомнение. И все мы убивали самовыражение как буржуазный индивидуализм. И делали мы это громо- гласно и празднично, пытаясь доказать друг другу то, что каждый знал сам по себе и лишь следил за степенью рве- ния, чтобы не отстать, чтобы не быть заподозренным в том, в чем подозревал другого.

Уже потом пришли люди, у которых сомнений не было. Но для этого нужно было уничтожить сомневающихся. И мы все помогали друг другу совершать это массовое са- мубийство»,

Хулиганствующая культура беспамятства, культура оскорблений и матюгов, культура разрыва традиций и осквернения праха отцов. Культура, призывающая унич- тожить «театры контрреволюции» — МХАТ, Малый... РАПП'овские погромы... Балетная фальшь, Сум- бур вместо музыки, Чужой театр... Когда театр Мейерхольда — «враждебен советскому народу», ког- да — постановления ЦК «О репертуаре драматических те- атров», тогда-то, естественно, директорами театров долж- ны стать бывшие начальники тюрем, как это случилось в славном городе Одессе.

В конце 40-х даже Ремарк и Хемингуэй оказались в спецфондах. В 70-е под подозрение попадали Фриш, Балль, Миллер, Маркес, Грасс, даже Грин.

СВИДЕТЕЛЬ — В. ГРОССМАН

Мало того, когда рукопись моя была изъята, мне пред- ложили дать подписку, что за разглашение факта изъятия рукописи я буду отвечать в уголовном порядке.

Методы, которыми все происшедшее с моей книгой, хотя и оставить в тайне, не есть методы борьбы с неправдой, с клеветой. Так с ложью не борются. Так борются против

правды. Что же это такое? Как понять это в свете идей XXII съезда партии?

Наивный риторический вопрос. Так происходило и после XX, и после XXII, и после XXVII съездов. Так происходило всегда, пока существовала одна правда одной партии.

Сегодня мы оправдываемся: такое было время! Нет, не время — такие были мы — тогда и сейчас! Ведь когда громили Пастернака, никому уже не грозила гильотина... Даже молчание в час погрома вопило: нет, не время — мы!

В итоге литература оказалась на грани потери литературных критериев. Серые и розовые поделки не с чем было соотнести. Произведения, которые могли бы послужить эталонами, не допускались до литературы и пребывали либо в опечатанных редакционных шкафах, либо в ящиках письменных столов их авторов. Об этом с трогательной непримиримостью заботились целые отряды редакторов, издателей, критиков, а среди них — и многие из тех, кто теперь с таким восторгом открыл для них «зеленую улицу». Эти уже перестроились.

«Разве может быть в нашей стране сложная судьба у талантливого человека — заявляли нам. — Это опорочивание, оскорбление нашего общества, нашего строя. Тогда я познакомился с еще одним выражением — «киноконтрап». Не успев еще твердо стать на ноги, я попал в «черный список», где пребывал отнюдь не в гордом одиночестве. Моих соседей по этому списку теперь знает весь мир, они — гордость нашего искусства.

В это же время стала заполняться пресловутая «полка», то есть появились запрещенные и полупрещенные фильмы. А сколько погибло замыслов! Скольких сценариев не дали снять, сколько судеб исказилось и сломалось вовсе! И это было страшно, потому что ты как бы лишался будущего или должен был приспособляться, изменить своим принципам, устремлениям. Некоторые так и поступили, предали себя.

Критики меня
критиковали,
Редактировали редактора,
Кривотолковали,
толковали С помощью
резинки и пера.

С помощью большого, красно-синего,
Толстобочного карандаша.
А стиха легчайшая душа
Не выносит подчеркивания сильного.

Дым поэзии, дым — дымок
Незаметно тает.
Легок стих, я уловить не мог
Как он отлетает.

Лед-ледок, как в марте, тонок был,
Тонкий лед без треску
проломился, В эту полынью я
провалился, Охладил свой пыл.

А с каким энтузиазмом, даже остервенением, включалась эта пишущая братия, все эти мастера слова в кампании травли — будь-то бывшие руководители государства, свой же репрессированный брат-писатель или все эти псы-диссиденты!

Справедливости ради надо сказать, что ругань вместо доводов прозвучала впервые не в зале суда, а на страницах печати. Именно там — до суда и вместо суда — началась психологическая обработка общественного мнения в той тональности, которую предложил дирижер. Будущие жертвы, соревнуясь друг с другом в хлесткости площадных ругательств, обливали грязью своих же товарищей, попавших на плаху раньше, чем попали они. Вышинский с виртуозным цинизмом использовал это потом на судебной трибуне. Издевался над Радеком, обозвавшим в печати Зиновьева и Каменева «бандой кровавых убийц». Над Пятаковым, который публично призывал «уничтожить их как падаль» и уже через пять месяцев оказался сам в роли «падалиц» и «бандитан».

В общий хор включились и мастера слова. Да, многие присоединили свои голоса к тем, кто «полностью

одобрял, клеймил и хулил. Но сразу выделяются те, кто с восторгом принял лексику прокурора,

торопясь стать первым учеником, выделиться в поиске оскорблений похлеще, лягнуть побольнее, надругаться глумливо уже над мертвым. «Звероподобная мерзость», — вторил Вышинскому Лев Никулин. О Бухарине — он же: «комедиант», «юродствующий прохвост», «трясущаяся борода», «дребезжащий тенорок». Жидко, но впечатляет. Унижает, но не до конца. Приходят слова повесомей: «кривляется», «выламывается, как провинциальный тенор» (поистине мастер слова!), «виляет хвостом», который ему «прищемил государственный обвинитель». И другие — с Никулиным по соседству, на той же газетной странице: «тифозные вши», «красные обезьяны».

БУВЕВЕСТНИК, ИЛИ ПЕРВЫЙ РУСЛАН...

Чтоб нас охранять, надо многих
нанять. Это мало — чекистов,
караулов, Стукачей, палачей,
надзирателей...
Чтобы нас охранять, надо многих
нанять И прежде всего — писателей.

Л. Н. Гумилев

Это потрясающе: мэтр социалистического реализма, встретивший революцию Н е с в о е в р е м е н н ы м и м ы с л я м и, предупредивший о ее разрушительности и предугадавший ее плоды, признававший, что она совершенна «ничтожной группой интеллигенции во главе нескольких тысяч воспитанных ею рабочих», писатель, вышедший из народных глубин, знавший эти глубины, не убоившийся самого ББ, — верой и правдой служил Кобе, видимо, сознавая всю его жуткую мерзость. Это ли не лучшее свидетельство того, что может сделать тоталитаризм с человеком?.

Из прежнего иконоборца он стал советской иконой.

У Горького был природный ум, острый глаз, легкое перо, но он был поверхностным, слабохарактерным человеком, очень уж любившим «сладкую жизнь». Ему были присущи многие

черты, свойственные «выходцам из народа»;

любовь к «самому передовому», преклонение перед «выдающимися личностями», снобизм, ненависть-зависть к «зо-лотому тельцу», мелкая мужицкая хитрость и изворотливость, необходимые для «выхода в люди». Все эти качества в сочетании с талантом и быстро приобретенной известностью делали его лучшим кандидатом на место отца всех верных Русланов и подмаксимок страны Советов.

Горький просто обожал Ленина, хотя ненавидел других большевистских вождей, особенно Зиновьева. В свою очередь Ленин эксплуатировал литературную известность Горького, использовал его связи, хотя писатель часто мешал диктатору, и испытывал желание держать его подальше: здесь сказывалась антибольшевистская позиция Горького, занимаемая им до осени 18-го, и слишком частые вмешательства «бумагомаки» в государственные дела (время от времени Буревестник ходатайствовал за контрреволюционеров — и Ленин был вынужден иногда удовлетворять эти ходатайства говенного интеллигента, распустившего слюни, не понимавшего безжалостности революции). Возможно, у Ленина были и иные причины держать Горького «на расстоянии»: литературным агентом Буревестника, кстати, безжалостно обиравшим его, был тот же Парвус, через которого немецкие деньги шли Ленину. При всем том отношения революционного писателя и диктатора были вполне

«пахански»: диктатор опекал своего «верного пса» и даже предостерегал его не лечиться у врачей-большевиков, «бездарей» и «неучей». Впрочем, последнее могло быть «маленькой хитростью» — поводом для «лечебной ссылки за границу».

Горький вел жизнь «красного буржуа»: жил широко, даже шикарно, с ежедневными «обедами» и «возлияниями», любил вино и доблел от него. Вообще он был добр, sentimentalен, падал до слез, но дружбу предпочитал водить не с жертвами — с палачами...

Все в особняке № 6 достойно внимания. И роскошная отделка, и устилающие лестницу пушистые ковры, и дрессированная старая прислуга Рябушинских, прислуживающая Горькому, и секретарь великого писателя, сотрудник ГПУ П. П. Крючков, и вереница просителей, жаждущих приема.

Вечером к особняку подлетают автомобили кремлевских вельмож, сановников, маршалов. Кого тут нет: Литвинов, Каганович, глава ОГПУ Ягода, которого радушный хозяин называет, ласкательно растягивая понижегородски «оң — «моя ягодкаң. И часто, шурша, останавливается у особняка бесшумная машина самого «неистового Виссарионыча, хозяина СССРң.

«Хозяинң пирует в особняке со своими писателями. Пирует тут на фоне русской голодухи не как-нибудь, а шикарно, хлебосольно, так, как пировать надлежит вельможам российского государства.

Конечно, трудно представить, чтоб у знаменитого шефа жандармов блаженной памяти Александры Христофоровича Бенкендорфа, рядом с Булгариным и Гречем пировала бы русская литература, окруженная жандармскими сотрудниками генерала. Невозможно представить Льва Толстого, Чехова, Андреева, Сологуба, пирующих у царского цензора вместе с министрами. Но времена шатки — береги шапки...

Да, это так: благодаря Горькому и с его легкой руки первым куратором Союза Писателей стал Ягода, а одним из секретарей — генерал по делам инженерии человеческих душ. И то правда, что «гвардию ретивых и подобоострастных возглавил первый Верный Руслан при Отце Народов, с конца 20-х принявший строй концагереи и культ Сталина. И то правда, что в письме к Сталину уже в 1930-м Горький требовал ни много, ни мало «уничтожить строй жизни, существовавший тысячелетия...ң, то бишь ликвидировать ужас-с-сающие наличные человеческие качества, конкуренцию и инстинкт собственника. В другом письме Горького родному вождю есть примечательные, не требующие комментария слова о главном недостатке Мальро, типичном для всей интеллигенции Европың. Вот он, этот недостаток «борьба за человека, за независимость его творчества, за свободу внутреннего его ростаң.

В то время как жена его Е. П. Пешкова, не щадя себя, не думая о своей судьбе, всеми способами выпарывала людей из тюрем, лагерей и ссылок, буревестник революции, делавший то же при Ленине, при Сталине ни разу не подал голоса в защиту вчерашних друзей, культуры, права, справедливости, закона, хотя попрание всего этого происходило у негона

глазах. Он жил осторожной жизнью. Появлялся в правительственных ложах, президиумах, принимал всесильных гостей, сочинял им убийственные аргументы для казней: «Если враг не сдастся, его уничтожат, или предлагал увековечить память «героя-пионера» Павлика Морозова, или участвовал в написании самой постыдной книги — о Беломорканале, восславлявшей «подвиги ГУЛАГа».

В Архипелаге ГУЛАГе А. Солженицын описывает инспекционную поездку Буревестника революции на Соловки. В мировую печать просочились сведения о зверствах и бесчеловечных издевательствах над эсками, творящихся в Бухте Благоденствия — альма матер всех сталинских концлагерей. «Наглая ложь требовала опровержения, и лучшей фигуры для разоблачения инсинуаций, чем фигура «великого пролетарского писателя», найти было невозможно. Потемкинские деревни были сооружены мгновенно, орудия пыток спрятаны, нары заменены кроватями и матрасами, сварены супы... Однако, правду скрыть не удалось: «Слушай, Горький! — закричал какой-то пацан. — Всё, что ты видишь, — неправда. А хочешь правду знать? Рассказать? И рассказал! Рассказал всё! Ну, и каков результат?»

22 июня, уже после разговора с мальчиком, Горький оставил такую запись в «Книге отзывов, специально сшитой для этого случая:

«Я не в состоянии выразить мои впечатления. Не хочется да и стыдно (!) было бы впасть в шаблонные похвалы изумительной энергии людей, которые, являясь зоркими и неутомимыми стражами революции, умеют, вместе с этим, быть замечательно смелыми творцами культуры».

Палачи — творцы культуры...

И напечаталось, и перепечаталось в большой вольной прессе от имени Сокола-Буревестника, что зря Соловками пугают, что живут здесь заключенные замечательно и исправляются замечательно.

И, в гроб сходя, благословил... — иронизирует Солженицын и пишет далее:

Жалкое поведение Горького после возвращения из Италии и до смерти я приписывал его заблуждениям и неуму. Но недавно опубликованная переписка 20-х годов дает толчок объяснить это ниже того: корыстью. Оказавшись в Сорренто, Горький с удивлением обнаружил вокруг себя мировой славы, а затем — и денег. Стало ясно, что за деньгами и оживлением славы надо возвращаться в Союз и принять все условия. Тут стал он добровольным пленником Ягоды. И Сталин убивал его зря, из перестраховки: он воспел бы и тридцать седьмой год.

А почему бы и нет? — раз воспел и Соловки, и Беломорканал. И не в одиночестве — все остальные инженеры человеческих душ тоже: Шкловский, Вс. Иванов, Вера Инбер, Катаев, Тихонов, А. Толстой. Никогда еще книга не собирала под своей обложкой столько звезд, сколько собирала эта — «Беломорско-Балтийский канал». Никогда еще не писался сливками общества такой панегирик рабскому труду, тюремному строю жизни и пенитенциарной системе. Лагерь как светоч прогресса, палачество как просветительство.

Сам Ягода ведет нас и учит,
Зорек глаз его, крепка рука.

(А вот слова еще одного первосвященника и воспитателя, который сменит отравленного Буревестника: «Какое у нас сейчас замечательное правительство! Никогда в истории России не было такого замечательного правительства». Особая пикантность высказывания в том, что Фадеев говорил это в самый разгар кровавой вакханалии 30-х гг.)

В постыдных пробольшевистских З а м е т к а х о м е щ а н с т в е Горький не только обвинил во всех смертных грехах Достоевского, Толстого, Тютчева, всю «нашу дворянскую литературу, но гневно обрушился на основу свободы и демократии — собственность, заклеил совесть, развенчал гуманизм и учение Христа, оскорбительно отозвался о категорическом императиве. Дабы не быть голословным — несколькоцитат:

На почве усиленных попыток примирить непримиримое у мещанина развилась болезнь, которую он назвал — совесть. В ней есть много общего с тем чувством тревожной неловкости, которое испытывает дармоед и бездельник в суровой рабочей семье, откуда он ждет — его могут однажды выгнать вон. В сущности, и совесть — все тот же страх возмездия, но уже ослабленный, принявший, как ревматизм, хроническую форму... Эта особенность мещанской души позволила мещанину создать новое орудие примирения — гуманизм, — это нечто вроде религии, но не так цельно и красиво.

Иной не может быть литература мещан, даже и тогда, когда мещанин-художник гениален.

Ожидая, что идолопоклонники закричат мне:
«Как? Толстой, Достоевский?»

Я не занимаюсь критикой произведений этих великих художников, я только открываю мещан.

Отвратительное развитие чувства собственности в обществе.

Довольно! Лютер и Кальвин учат Запад благу труда, совести и богатства, Гёте пишет панегирики бюргеру — творцу культуры, Горький воспитывает классовую ненависть, воспекает насилие, репрессии, террор. В Заметках о мещанстве перед нами громко и с пафосом предстает Горький — рупор репрессивной культуры, запретитель, революционный хулиган, предсказанный Мережковским грядущий хам, вполне соответствующий мнению Шкловского о коммунистах: «Мир для них — это трупы, сложенные штабелями». Такова культура Горького...

Корней Чуковский некогда характеризовал Горького как человека двух душ. В Заметках о мещанстве перед нами предстает некультурная, ограниченная, грубая и узкая душа Горького, нигилиста, разжигателя ненависти, пламенного романтического разрушителя и любителя однопоборника, утопического поборника плаца и ранжира. Дураками, он буревестник, а он оказался червем, фанатиком, демагогом, с пафосом обличающим «дворянскую литературу»

руц ради большевистских химер и грядущих фаланстеров. Думали, он сокол, а оказалось — уж...

«Народный писательц, «великий гуманистц, «творец литературы нового типац... А этот «народный писательц порой глумился над своим народом, слава палачей этого наро- да — «очистителей Авгиевых конюшен русской жизни...ц, освящая своим звучным словом чудовищные антинародные преступления большевистской банды... Народ был для него быдлом — он не скрывал этого в записках о русском кре- стьянстве, а вот большевики — «единственной надеждойц, «освободителямиц, «бодрыми людмиц — почти в духе Заратустры. Вот вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень, вот придут новые «бодрые людиц — писал Буревестник..

Пришли...

Накануне процесса уничтожения крестьянства Горький писал радостное письмо Великому Вождю, в котором само это уничтожение квалифицируется как «переворот почти геологическийц, «неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партиейц. При этом исконные чувства кре- стьян он квалифицировал, как «мстительные чувства древ- него человекац, которому «приходит конецц. Если у мало- грамотного Кобы бывали сомнения, такие вот «поддержкиц интеллектуалов развивали их.

Интеллектуалов? Но был ли Горький интеллектуалом и великим писателем? Лев Толстой не считал его таковым. В своей дневниковой записи 3 сентября 1903 года Лев Ни- колаевич заметил: «Горький — недоразумениец и удивился, что его читают. У Горького почти не было собственных идей: даже философия Луки позаимствована у ибсеновского док- тора Ролинга, который тоже проповедовал «ложь жизниц. Все искусство Горького, за малыми исключениями, было сознательной проповедью лжи в целях утешения людей. Говорят об обскурантизме 30-х годов, но и в 20-х Горький много говорил о вреде философии и требовал забросить ко всем чертям книжки и всякую дребедень.. И гораздо рань- ше, избобличая «золотого дьяволац, он любил деньги и умел хорошо продавать свои книги. Годами живя за границей, он не знал языков, не желал понять Запад и видел в нем

лишь изъяны. Об американской культуре, писал Алданов, Горький судил по кони-айлендовским балаганам.

Этот «великий гуманист» буквально со смертного одра призывал Зощенко публично «осмеять страдальцев»;

«Высмеять профессиональных страдальцев — вот хорошее дело, дорогой Михаил Михайлович. Высмеять всех, кого идиотские мелочи и неудобства личной жизни настраивают враждебно к миру».

Мир стоит на пороге чудовищной войны, всю работу ГУЛАГ — самое время посмеяться над «страданием и страдальцами!».

А отношение Отца соцреализма к интеллигенции? В статье «Если враг не сдается — его уничтожат», испепеляющей Промпартию, Буревестник писал: «Наша техническая интеллигенция состоит из небольшого количества честных, преданных специалистов, прослоенных множеством гнусных предателей. Не пройдет и месяца, и в другой статье, иронизируя над такими «гуманистами», как Альберт Эйнштейн и Генрих Манн, Инженер Человеческих Душ скажет: «Употребляется ли ради развития сознания человека насилие над ним? Я говорю — да!.. Культура есть организованное разумом насилие над зоологическими инстинктами людей».

Сам факт, что именно Горького отец народов выбрал в Главного Инженера, достаточно красноречив. Ведь не выбрал же он Булгакова или Пастернака... А созданный Горьким Союз писателей — разве не стал союзом послушных и исполнительных марионеток, работающих по заказу Великого Вождя? И разве не Горький дирижировал этим хором?

ПОЭТ ТОТАЛИТАРИЗМА

Дьявольская антипоэтическая
миссия его в этом мире —
подмена. Культуры —
антикультурой, искусства —
антиискусством, духовности —
анти-духовностью...

Ю. А. Карабчиевский

У революции были не только буревестники, но и орлы-стервятники, жаждавшие дымящегося мяса... «жующие не-вкусных людей... воспеваящие «сочныеклячьян...

Я люблю смотреть, как умирают дети...

Одной этой строки — отнюдь не эпатирующей, даже не циничной, а жутко обиденной, как обиденна жизнь джун-глей, — вполне достаточно, чтобы перевесить «сто томов» и затмить «божью искру». Но строка эта — не просто обыденна, а типична, характерна, из таких строк состоит зна-чительная часть революционного творчества Маяковского...

Пусть из наследников,
из наследниц варево
варится в коронах-котлах!

Или:

Я выжег души, где нежность растили...

Или:

Теперь
не промахнемся
мимо, Мы знаем кого
— мети! Ноги знают,
чьими
трупам
им идти.

Или:

Чтобы флаги трепались в горячке пальбы,
как у каждого порядочного праздника —
выше вздымайте, фонарные столбы,
окровавленные туши лабазника,

Или:

А мы —
не Корнея с каким-то Расином
— отца, —
предложи на старье меняться,
— мы
и его
обольем керосином
и в улицы пустим
— для
иллюминаций.

Или:

Севы мести втысячу крат
жни! Вкаждое ухо ввой...

Или:

Плюнем в лицо
той белой слякоти,
сюсюкающей
о зверствах Чека!

Он вообще любил плевать в лицо и, похоже, делал это с наслаждением... Уникальная поэзия: плюющая, жгущая, вешающая, вооружающая на убийство...

Белогвардейца
найдете — и к
стенке, А Рафаэля
забыли?
Забыли Растрелли вы?

Время
пулями
постенке музея тенькать.
Стодюймовками глоток старье расстреливать!

Даже у Владимира Ильича Ленина не было такой патологической ненависти к обидевшим его людям и к культуре,

обидчикамисозданной.

Старье охраняем искусства именем,
Или
зуб революций ступился о
короны? Скорее!

Скорее! — это призыв к немедленному разрушению.
Скорее! — это призыв немедленно положить на стихи бессмертные ленинские идеи.

Пули,
погуце! По
оробельм!
В гущу бегущим
грянь, парабеллум!
Самое это!
С донышка
душ! Жаром,
жженьем,
железом,
светом
жарь,
жги,
режь,
рушь!

Если слова — это поступки поэта, то вот его слова: «ок- ровавленные тушин, «окровавленный песнями ротн, «багро- вой крови лилась и лилась струян, «у раненого солнца вытекал глазн, «туч выпотрашивает туши багровый закат- мясникн, «сочными клочьями человеческого мясан, «на сажень человеческого мяса нашинковалиц...

Человек, многократно и с удовольствием повторя- ющий:
«кровь, окровавленный, мясо, трупн, да еще к тому же время от времени призывающий ко всякого рода убийству, — неминуемо сдвигает свою психику в сторону садистского сладострастия.

Кстати, о сладострастии. Вот «талантливые стихиц по- эта масс о самом святом — любви:

Теперь —
клянусь моей языческой силою!
дайте
любую
красиву
ю,
юную,

—
души не растрочу,
изнасилую
и в сердце насмешку плюну ей!

И снова:

Радостно плюну, плюну в лицо вам...

Или:

Вся земля поляжет
женщиной, заерзает мясами,
хотя отдайся...

Или — картинка с натуры, видимо знакомая не по книгам, которых, в отличие от женщин, — не любил:

Нажрутс
я, а после,
в ночной слепоте,
вывалясь мясами в пухе и вате,
сползутся друг на друга потеть,
города содрогая скрипом
кроватей.

Даже о «своих» женщинах говорил — одной о другой:
«Эта лошадь кончилась — пересаживаюсь на другую» (Лиле Брик о Татьяне Яковлевой, «пересаживаясь то ли на Наталью Брюханенко, то ли на Веронику Полонскую...»)

Большинство людей, бросающихся в революцию, делает это из нестерпимой обиды на мир, на человечество, на жизнь, из мести к ним. Маяковский был сильно закомплексованным циником, возненавидевшим мир, не желавшим признавать его, человечество, отказавшее ему в памятниках, жизнь, бьющую со всех сторон, женщин, отказавшимся принадлежать всецело ему одному. *Он страдал обладать всем миром*, но самые близкие ему люди — Лиля Брик, Татьяна Яковлева, Вероника Полонская — делили его с другими.

У всех революционеров «лодка разбилась о бытие, то есть о нормальную жизнь нормальных людей. Все они уходили в революцию, бросая проклятия презревшему их миру. У всех была удивительная способность к ненависти: они ненавидят всё и вся, Маяковский — от быта до знаков препинаний. «Каждый пункт его биографии кончался призывом к какой-нибудь ненависти. И все они — революционеры — ждут от ненавистного мира преклонения завсегда»:

Эй

вы!
Небо
!
Снимите
шляпу Я иду!

Поэт революции и черни был человеком маниакальным, у него было маниакальное влечение к насилию, величию, убийству и самоубийству. Если ранний Маяковский поэт обиды и жалобы, то поздний — разрушения и мести. У него все гипертрофированно: обиды, ненависть, собственное «я». Он — символ мании величия, выросшей из комплекса неполноценности, пленник собственного бессознательного. Здесь Фрейд мало, и Юнг мало, и Фромм мало.

К сожалению, отсутствует психоаналитический портрет этого «подпольного человека, которого одного б хватило, чтобы построить всю эту науку, граничащую с искусством. Нам не известны события его внутренней жизни, уязвившие его тщеславие, заставившие его люто возненавидеть людей и жизнь, бросившие его в революцию, принудившие взять пистолет. А то, что он людей ненавидел, не требует доказательств: некрофилия — главная тема его поэзии, цинизм, кровожадность, плевки — суть его эстетики.

Был ли он болен? Не знаю! Знаю лишь, что к психиатрам своего отношения не скрывал:

И по камням, острым, как глаза ораторов,
красавцы-отцы здоровых томов,
поташим мордами умных психиатров
и бросим за решетки сумасшедших домов!

«Мысль о самоубийстве, — вспоминала Лиля Брик, — была *хронической болезнью* Маяковского, и, как каждая хроническая болезнь, она обострялась при неблагоприятных условиях... Всегдашние разговоры о самоубийстве! Это был террор. Все знавшие его женщины говорили одно: безумец, скандалист, страшные сцены, то садистские, то мазохистские приступы... «или шумный, веселый... — или мрачный, и тогда молчащий подряд несколько часов. Раздражался по самым пустым поводам. Сразу делался трудным и злым» (В. Полонская). «Какой же он был тяжелый, тяжелый человек!» (Эльза Триоле).

Перед нами совершенно больной человек. Ноне временно, как считает Полонская, а больной постоянно, больной всегда, переживающий резкое обострение, дошедший до крайней черты.

Дело даже не в странностях или маниях (мания преследования, страх болезни и смерти, мания чистоты, боязнь убийц), дело не в ипохондрии, мнительности (вечные градусники), резкой смене настроений, глубоких депрессиях, граничащих с психозом — дело в том, что революционность и есть этот психоз, эта мания, эта фобия и мизантропия. Все революционеры немногочисленны.

Маяковский не первый певец революции, но, пожалуй, он первый, эротически влюбленный в нее, желавший ее как женщину, любовницу, деву... Революция — его новобрачная, вотизвращение..

Чье сердце
 октябрьскими бурями
вымыто, тому ни закат,
 ни моря революцые,
тому ничего,
 ни красот,
 ни климатов
не надо —
 кроме тебя,
 Революция!

Его жена — революция, мать — республика, папаша — рабочий класс, и Ленин — глубокоуважаемый тесть..

...Моя
 большая мам
а Республика моя.

У нас большой папаша
— стальной рабочий класс.

И до Маяковского были поэты, «революцией мобилизованные и призванные, но Маяковский, пожалуй, первый, кто, будучи влюбленным в разрушение, воспел все ее потребности, громогласно звал к ним.

Ко времени пришествия Революции Маяковский, единственный из всех современников, был уже готовым поэтом.

Маяковский оказался единственным из известных поэтов, у которого не просто темой и поводом, но са-

ним материалом стиха, его фактурой были кровь и насилие. Тот, кто на протяжении нескольких лет сладострастно копался голыми руками в вывернутых кишках и отрубленных членах, был вполне готов перейти к штыку и нагану.

У интеллигентов массовые убийства, разрушения, изгнания, страдания вызывали стон и боль, у Маяковского — радость. «Жарь, жги, режь, рушь — разве не этот его поэтический призыв осуществила революция? Разве не она уничтожала картины и закрывала музеи, «эти гробницы культуры», как он призывал ее? Не потому ли, по словам другого культуроненавистника и некрофила, стал «лучшим поэтом эпохи»?

То затаенное, сокровенное, что выплескивалось с доньшка его души по частям в тех поэмах и многих стихах, теперь изливается целиком и впрямую. Теперь он получает возможность и право и использует их на всю катушку, мобилизуя весь свой талант. Он стреляет, колет, режет и рубит, он размахивает всем, что попадает под руку. Все живое вокруг погибает и корчится в муках. С грохотом рушится «римское правое» и «какие-то еще правое». Здесь же рядом валяется апостол Петр «с проломленной головой собственного собора». Гардеробы топчут людей, столы протыкают их ножками. В этой жуткой оргии уничтожения, в сплетении изуродованных зданий и тел далеко не всегда можно понять, кто же именно должен гибнуть, а кто — торжествовать победу. Но это и не важно, это и не нужно. Здесь важен процесс, на него направлено все внимание и все лучшие чувства автора. И это именно он, автор, наслаждается и торжествует. Революция требует, революция оправдывает — и он готов, и он счастлив действовать.

Самое страшное — то, что Маяковский — в отличие от своих прозелитов — еще не выполнял «социальных заказов» большевиков, что все это поднималось из его собственных глубин. Тогда еще не пришло время писать по заказу комиссаров или чекистов. Никто не принуждал Маяковского писать такие вот стихи:

Фермами ног отмахивая
мили, кранами рук
расчищая пути, футуристы
прошлое разгромили,
пустив по ветру культуришкиконфетти.

Никто не тянул его за язык кричать «есть!» на одном из диспутов, когда кто-то сказал, что среди присутствующих нет поклонников гильотины. Даже Сталин казался ему чрезмерно мягким по отношению к классовым врагам, даже ЧК — организацией филантропической... К. И. Чуковский не случайно говорил, что ненависть была единственным содержанием его жизни...

Да, именно такие «интеллигенты» прокладывали пути сталинской тирании, именно такие горлохваты в стихах упреждали ее. Именно они, идейные бессеребренники, начав со службы революции, кончили прислуживанием власти. Не случайно же появились эти стихи:

Немало тлео бреда
в кромешной
голове,
и страстно был он предан
— Ему, Кремлю, Москве.

Всё тут верно: и «кромешная голова», и преданность «великому делу» людоедства. Маяковский не только пылал пафосом антикультуры, он сам был человеком невысокой культуры, читал мало, предпочитал застолья, карты, друзей из ЧК, ббб.

Еще в 1927-м Георгий Шенгели писал о Маяковском:

Бедный идеями, обладающий суженным кругозором, ипохондричный, неврастенический, слабый мастер, — он, вне всяких сомнений, стоит ниже своей эпохи, и эпоха отвернется от него.

Есть все основания полагать, что влюбленный в Розу Люксембург убогий герой Чевенгура Копенкин, разъезжающий по степи на коне «Пролетарская сила», — не кто иной как наш

...он считал революцию последним остатком тела Розы Люксембург и хранил ее даже в малом.

...он не понимал и не имел душевных сомнений, считая их изменой революции; Роза Люксембург за- ранее и за всех продумала все — теперь остались одни подвиги вооруженной руки ради сокрушения види- мого иневидимого врага.

...убей всех буржуев и разную «остатного сволочь», объединись все пролетарии, товарищи, босота — и наступит коммунизм.

Покушав пшенной каши в хате Достоевского, Дванов и Копенкин завели с ним неотложную беседу о необходимости построить социализм будущим летом. Дванов говорил, что такая спешка доказана самим Лениным.

У нас же все решается по большинству, а почти все неграмотные, и выйдет когда-нибудь, что неграмотные постановят отучить грамотных от букв — для всеобщего равенства... Тем больше, что отучить редких от грамоты сподручней, чем выучить всех сначала.

Значительная часть того, что громко именуют «поэтическим наследием» ломпен-поэта, это — кличи к насилию и энтузиазму, лозунги, агитки, трудовые и походные марши, рапорты...

Я встал со стола, радостью высвечен,
хочется — идти, приветствовать, рапортовать!

Или:

Энтузиазм,
разрастайся и длись
фабричным сиянием
радужным.

Да, поэт — горлан, будильщик, надсмотрщик, подгоняла, какого поэзия ни до, ни после не знала: «Марш, марш, вперед, рабочий народ!» «Товарищ комсомол,строй огромный мол!» «Красное знамя, раздувай пламя!»

Еще — поэтчекист:

Есть *твердолобые*
вокруг
и внутри
зорче
и в оба,
чекист,
смотри!

Или:

Не тешся,
товарищ,
мирными днями,
сдавай
добродушие
вбрак
Товарищ,
помните;
между нами
орудует
классовый враг.

Он верно служил власти до последнего часа. Уже в 1930-м, незадолго до самоубийства, заявлял на публичном собрании:
«То, что мне велят, это правильно. Ноя хочутак, чтобы мне велели». Это — прозаический вариант только что написанных стихов: «Я хочу, чтоб в конце работы завком запирает мои губы замком».

Как жаль, что не дожил до 37-го, много поэзия Лубянки потеряла..

Первый в мире поэт масс, как называла его Марина Цветаева, был мелким человеком, как и подобает такому поэту, — пафосом своим скрывал пугающую пустоту души, самозабвенно обличая мещанство, — лгал..

Опутали революцию обывательщины
нити. Страшнее Врангеля обывательский
быт.
Скорее головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм
канарейками не был
побит.

Это — в стихах. А это в прозе: «Человек приспособился и осел...
пережил революцию... завел абажуры и платки-

ца...нА это в песах: клоп, мурло, гад...А как в собствен- ной жизни?

В стихах он писал: «Не избежать мне сплетни дрянной. Ну что ж, простите, пожалуйста, что я из Парижа привез Рено, а не духи и не галстук. Это — для читателя, так сказать оправдание, что купил борец с хапугами автомо- биль, а не мешанские духи и галстук. А это приватно, для Лили: «Я постепенно одеваюсь... и даже натер мозоли от примерок... Заказали тебе чемоданчик — замечательный и купила шляпы... Духи послал; если дойдет в целости, буду таковые высылать постепенно. И в другом письме: «Жи- лось хорошо... обуты, одеты и живем в тепле, едим вкусно и вовремя, пьем много чая с вареньем. Установился «ста- ренький, старенький быпик»,

Стихи, написанные Маяковским в последние два- три года жизни, — это, за очень редким исключением, уже не просто автопародия, но тотальная, захлесты- вающая пошлость, поражающая своим непрерывным избытком.

В поцелуе руки,
 губ ли,
в дрожи тела
 близких мне
красны
й ще
 т моих республик

тоже
 должен
 пламенеть.

Именно так писал бы Победоносиков, если бы он писал стихи. Кто еще мог увидеть пламенеющий крас- ный цвет, да еще республик, в дрожи тела, а также «в поцелуе рук?»

Мы
теперь
 к таким нежны —
спортом
 выправишь немногих,
— вы и нам
 в Москве
нужны, не хватает
 длинноногих.

Не хватает длинноногих, невыполнен план, кое-какие коротконогие выправлены, но этого все еще мало, и в соответствии с нуждами народного хозяйства длинноногих приходится выписывать из Парижа, разумеется, временно, пока не будет налажено собственное отечественное производство...

Есть у Катаняна забавный рассказик, называется «Сталинские лозунги». Там он прослеживает на протяжении нескольких лет почти буквальные совпадения строк Маяковского с печатными высказываниями вождя.

Отчего же тогда — пуля в висок? Гипотез много, мне импонирует версия расхождения растущей мании величия с утратой влияния и недоверием власти — той власти, без которой он «ни одной строкой не мог существовать». Запрет на зарубежную поездку, внезапно появившееся ледяное дыхание власти в затылок, насмешливый рев и гогот на одной из встреч с «трудящимися», депрессивность, истеричность.

Крайне любопытно признание О. Мандельштама, узнавшего о смерти Маяковского на отдыхе в Сухуми:

Общество, собравшееся в Сухуми, приняло весть о гибели первозданного поэта с постыдным равнодушием... В тот вечер плясали казачка и пели гурьбой у рояля.

Был ли Маяковский крупным поэтом? Была ли у него харизма? Был! Была! Но искру, данную ему Богом, он задал дьяволу — оттого и погиб столь бесславно... Он и сам как-то проговорился: «С хвостом годов я становлюсь подобием чудовищ ископаемо-хвостатых...»

Итак, дьявол. Антипоэт. Миссия его в этом мире — подмена. Культуры — антикультурой, искусства — антиискусством, духовности — антидуховностью.

Был избран подходящий молодой человек: тщеславный, с неустойчивой робкой душой, но с высоким ростом и сильным голосом, то есть резко выделяющийся по внешним данным. За сто лет до того дер-

жателем высшего дара, носителем божественного огня явился человек ниже среднего роста, со смешной, по сути дела, фамилией. Для дьявольского замысла была необходима яркая, издали заметная оболочка и такое же яркое, значащее имя.

Сначала его лишь направляли и подпитывали. Отсюда, с одной стороны, огромная энергия, с другой — еще живое выражение лица, без улыбки, но все-таки живое, не маска. Позднее... состоялась окончательная передача его души в чертово ведомство.

* * *

История знает разве что один подобный пример массового уничтожения собственной культуры — 3-й рейх. Но, надо полагать, что и там осквернение не достигало подобного размаха и не было столь тотальным. Во всяком случае не было покушения на культурные основы. Здесь же от фашизму подверглось не только инакомыслие, но — все: Достоевский, впервые проникший в подполье, Толстой со своим толстовством, Гоголь со своим безумством, Шагал со своей росписью пармской оперы, восславляющей родину...

«Проработчики» доказывали, что Пушкин, Тютчев, Тургенев чужды пролетариату...

Пушкин, Лермонтов,
Некрасов Трубадуры
чуждых классов... Грибоедов
— примиренец!
Гончаров — приспособленец!
Гоголь — рупор мистицизма!
Салтыков — продукт
царизма! Глеб Успенский,
Помяловский, Короленко, А.
Островский — Фаталисты,
шовинисты, Уклонисты,
монархисты.
Крепостник Иван
Тургенев Сочинял не
ради денег, Все же этот
феодал Политпрамоты не
знал...

И вот результат: в дискуссиях господствует чин, а не авторитет,

не мысли, а погоны, «интеллигенция готова вы- полнить любое задание любого правительства, поэты — минитмены, редакторы — цепные псы, вседозволенность- всезапрет, стадность, начепничество, беспамятство и обира-

ние родины, недалеко ушедшие от серьезных иронические стихи

Прошла зима, настало лето
Спасибо партии за это..

ОТСТУПЛЕНИЕ О ТАРАНТУЛАХ

Вы, проповедники равенства! Бессильное безумие тирани кричит в вас о «равенстве»: так ваше сокровеннейшее вождение к тирании драпируется в слова добродетели.

В каждой жалобе их слышится месть, в каждой похвалитается оскорбление: и быть судьями им кажется блаженством.

И когда называют себя «добрыми и праведными», не забывают, что им, чтобы стать фарисеями, недостает одного только — власти.

Будь иначе, и тарантулы стали бы учить иначе: ведь именно они были некогда худшими клеветниками на мир и сожигателями еретиков.

Изобретателями образов и призраков станут они во вражде своей..

Коммунисты — тарантулы, провиденциально определяя мифотворец, но мог ли он, осененный безумием, предвидеть меру безумия восторжествовавшего хама? Искусство как форма лжи, говорил он, но мог ли предвидеть, что — *та- кой*.

Освободив массовое от пуг культуры, дав смерду волю, мы и получили тот экстракт плебейства, который заключен в темной массе, не знающей благоговения, способной только топтать. Этот беспрецедентный опыт показал меру варварского в выпущенном на свободу стадном — все, на что способна хамская компонента человека.

Ладно, Ницше — враг, а Гейне? Разве не Гейне предсказал, что люди коммунистического общества «своими

грубыми руками беспощадно разобьют всемирные статуи красотицы?

Сносили Сухаревскую башню, взрывали храм Христа Спасителя, продавали картины из Эрмитажа, заживали парки и дворцы, в полном соответствии с предсказанием — били памятники, рубили деревья вдоль Первой Мещанской — и так по всей кровотокающей стране...

Варваризация в индустриальных масштабах! Была со-здана гигантская — такой еще не знал дух — индустрия размалывания мировой и отечественной культуры, сквозь сита которой было пропущено все. Классифицировали ге-ниеи всех времен и народов на *наших* и *не-наших*, расчленили Гоголя, Достоевского и Толстого, расставляли тотемы и табу, изымали все сколь-нибудь выдающееся из библиотек — «проверено, недопущено нет», — заводили 13-е отделы. И — жгли...

Запреты привели к тому, что в букинистических магазинах «секретную» литературу не продавали, в течение многих десятилетий она не переиздавалась, библиотеки уничтожали книги, а частные владельцы, опасаясь последствий, тоже избавлялись от них.

Сейчас издания первых, да и последующих лет советской власти, несмотря на свои немалые тиражи, сохранились лишь в единичных экземплярах. На грани уничтожения целый пласт книжной культуры страны!

Перечислять можно очень долго, ведь только творческое наследие репрессированных политических деятелей насчитывает свыше пятисот наименований.

Знала ли культура подобную планомерную, долговременную, тотальную чистку — огнем и мечом?

Знала ли культура подобную деградацию, когда безмыслие, серость, открытая лезть были объявлены вершинами культуры, а гениальность поставлена к стенке?

Всё — всё! — значительное, что создало наше искусство после 17-го, — Гумилев, Мандельштам, Булгаков, Белый, Цветаева, Ахматова, Кузмин, Бабель, Хармс, Введенский, Платонов, Замятин, Шмелев, Пастернак, Бродский — со-

здавалось вопреки, а не в соответствии с «генеральной линией». Такова правда!

Противники и ругатели прагматизма, мы извлекли из мировой культуры лишь то, что нам выгодно, что вписывается в наши жалкие схемы, предав анафеме все остальное. И даже шаг за шагом сдвигая позиции, даже отступая под непреодолимым напором человеческого гения, мы продолжали громить то, что время принуждало нас сквозь зубы признавать: Трифонова, Абрамова, Быкова, Адамовича, Можяева, Искандера..

Феноменальное явление в истории цивилизации: наша культура, литература, философия, история куда глубже, основательнее и полнее изучаются за рубежом, чем у нас.

Это же надо! — культура, существующая как критика западных ее интерпретаций.

Оплывали все, что не соответствовало величественному примитиву утопии — Мальгуса, гениально предостерегшего от катастрофы демографического взрыва, Менделя, открывшего законы наследственности, Киркегора и философов жизни, не убоившихся заглянуть в ее недра, Римский клуб, предупредивший об опасности глобальных проблем, театр абсурда — квинтэссенцию человеческой боли, вайоленсологию, изучающую насилие, дабы уменьшить его.

Философия жизни ненавистна нам самой жизнью, правдой жизни, мудростью жизни, интуитивностью и личностностью жизни, искренностью, исповедальностью, подлинностью, многообразием жизни.

Дело даже не в том, что Киркегор, Ницше, Сантаяна, Бергсон, Соловьев, Бердяев, Шестов, Ясперс, Ортега, Фрейд не укладывались в наши догмы, — все куда глубже. Речь идет не о сознании, а о подсознании, о бессознательной непереносимости эвримена к гению. Серость не переносит ясно-видения. Провиденциализм пугает, настораживает нивелиатора. Пока массовое, стадное забито, оно молчит, выпущенное на волю, оно обретает свой собственный рык и мат.

Подлинное в человеке — Киркегор, Шопенгауэр, Ницше, Сантаяна, Ортега, Фрейд, Юнг, Джойс — смертельно

пугало трублионов. Тут было не до отделения семян от плевел. Это подрывало первоосновы, фундамент, утопический миф о богоподобии. Даже разбирательство было опасным — вот почему их отвергли целиком, огульно, раз и навсегда.

Эпидемия философии жизни была опасна не для духовного здоровья народов, а для идеологии хрустального дворца. Духовных отцов не волновало, как влияют на мораль и мировоззрение репрессии, насилие, подавление всех человеческих прав, а вот крупицы правды, добытые гениями боли, сокрушали мораль и сверкающее мировоззрение. К сожалению, этих гениев нельзя было расстрелять, репрессировать, уничтожить, поэтому оставалось одно — ликвидировать их наследие. Что и было исполнено. Всё, что о них осталось, — это набор матерных выражений в энциклопедиях, да несколько жалких книжонок, в которых количество цитирований строго соразмерено с числом ругательств.

ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Импрессионизм — упадочное направление в буржуазном искусстве.

И. явился результатом начавшегося разложения буржуазной культуры, разрыва с прогрессивными национальными традициями. Приверженцы И. выступали с программой безыдейного антинародного «искусства для искусства». Они отказывались от правдивого, реалистич. отражения объективной действительности и утверждали, что художник должен воспроизводить лишь свои первичные субъективные ощущения, мимолетные впечатления, свободные от контроля разума, от обобщения и типизации. Эта субъективно-идеалистическая основа И. родственна принципам современных ему реакционных течений в философии.

Отрицая критерий объективной правдивости, демонстрируя безразличие к явлениям социальной жизни, к человеку, к общественным задачам искусства, представители И. неизбежно приходили в своем творчестве к распаду художественного образа и к разрушению художественной формы. В своем развитии И. сливался с символизмом, экс-

прессионизмом и другими воинствующими реакционными формалистич. течениями.

Общественность демократических стран ведет решительную борьбу с рецидивами И. в искусстве.

Нет, нас несправедливо обвиняют в закостенелости. Это ложь! Скорее наоборот: мы сверхпластичны. Мы так извиваемся, что наши вчерашние решения сегодня не выдаются в наших же библиотеках. Нам надо ежегодно переписывать наши историю, философию, этику, наши энциклопедии — и еще удивительно, что мы не изымаем у населения компрометирующие нас старые. Но все наше обновление, все наши перестройки обладают прямо-таки мистическим качеством: все течет, все меняется и все остаетя незыблемым.

Параноидальное постоянство...

ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Модернизм (от франц. *moderne* — новейший, современный) — общее обозначение различных упадочнич. течений в буржуазном искусстве и литературе эпохи империализма. М. характеризуется искажением действительности, отказом от изображения типического, утверждением реакционных тенденций, антинародностью, космополитизмом.

Разнося в пух и прах «упаднич. течения, что передовое создали мы? Семь рядов колючей проволоки вокруг страны, ее гениев, «чуждого искусства? Фаланстеры «хрустального дворца? Полпотовщину?

Где наше многообразие? Где интеллектуальный, исповедальный, музыкальный, полифонический, мифологический, просто экспериментальный — романы? Где искренность, неподкупность, неангажированность, проникновенность? «Он пошел, она сказала?»

Вот образец нашего мышления, один из лучших образцов:

Я считаю, что советский писатель должен все знать. Мы должны знать все книги, какие бы они ни были,

мы будем знать всех писателей, какие бы они ни были. Я буду подходить к ним как командир, как разведчик. [Напрашивается — как стрелок]. Я должен знать, *что думает мой враг*; — давай его сюда! Культура как

враг — вот наша позиция!..

Можно продолжать, продолжать и продолжать. Тома и тома... Но надоли?

Надо! Историки должны написать их, чтобы понять, откуда берется это экстремистское аморальное право на всепоношение у людей, породивших самую примитивную, ханжескую, зловещую из культур.

Понять надо, ибо, как говорил А. Бретон, проблема еды и заработка не может объяснить причин, по которым ху- дожник превращается в проститутку.

ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ? ИЛИ ЕЩЕ ОДНИ ЦВЕТЫ ДОБРА

– Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили.

– Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?

Е. Шварц

У нас нет великих писателей... Когда наши хорошие писатели достигают определенного возраста, с ними что-то происходит... Мы уничтожаем их различными способами.

Э. Хемингуэй

«Всегда и везде Тарелкин был впереди. Едва слышит он,

бывало, шум совершающегося преобразования или треск от
ломки совершенствования, как он уже тут и кри-
чит: вперед!!! Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед
знаменем; когда объявили прогресс, то он стал и

пошел перед прогрессом — так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади!

Искусство — это страсть. Либо она есть, либо ее нет. И вот новый феномен: страсть по присяге. Нет, этот феномен был и раньше, но сегодня присяжные угодники — все. Оказывается можно творить, культивировать вкус, расточая то, чего нет.

Нет, это ошибка, что человека, отдавшего лжи, оставят ум и талант. Вдохновение по расчету, ох, как талантливо и изощренно — столько ретивости, рвения и страсти, что куда томугению.

Да: все мы вышли из племени маронистов. Только раньше прославляли Юлиев и Августов, теперь — хама. Да с каким воодушевлением! Не будет же хам платить за вялость

Трудно назвать хоть одну нашу победу, которая обошлась бы без насилия. На этом фоне полуправда самых талантливых наших писателей со всеми их оговорками, расшаркиваниями, подбострастными реверансами, самореконструкциями выглядит вполне респектабельно. Но как нельзя чуть-чуть родиться, так нельзя капельку лгать. Одно предложение за всю жизнь, одно слово, одна буква... Возможно, это экстремизм, но, наверное, именно отсюда произошла идея молчания...

Мы гордо называли себя пастырями душ, но не каждый хозяин многим из нас доверил бы даже овец. Да, были и есть среди нас писатели, ученые, голос которых в самые застойные годы был живым и живым остался. Но сколько умолчаний, хитрых уходов от кардинальных проблем современности, литературных игр на совести каждого из нас! И для себя я тоже исключения не делаю. Можем оправдываться: реальная жизнь к этому вынуждала. Да, с первых шагов моих в литературе меня учили: «Пиши, как все, и будет тебе зеленая улица...» Учили не только словами, всей издательской, и не только издательской практикой: Ирий шел к читателю семь лет. Одинокий волк — двенадцать. Вор — четверть столетия, по-

чти столько же идет к отдельному изданию роман К а т а с т р о ф а и т. д. А в каком виде после всех «чисток» они вышли! Можно оправдываться перед другими, перед собой не оправдаешься, ибо, как писала Лина Костенко, не было эпохи для поэтов, но — были поэты для эпох.

Искусство полуправды и намеков: мол, ничего страшного, что я на тысяче страниц кланялся и угодничал, зато в хорошо запряганном от самого себя дневнике сказал «нужны» слова... в зашифрованном виде.

Все верно, но не до конца! Смотрите, какую великую булгаковскую литературу породила культура тоталитаризма! Какое великое разнообразие шифров, какой платоновский язык, какое множество иносказаний. Да, никакая свобода не дает такой свифтианы, какую обеспечивает самая жестокая цензура в мире. Дешифровка, развертка, реставрация — такой будет грядущая герменевтика, слой за слоем снимающая лакировку с нашего «реализма».

Но это другая правда. А большинство замечательные ведь вещи писало.

У меня перед глазами волнующая картина шедевров художественного творчества: Л. И. Брежнев вручает Узбекистану орден Дружбы народов. Художник тщательно разместил на своем бессмертном холсте всю верхушку мафии: Рашидов, далее Каримов, Адылов, Осетров, Орлов, Хван! Такое единодушное порывов и чувств, как будто сам Леонид Ильич благословляет на обман и приписки.

Чтобы предать, не обязательно надо стать Паундом, Гамсуном, Михельсом, Селином, Жионо, Монтерланом, Маринетти или Бергстедом — достаточно остаться урапатриотом. Не обязательно продать перо врагу — можно и «друзьям» народом, Инженеры человеческих душ, глумящиеся на пепелищах 37-го, или художественные иллюстраторы постановлений, или энтузиасты-угодники типа Алексея Толстого, или худосочные Джамбулы Джабаевы — вот пятая колонна.

Но и это еще не самое страшное. Продаваться, торговать мозгами, чтобы жить — это было всегда. Но вот делать это по призванию, с пафосом, самим верить в рвение и ложь — вот гнусность. Продаваться — и фискалить, продаваться — и писать доносы, продаваться — и бить в литавры... Впрочем, и это не ново. История знает имена первых застрельщиков во время бунта, становящихся легитимистами больше короля после реставрации. Но — одиночек. Здесь же — все поголовно, целыми организациями, союзами полицейских от культуры, орденами духовного сыска, тысячами и тысячами весьма живых мертвопроходцев...

Стоп! Откуда эта ассоциация — полиция? Ах, да! Как там у Щедрина? — «верили, что под наблюдением квартальных надзирателей возникнут лучшие в мире науки и искусства»

Это же надо! — После изгнания остатков культуры в начале двадцатых, после завершения тридцатых — продавались — чуть не сказал: все. Конечно, не все! Никакой диктатуре, никакой тирании, никакому насилию, никаким фюрерам не под силу завербовать всех.

Но есть и другая правда: ни одному тоталитаризму — даже нацизму — не удалось привлечь столько интеллектуалов к себе на службу. В искусстве и раньше существовали изящно написанные подлости, но добиться подлости от большинства удалось лишь нам.

Впрочем, таков принцип любой шайки: запятнаны — все.

(А сколько этих незапятнанных осталось в живых, скольким удалось уцелеть, пусть в муках, но дожить до естественной своей смерти? Сколько их было. Булгаков, Пастернак, Голосовкер, Ахматова, Зощенко, Платонов... Сто? Пятьдесят? Пятнадцать? Да и Цветаева не в счет: какая же это естественная смерть — в пелле?..)

Эталон несвободы — служба догме, в которую не веришь. Это — необходимость славить одно и шельмовать другое, быстро, автоматически, бессознательно, рефлексивно-

но реагировать на приказ, даже если его — нет. Напротив, мы можем измерить степень счастья и цивилизованности, которых достиг народ, соответственно энергии, затраченной на свободные и благородные занятия, сообразно тому, сколько в его художниках независимости, суверенитета, незаинтересованного самовыражения.

Какая там независимость, суверенитет, совесть! — Кажется, шлагер необходимо было «залитовать» — получить заключение об отсутствии крамолы, каждый спектакль пропустить через худсовет, каждую поездку зарубеж — через КГБ. — Невозможно даже себе представить, сколько божьего дара загублено, сколько опыта и труда безвозвратно растрачено для того, чтобы перелить столбцы правительственных декретов в строфы стихов, фабулы романов, в звуки музыки. — В бесконечный бурный поток рифмованной лжи, положенных на стихи и музыку лозунгов, беллетризованных уставов и решений.

Человеческий дух, сознательно и планомерно перерабатываемый..

Да: культура расправы, сущность которой — перманентный 37-й..

Юристы, превратно понимающие свой служебный и нравственный долг, артисты, жаждущие расправы и мести, историки, сочиняющие сценарий публичных казней, родились не вчера — они жили, воспитывались, формировались в своем времени и пространстве. Когда слово «расстрел» вошло в привычный обиход и от частого употребления уже не воспринималось как нечто ужасающее, неммыслимое, повергающее в отчаяние. Когда кругом кишели «враги народа» — каждый должен был «выявить» их, и чем больше, тем лучше.

В последнее время мы охотно обвиняем предыдущие поколения, допустившие 37-й год. Но разве лишая коллегу права на собственное мнение, безответственно разбрасываясь политическими ярлыками, мы тем самым не делаем возможным повторение этой страшной трагедии?

ЕЩЕ ОБ ENGAGE

Никто, как известно, не пишет хуже, чем защитники стареющей идеологии, никто не проявляет меньшей опрятности и добросовестности в своем ремесле, чем они.

Г.Гессе

Он же, если уж говорить об искусстве, довольствуется тем, что прыгает через палку и таскает из воды фуражку хозяина.

Э. Т. А. Гофман

В архив сдан Гёте, не в почете Шиллер,
Лауреатства Манны лишены.
Зато вчера безвестный Ганс
Душилер Достиг невероятной
вышины, Назначенный «певцом
родной страны».

Когда у нас появятся собственные Францы Шонауэры со своими монографиями в духе Литературы в Третьей империи, мы не узнаем ничего нового: те же бездарные одописцы генрихи анаккеры, те же славящие фюреров — благодетелей трудящихся гагены и карраши, тот же освящающий собственную историю и собственные завоевания «нордический ренессанс», проникнутый безудержной идеализацией и шовинизмом, та же не имеющая ничего общего с художественностью поэзия, переплавляющая в вирши крикливые лозунги кирзового толка, те же бальдуры фон ширахи — фюреры писательского дела.

Возможно, это суеверие, писал Т. Манн, но у меня такое чувство, что книги, которые вообще могли быть написаны в Германии с 1933 по 1945 год, решительно ничего не стоят и лучше их не брать в руки.

Нечто подобное мы прочитаем в лучшие времена и о литературе нашего века.

Не нас ли имел в виду Джордже Манганелли в своей книге Литература как ложь определив писатель-

ство как асоциальное явление, заниматься которым — безнравственно?

* * *

Возле каждого дома был воздвигнут театр. Во всех театрах шла одна и та же пьеса. Ежевечернее посещение театра было обязательным. Спектакль кончался бурными, долго не смолкающими аплодисментами. Поскольку текст пьесы несколько стерся, а энтузиазм актеров опал, все шире использовались световые и звуковые эффекты. После спектакля каждый зритель сдавал экзамен на усвоение. Культурная была ключом по рельсу великой идеи. Рельс звенел..

Если судить о нашей литературе по таким мастодонтам как Горький, Леонов, Шолохов, Федин, Михалков, то мы увидим, что чем дальше в прошлое отодвигалась революция, тем «правильнее» говорили они. Более того, «наследив в свое время, они лезли из кожи, дабы реабилитировать себя, смывая «ошибки молодости» чрезмерным пафосом роялистов пушечкороля.

Если Тихий Дон духом своим опровергал химерический реализм и поэтому действительно стал крупным произведением мировой литературы, то Поднятая цепана была уже заказным романом, партийным пособием по коллективизации. Так произошел крутой скат в пропасть, из которой Шолохов так и не выбрался. Его молчание — символ и ответ на громкий партийный призыв.

Это очень поучительная история: Федин, Леонов, А. Толстой — с их «пустырем», «болотом», эмиграцией. Сейчас, после того, что они написали, уже трудно поверить, что у этих корифеев тоже были постреволюционные сомнения, даже — неприятие и чувство трагичности происшедшего. Тем рьяней им пришлось доказывать свою преданность и энтузиазм: Соть ю, Городами и годами, Петром I, всей подобной писаниной.

В свое время они тоже не верили, опасались, предостерегали. Тем энергичней, не чураясь средств, надо было реабилитировать себя перед Ермиловыми и 37-м. Но сквозь завербованность и служивость то тут, то там проскальзы-

вает то ностальгия о прошлом, то запретные симпатии, то опасные намеки, а то и скрытый протест.

Нет, это не вычитывание из книг того, что в них нет: это глубинное их прочтение, выуживание того, что сам художник прячет от самого себя: симпатию Леонова к Семену в Барсуках, Шолохова к Григорию Мелехову, Федина к Саратову 1916 года — демонстрация творческих трагедий талантливых людей, которые могли бы стать оппозицией режиму, а вместо этого превратились в мультипликаторов, умножающих партийные декреты писательским словом.

Характерно признание Леоновым двух фаз собственно-го развития: нахождения под властью старых традиций (то есть неконформизм, диссидентство) и коренного пересмотра этих традиций и идеологического перерождения (то есть приспособления, подчинения, сдачи позиций во имя сохранения славы и жизни).

Первое поколение попутчиков революции имело, по крайней мере, корни; сам процесс их превращения из свидетелей в соучастники был болезненным и трудным. Следующее поколение, воспитанное на и во лжи, уже не имело святынь и щедро разминивало талант на селедку; где уж тут было до значительности и самобытности. К тому же Леонов, Федин, Шолохов на первых порах могли повести в идеологические миражи пятилеток, меняющих внешний облик страны, а во что было верить певцам эпохи застоя, видевшим проницательным поэтическим глазом результаты этих изменений?

Во время первой пятилетки советская литература претерпела большие изменения. От писателей потребовали создания таких произведений, которые бы прямо поддерживали программы (чуть было не впечатал «погром») — партии. Литературное произведение ценилось только тогда, когда оно находило немедленное практическое применение в решении экономических, политических и социальных текущих задач.

Начиная с 1928 года литературная доктрина стала предъявлять более низкие эстетические требования к произведениям литературы, единственным достоин-

ством которых являлись поэтическая злободневность и орлодоксальность.

Мы — за смех. Но нам нужны
подобнее Щедрины
и такие Гоголи,
чтобы нас не трогали.

Это же надо! — до 1954 года из литературы полностью исчез отрицательный герой, кроме иностранного шпиона и дореволюционного буржуа. Одни только клычковы, нагуль-новы, вершинины, чумаловы, маргулисы, сабуровы, воропае-вы, лопуховы, вихровы, молодогвардейцы, отлитые по корчагинской матрице, — тождественные, одноликие, часто — безмозглые. Да и появление отрицательного героя после смерти Кобы произошло по указке свыше. Первый прецедент массового писательского прозрения по взмаху палочки дирижера-хозяина.

У З. Паперного, почти тезки, по этому поводу есть фельетон, в котором он приводит письмо литконсультанта поэту, написавшему поэму о грибах. Редактор не критикует написанное, а учит, как все надо было написать.

Оказывается, обязательно следовало сказать не только о белом грибе, но и о других грибах; и не только о грибах, но — и о грибниках; о сосязании — кто больше и лучше соберет. Литконсультант наметил целую программу стихотворных действий, нацелил молодого поэта на решение новых тем и вопросов, связанных со сбором грибов.

Маяковский называл поэзию «ездой в неизвестное, Здесь она стала ездой в общеизвестное и общеобязательное.

Причем ездой по заранее проложенным трамвайным рельсам со всемиостановками.

О, великолепие нашей критики: идиотизация человеческого гения... «Не осознал... «не поднялся... «не вырос... Не дорос до чего? До безмыслия? скудоумия? невежества? До одуряющего пустословия? До полного отыквления? До деградации, именуемой расцветом? Так до чего же?

Даже в эпохи разоблачения культов и ошибок, в периоды самокритики и самобичеваний необходимо — даже в еще большей мере — соблюдать правила игры: народность, партийность, типичность, требуемое направление удара.

Скажем, романы, избобличающие лысенковщину, — по стилю, манере, форме, — это те же романы, что и избобличающие вейсманистов-морганистов, только наоборот.

К концу романа Никандр Кирпичев начинает понимать бесплодность травополя, насаждавшегося «культурными» методами. Многие понял и председатель колхоза Секира. Оказывается, «чем больше он советуется с колхозниками, тем у него получается лучше, и чем яростнее он жмет на единоначалие, тем хуже результаты».

Академик Пластунов пишет в книге о ядовитых семенах чертополоха, о «вредоносном и уродливом растении с ползучим корневищем» — так он образно называет культ личности. Но вот в споре с агрономом заговорил Секира, партизан: «О, друг мой, если бы партизаны или бы армия, если бы народ наш, если бы наша партия уповали в те годы только на приказы генералиссимуса, не знаю, чем бы все кончилось.. В годы войны партия, армия, народ в прямом смысле взяли судьбу страны, судьбу нашей революции в свои руки».

На приказы генералиссимуса, оказывается, особого внимания не обращали.

ДОКУМЕНТАЛЬНО — БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Наша литература является самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой.

А. Жданов

Ленинскому стилю партийного руководства культурным развитием чужды методы администрирования и произвольные решения, навязывание субъективных вкусов и оценок. Грубое вмешательство в творческий процесс, пренебрежение к творческой инициативе характерно для политической

практики «левого» оппортунизма и является отходом от марксизма. В годы «культурной революции» в Китае фальшивый лозунг «Пусть расцветут все цветы» широко использовался для прикрытия приказных методов руководства творческими делами.

Стоило во время оттепели (!) появиться Заметкам писателя А. Крона — и альманах Литературная Москва был немедленно закрыт — закрыт именно в тот момент, когда зародилась вера, что правде открыта широкая дорога.

Что же такое написал А. Крон? А написал он всего- только

Культ порождает иерархию служителей культа — божеству нужны святители и угодники.

Там, где вкус одного человека становится непрекаемым, неизбежны нивелировка и грубое вмешательство в творческий процесс, вредная опека, травмирующая талант, но вполне устраивающая ремесленника.

Там, где истиной бесконтрольно владеет один человек, художникам отводится скромная роль иллюстраторов и описцев.

А с кого же все началось?

А началось все с того же — с «Нашего Ильича»:

Литература должна стать партийной. Газеты должны стать органами разных партийных организаций.

Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела. Каждый должен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный

союз (в том числе партия) волен также прогнать та-ких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода со-юзов должна быть полная.

Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея коммунизма и сочув-ствие трудящихся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, оп-лодотворяющая последнее слово революционной мыс-ли человечества опытом и живой работой пролетари-а.

За работу же, товарищи!

И еще:

Мы — коммунисты. Мы не вправе сидеть сложа руки и позволять хаосу распространяться. Мы долж-ны руководить также и этим развитием, чтобы фор-мировать и определять его результаты.

Вот они, некоторые вехи этой «формовки».

О ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ В ОБЛАСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Из резолюции ЦКП от 18 июня 1925г.

Завоевание позиций в области художественной литера-туры рано или поздно должно стать фактом.

Если в руках у пролетариата уже теперь есть безоши-бочные критерии общественно-политического содержания любого литературного произведения, то у него еще нет та-ких же определенных ответов на все вопросы относительно художественной формы.

Вышесказанным должна определяться политика руко-водящей роли пролетариата в области художественной ли-тературы. Сюда в первую очередь относятся следующие вопросы: соотношение между пролетарскими писателями, крестьянскими писателями и так называемыми «попугчи-ками» и другими; политика партии по отношению к самим

ле и форме художественных произведений и методах выработки новых художественных форм.

Гегемонии пролетарских писателей еще нет, и партия должна помочь этим писателям *заработать себе* историческое право на эту гегемонию. Крестьянские писатели должны встречать дружественный прием и пользоваться нашей безусловной поддержкой. Задача состоит в том, чтобы переводить их растущие кадры на рельсы пролетарской идеологии, *отнюдь, однако, не выправливая из их творчества крестьянских литературно-художественных образов, которые и являются необходимой предпосылкой для влияния на крестьянство.*

Партия должна всемерно искоренять попытки самодельного и некомпетентного административного вмешательства в литературные дела; партия должна озаботиться тщательным подбором лиц в тех учреждениях, которые ведают делами печати, чтобы обеспечить действительно правильное, полезное и тактичное руководство нашей литературой. Партия должна подчеркнуть необходимость создания художественной литературы, рассчитанной на действительно массового читателя, рабочего и крестьянского; нужно смелее и решительнее порвать с предрассудками барства в литературе и, используя все технические достижения старого мастерства, выработать соответствующую форму,

понятную миллионам.

ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

Из постановления ЦКП от 15 августа 1931 г.

Вся издательская работа должна вестись под углом все-сторонней помощи социалистическому строительству, подыма теории на высшую ступень и сочетания ее с практикой, организации и мобилизации масс на построение социализма, разоблачения буржуазной и мелкобуржуазной ленинской идеологии, борьбы с ними и с уклонами от ленинской линии.

Борьба за идеологическое качество продукции, за соответствие ее требованиям развернутого марксистского наступления и современному уровню научной мысли должна стать в центре внимания издательств. В этом отношении наряду с тщательным отбором редакционных и авторских кадров

огромное значение приобретает рецензирование книжной продукции.

О ПЕРЕСТРОЙКЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Из постановления ЦКП от 23 апреля 1932 г.

В настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций ВОАПП, РАПП, РАМП и др. становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества. Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству.

Отсюда необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций.

Исходя из этого, ЦК постановляет:

1. ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП);
2. объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с большевистской фракцией в нем.

Если РАПП, — при всей своей одиозности, еще имел остатки самостоятельности, — то Союз писателей...

О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И «ЛЕНИНГРАД»

Из постановления ЦКП от 14 августа 1946 г.

ЦКП отмечает, что литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно.

В журнале «Звезда» за последнее время появилось мно-

бездейных, идеологически вредных произведений. Гру-

бой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакция «Звезды» известна, что Зощенко давно специализируется на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами.

Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакция «Звезды» хорошо известна физиономия Зощенко и недостойное поведение его...

Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давно-давно известна. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее произведения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой, салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, — искусства для искусства, не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы...

В чем смысл ошибок редакций «Звезды» и «Ленинград»?

Руководящие работники журналов забыли, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством государства в деле воспитания людей и особенно молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, — его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к ленинской политике, в духе наплевизма и безыдейности.

Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства.

Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, «искусства для искусства» чужда советской литературе, вредна для интересов народа и государства и не должна иметь места в наших журналах.

Либерализм, при котором интересы народа и государства, интересы правильного воспитания нашей молодежи приносятся в жертву приятельским отношениям и при котором заглушается кригика, приводит к тому, что писатели перестают совершенствоваться, утрачивают сознание своей ответственности перед народом, перед государством, перед партией, перестают двигаться вперед.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что редакции журналов «Звезда» и «Ленинград» не справились с возложенным делом и допустили серьезные политические ошибки.

ЦКП постановляет:

1. Обязать редакцию журнала «Звезда», Правление Союза писателей и Управление пропаганды ЦКП принять меры к безусловному устранению указанных ошибок и недостатков журнала, выправить линию журнала и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратить доступ в журнал произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных.

2. Ввиду того, что для издания двух литературно-художественных журналов в Ленинграде в настоящее время не имеется надлежащих условий, прекратить издание журнала «Ленинград».

ИЗ ДОКЛАДА ТОВАРИЩА ЖДАНОВА О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И «ЛЕНИНГРАД»

Перехожу к вопросу о литературном творчестве Анны Ахматовой. Ее произведения за последнее время появляются в порядке «расширенного воспроизводства». Это так же удивительно и противоестественно, как если бы кто-либо сейчас стал переиздавать произведения Мережковского, Вячеслава Иванова, Михаила Кузмина, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба, Зиновьевой-Аннибал и т. д., и т. п., т. е. всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве.

Анна Ахматова является одним из представителей этого безыдейного реакционного литературного болота. Она принадлежит к так называемой литературной группе акмеистов, вышедших в свое время из рядов символистов, и является одним из знаменосцев пустой, безыдейной, аристократическо-салонной поэзии, абсолютно чуждой советской литературе.

Тематика Ахматовой насковзь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии, — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у нее — это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности. Чувство обреченности, — чувство, понятное для общественного сознания вымирающей группы, — мрачные тона предсмертной безнадежности, мистические переживания пополам с эротикой — таков духовный мир Ахматовой, одного из осколков безвозвратно канувшего в вечность мира старой дворянской культуры, добрых старых екатерининских времен. Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой.

«Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом...»

Такова Ахматова с ее маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой.

Что общего между этой поэзией, интересами нашего народа и государства? Ровным счетом ничего. Творчество Ахматовой — дело далекого прошлого; оно чуждо современной советской действительности и не может быть терпимо на страницах наших журналов. Наша литература — не частное предприятие, рассчитанное на то, чтобы пографлять различным вкусам литературного рынка.

Не случайно, что в литературных журналах Ленинграда стали увлекаться низкопробной буржуазной литературой Запада. Некоторые наши литераторы стали рассматривать себя не как учителей, а как учеников буржуазно-мещанских литераторов, стали сбиваться на тон низкопоклонства и преклонения перед мещанской иностранной литературой. К лицу ли нам, советским патриотам, такоенизкопоклонство?

Но у журнала «Ленинград» есть и другие ошибки. Вот, например, пародия на «Евгения Онегина», написанная неким Хазиным. Называется эта вещь «Возвращение Онегина». Приглядитесь хотя бы к некоторым строчкам этой «пародии». Все в нашем современном Ленинграде автору не нравится. Он злопыхательствует, возводит клевету на наших людей, на Ленинград. То ли дело век Онегина — золотой век, по мнению Хазина. Теперь не то, — появился жилотдел, карточки, пропуска. Девушки, те неземные эфирные создания, которыми раньше восхищался Онегин, стали теперь регулировщиками уличного движения, ремонтируют дома и т. д. и т. п. Позвольте процитировать одно только место из этой «пародии»:

В трамвай садится наш
Евгений. О, бедный, милый
человек!
Не знал таких
передвижений Его
непросвещенный век.
Судьба Евгения хранила,
Ему лишь ногу отдалило,
И только раз, толкнув в живот,
Ему сказали: «Идиот!»
Он, вспомнив древние
порядки, Решил дуэлью
кончить спор, Полез в карман...
Но кто-то спер Уже давно его
перчатки,
За неимением таковых
Смолчал Онегин и притих.

Вот каким был Ленинград и каким он стал теперь: плохим, некультурным, грубым и в каком неприглядном виде он предстал перед бедным, милым Онегиным. Вот как представил Ленинград и ленинградцев пошляк Хазин.

Дурной, порочный, гнилой замысел у этой клеветнической пародии! Многие из писателей и из тех, которые работают в качестве ответственных редакторов или занимают важные посты в Союзе писателей, думают, что политика — это дело правительства, дело ЦК. Что касается литераторов, то не их дело заниматься политикой. Написал человек хорошо, художественно, красиво — надо пустить в ход, не смотря на то, что там имеются гнилые места, которые дезориентируют нашу молодежь, отравляют ее. Мы

требуем,
чтобы наши товарищи, как руководители литературы, так и пишущие, руководствовались тем, без чего советский строй не может жить, т. е. политикой, чтобы нам воспитывать

молодежь не в духе наплевизма и безыдейности, а в духе бодрости и революционности.

Как же реагировали сами писатели на черносотенный, разящий мракобесием и невежеством погром, учиненный З в е з д е и Ленинграду? Как всегда, криками «одоб- ряю!»

Предо мной книга П р о т и в б е з ы д е й н о с т и в л и т е р а т у р е. Не знаю, где сейчас все эти еголины, плот- кины и сергиевские, но поганые свои имена им-таки в ис- торию «самой великой литературы» вставить удалось..

Листаю. Страница 28 и далее:

Следует помнить, что советский строй неизмеримо выше капиталистического строя любой страны и по- этому социалистическое искусство превосходит бур- жуазную культуру. Высокоидейное социалистическое искусство имеет право учить деятелей другие стран. И передовые зарубежные писатели это понимают.

К сожалению некоторые наши писатели не изба- вились еще от низкопоклонства перед иностранной литературой. Так, в 10-11 фф за 1945 г. журнала З в е з д а помещена большая статья т. Хмельницкой об английском романе военного времени, где восхва- ляется вся английская литература, все романы, напи- санные в Англии в годы войны, причем утверждается мысль, будто бы в эти годы в английском романе возродились классические традиции. В статье Хмель- ницкой нет и намек на классовый подход к англий- скому буржуазному роману.

Какие мы должны брать западноевропейские пье- сы для постановки в театрах? Конечно, такие, кото- рые разоблачают буржуазную действительность. Есть такие пьесы? Есть. Вот каким должен быть наш под- ход к западноевропейской литературе.

Или возьмем небольшую статью критика П. Гро- мова, который оценивает в журнале З в е з д а два американских сценария. Здесь некритически восхва- ляется труд американских летчиков, совершенно так же, как говорим о труде в социалистическом обще- стве — как о деле чести, доблести и геройства. Разу-

меется, многие американские летчики проявили энтузиазм во время войны, но надо ведь сказать, в каких условиях протекал их труд и каковы побудительные мотивы труда американцев. Далее автор прославляет патриотизм американских летчиков и ни слова не говорит, какой это патриотизм. По-видимому, патриотизм в отношении американского империалистического государства будет другой, чем патриотизм, который характеризует наших людей.

И еще:

Зоценко выступал не только в роли рассказчика и драматурга, он еще мнил себя критиком и литературным наставником. И в своей повести Возвращенная молодость он таким образом определил тематический центр своего творчества, главного героя своих произведений:

«Существует мнение, что я пишу о мещанах...

Ошибки нет. Я пишу о мещанстве. Да, у нас нет мещанства как класса, но я по большей части делаю собирательный тип. Я пишу о мещанстве и полагаю, что этого материала хватит еще на мою жизнь».

Это сказано было в 1933 году, когда наша страна с нарастающей силой развертывала строительство, когда наш человек, справившись с невероятными трудностями, успешно решал великие задачи построения социализма. И этот человек — героический строитель нового общества — в глазах Зоценко не более как мещанин, собственник и стяжатель. В рассказе «Не надо спекулировать» Зоценко проводит ту мысль, что строительство социализма не затрагивает коренных основ личного существования:

«Пока мы тут с вами решаем разные ответственные вопросы насчет колхозов и промфинплана, жизнь идет своим чередом. Люди устраивают свою судьбу, женятся, выходят замуж...» Так вот исходный пункт тупой философии Зоценко.

И еще:

Та же мыслишка о превосходстве буржуазной культуры над социалистической культурой еще с

большей откровенностью выражена в рассказе «Качество продукции». Немец, приехавший к нам на работу, оставляет своему квартирохозяину Гусеву некий загадочный розовый порошок. Этот порошок Гусев использовал в качестве пудры, в то время как на самом деле он был средством против блох. И когда это выяснилось, Гусев проникся подлинным благоговением к высокому качеству продукции немецкой парфюмерии. Рассказ кончается многозначительно:

« — Вот это я понимаю, — сказал Гусев. — Вот это качество продукции! Вот это достижение. Это, действительно, не переплюнешь товар. Хочешь морду пудри, хочешь блох поспай! На все годится. А у нас что? »

Каким надо быть циником имещанином, сколько холодного презрения надо таить в сердце к своему собственному народу, чтобы с такой издевкой говорить о нашем человеке и так подобоострастно распинаться перед мешчанской «цивилизацией немецкого бюргера!

И вот ведь что показательно: когда шли все наши суды Линча над лучшими представителями нашей культуры, ее «лучшие представители в лучшем случае «храбро» прятались — даже тогда, когда им уже не грозили ни расстрелы, ни ссылки. На чудовищном «процессе» Б. Пастернака ни один не заявил вслух своего протеста, не говоря уже о «цвете нации, оказавшемся на трибуне.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ

Г о л о с с м е с т а. В резолюции слово «космополит» надо заменить словом «предатель».

В. А з а р х. В резолюции нужно сказать: «Творческое собрание писателей просит Советское правительство лишить Пастернака советского гражданства».

С. С. М и р н о в. Я думаю, здесь явно выражено наше отношение, и дело правительства принять окончательное решение.

Г о л о с с м е с т а. Почему правительство должно решать само, без нас? Мы должны просить правительство. И надо так и записать: «Просить правительство лишить...!»

С.С. Смирнов. Голосу: кто за то, чтобы вставить в резолюцию эту фразу?.. Кто против? Единогласно. Поправка принимается. Есть ли еще поправки?

Г о л о с с м е с т а. В резолюции есть такое место, что Пастернак давно оторвался от нашей действительности и народа. Фраза эта неправильная, так как он не был никогда связан с народом и действительностью.

В. И н б е р. Эстет и декадент — это чисто литературные определения. Это не заключает в себе будущего предателя. Это слабо сказано.

С.С.С м и р н о в. По-моему, это сказано очень определенно.

Все так жаждали крови, что самому председательствующему пришлось «даже слегка отбиваться от энтузиастов».

«Но в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть мое оружие...» Вот так же В. Инбер, Р. Азарх и другие авторы «поправок» хотели не только воткнуть, но еще и «два раза повернуть» свое оружие, в теле жертвы.

В конце концов резолюция была принята под торжествующий рев зала.

Когда в январе 1980 года Андрея Дмитриевича Сахарова подвергли очередной кампании «всенародного остракизма, рев был еще сильнее, но один интеллигент все-таки нашелся, им оказался, правда, тоже «отщепенец и диссидент».

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ В ГАЗЕТУ «ИЗВЕСТИЯ»

Позвольте через вашу газету выразить мое глубокое отвращение ко всем учреждениям и трудовым коллективам, а также отдельным товарищам, включая передовиков производства, художников слова, мастеров сцены, Героев Социалистического труда, академиков, лауреатов и депутатов, которые уже приняли или еще примут участие в травле лучшего человека нашей страны — Андрея Дмитриевича Сахарова.

Один на четверть миллиарда... Таково соотношение..

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ —
СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ

Я не приду на ваше заседание, потому что оно будет происходить при закрытых дверях, втайне от общественности, то есть нелегально, а я ни в какой нелегальной деятельности принимать участие не желаю.

Нам не о чем говорить, не о чем спорить, потому что я выражаю свое мнение, а вы — какое прикажут.

Секретариат в нынешнем его составе не является демократически избранным органом, а навязан Союзу писателей посторонними организациями. Ни весь секретариат в целом, ни каждый из его членов в отдельности не могут быть для меня авторитетами ни в творческом, ни тем более в нравственном отношении. Два-три бывших писателя, а кто остальные? Посмотрите друг на друга — вы же сами не знаете, что пишет сидящий с вами или напротив вас. Впрочем, про некоторых известно, что они ничего не пишут.

Я готов покинуть организацию, которая при вашем активном содействии превратилась из Союза писателей в союз чиновников, где циркуляры, написанные в виде романов, пьес и поэм, выдаются за литературные образцы, а о качестве их судят по должности, занимаемой автором.

Защитники отечества и патриоты! Не слишком ли дорого обходится отечеству ваш патриотизм? Ведь иные из вас за свои серые и скучные сочинения получают столько, сколько воспеваемые хлеборобы не всегда могут заработать целым колхозом. Вы — союз единомышленников... Один ограбил партийную кассу, другой продал казенную дачу, третий положил кооперативные деньги на личную сберкнижку... За двенадцать лет своего пребывания в Союзе я не помню, чтобы хоть один такой был исключен. Но стоит сказать честное слово (а раз просто промолчать, когда все орут), и тут же следует наказание по всем линиям — набор книги, над которой ты работал несколько лет, раскидают, пьесу запретят, фильм по твоему сценарию положат на полку. А за этим вполне прозаическое безденежье. И вот ты год не получаешь ни копейки, залез в долги, все, что мог, с себя продал, а когда дойдет до самого края, и если ты за эти два года слова неосторожного не сказал, к тебе, может быть, снизойдут и подарят двести-триста рублей из Литфонда, чтобы потом всю жизнь попрекать: «Мы ему помогали, а он...» Не надо мне помогать, я не нищий. Уме-

ня есть читатели и зрители. Не стойте между ними и мной, и я в вашей помощи нуждаться не буду.

Я не приду на секретное заседание. Я готов полемизировать с вами на любом открытом собрании писателей, а если хотите, рабочих, от имени которых вы на меня нападаете. В отличие от большинства из вас, я сам был рабочим. Одиннадцать лет я начал свою трудовую жизнь пахотухом колхозных телят. Мне приходилось пахать землю, месить на стройке раствор, стоять у станка на заводе. Четыре года я прослужил солдатом Советской Армии. На открытом собрании я хотел бы посмотреть, как вам удастся представить меня акулой империализма или агентом иностранных разведок.

Ложь — ваше оружие. Вы оболгали и помогли вытолкать из страны величайшего ее гражданина. Вы думаете, что теперь вам скопом удастся занять его место. Ошибаетесь! Места в великой русской литературе распределяются пока что не вами. И ни одному из вас не удастся пристроиться хотя бы в самом последнем ряду.

Дело даже не в травле Ахматовой, Зощенко и Пастернака, дело — в энтузиазме, проявляемом при травле, в пресловутом феномене «первых учеников». Хрен с ним, со Ждановым, измывающимся над женщиной, хрен с чекист-ленинцем Семичастным, который сказал о Пастернаке:

«Свинья не сделает того, что он сделал. Он нагадил там, где ел. Но кто заставлял В. Перцова говорить о Борисе Леонидовиче — «подлая фигура», или К. Зелинского, что имя Пастернака — синоним войны, и истерически кричать:

«Иди, получай там свои тридцать сребреников, или Веру Инбер требовать замены «слишком мягких слов» «эстет и декадент» словом — «предатель»? Кто?

Шло собрание столичных писателей. Юрий Карякин сказал, что, по его мнению, люди, стоявшие у руководства писательской организации и скомпрометировавшие себя в годы застоя, сейчас должны подать в отставку. Если у них есть совесть, должны уйти сами, не дожидаясь, пока их переизберут. Он назвал при этом Феликса Кузнецова, бывшего длительное время первым секретарем СП, припомнив его публичные выступления той поры.

Едва он сошел с трибуны, как на ней появился Ф. Кузнецов. Его голос дрожал от волнения. Нет, это была не только личная обида. Говорила сама оскорбленная невинность. — Как ты смеешь бросать мне такие обвинения? Я был тогда руководителем столичной писательской организации. Я об этом и был говорить то, что говорил. В противном случае я должен был уйти со своего поста. И разве я был один? Все тогда говорили то же, что я... И вообще я не понимаю, почему одна численно небольшая группа писателей самозванно взяла на себя роль единственных сторонников перестройки, ревностных защитников перестройки, — тут он еще больше повысил голос и выкрикнул в зал, — опричников перестройки! Слово кому-то показалось удачным. Часть зала зааплодировала.

На первый взгляд все это и впрямь звучало убедительно. В самом деле! Мало ли что кому приходилось тогда говорить?.. Но мне почему-то сразу вспомнилась замечательная сцена из «Дракона» Евгения Шварца. Ланцелот, победивший дракона, залечив свои раны, возвращается в освобожденный им город и с ужасом и омерзением видит, что ничего не изменилось. Место убитого дракона заняли бургомистр и его сын Генрих. Почувствовав, что ветер переменился, Генрих тотчас выражает готовность перекинуться на сторону Ланцелота. А о прошлом он говорит так:

— Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили.

— Всех учили, — гневно прерывает его Ланцелот. — Но зачем ты оказался первым учеником?

То-то и дело, что Юрий Карякин говорил не обо всех, кто вынужденно вел себя сообразно обстоятельствам, но лишь о тех, что были первыми учениками.

Красней бумага под пером... Гори бумага под пером... Как там в Капитализме и печати?

«Воры, публичные мужчины, продажные писатели, продажные газеты. Это — наша «большая пресса». Это — «цвет нашего общества».

Это и будет наилучший комментарий, и наиболее авторитетный — Самого...

ИСКУССТВО БЕЗ ИСКУССТВА

Государство, подавляя
противогосударственную
литературу, вредит литературе
прогосударственной, — оно
делает ее недееспособной, без-
зубой, бессодержательной.

Б. Брехт

Мы слушали не Петрарку и не
Гуттенберга, а ветер, носившийся по
нашей равнине.

А. А. Блок

Мы — даже не варварство: оно состоялось, мы — нет. Несостоявшаяся
культура...

А вначале казалось.. Нет, только казалось все, что делалось, вело
только к одному — к этой самой несостоятельности. Ведь уже в
первых пробах пера грядущий хам постулировал качественное
превосходство своегохамства.

Есть какой-то злоедейский символ, какая-то ироническая
аллегория в требовании Сен-Симона приостановить какую бы то
ни было творческую деятельность до тех пор, пока не будет
завершено построение общества будущего. Сначала построим —
затем самопроизвольно возникнет новое великое искусство,
чистое, незамутненное жизнью.

Прекрасные все-таки образцы мышления оставили наши
духовные предтечи!

Когда нет уважения к «Янц, когда не признают культуру по
вертикали, когда главное в культуре — отражение (чего? —

утопии? обмана?), тогда вместо подлинной культуры возникает тот вакуум, который так легко заполняется:

водкой ли, серостью ли, китчем ли, демагогией ли, массовым огульным...

Говорили: культуру — в массы. Получили массовое бескультурье.

На чем, кем и для чего воспитывались — то и получили. В конце концов каждый стоит то, о чем он хлопочет.

Почти все слова, которые сказаны нами о «межреволюционных перепутьях» (Брюсов, Вяч. Иванов, Бальмонт, Гумилев, Мандельштам, Ахматова) — «худосочность», «мнимость», «мертворожденность», «высокопарность», «высокомерность», «пораженность страшным недугом», «атрофия чувства времени», «глухое непонимание», «любование мертвыми вещами» — все эти гнусные слова никогда, нигде и ни к кому в истории литературы не подходили в большей мере, чем нам.

Как сказал Бергсон, творчество может быть лишь там, где творчество возможно. Оно засыпает, когда жизнь обречена на автоматизм.

«Социалистическая культура — явление уникальное, беспрецедентное. Из «тьмы Средневековья вышла величественная культура, св. Фома и св. Бернар не только не останавливали мысль, а развивали ее, а вот нам удалось немыслимое: прыгнуть из века XX в варварство безвременья, и никто, никогда, нигде не завопил: довольно!»

Лишь в небо чепчики бросали...

Наша культура в чем-то напоминает варварство римской, это что-то — та ее часть, которая соответствовала излечению, концу. Бездушные, неспособность к философии, животинные инстинкты, погоня только за материальным успехом, практицизм, рационализм, прагматизм — что для прошлых культур было периодом, этапом, упадком, то стало нашей сутью.

И даже символ нашей культуры — серые, безликие, многоэтажные казармы — напоминают постройки Красса — эти кишасшие человеческие муравейники, вырастающие среди куч мусора и отбросов.

И еще: культура без празднеств. Ведь празднество — всегда обновление, осмеяние, разрядка. Здесь это запрещено. В первобытном обществе божества, почитаемые в будни, подвергались срамословию в дни карнавала. Коммуни- тар- ная культура навязала почитание всегда. В праздники тре- буется особое рвение, вместо раскрепощения — повышен- ная рьяность. Веселье стало синтетическим, потребовало допинга, дурмана, опьянения. Праздник и мыслится как пьянка. Он отличается от будней только глубиной и массо- востью опьянения.

Тоталитарность неизбежно ведет к провинциализму и ханжеству. В наших книжках, писал Эренбург, чувствует- ся спесь и одновременно приниженность захоластья.

Вот где она, культура прюдомов и иллюзий.

Наша культура — это культура Санчо Пансы, наконец-то восторжествовавшего над ДонКихотом.

В тоталитарном обществе большинство так называемых «деятелей культуры» занято производством не культуры, а собственных благ. Это гораздо проще — зачем талант, ког- да так легко спекулировать на идеологических доктринах или низменных вкусах. Надо отдавать себе отчет в том, что Р е м б о и Д а л е к о от М о с к в ы — одно. Порнофиль- мы и боевики отличаются от пропагандистских фильмов лишь степенью и формой разврата.

Остается фактом, что Россия в большей мере яв- ляется страной масс-культуры, чем Эспае. Это труд- нее заметить, так как масс-культура России, по фор- ме прямо противоположна, так как носит скорее про- пагандистский и педагогический, чем развлекательный характер. Тем не менее она имеет существенное каче- ство массовой, в противоположность высокой или на- родной культуре, она производится для массового потребления специалистами, нанятыми правящим классом, и не является ни выражением индивидуаль- ности художника, ни самых рядовыхлюдей.

В сущности, как любая массовая культура, — это кич, примитивная культура — даже не скажешь «на потребу».

И как любой китч, она развращает — не только лицемери- ем, но бездуховностью; ее потребление несколькими поко- лениями ведет к тому, что все привыкают к примитиву и начинают требовать только его. Поскольку массовая куль- тура является не духовной ценностью, а товаром, она име- ет тенденцию к удешевлению во всех смыслах этого слова. Как товар, она унифицируется и стандартизуется.

Культура по случаю...

Испепеляющая «культура». Постепенно она ликвиди- рует не только «высокое», но и народное, национальное искусство: нивелирует, вырывает корни. Сопротивление ее экспансии исчезает.

Я забываю мир — и в сладкой
тишине Я сладко усыплен моим
воображеньем, И пробуждается
поэзия во мне...

Поэзия — это интенсивность озаренности. Мера ее каче- ства — напряженность этого поля плюс стихотворческий талант. Правда поэзии — лишь в ее вдохновенности, и толь- ко вдохновенная поэзия — «колоссальный ускоритель со- знания, мышления, мироощущения». И, наоборот, поэзия, лишённая своей основной движущей силой, перестает быть поэзией. В условиях перекрытия кислорода разрушается сама экология стихотворчества, пишет Кублановский. Та- кая атмосфера способствует паразитированию графоманов, со временем становящихся «профессионалами затхлого мира. За редкими исключениями, которые легко исчислить гонениями, вся остальная наша «поэзия» — недоброкаче- ственный литературный продукт, выросший в условиях кислородной недостаточности.

Когда после Ахматовой и Цветаевой — сурковы и рыль- ские, когда после Белого — бедные, после Розанова и Со- логуба — горбатовы и павленки, после Мережковского и Гишпиус — ажаевы и бубенновы, когда после Набокова — корнейчуки..

— Так оно, как-то тово: мы — што... мы иетта, можно сказать, тово — не тово, опчее прочее такое, и всекакесь.

Вот каким «несказанным словом» победили мы все «сказанные слова...»

ПАРАЛЛЕЛЬНО

Себя лично Гитлер считал великим ученым. Он был убежден, что све- дуц во всех науках, и не стеснял- ся высказывать самые сумасбродные идеи.

Д. Е. Мельников, Л. Б. Черная

Все вожди, тоталитарных обществ, как правило, либо крупные философы, либо ученые, скажем языковеды, либо просто «величайшие»,

Известно, что Гитлер считал себя крупным худож- ником, знатоком литературы и искусства. Поэтому искусство составляло особую прерогативу Гитлера, он уделял ему большое внимание в своих высказывани- ях и в своем законодательстве.

Искусство Гитлер признавал лишь постольку, по- скольку оно воспитывало в соответствующем духе «национал-социалистическую смену». «Германское искусство грядущих десятилетий, — говорил в 1933 году Геббельс, — будет героическим, проникнутым стальной романтикой, оно будет национальным и па- тетическим. Другой приближенный фюрера Вальтер Функ сформулировал мысли Гитлера о роли культу- ры следующим образом: наше движение и наше госу- дарство нуждаются в войсках в области культуры точ- но так же, как в военной и политической областях. Они и здесь нуждаются в офицерах, которые хорошо знают свое ремесло, и им нужны солдаты, которых надежно, верно, мастерски владея оружием, будут служить нашему делу.

Великолепно! Виртуозно! Поэтичнее не скажешь!

Культура была для нацистов «полем боя», а писа- тели и

скими «снайперами». И никакие великие культурные ценности не имели в их глазах значения, если они в какой-то мере мешали утверждению их идеологии.

«Нацификация искусства проводилась в «третьем рейхе» почти теми же методами, что и «нацификация» печати. Гитлер сам определял, что писать и как писать, что изображать на картинах и как изображать, что ваять и как ваять. И горе тому, кто осмеливался нарушать предписания фюрера!

В «застольных беседах» Гитлер не раз распространялся о том, что национал-социалисты ослепили немецкий народ, покончив с «вырождающимся искусством». «При моих посещениях музеев и выставок, — сказал он как-то, — я беспощадно удалял все, что не было безусловно с художественной точки зрения».

В другой раз он заявил собеседникам: «Благодаря тому, что я всегда решительно стоял на точке зрения: художник, который присылает на выставку дрянь, либо жулик и тогда его место в тюрьме, либо сумасшедший и поэтому должен быть помещен в сумасшедший дом, а если невозможно определить, сумасшедший он или жулик, то его следует поместить в концлагерь для перевоспитания, чтобы приучить к полезному труду, — именно благодаря этому мои выставки превратились в кошмар для бездарностей».

«Актеры и художники, — изрекал он далее, — такие фантазеры, что время от времени им надо грозить пальцем, чтобы вернуть их на почву реальности».

В центре любой нацистской экспозиции неизменно красовалась фигура самого Гитлера, десятки гитлеровских скульптур, монументов, портретов, а также картин, посвященных торжественным датам, сборищам и встречам с участием фюрера, украшали стены огромных залов «Дома германского искусства» в Мюнхене.

Главной темой остальных картин и скульптур был, по выражению Гитлера, нордический человек, человек «новой Германии»: рабочий, неизменно улыбающийся во весь рот или углубленный в работу; восторженный и воодушевленный оптимист, германский воин, ежеминутно готовый умереть за фюрера; физкультурник с тщательно «вычерченной мускулатурой»; женщина —

полногрудая и белокурая, «целеустремленно смотрящая вдаль, часто с младенцем у груди — символ смирения и плодородия. В большой чести у Гитлера были также огромные исторические полотна.

В 1937 году была устроена грандиозная выставка «загнивающего искусства». На ней было представлено 736 картин, включая полотна Гогена, Ван Гога, Ренуара, Либермана и др. Картины были снабжены табличками: «Так душевнобольные видят природу» или «Музейные крысы называли это германским искусством», но выставка функционировала и, несмотря на гогот и поношения специально подобранных зрителей, когда доступ на нее стал свободным, привлекла «нездоровый интерес к нездоровым художникам».

Писателей, художников, ученых, которые служили нацистскому режиму, Гитлер осыпал милостями: давал им множество привилегий, а зачастую и прямых денежных подачек (при этом, как всегда, прежде всего одаривалась бездарность, присягнувшая на верность).

Подкуп, запугивания и открытый террор (сотни лучших представителей немецкой интеллигенции томилась в концлагерях, десятки (!) были уничтожены...) принесли свои плоды — литература, искусство и в значительной части наука были превращены в составную часть нацистской пропаганды, в орудие оболванивания масс и воспитания их в нацистском духе.

Гитлер хорошо понимал, что его власть будет непрочной до тех пор, пока ему не удастся создать некую тотальную идеологию, систему духовного господства нацизма над немецким народом.

В конечном итоге эта система должна была привести к добровольному подчинению всех членов «национальной общности» воле фюрера. Такая «добровольность» была куда более прочной основой власти, чем полицейские распоряжения и страх.

Почитайте литературные наши журналы 35, 36, 37-го годов — все эти рассуждения о Человеке, о защите его прав, свободе, защите культуры. Это поучительное чтиво: уже наполнялся архипелаг ГУЛАГ, уже ширились аресты, уже

одни бессмертные закладывали других, уже пошла в ход изящная словесность доносов, уже допрашивали Осипа Мандельштама и Павла Васильева, а другой Г. — не господин — товарищ — «с величайшей снисходительностью и терпеливостью подлинного педагога втолковывал Уэлсу, что напрасно тревожат его судьбы индивидуальности в социалистическом коллективе; «Советское общество представляет единственную прочную гарантию охраны интересов личности».

Есть ли предельщина?..

Уже шли массовые аресты, а все тот же вождь вождей говорил: «Надо беречь каждого способного работника, беречь и выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодовое дерево. Воспитывать, помогать расти, дать перспективу».

Да уж, перспектива — лучше не бывает...

Уже шли расстрелы, а товарищ С. говорил: «надо понять, что из всех ценных капиталов самым ценным и самым решающим являются люди».

Что там оруэлловский «1984-й»!

А что говорили те «самые решающие и ценные», чья «перспектива» уже была предрешена? А они говорили: «Только в нашей стране, только нашим вождем, только творцом нового мира, только великим и подлинным гуманистом могли быть сказаны эти слова».

Где вы — Свифты?

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ...

Как вообще могло случиться, что тоталитаризм привлек к себе Романа и Брехта, Уэлса и Шоу, братьев Маннов и Фейтхвангера, Рота, Льюиса, О'Нила, Сэндберга, Синклера, Дос Пассоса, Бернала, Флойда Делла, Лоуренса, Элисона, А. Миллера, Стайрона, Стейнбека, Селина, Жида, Мальро, Сент-Экзюпери, Сартра?

А как Муссолини обвел вокруг пальца Паунда и Тагора? А как поддались утару нацизма Гамсун, Маринетти, Дженгиле, Жионо, Монтерлан, Жид, Бергстед, Хайдеггер, Верхарн, Дали?

Отдадим должное прозрению большинства из них — затмение длилось недолго. Стоило Жиду побывать у нас — и он мгновенно нас раскусил, отдал предпочтение... нацизму. И мы отдали всем им должное: стоило любому из них прозреть, как из писателя с мировым именем он превращался в агента империализма, а его книги немедленно попадали в Индекс запрещенных книг. Пока Ланни Бэрд боролся против фашизма, он был героем, а как — за социализм с человеческим лицом, так становился врагом.

И все-таки почему Брехт и Фейхтвангер восхваляли Кобу и опровергали правду *Reto ur de l'U S S R* Жида? Накануне 37-го, возражая Андре Жиду, Брехт в духе наших протеже доказывал, что в стране нет обезличивания, что решения принимаются демократически, а не диктаторски — без намека на критику, — что каждый может критиковать генеральную линию и делает это, но что лучше все-таки не критиковать, ибо «любое действие можно парализовать дискуссией».

«Но генеральная линия партии стоит по ту сторону критики. В самом деле, генеральная линия не критикуется в газетах. Против нее не публикуются книги. Но ее критикует сама жизнь. Когда несколько лет назад коллективизация своим слишком бурным темпом оказалась слишком опасной для страны, газетных статей об этом не появилось. Но разве темп сохранился? Он не сохранился. (Читаешь и слышишь: даже интонации наши, даже «изящная словесность» уплощена). Надо полагать, критика имела место; то, что снизило темп, — разве нельзя назвать критикой? Это была непривычная критика, новый вид ее, но что можно иметь против нее? Когда я еду в машине, сам сидя за рулем, я критикую ход моей машины, направляя его.

А, между тем, *сам* уже вел машину по трассе Запад-Север или Запад-Восток.

А к чему пристегнуть все эти бесконечные брехтовские разглагольствования о формализме, декадансе, типичном, объективном, мелкобуржуазном, народном, боевом?..

На этом примере мы видим, что даже крупный писатель с острым умом снижает свой потенциал и слепнет, стакиваясь с марксизмом: идеология уплощает...

ИОНЕСКО О БРЕХТЕ

Быть социальным — это одно. Быть социалистическим, или советским, или фашистским — это другое. Это уже выражение недостаточности осознания. Чем больше я смотрю пьесы Брехта, тем больше убеждаюсь, что время, и именно его время, ускользает от него; его человек имеет на одно измерение меньше, его эпоха фальсифицирована его идеологией, которая сужает поле его деятельности. Это общий недостаток всех идеологов и людей, ограниченных своим фанатизмом.

О, мы многое бы дали, чтобы после Гаврской улицы Гимара не было Иронии судьбы, после Маленького принца — Цитадели, чтобы не было Достоевского после 1864 и Толстого после 1882-го, Герцена — после 1848-го, Гоголя после 1842-го, Короленко — после 17-го, чтобы Мальро и Жид приказали долго жить в 37-ом, чтобы Л. Андреев, Ф. Сологуб и К. Гамсун кончили реализмом, а Джойс, Кафка, Музиль и Элиот лучше бы вообще не появились на свет, тем более — Беккет, Жене и Ионеско. За-
чем нам вся эта ахинея — Прекрасный новый мир, Контрапункт, Мы, Убийство в соборе, 1984?

И все же здесь не пройти мимо двух писателей, своих взглядов не изменивших. Один из них написал, может быть, самую позорную книгу из всех, когда либо увидевших свет, книгу, уравнившую его с одним казахским акыном. Это — Москва, 1937 год. Мы не будем ее цитировать, чтобы не осквернять бумагу.

А вот другого, увидевшего свободу на Востоке, процитировать придется..

Я видел Сталина, который поразил меня своей простотой, чуткостью и широтой своего понимания...

Я долго наблюдал его работу, я ему вполне доверяю. Будущее увидит...

Будущее увидело...

В П а н о р а м е Ролан пишет: Совсем недавно за два года до 37-го Сталин в беседе с Г. Д. Уэлсом доказал этому мелкому буржуа, что его тревога напрасна, что «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом не имеется». Более того, советское общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности.

Даже призывая советское правительство прекратить преследование инакомыслящих, даже признавая творимое им беззаконие, даже испытывая неприязнь к его политическим методам, слишком напоминающим худшие приемы реакции, доктринерскую узость, диктаторский дух, Ролан, тем не менее оправдывал палачество суровой необходимости строительства нового светлого мира. Да, строителям социализма приходится пачкать себе руки — социализм в белых перчатках не построить, как говаривал Сталин, — но ведь террор применяли исключительно против врагов народа.

Фанатизм есть фанатизм, в каком бы сосуде не обитал. «Мне достаточно увидеть страдания одной невинной жертвы», пишет Ролан, начитавшись Достоевского, и никакой самый великолепный социальный строй не может меня заставить ни забыть, ни простить. И рядом: «Я мысленно пережил несчастья Шанфора, Ривароля, Шенье, Лавуазье, Кондорсе. Однако их великие палачи — сен-жюсты, робеспьеры, построили новый мир, которым гордятся...»

В одном Ленин не ошибся: интеллигенция мягкотела. Слишком легко подчиняется она государству, власти и массе. Самое страшное в тоталитаризме даже не агрессивность толпы, а предательство интеллектуалов — та легкость, с которой они меняют хозяев и служат им. Но сказать так — значит переоценить мощь силы или недооценить силу слабости. Ведь не случайно каждый насильственный режим начинается с подавления интеллигенции, с искоренения этой внут-

ренней всемирности, этой имманентной оппозиционности. Одному народу, одной системе, одному эгоизму будешь ты служить, или раздавим тебя сапогом окованным, пугают ее. При современном состоянии мира, пишет Чапек, для интеллигенции остается три пути: соучастие в преступлении, путь трусливой капитуляции или путь мученичества. И хотя не многие выбирают третий, они — грядущее. Такова суть культуры: слабые и есть самые сильные!

ВТОРАЯ КУЛЬТУРА

— Предположим, что к власти пришла шайка бандитов, у которой нет за душой ничего, кроме самых грубых инстинктов и принципов! Даже на этой дикой почве появились бы через некоторое время творения духа!

Р.Музиль

Эпохи без искусства и философии остаются все же могучими эпохами: римляне научили нас этому.

О. Шпенглер

Что же мне делать, певцу и
первенцу, В мире, где
наипервейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В миремер?!

Да, давно пора, как некогда Магистр игры, возопить: наш дом горит!

Наш домсторел..

Но жизнь есть жизнь, она существует и на пожарищах. И не только существует: на пожарищах жизнь особенно активна — и не только эмоциями былой гармонии и красоты.

Создателям некоего высшего и незыблемого — доведенного до абсурда порядка всегда противопоставят отщепенцы и

враги всяческой бюрократии Тегуляриусы, встающие на сторону одиночки противвласти.

Даже принявшие революцию и связанные с нею частью своего творчества — Горький, Блок, Маяковский, Есенин — своими судьбами, шаганиями, концом не так уж далеки от внутренней эмиграции. Даже бесспорно перековавшиеся — Леонов, Шолохов, Шкловский — в тайных и тщательно скрываемых глубинах своего творчества нередко отклоняются от догматов новой церкви. Это, так сказать, еретики, спрятавшие свое еретичество от самих себя и для надежности сокрытия особенно рьяно демонстрирующие свою оло-ьяльность.

Вначале казалось, что все не так страшно. Революция еще не изгоняла, а печатала Бердяева и Шестова, Кандинский был привлечен к реформе художественных школы еще мог основывать Академию художеств, Малевич профессорствовал в ней, Илья Машков писал еще не При-вет XVII съезду и не Колхозни цу с ты к в а - ми, а свои ню и стил-лайфы, еще публиковали 1-ю часть З а к а т а Е в р о п ы, а Гумилев, Клюев и Клычков не толь-ко писали, но и жили... Сколько их было?..

Здесь — купюра. Нет информации. Нужны книги и книги. Кто изгнан, почему, когда? Кто физически уничто-жен? Кто сломлен? Кто перековался сам? Кого мы потеряли и кого приобрели?

Здесь надо бы остановиться и сказать всю ту правду, которая изъята нашими Уинстонами, но не из 1984-го, а из всех 70 лет. Министерство правды чистило книги и газеты. Министерство культуры поставило работу куда лучше — чистки вообще не требовались, все было «абсолютно истин-но» изначально. За русским чудом начала XX века уже следовало российское чудовище двадцатых и тридцатых годов.

И вот подлинный, харизматический творец уже влачит жалкое существование: отверженный, страдающий, одино-кий.

И вот уже прямо сказано: быть талантливым нескромно.

И вот уже свершилось пророчество гения: культура вступила в свой катакомбный период.

Да: тоталитаризм неизбежно порождает вторую культуру — подполья. Рядом с официальной мнимой культурой существует неофициальная настоящая — и не только диссидентская. Если на первых порах талантливые художники могут выступать от имени или на стороне революционной культуры и от ее лица, то после перерождения революции в реакцию быстро происходит поляризация сил: таланты примыкают к подполью, остальные — к хрустальному дворцу или замку.

Абсолютно монолитное, полностью регламентированное искусство — утопия. Мысль задавить нельзя, она всегда пробьется сквозь бетон безмыслия. Тотальное — химера, ибо ум в любом случае восторжествует над безумием.

Писатель существует лишь как оппонент существующему, как оппонент массовому в нас, как борец с общественным. Творчество и неконформизм одно. Вот почему первой и единственной приметой всех «оттепелей» и «перестроек» является демонстрация оппозиции, антипартийных настроений, вопля душистых.

Наш троянский конь — это деятели подполья. Не будь их.

Даже интерес к классике, даже тяга к модернизму — проявления оппозиции.

Тотализованная культура, как никакая другая, ищет лазейки. Как никакая другая, она страдает раскрепощения. Как в никакой другой, в ней развито диссидентство. Обратите внимания, кого мы ценим в искусстве, — наиболее незавербованных. И останется после нас не поэзия гимнов и од, но то, что один из «верных Русланов» назвал искусством русского империализма — Гумилев и Ахматова, Мандельштам и Бальмонт, Волошин и Пастернак, Белый и Платонов..

Всё расшатывает тоталитаризм, но больше всего — он сам, его оголтелые приверженцы. Хотя шестидесятники внесли свой посильный вклад в этот процесс, хотя среди них много в высшей степени порядочных и достойных, хотя

они делали то, что в состоянии были сделать, я не люблю шестидесятников, требовавших убрать Ленина с денег и писавших о нем поэмы. Я не люблю тех, кто требовал возврата к «чистоте истоков», тех, кто отстаивал «социализм человеческим лицом», тех, кто пыгался очеловечить бесчеловечность. Людоедство нельзя сделать гуманным, «больше социализма» — это просто медленное поджаривание...

Плохо, когда варварство вершат варвары, еще хуже, когда «первые ученики» пытаются придать ему респектабельность.

Нет, я не требую подвигов Григоренко, Марченко или Богораз... Никто не имеет права требовать от человека самопожертвования, борьбы до костра включительно. Но и чтить «борцов» с тоталитаризмом, при тоталитаризме процветающих, не могу...

КРЫСА В КНИЖНОМ ШКАФУ

А крыса на него как заорет:
«От этих пошлых книг, чужак, одна проруха. Питание они не для мозгов, для брюха!»

К чему нам дух, когда легко живот
Посредством толстых книг набить и... бить
баклуши.
Что слава? Тьфу и нет! Живи себе да кушай!

Вот она, сравнительная характеристика «самой читающей» культуры накануне 90-х:

Производство бумаги для книг (в кг) на душу населения

СССР		ФРГ	Швец	С Ш	Финлянд
53	37	50,2	60,1	62	63,2

Количество переводимых книг в год (с английского)

СС	Япония,	Испания, Франция,
700	1500	3000 — 4000

Число издаваемых названий книг на 1 млн

СССР	Япония, США	Испания,	Швец
300	600	900	1200

Доля художественной литературы (%) в книгоиздании

СССР	США	Франция, Швеция, Япония	Южная Корея
8	12		24-32
40			

Доля детской литературы (%) в книгоиздании

СССР	КНР	Франция
4	8-15	16-20

Мы очень любим сопоставлять все с 13-м годом, что ж сопоставим:

Мера разнообразия издательской продукции — количество названий книг на 1 миллион населения — фактически осталась сейчас на уровне 1913 года, в расчете же на библиотечных читателей снизилось почти в 10 раз — 5357 тогдашних названий на 1 миллион записанных в библиотеки в 1913 году при 549 нынешних.

Как там — «грядущийхамц»?

Главное в том, что настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. А если писатель должен быть благоразумным, должен быть католически правоверным, должен быть сегодня — полезным, не может хлестать всех, как Свифт, не может улыбаться над всем, как Анатоль Франс, «тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, газетная, которую читают сегодня, и в которую завтра завертывают глиняное мыло... Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос русский как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова.

А мы хотим, чтобы культура прославляла убийство самой

культуры, кровавое насилие над народом, чтобы Ахматова и Шостакович создавали гимны в честь своих палачей. А если не хотят, тогда..

Что же это за культура такая, вынуждавшая Пастернака молить о праве умереть на родине, доводящая Мейерхольда до покаяний, объявляющая «формалистами» Дейнеку, Фаворского, Лентулова, Тышлера, Фонвизина, Филонова.

Но если в литературе или живописи единицам еще удавалось как-то «проскочить», то в музыке это было абсолютно невозможно. Не потому ли, что музыка, как никакое другое искусство, формирует духовный мир человека? Это кажется немислимым, но ни один великий западный композитор XX века никогда не приезжал и не представлял свои произведения в нашей стране после 17-го года. Пеллеас и Мелизанда, Лунный Пьеро, Лулу, даже Тристан и Изольда неизвестны слушателю... Шостакович, Прокофьев, Мурадели, Щедрин подвергались травле, Денисова несколько раз пытались исключить из Союза, генерального Шнитке «держали и не пущали... В ответ на приглашения великих музыкантов на Запад направлялись ответы следующего содержания: «Денисов и Шнитке не представляют советскую музыку, поэтому они не могут приехать... Приехать же могли те, кого никто и никогда не приглашал.

Одних композиторов играют во всем мире, других — только в Союзе. Одни, без всяких титулов собирают полные залы, на концерты других приводят солдат, чтобы бесплатно заполнить кресла. То же с премиями: авторов, которых знает мир, на премии не выдвигают.

В Союзе композиторов никаких изменений по сей день. Как сказал Э. Денисов, он (Союз) перестроился еще в 48-ом году, когда вышло постановление ЦК «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели, и никаких перестроек ему больше не надо. Три поколения талантливых композиторов было задавлено: после революции — Н. Рославец, А. Лурье, А. Мосолов, Д. Мелких, после войны — Денисов, Шнитке, Губайдулина, Щедрин, сейчас замалчивают мольды — Д. Смирнова, А. Зограбяна, М. Исраэляна, П. Вакса, Ф. Караева, Ю. Каспарова, В. Тарнопольского. Посредственности заняли прочные места в жизни и в Союзе, а тамань.

У руководства Союза композиторов неприязнь вызывает все, что не укладывается в стандарт. Союз всегда будет использоваться кучкой людей, стоящих во главе в силу близости к правительству, к верхам, неизбежно получающих какие-то преимущества, и аппарата, чиновников. Всесильных. От которых зависит даже возможность выступить на собственномobilee там, где хочешь.

Надо знать: сколь ни мощна культура, когда носорогами становятся миллионы, ее выгапывают до скальных пород. Разрушение нами почв — тому свидетельство!.. Да! Мы — носороги, выгапавшие, загопавшие свою культуру, — и если в последнее мгновение не осознаем этого, носорогам ничего не останется, кроме как последовать за мамонтами.

Но осознания мало. Почвы создаются миллионлетиями, а разрушаются, увы, так быстро... А затем вновь требуются геологические времена.

Да: плата за утопию — самая страшная плата.

Меня убеждают, что все уже изменилось. Но как могло все измениться, если те же люди — на тех же местах? Как могло все измениться в стране, где ничего не менялось веками? Как могло все измениться, если даже Октябрьский путч 17-го, якобы перевернувший страну вверх дном, лишь усилил деспотию? Как могло все измениться, если даже в цивилизованных странах изменения требуют веков и веков, смены многих поколений? Да и где эти изменения, если и в 1994 Гарин продолжает оставаться невыездыным и его судьбу по прежнему определяет всесильный и зловецкий КГБ, в очередной раз сменивший вывеску, но не суть?..

В свое время Федор Михайлович Достоевский тоже надеялся на перемены и верил в возможность дожить до них: «...в наше столь гремящее время, столь полное огромных потрясающих и быстро сменяющихся действительных фактов...» Всем своим существом он страстно жаждал отрыва реальности от своих вековых корней, но всем своим творчеством показывал, что такой отрыв невозможен. Как там у Шопенгауэра? — «По вековечным законам природы высшие умы обречены на вечное мировое беспокойство, на

искание новых формул идеала, но, увы, по тем же законам они не способны что-либо изменить.

При остром ощущении времени за его видимой текуче- стью Достоевский провидел, что прошлое присутствует в настоящем и настоящее в грядущем. Любуясь, как петров- ская реформа преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу, — писал он. Все повторяется, говорит его черт, и земля сама-то билион раз повторялась, но несчастен тот, кому пришлось это на- блюдать: «Скучища неприличнейшая...»

Если что и изменилось, то — к худшему, как это всегда происходит в смутные времена. Ни Р у с о ф о б и я, ни нынешний Наш современник, ни Пульс Туши- на не могли бы появиться до 1985-го...

В смутные времена никогда и ничего не меняется к лучшему. Смутные времена — это прежде всего смутные люди и смутные мысли. И если у нас действительно что-то изменилось, то — их количество. Смутные времена — это смутный дух, а смутный дух — первооснова смутного бы- тия. Ничего не изменилось! Просто Россия в очередной раз из состояния деспотии перешла в состояние смутного вре- мени. Вот и все..

БЕССТЫДНЕЙШАЯ ЛОЖЬ

Ложь возведена в принцип.
Правовой контроль так же
излишен, как и проверка
учения в критической дискуссии.

К. Ясперс

Начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота Епишев говорил без обиняков: «Они требуют черный хлеб правды, а на кой черт она нам нужна, если она не выгодна».

СТАР И СЛАВЕН ГОРОД ГАММЕЛЬН

Вся наша история — история одного крысолова, которому пора снова отправляться в путь..

«В городе Гаммельне дешево шить — только один по- крой в нем. В городе Гаммельне дешево жить и помирать спокойно».

Да, мы знаем, что крысы — это мы! Знаем! Горбунов в Печати и революции, № 8 за 1927 год прямо признает это.

Отсюда: Цветаева — «поэт малой мысли» (!!!)

В городе Гаммельне — *ни души*,
Но уже телом за это!

Города Гаммельна гражданин,
— Это выходит гордо.

Божья радость —
Гаммельн, здоровых
— город, правых —
горд.

Рай-город, пай-город, всяк свой пай берет.
Царь-город, старшему уступай-город.

Без пожаров —
город, благость —
город, Авель —
город, — Рай
город.

Выловить

.

Выудить.
Выведать

.

Выгадать.

Выгоптать

.

Выгадить

.

Этот стыд называется: свято.

Лжет не музыка —

музыкант!

— Этой Индии мы — раджи!

Раджа на радже!
Но крыс тех уже
— Никто и нигде:
Крути наводе.

Дням
беспрепятственно
Радуйтесь, ратсгерры!
Ибо очищены
Склады — от
хищников, Головы —
от идей.

В сковороду — бей!

Сладко ль, солоно ли
— Делать, нечего —
Вам — выполненное,
Мне — обещанное.

Трепожок.
Шепоток.
Раты —
вкось, Герры
— вбок.

Щеки — мак,
Брови — еж:
— То есть — как?
— То есть — чтож?

В городе Гаммельне лишь
азы... Впрочем, язык прикуси.

Время — пропало!
Место —
пространство!
– За зубоскала!
– За голодранца!

– Без будущего!
– За дудочника!

В доме —
гнусь В лавке
— долг
Черный гусь!
Белый волк!

В городе Гаммельне вечных
благ Нет, и земных не густо.
Гения с Гаммельном — тот же брак,
Что соловья скапустой!

Подрумянился весь совет,
Лбища понапружили.
В Гаммельне собственных мыслей
нет, Только одни чужие.

Чтоб от души — к душе
— Как из папье-маше.

Кабы малейший какой в
душе Прок был — у всех
была бы. А в переводе
папье-маше — Жеваная
бумага.

Хоть не корова, анажую!
Боги — а ртызамажем!
(Так же, как критика —
соловью.) Жвачкой, притом —
бумажной.

– Чистой! безпримеси!

– Принято! Принято!

– Хлопковой! Рисовой!

– Bravo! Подписано!

– Где же он? — Я иду за звоном.

– Я за красною фатой.

– Я за старшеюсестрой.

– Что-то боязно мне в тайне.
– Я — за дальним. Я — за крайним.

– Я — чтоб детство наверстать.
– Не остаться. Не отстать.

– За отчаявшимся кладом.
– Я — за славой. Я — за стадом.

– Потому что в школе бьют.
– Потому что все идут.

А вода уже по плечико
Мышкам в будничном и в клетчатом.

Выше, выше, носик
вздёрнутый! А вода уже по
горлышко.

– Вечные сны, бесследные чащи...
А в сердце все тише, а флейта все слаще...
– Не думай, а следуй, не думай, а слушай...
А флейта все слаще, а сердце все глуше...

– Муттер, ужинать не зови!
– Пу-зы-ри...

– Внимания требую:
Гаммельна просто не
было:

Пы
ль.
Мель
.
Моль
.
Нуль.

MENTIRIS IMPUDENTISSIME, ИЛИ
MÄRCHENUNSERES LEBENS UND
WESENS

Тихи а д. Я говорю, мой милый о
тех, кто безо всякой нужды
ложь ставят выше истины и с
наслажде-нием предаются ей,
ничем ктому не принуждаемые.
Филокл. Неужели же ты встре-
чал людей с такой
врожденной любовью ко
лжи.

Тихи а д. Да, таких людей очень
много.

Лукиан

(Читать дважды и вдумчиво).

Ложь и ее прилежные ученики.
Черные созвездья
загустевшей злобы.

Бессильная ярость земли,
которой нечем
накормить
корни ветра.

Слова, лишенные будущего.

Кровь, неспособная породить
ничего, кроме крови.

Хлеб, у которого отобрали
человека.

(И человек без хлеба!)

Распродажа мозгов.

Страх и несметная рать
его проповедников.

Плод, разлагающийся на

глазах еще до того, как
настала пора

гниенья.

Таково это время
— и я его сын, —
таково это место,
где некогда
высился
самый высокой храм.

Ora esempre.

Нет большей мерзости, чем ваша чистота.
Был первородный грех — позорна
непорочность. Она от рая нам осталась, но
вода
Протухла в ней. Илучше уголить
В потоке мутном жажду, чем
прильнуть К отравленным источникам
Эдема.

Нет большей мерзости, чем мысли тех, кто
чист. Слова их лицемерны
И скрывают
Грязь святотатственную.
Губы их я видел —
Мед на губах. Но сразу я
узнал Провалы ртов.

Вам ненавистны люди
честные и прямые,
Вы полюбили ныне
льстивых и
лицемерных.
Вас они окружили,
в ловкостисоревнуясь.
А честный слуга уходит
все дальше отгосударя.

Сегодня лгут не столько от слабости, сколько от
убежденности, что человек, справляющийся с жиз-
нью, должен уметь лгать. Люди прибегают к грубой силе, потому
что после долгих бесплодных разгово- ров однозначность
насилия кажется избавлением. Люди объединяются в
группы, потому что послуша- ние позволяет делать то, чего
по собственному убеж- дению давно уже делать нельзя, и
враждебность этих групп дарит людям неутомимую
взаимность крова- вой мести. К вопросу, добры люди
или злы, это имеет гораздо меньшее отношение, чем к
тому, что они потеряли связь между высоким и
низким. И лишь еще одно противоречивое следствие этого
раз- рыва — вычурность духовных украшений,
которыми увешивает себя сегодня как сам дух, так и
недоверие к нему. — *Музиль*

Все ввали с блаженством, превосходя всякий аб- сурд и чувство стыда, — в газетах, на афишах, пеш- ком, на лошадях. Все взялись за вранье. Наперегонки,

кто совет больше. Скоро в городе совсем не стало правды.

Всё, к чему только ни прирагивались, было поддельно: сахар, аэропланы, сандалии, варенье, фотографии; всё, что читали глотали, сосали, чем восхищались, что утверждали, защищали, от чего отрекались, — всё это было лишь ложными призраками, подделкой и маскарадом. Даже предатели и те были поддельными. — *Селин*.

Как свидетельствует де-ля-Касонад, у нас издавна преподавалась особенная наука под названием «Zvon poreta razdawaissn. Вотпочему:

Правдой, злоупотребив,
Превзойдешь того, кто лжив.

От истерии правдоискательства до циклопических масштабов растления — один шаг.

Будьте добродетельны: лгите, лгите! Надо лгать чертовски, не робко, не временно, но смело и всегда. — *Вольтер*.

Это — ирония.

А вот это — констатация факта: Андрей Белый: «У нас правдою называют ложь!»

Что это: национальная черта или новоизобретение? Как

говаривал величайший диагност национального самосознания, у нас, в классах интеллигентных, не лгуций человек невозможен.

Да где, — отвечаю им, — вам это и познать, когда весь мир давно уже на другую дорогу вышел, и когда дающую ложь за правду считаем, да и от других такой же лжи требуем. — *Достоевский*.

Протеизм, абсолютная перевоплощаемость, синдром стадности как главные национальные черты? Мордобой как состояние души?

Достоевский. счастье русского человека — в жажде больших идей, его горе — что он тотчас оказывается у них же в плену. Идея вдруг падает у нас на человека как ог- ромный камень и придавливает его, — и вот он под ним корчится, а освободиться не умеет.

Вот и приходится всю историю — лгать.

Слова из уст его были мягче масла, а в сердце у него была война.

И вот уже единственная правда о нас — наши анекдо- ты, наши Жванецкие.

Вновь прислушаемся к голосу совести моего народа: В народе, говорит эта совесть, началось какое-то неслыхан- ное извращение идей с повсеместным поклонением матери- ализму. Материализмом я называю, в данном случае, пре- клонение народа перед деньгами, перед властью золотого мешка.

Кого удивит сказавший это *сегодня*? Но ведь сказано-то больше ста лет назад. Еще и народников поди не было, и благодетели человечества еще ходили под себя в люльках, а диагноз уже был поставлен. Самый ранний диагноз еще не родившемуся — разве что зачатому — обществу: нам с **ними**.

Неслыханное извращение идей?

Знает ли мировая культура такую проникновенность, какой насыщен *Дневник писателя*?

Ходил развлечься, попал на похороны. Во-первых, дух. Мертвецов пятнадцать наехало... Много скорбных лиц, много и притворной скорби, а много и откровен- ной веселости... Но дух, дух. Не желалбы быть здеш- ним духовным лицом.

На одном полюсе — кихотизация жизни, на другом — атмосфера лжи, шутихи, самовосхваления и тайных пре- ступлений.

Вот парадокс: сделать ложь и безнравственность изоциренными, виртуозными, всеобъемлющими — при нашей-то посредственности..

Или новая разновидность таланта — тотальная ложь? А почему бы и нет? Ведь бывают же убийства, совершаемые с энтузиазмом! Ведь можно же изобретательно и самозабвенно калечить и уничтожать друг друга — пласт за пластом.

Гуманизм человеконенавистничества...

Вместо выбора — подтасовка, вместо свободомыслия — торьяма, вместо искренности — симуляция правдивости, вместо

Чтобы скрыть нравственную, социальную, политическую индифферентность, мы и демонстрируем одержимость, испуганность, фанатизм — то, чего давно уж нет.

Греки, латиняне, христиане, турки чтят историю, мы — фальсифицировали ее.

Тиран Дионисий спросил Филоксена, хорошо ли его, тирана, новое стихотворение. — «Отправь обратно в каменоломню, — ответил тот.

Сколько среди нас Филоксенов, предпочевших каменоломни лжи? Сколько Раскольниковых насчитывалось в партии?

Мы охотно обнаружим свои царапины, тщательно скрывая свои гнойные язвы. К сожалению, среди нас нет не только филоксенов, но и филозимов, бросивших больному чахоткой, который протянул палец для перевязки: «Сейчас не время, дружок, заниматься твоими ногтями».

Когда никто уже не может довериться закону, для вящей убедительности лживых слов необходим самый убеждающий аргумент — кнут. Вот и получается, что мы живем в эпоху легисломании, когда слепая вера в справедливый закон поддерживается страхом перед тотальным беззаконием.

Блюстители законов, кормящиеся взятками от преступников... Преступники, отправляющие закон... Слуги, поносящие господином... Господин с котомкой за плечами, шныряющий по магазинам... Парламентарии — статисты... Статисты — миллионеры...

* * *

Человек — не просто единственное животное, способное лгать, но животное, далеко продвинувшееся в этой своей способности. Его прогресс — это во многом прогресс обмана.

Да: прогресс — это прогресс фальши.

Вот и живем в мире лживых слов, лживого пафоса, дебильных лозунгов, в которые сами не верим, абсурдность которых видна даже идиотам. Прямо-таки идеологическая интервенция лжи и обмана, война всех против всех.

Коммунизм как неотразимая убедительность большой лжи: «Великая истина, низвергающая Ниагару заблуждений».

Есть ложь и ложь. Ложь древности, ложь Средних веков, ложь Ренессанса, ложь Просвещения, просвещенная ложь... Всѐ прогрессирует, всѐ меняется, даже ложь становится какой-то недетской, какой-то злостной, злобной, бескомпромиссной, даже слова о лжи меняют своей накал.

Первый признак порчи общественных нравов — исчезновение правды. Правда — первое требование, которое предъявлял Платон к правителю его государства. У нас же лгать — почти то же, что разговаривать, сокрушается учитель Жан. — Все, что я вижу вокруг себя, прикрыто личинами.

Давайте будем лгать как можно меньше.
Порой мы лжем, чтоб не убить кого-то
правдой,
чтоб избежать войны иль не зачать
ребенка. Я в детстве упивалась ложью
сладкой,

бывало, вру подрутам: —Какая ванна
в нашем доме. —
клозет был во дворе, а дом — лачуга.
— Отец мой инженер известный! —
про печника
отца, его строителем считать мне было
лестно! Потом я ложь себе душила,
вырывала с
корнем и наконец из чистой правды
платье
сшила.
Стех пор хожу нагая.
А впрочем, я теперь молчать предпочитаю.

Где взять такую родниковую ложь? Как вернуться к ней?

Наше взаимоотношение осуществляется лишь единственно возможным для нас путем, а именно через слово; тот, кто извращает его, тот предатель по отношению к обществу: слово — единственное оружие, при помощи которого мы оповещаем друг друга о наших желаниях и мыслях; оно толмач нашей души; если мы лишаемся его, то не сможем держаться вместе, не сможем достигать взаимопонимания; если оно обманывает нас, оно делает невозможным всякое общение человека с себе подобными, оно разбивает все скрепы государственного устройства.

Некоторые народы предлагали своим богам жертвоприношения из языков и ушей жертв, ибо они делали это во искупление греха лжи, оскверняющей нас и тогда, когда мы ее слышим, и тогда, когда произносимее.

Искупление греха лжи?

По ту сторону железного занавеса невозможно умом понять все лицемерие нашего строя и учения. Это надо прочувствовать, испытать за колючей проволокой наших границ. — Удовольствие, прямо скажем, для мазохистов. Свобода, равенство, братство, справедливость, демократия — каким цинизмом надо было обладать, чтобы посылая в Афганистан, на «великие стройки, в огонь и мерзлоту десят тысяч рабочих и крестьян, а собственных детей между тем устраивать послами и директорами, провозглашать эти оплеваные слова? Фальшь, фальшь, фальшь...

Все ныне фальшь: друзейсоветы,
Любовь и дружба, и монеты.
Не стало братских чувств:
обманом Находят путь к чужим
карманам. Хоть сотню ближних
разоришь, — Не страшно:
главное — барыш!

Исчезло чистое вино,
Теперь — бог знает что
оно! Его поддельвают
хитро: Поташ берется и
селитра, Коренья,
всяческое зелье — Вот
нынешнее виноделье!
Всю эту гадость в бочки льют
— Беременные жены пьют...
Бывает, что вино такое
Ведет и квечному покою.

На этом держится весь мир:
Барыш — вот наших дней
кумир!

Нет верной меры, вес неточен
— Фунт ссохся, локоть
укорочен;
В суконных лавках так темно
— Не разобрать, что за сукно.

Дороги не годны ни к
черту. С деньгамиплохо...

Ну, и духовные столпы —
Монахи, схимники, попы?
Их благочестье — фальшь, игра:
Нельзя от волка ждать добра.

Если у отцов-основателей еще и было какое-то зерно, пусть и мертвое, то столетние попытки взрастить его и отчеты о великолепном прорастании сделали свое дело. Все наши миллионотомные трактаты о «развитии» зерна, кроме неумеренных самовосхвалений и поношений критиков,

содержат два «неотразимых» научных аргумента: это неверно, ибо ББ сказал... и это верно, но не относится к нам, ибо ББ сказал...

Марксизм, как он был первоначально замыслен, так и остался бумажной фикцией. Реальность подтвердила не утопические заверения, а антиутопические предупреждения — Киркегора, Ле Бона, Достоевского, Леонтьева, Ниц-

ше, Мережковского, Бердяева, Ремизова, Замятина, Платонова, Кафки, Ортеги, Сантаяны, Оруэлла, Хаксли. Перерождения, как пытаются представить *наши*, тоже не было: тоталитаризм был заложен в самые глубины учения, а все остальное стало нормальным разрастанием раковых клеток. Революционизация мира стала егототалитаризацией.

Для культуры, свободы, гуманности 70 лет нашего существования — то же, что татаро-монгольское иго для Средних веков.

Выход? Умереть от рака или, пока не поздно*, пока не образовались метастазы, удалить опухоль, отбросить 70-летнее культивирование прогрессирующей болезни и заново начать с ... Хотел сказать — с 1913-го — отправной точки наших сравнений, но это было бы неверно. — С того культурного восхождения, которое было прервано 17-м.

* * *

Есть ложь — хитрость, ложь — шалость, ложь — клевета. Есть религия лжи, где все, что не ложь, — святоглаголющая.

Так было не всегда. Вначале была ложь-ослепление, затем ложь-рвение, затем отчетно-рапортующая ложь, затем казуистика выточилась как бритва — настала эпоха бесстыднейшей лжи.

Когда «великую идею» высасывают из болезненного хотения и не из чего больше, так и должно было случиться: ложь обратилась в бесконечность лжи. Творец сверхчеловека, хотя и был болен, но знал, что замолчанные истины становятся ядовитыми. Больная фантазия не помешала ему увидеть, что кто борется с чудовищами, тому следует уберечься, чтобы и самому не обратиться в чудовище.

Воистину: вначале что-то личное заблуждение становится заблуждением общественным, а затем уж общественное заблуждение оказывает влияние на личное. Вот и растет эта постройка лжи, в которую каждый волен положить

* Увы, неверное, уже поздно (*примечание при правке*).

свой камень. И вот уже все — жертвы словесного рабства, вскормленные схоластикой.

Люди обычно ни к чему так не стремятся, как к тому, чтобы возможно шире распространить свои убеждения. Там, где это не удается словом, они при- совокупают приказ, силу, железо, огонь. Беда в том, что лучшим доказательством истины считают численность тех, кто в нее уверовал, огромную толпу, в которой безумцы до такой степени превышают — количественно — умных. *Quasi vero quicquam sit tam valde, quam nil sapere vulgare.* Оплот разума — толпа безумных.

Трудное дело — сохранить в неприкосновенности свое суждение, когда на него так давят общепринятые взгляды. Сперва предмет разговора убеждает про- стаков, после них убежденность, поддержанная численностью уверовавших, распространяется и налюдей тонкого ума.

Так на сотни лет Монтень предвосхитил Носорогов Ионеско.

Такова стадность — массовое обожествление ослиных хвостов.

Что самое злостное в ленинизме? — Тотальная всеохватность лжи, разращение открытых ртов невыполнимыми обязательствами, распаление алчности в предвкушении их, петля, наброшенная на заглотивших приманку...

Доведенная до предела фабрикация согласия, фикция единства, фальсификация порыва ведут к деградации масс, превращают их в роботизированное быдло. Тоталитаризм — это прежде всего вырождение, ибо зачем мыслить, если все предопределено заранее — и путь, и цель. Это новый Молот в едь м, *Malleus maleficarum*, руководство инквизиционным процессом.

Все — на службе лжи. И Правда — ее центральный орган. Кроме одной центральной Правды, — множество маленьких, уездных, урюпинских правдочек и правдишек местного значения.

Были и свои индульгенции: любой грех можно смыть, заговорив словами передовиц всех этих П р а в д. В конце концов, никого не интересует, что думаешь — говори, гово- ридовори.

DICIS ET NON FACIS

Не было развратницы развратнее этой женщины. Барыня была сладострастна до того, что сам маркиз де Сад мог бы у нее поучиться. Но самое сильное и потрясающее в этом наслаждении — была наглость обмана. Эта насмешка над всем, о чем графиня по- поведовала в обществе, как о высоком и ненаруши- мом, сознательное попираание всего, чего нельзя попи- рать.

Да! Ты говоришь и не делаешь.

De nier ce qui est, et d'expliquer ce qui n'est pas

Egli и vivo e parlarebbe se non osservasse la regola del ~~seno~~

Да! Отрицать то, что есть, и распространяться о том, чего несуществует.

Давно уж называют
зловонье ароматом,
Свет называют тьмою,
день называют
ночью.

Был такой лжепророк Эль-Ходж, проповедующий истины, в которые сам не верил. Теперь все мы знаем, что существуют пророки, изображающие перед народом рвение, которого уже нет.

Утопическое мировоззрение простительно наивной искренностью детства, но, став знамением старости, оно превращается даже не в маразм — в растление. В этой симулируемой всеми искренности растления все мы и повязли.

Не уподобляемся ли мы отцеживающим комара и проглатывающим верблюда или как там в Евангелии от Матфея?

Гейне: во все времена негодяи маскировали свою гнусность преданностью учению и любовью к отечеству.

Но надо знать: от патриотизма до предательства один шаг.

Все мы служим тому, во что не верим, а служить тому, во что не веришь, с энтузиазмом невозможно. Можно симулировать энтузиазм, но симулировать оргазм, оплодотворение нельзя.

Все живое, которое отрицается, неизбежно выявляется и утверждается. Ибо где на все запрет, возникает искушение, а где есть соблазн, заслон исчезает. История запретов — история их преодолений. Запретить жить нельзя. Быть человеку серафимом не прикажешь.

Идеалы хороши, пузыри красивы...

Система, которая не только не достигает провозглашенных целей, а все дальше уходит от них, не имеет морального права поучать и наставлять. Мы не только не устранили чудовищного неравенства, не упразднили кафкианской иерархии, не стерли различий между социальными группами, но, как выясняется, двигались в обратную сторону от всего этого. Можно ли после этого приписывать себе все заслуги, а противникам — все недостатки? Ведь они-то не провозглашали, не обещали, не декларировали. Какой с них спрос?

Дабы хоть как-то выпустить пары и снять напряжения, вызванные провалом всех предыдущих химер — немедленного построения Государства Солнца, сотворения Кокейна, обещания — торжественного! — нынешнему поколению жить при коммунизме и т. д., и т. п., — заверения о благодати дня завтрашнего перемежывались флаголлантскими самобичеваниями и самокритикой, целью которых было списать старую ложь на прежних вождей, дабы расчистить

место для новых невыполнимых обещаний. Благо, амнезия масс безгранична!

Вот зачем — очередная перестройка...

Что после нее? Как там у Блейка? —

Мечтаем в ад попасть, чтоб отдохнуть от рая...

ЗОВИТЕ КОШКУ КОШКОЙ

Они потихоньку пьют
вино, А вслух
проповедуют воду.

Г. Гейне

Хардиевский Джуд некогда воображал, что греческий язык — другое произношение английского. Так возник неизвестный способ монаха Горанфло, который дабы избежать греха и полакомиться курочкой во посту, окрестил ее карасем.

Лицемерие является необходимостью таких эпох, читаем у Валери, когда сложность человеческого запрета, когда ревнивость власти или же узость общепринятых норм навязывают индивидам некую модель. Модель эта быстро оборачивается личиной.

Из кабака — прямо в церковь, а из церкви — прямо в кабак, пишет реакционер Суворин реакционеру Розанову.

Главная причина пьянства в том, что люди устали от лжи, от бестолковости и еще оттого что не к чему было с очевидной пользой для себя и других приложить свои руки и свою голову. Это своего рода ухмылка Мефистофеля нам в спину.

У родоначальника столь уважаемого нами Просвещения среди множества наисовременнейших мыслей нахожу эту:

Что же касается красиво звучащего изречения, которым

прикрывается честолюбие и стяжательство,

а именно: «Мы рождены не для себя, но для общества, то пусть его повторяют вдоволь лицемеры. Но если у них сохранилась лишь крупица совести, они должны будут сознаться, что за привилегиями, должностями и прочей мирской суетой они гонятся вовсе не ради служения обществу, а ради того, чтобы извлечь из общественных дел выгоду для себя.

Да: природа всегда будет действовать согласно своим законам. Нельзя заставить лежать то, что хочет стоять. Нельзя научить антилопу драть льва, а льва щипать травку.

И вот — шаг за шагом — мы утрачиваем невинную простоту институток, которые, начитавшись благопристойно-упойительных «романов для девушек», говорят о любви с рьяной одержимостью *idiotae*, проповедующих бесклассовое общество.

Разгул лжи утрачивает былую необузданность и постепенно переходит во всеобщую апатию и летаргию.

Если отбросить демагогию, дидактику и риторику, что же останется?

То, что и всегда — человек оболваненный. И еще

— безверие и упадок.

Нам еще долго — до конца! — придется переносить обещанные радости в завтра. Такова ирония утопии: ее рай потусторонен.

Почему мы так медленно прозреваем?

Почему боимся правды?

Почему цепляемся даже за разоблаченную ложь?

Потому, что сила наша — в нашей лжи! Потому, что у нее слишком много защитников!

Потому, что, защищая ее, они защищают себя, свои привилегии и свой вклад в «великое дело».

Потому, что живем в стране, где каждый околоточный чувствует себя Иваном Грозным.

Но... чем дальше копится ложь, тем разрушительнее бывает взрыв..

ВСЁ РАСХИЩЕНО,
ПРОДАНО

ПРЕДАНО,

А где грабеж — закон и право,
Распродается вся держава...

В. Блейк

Большая в Гаммельне тревога.
Крыс развелось там слишком
много.

М. Цветаева

Думали: все будетогрее.
Оказалось: ничье.

Всё — ничье!

Всем — плевать!

Равнодушие, глубоко укоренившееся наплевательство, безразличие, амнезия, апатия, опустошение богатейшего го- сударства — вот наша реалья, вот плоды нашего «строитель- ства». Потому-то и приходилось непрерывно эксплуатировать пафос, вымучивать экстаз, симулировать сознательность, ма- стурбировать патриотизм — ведь ничего же не осталось. Эн- тузиазм скончался, и никакой демагогией невоскреситьто, чторазложилось,истлело,сталопрахом..

Последняя была надежда: пределы, до которых можно озлоблять народ, почтибеспредельны..

Нечто подобное в микромасштабе случилось в Риме с храмом богини непорочности, который путем ряда транс- формаций стал средоточием всяческого изошренногограз- вряя

Величайший наш писатель говорил о нас, когда мы еще не родились:

Вы будете представлять интересы вашего общества, но уж совсем не народа. Закрепостите вы его опять.

Пушек на него будете выпрашивать! А печать-то — печать в Сибирь сошлете, чуть она не по вас! Не только сказать против вас, да и дыхнуть ей при вас нельзя будет.

Так кто провидец: Достоевский или Мавр?

Вот ведь дожили: никакой враг не сделает нам хуже, чем мысами...

Вот ведь как: несколько десятилетий без оппонентов — и полная атрофия, всеобщий маразм...

Нет, Чернобыль — не случайность. Социальный Чернобыль — сама сущность отношения нашего к миру и к самим себе.

Ни в какие времена принцип «после нас хоть потоп» не был столь справедлив, как в нашу великую застойную эпоху. Чтобы окультурить плоды наших деяний, потребуются теперь уж геологические времена.

Да: узор реальности всегда богаче, чем контуры принципов.

Да: всё это прекрасно в своей нереальности. Реальность делает это ужасным.

Да: помыслы превыше небес, реалии — ниже уровня земли. В алтаре молимся, а в ризнице пердим.

Да: реалисты — это, по-видимому, те, кто больше, чем кто-либо, не выносит реальность и не принимает ее всерьез.

Да: разрушай, грабь, соси, выпягивай, круши, бей, давай-давай — на что не пойдешь во имя великих идей...

Наша наука, которой мы так кичимся, — свидетельство уродства, убожества и гипертрофии нашей культуры. Мы создали — если эти слова здесь применимы — гротескное военизированно-ракетное знание, ориентированное на насилие, и отрицаем все человеческое в гуманитарной культуре: философию жизни, социальную психологию, историю

человека и человечества, поэтику страсти, педагогику подвижности и подвижничества, а также — весь комплекс непредвзятых знаний о нас самих. Отрицание философии жизни, экзистенциализма, фрейдизма, бихевиоризма, социальной этологии, генетики, модернизма — это не случайные эпизоды и ошибки, а сущность нашей «великой, на- уки, переставшей быть «веселой».

Мы — великая Какания, раковой опухолью выросшая на Кокейне, и последняя наша задача: распространить иллюзию будто у нас есть задача.

Шильдбюргеры выгаптывают засеянное поле, чтобы кто-либо один не выгоптал его. Большие разрушения во избежание разрушений маленьких.

И снова, как во времена мильтоновского Сатаны:

Одна отрада наша — зло
творить Наперекор высокой
воле Бога,
С которым мы в борьбе. Коль он
сумеет Ко благу наше зло направить,
мы Должны и это благоизвернуть
И тут для зла возможности найти.

И снова, как во времена Мартина Опица:

Любимая страна, где мера нашим
бедам? Какой из ужасов тебе еще не
ведом?
Ответствуй: почему за столь короткий срок
Твой благородный лик так измениться
смог?

Злодейская борьба растлила мысль и
чувство. Так вера выдохлась, в грязи гниет
искусство, Законы попраны, оплеваны
права,
Честь обесчещена и совесть в нас мертва.

ШУТОВСКОЙ ХОРОВОД

Какая-то в державе Датской гниль...

В. Шекспир

Стремление к святости, обаяние
аскетизма, чары голода и
жажды обладали тогда
неотразимой силой.

А. Франс

Суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат действием, а результат вместе со своим становлением.

Семидесятые годы, читаем в «Жизни среди русских», были хорошим десятилетием: их отличали веселье, пожухшие краски, последнее прощание с интеллектом и культурой. Это было время когда шумным успехом пользовались убогие фильмы, массовые театры, реализм уборных и спален, панельные дома, слегка поддавливающая, слегка огрызющаяся поэзия Возневушенко, рок и поп-музыка, братия Вайнер-Струтацкие, финские бани и унитазаы, многозвездный героизм. Следующее десятилетие было более серьезным, еще более обещающим, хотя и менее культурным. Эстетика сделала еще один шаг назад, идеология обещаний еще шаг вперед. В середине его подул холодный ветер борьбы, перешедший в добрый бриз клятв и заверений, к концу — распространились, как лесной пожар, взаимноисключающие реляции о недочетах и победах. Башни из железобетона дали трещины, а их незадачливые обитатели получили очередную порцию доказательств, что это — очередное свидетельство величайших побед.

Буффонада космических масштабов...

О, эти народные печальники... заседатели и депутаты, синдики и прокуроры, столоначальники и тюремщики, директора и председатели, партийные и профсоюзные бонзы.. миллионы, миллиарды часов в очередях, бюрократическое чванство и тотальное безразличие, менторские поучения с живыми примерами из автобиографий, лицемерное сочув-

стве, визгливый окрик, взятки, тотчас забываемые посу-

лы, глумление, хамство, вразумление несознательных, «временные трудности», «текущий момент», «империалистическое окружение», крутовая порука, кабинеты, кабинеты, кабинеты, справки, справки, справки — миллионы бумажных гектаров, очковтирательство — виртуозная изобретательность! — запреты, законы с двойным дном и двойное дно без законов — «законное беззаконие» и беззаконие закона; мужиковатые заморочки и хитроумное одурачивание — уникальный арсенал методов и приемов..

Великая Система Народного Благодетельствования, именуемая «Неззя!»

И за всем этим, над всем этим, вопреки этому — лозунг:

ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ — ЗАБОТА О
НАРОДЕ

И чья цель? — Слуг...

Спаивание народа тоже было политикой, и даже не тайной, а гласной, открытой, теоретически обоснованной. 18 декабря 1925 года в речи на XIV съезде партии генсек, имея в виду взаимосвязь между строительством коммунизма и алкоголем, сказал:

Два слова об одном из источников резерва — о водке. Есть люди, которые думают, что можно построить социализм в белых перчатках. Это — грубая ошибка, товарищи. Если мы бедны и не можем пойти в кабалу к западноевропейским капиталистам, то оспаривается одно: искать источники в других областях. Тут надо выбирать между кабалой и водкой.

Одна из немногих откровенностей... Теоретическое обоснование методов туруханских кушцов в общении с осяками и тунгусами...

По плодам их узнаете их...

А разве не мы сами создали уникальную, невиданную, беспрецедентную систему недоверия к самим себе: дикие анкеты, комиссии по проверке, институты помполитов — в армии, торговом флоте, иностранных посольствах, — систе-

му слежки за «нашими» — здесь и за рубежом, грандиозный сыск?

Ни Свифту, ни Джойсу, ни Кафке, ни Беккету не удалось своими гениальными мозгами постичь меру человеческого абсурда, реалии наших Котлованов и Чевенгуров, необходимость «построить социализм будущим летом», «передвигать улицы, перетаскивать на руках сады на субботниках, «умориться от долгого хода революционности... «От передвижки домов улицы в Чевенгуре исчезли — все постройки стояли не на месте, а на ходу...»

— Они будут довольны, — говорил убежденно и почти радуясь Прокофий. — Они привыкли к горю, им оно легко, дадим пока им мало, и они будут нас любить. Если же отдадим сразу все, как Чепурный, то они потом истраят все имущество и снова заходят, а дать будет нечего, и они нас сместят и убьют. Они же не знают, сколько чего у революции, весь список города у одного меня. А Чепурный хочет, чтоб сразу ничего не осталось и наступил конец, лишь бы тот конец был коммунизмом. А мы до конца никогда не допустим, мы будем давать счастье помаленьку, и опять его накапливать, и нам хватит его навсегда.

Спустя час он собрал в исполкоме всех чевенгурских большевиков — одиннадцать человек — и сказал им одно и то же, что всегда говорил: надо, ребята, поскорее коммунизм делать, а то ему исторический момент пройдет, — пускай Прокофий нам сформулирует!

— Это, Прощ, все прилично, что ты говоришь, — тактично и мягко отвергал Чепурный, — только скажи мне, пожалуйста, не уморимся ли мы сами от долгого хода революционности? Я же первый, может, изгажусь и согрнусь от сохранения власти: долго ведь нельзя быть лучшим всех!

«Что ты, — сказал он Прокофию, — или не знаешь — какая наука? Она же всей буржуазии даст обратный поворот: любой капиталист станет ученым и будет порошком организмы солить, а ты считайся с

ним! И потом наука только развивается, а чем кон-
чится — неизвестно.

Хотя русская литература возникла спустя века после Божест-
венной Комедии, я не удивляюсь, что Хармс и Введенский
упредили Ионеско и Беккета: сама почва требовала... Кафка, тоже
опоздал Процессом и Замок: Кремль давно стоял на земле,
процесс же тянулся со времен Ивана Грозного. Даже Платонов со
своими переименованиями и перетаскиванием улиц опоздал:
были и потемкинские деревни, и «революционные» имена...

Хромого звали Федором Достоевским: так он сам себя
перерегистрировал в специальном протоколе, где сказано, что
уполномоченный волревкома Игнатий Мошонков
слушал заявление гражданина Игнатия Мошонкова о
переименование его в честь памяти из-вестного писателя —
Федора Достоевского, и постано-вил: переименоваться с начала
новых суток и навсег-да, а впредь предложить всем
гражданам пересмот-реть свои прозвища —
удовлетворяют ли они их, — имея в виду необходимость
подобия новому имени. Федор Достоевский задумал эту
кампанию в целях са-мосовершенствования граждан: кто
прозвется Либк-нехтом, тот пусть и живет подобно ему,
иначе слав-ное имя следует изъять обратно. Таким порядком
по регистру переименования прошли двое граждан: Сте-пан
Чечер стал Христофором Колумбом, а колхозник Петр
Грудин — Франсом Мерингом: по уличному Мерин.
Федор Достоевский запротоколил эти имена условно и
спорно: он послал запрос в волревком — были ли Колумб
и Меринг достойными людьми, что-бы их имена брать за
образцы дальнейшей жизни, или Колумб и Меринг
безмолвны дляреволюции.

А не чума ли мы? Новая, неведомая Камю форма?..
Абсурдность, истеричность, необузданность, жестокость,
безграничная тяга к уравниванию, невысовыванию, плебей-
ству, звериная нетерпимость к чужакам. А, может быть, возврат к
чистой биологии? Социал-дарвинизм?..

Место сознания заняло приспособление. Сознание было
подменено приспособлением. Шел возврат к томууровню

состояния жизни, на котором, чтобы выжить, достаточно приспособиться.

Наше существование — поучительный урок того, как существовать нельзя.

Колумб утонул в умывальном тазу, после того как одолел мировой океан. Таза было достаточно: он не умел плавать

Мы не будем отныне скорбеть ни о чем.
Столько раз уязвленные
стали мы неуязвимы.
Столько мук
претерпевшие, стали
бесчувственны мы.
Пусть теперь умирает ребенок
и рушится чья-то надежда.
Какое нам дело —
ведь мы не виновны ни в чем.
Это ветры, ненастья, стихийные
беды, нас, неповинных,
зажали в кольцо.
Это каменной
глыбой ужасное
время
придавило нам грудь,
и сковало нам силы.

НОЧЬ БЫЛА ИСПОЛИНСКИХ РАЗМЕРОВ

Вы все захвачены вселенской
пляской смерти.

Ш. Бодлер

После Спарты история начала свое нисхождение к нам: закишела чудесами жертвенности и героизма. Так уж повелось: каждый раз, когда требовалось обосновать новый экстремизм, первым требованием становилась жертвенность энтузиазма. Сколько же людей за всю эту несчастную историю шло на костер умирать за ложные идеи, в сущности непонятные и даже

чуждым?

Здесь часто употребляется слово «экстремизм». Что же это такое? Это — такая беда, когда у живущего в мире

бесконечного многообразия никогда не возникает потребность вкушать от иного плода. Это — когда хочется навязать свои взгляды всем и вся, а самим испытывать патологическую невосприимчивость ни к каким другим.

Ничто не имеет между собой так мало общего, как благочестие и совесть. Вера не гарантирует от злоупотреблений, скорее наоборот: чем сильнее вера, тем большие потрясения ждут верующих.

Среди бесконечного континуума причин, вызывающих конфликты, наиболее страшны не экономические, не классовые, даже не биологические — наиболее страшны причины духовные: фанатизм, экстремизм, категорическое отрицание права мыслить иначе. Возвеличивание любой — самой гуманистической или гениальной, но единственной идеи — это и есть дорога к экстремизму. Если с неукротимой энергией насаждать такие социальные порядки, в основе которых лежат неверные представления о человеческой природе, то нам предстоит вновь и вновь пережить ужасы фанатизма, порождаемые несоответствием «божественных видений» учителей, подвижников одной из виллы, законам природы.

Если коммунизм и не теоретический антигуманизм, как считает Альпоссер, то во всяком случае — практический. Впрочем, любой вид экстремизма — антигуманен.

Что такое экстремизм? Непоколебимая вера в единственность социального, политического, религиозного решения. Но полистайте историю! Единственного решения, кроме как в математике, никогда не было и не будет. Независимо от содержания веры, творцы абсолютных систем ненавидят не только друг друга, но не уважают Человека, благо которого якобы служат.

Уважение к Человеку!

Уважение к Человеку! — восклицал некогда Сент-Экс. Никто

из нас не вправе себе одному приписать чистоту помыслов. Во имя пути, который я избрал, я могу отвергнуть путь, избранный другими, ямогу

оспаривать ход его мысли. Ход мысли не всегда верен. Но если этот человек стремится к той же звезде, мой долг — его уважать, ибо мы братья по духу.

Материальные наши нужды могла бы удовлетворить и тоталитарная тирания. Но мы не скот, который надо откармливать. Нас не насытишь благополучием и комфортом.* Воспитанные в духе уважения к человеку, мы превыше всего ценим простые встречи, что превращаются порой в чудесные празднества...

Уважение к человеку! Уважение к человеку!.. Вот он, пробный камень!

Нацист уважает лишь себе подобных, а значит, он уважает только себя. Он отвергает противоречия — основу созидания, а стало быть, разрушает всякую надежду на движение к совершенству и взамен человека на тысячу лет утверждает муравейник роботов. Порядок ради порядка оскотливляет человека, отнимает у него важнейший дар — преобразовать и мир, и самого себя. Порядок создается жизнью, но сам он жизни не создает.

А нам, напротив, кажется, что движение наше к совершенству еще не закончено, что завтрашняя истина питается вчерашними ошибками и преодоление противоречий — единственно плодородная почва, на которой возможен наш рост. Мы признаем своими и тех, кто с нами не схож. Но какое это своеобразное родство! Его основа — не прошлое, но будущее. Не происхождение, но цель. Друг для друга мы — па-ломники и долгины, разными и трудными путями стремимся к месту встречи.

*Сегодня мы знаем, что дух и материя неразрывны: нет духа — не будет и материи.

ШИГАЛЕВЩИНУ — В ЖИЗНЬ!

— Здесь так любят рубить головы. Странно, что кто-то еще вообще уцелел!

Л. Кэрролл

Говоря «шигалевщина», я имею в виду не грубейшую насильственную уравнильность, но тотальное порабощение во имя всеобщей свободы.

Вся наша жизнь — это нескончаемое унижение человеческого достоинства, подавление, ущемление прав, ограничение свобод, нагнетание страха: репрессиями, разгулом охранки, нищетой, нехватками, несправедливостями, собраниями, совещаниями, канцеляриями, очередями, дежурствами, подметанием улиц, колхозами, овощными базами, интернациональным долгом, единогласием, стрибуноговорением и взаелслушанием, поднадзорностью, фискальством, шовинизмом и национализмом, духовным черносотенством, начетничеством, оголтелостью, обезличиванием и омассовлением, авторитарностью и бездарностью, спаиванием и борьбой с пьянством, всеобъемлющей, тотальной, вездесущей ложью, иезуитством учений, демагогией, обещаниями, лозунгами дня, передергиванием фактов, оглулением, статистикой, цензурой, промыванием мозгов, дебильным начальством, крючкотворством, воинствующим неприятием талантов, завистью, искоренением крамоль..

Чем тягостна несправедливость? Даже не существованием своим — она вечна — несправедливость непереносима декларацией справедливости. Рабы легче переносят рабство, если им внушили, что так устроен мир. Если вы в состоянии понять душевное состояние раба, которого объявили свободным, навесив еще одну цепь, то вы поймете меня.

В 32-м году — закон о хищениях, по которому граждане с 12-летнего возраста, подбирающие колоски в поле, чтобы не умереть от голода, были объявлены врагами народа и получали срок не менее 10 лет, максимум же не оговаривался вообще; в 40-м — закон о лишении свободы за опоздание на работу или невыполнение минимума тру-

додней; статья 58 УК о ссылке сроком на 5 лет родственников «врагов народа»; диалектическое разъяснение Генерального прокурора: «раз абсолютная истина недостижима, правосудие достаточна истина относительная, то есть мнение судьи».

А суд? Вместо суда — чрезвычайные комиссии, пятерки, тройки, выносящие приговоры направо и налево — без прокурора и защитника, без публики, без...самого обвиняемого.

Культура расправы, сущность которой — перманентный 37-й.

Когда закону волевым решением придавалась обратная сила, что превращало само слово «закон» в трагическую насмешку. Когда введенные в эпоху чрезвычайного положения и «военного коммунизма» да так на десятилетия и подзадержавшиеся судебные «тройки» объявлялись самой лучшей и, значит, незыблемой формой осуществления правосудия. Когда следствие без защиты (безвластный подследственный наедине со всевластным следователем) — печальный рудимент инквизиционного процесса — само себя признало чуть ли не вершиной демократии и грудью встало против всяких попыток усомниться в его совершенстве. Когда по вине безответственных лжецов и демагогов условия жизни в колонии, где отбывают наказание осужденные, упоенно выдавались за «курортный режим». Когда сроки лишения свободы подвигались настолько жестокой инфляцией, что вычеркнутых из жизни несколько лет считались в сознании населения пустяковой, игрушечной карой. («Сколько дали?

Пять лет? Надо же, отделался легким испугом!»).

Продолжать еще? Но зачем? Кому не ясно, куда уходят истоки?

Без «троек» дело тоже было поставлено неплохо: лечение здоровых людей в психиатрических лечебницах, «теلفонное правое», насилие следователей, социалистическое соревнование за колючей проволокой, беспощадное, бесконечное, хотя и безрезультатное, искоренение инакомыслия...

В книгах Людмилы Алексеевой История интеллигентского мышления в СССР. Новейший период и Александ-

ра Подрабиника Карательная медицина разворачивается жуткая панорама бесконечных гонений на человеческую мысль отнюдь не в сталинские времена, а в семидесятые-восемидесятые годы, то есть уже теми, кто зпегвал

«перестройку». Вот некоторые отрывки, отражающие лишь незначительную долю имеющейся информации о духовном терроре, царившем в стране уже во времена активной коммунистически-идеологической деятельности наших нынешних президентов.

К 1979 г. репрессии на Украине приобрели определенный мафиозный оттенок. Частым методом расправ стали избиения на улицах «неизвестными людьми, против женщин — угрозы изнасилования. Весной 1979 г. при невыясненных обстоятельствах погиб молодой украинский композитор Владимир Ивасюк, автор популярных среди молодежи песен, окрашенных ярко выраженным национальным чувством. Последний раз перед его исчезновением его видели в конце апреля в консерватории, выходящим в сопровождении какого-то человека, как это было несколько раз незадолго перед этим, когда его уводили на допросы УКГБ, предлагая стать свидетелем — он отказался. 18 мая Ивасюка нашли мертвым в лесу... На фоне мафиозного разгула, происходящего на Украине, родственники и друзья Ивасюка не поверили в официальную версию — самоубийство, и считают, что смерть эта — дело КГБ. Похороны Ивасюка вылились в многолюдную демонстрацию — собралось более 10 тысяч человек.

Политические аресты 1979—1980 гг. на Украине в первую очередь были направлены против участников Хельсинской группы.

При этом широко использовались уголовные обвинения, сфабрикованные с помощью милиции или негласных сотрудников КГБ. Наиболее часто применяются такие статьи, по которым легче «сделать дело» на основании лжесвидетельств милиционеров и их помощников: «сопротивление властям», «хулиганство», а также «хранение наркотиков», заранее подложенных намеченной жертве. Из 14 членов Украинской Хельсинской группы в 1979—1980 гг. 6 осуждены по уголовным обвинениям.

В течение 70-х годов определилась роль Украины как «опытного участка карательных органов. Четко прослеживается, что новые методы преследований сначала апробируются на Украине, а затем распространяются на другие республики.

Обыски хельсинцев начались с Украины, и подлоги при обысках тоже были испробованы на Украине. Там начали фабрикации уголовных обвинений против членов хельсинских групп, там же впервые дали лагерный срок за участие в хельсинском движении женщине (Ольге Гейко), там впервые осудили за «антисоветскую агитацию» женщину пенсионного возраста — 75-летнюю Оксану Мешко. На Украине же впервые был вынесен приговор женщине за то, что добивалась освобождения мужа-политэка (Раиса Руденко). С Украинской Хельсинской группы начались и повторные аресты.

Почти невозможно подсчитать жертв тайных убийств, совершенных охранкой. Не напрасно в специнститутах КГБ тысячи ученых трудились над созданием спецдров и спецсредств уничтожения «ослушников». Впрочем, не гнушались ни топора, ни кирпичи, ни лопаты.

В конце 1970 г. случилось трагическое событие — была убита киевская художница Алла Горская — общая любимица, мастерская которой в течение всего предшествующего десятилетия была постоянным местом многолюдных собраний шестидесятников. Алла поехала в город Васильков в часе езды от Киева — и была найдена с проломленной головой в погребе свекра... Сам свекор — старый больной человек — был найден мертвым за несколько десятков километров от дома.

Обстоятельства гибели Горской и особенно расследования этого убийства породили общую уверенность в причастности к нему КГБ, сотрудников которого раздражало дерзкое бесстрашие художницы на допросах и ее роль «заводилы» среди киевских шестидесятников.

Мы много слышали о самосожжениях доведенных до отчаяния женщин Средней Азии, не прекращающихся до

последнего времени, мы слышали о самосожжении Яна Палаха в знак протеста против ввода войск в Чехословакию в 1968 году, но мы мало знаем о других трагических формах протеста против бесчеловечной системы в СССР.

А самосожжений из политических побуждений было немало. Того же Яна Палаха упредил Василий Макуха, бывший политзаключенный сталинских лагерей, поджегший себя на Крепцатике в канун празднования годовщины Октябрьской революции. Это было одно из первых самосожжений в знак протеста против национального угнетения. Ромас Каланта повторил это в Литве, Илья Рипс в Латвии, Муса Мамут совершил самосожжение в знак протеста против продолжающейся дискриминации крымских татар. В феврале 1969-го пытался совершить самосожжение Николай Бреславский, 45-летний учитель из Бердянска... Между Яном Палахом и людьми-факелами на Украине имеется одно столь же трагическое, как и их поступки, различие: Палах стал национальным героем, самосожжение В. Макухи, свидетелями которого было огромное множество людей, не вызвало никакой реакции в обществе «ни в чем не виноватых — я имею в виду прискорбный факт массового, я бы сказал всенародного, отказа молчаливого большинства признать факт молчаливого же потворствования бесчинствам властей, факт апатии и безразличия к собственной судьбе в условиях бесчеловечного общества.

Пожалуй, самой изуверской формой наказания за инакомыслие, применяемой КГБ в целях массовых репрессий, стало использование психиатрии в карательных целях для наказания инакомыслящих. Одной из жертв карательной медицины стал боевой генерал Петр Григоренко, военные подвиги которого родина оплатила пятилетним пребыванием и принудительным психиатрическим «лечением» в спецпсихбольницах. Из воспоминаний Петра Григоренко:

И вот я в пути. Едем в главный город Восточной Пруссии — Инстербург (ныне Черняховск). В нем имелась каторжная тюрьма. Немцев выселили, тюрьма осталась. У нас своих мало. Приспособили к делу и эту. Получилась из каторжной тюрьмы прекрасная специальная психиатрическая больница. В нее я и прибыл 28 мая 1970 года. Снова началась моя жизнь в царстве кагэбизированных психиатров.

Здесь меня «лечили» 40 месяцев, а затем на 9 месяцев послали «долечиваться» в обычную психиатрическую, правда, в специальное отделение — для «принудительных», т. е. направленных судебным определением на принудительное лечение.

Мировая цивилизация не знакома с феноменом массового сотрудничества науки и сыска. Гитлер пытался соединить медицину и концлагерь, но тогда речь шла о нескольких десятках «ученых и врачей, согласившихся на сотрудничество с людоедом. Института Сербского Фюрер не знал, как не был знаком с «вялотекущей шизофренией». Я не хочу обвинять всю советскую психиатрию, из которой кстати, вышли и такие борцы с карательной медициной, как Александр Волошанович и харьковский врач Анатолий Корягин, но массовое сотрудничество врачей с «органами, как и массовая готовность ставить преступные диагнозы и подвергать людей, попавших за инакомыслие в психушки, варварскому принудительному, — наша «заслуга... Мировая медицинская наука, видимо, не знает другого прецедента, когда в знак протеста против действий карательной медицины в СССР целая область науки была исключена мировым сообществом ученых из сферы сотрудничества...

В конце 70-х масштабы карательной медицины расширились на всю страну, диссидентами была создана Рабочая комиссия по расследованиям использования психиатрии в политических целях. В нее вошли Александр Подрабинек, Вячеслав Бахмин, Ирина Каплун, Феликс Серебров и Джемма Квачевская. От Московской Хельсинской группы в Комиссию вошел Петр Григоренко.

Рабочая комиссия действовала до февраля 1981 г., когда был арестован ее последний участник, т. е. 4 года. За это время крохотная группа подготовила 24 объемистых информационных бюллетеня (они выходили не реже, чем раз в два месяца). Просматривая эти бюллетени, трудно понять, как могли несколько человек, к тому же работающих, свернуть такую глыбу. При полном отсутствии доступа к официальным источникам информации они составили картотеку по литзаклоченным, содержащихся в психиатрических больницах, собрали информацию о никому не известных жертвах психиатрических репрессий.

В августе 1978 г., на пресс-конференции иностранных корреспондентов было раскрыто имя психиатра-консультанта Рабочей комиссии. Александр Волошинич сообщил, что он провел 27 экспертиз людей, подвергавшихся ранее помещению в психиатрические больницы по политическим мотивам, и ни в одном случае не нашел медицинских оснований для госпитализации и лечения.

Действия карательной медицины не ограничивались жутью психбольниц. Даже Андрей Дмитриевич Сахаров, человек с мировой славой, на собственном горьком опыте познал палачей в белых халатах. К нему применили принудительное кормление во время голодовки. Мы не позволим Вам умереть, комментировал эту операцию «лечащий врач, а вот инвалидом сделаем..

Начало «перестройки» от генерального наступления на инакомыслие в СССР отделяет только... 6 лет. Вновь обратимся к книге Людмилы Алексеевой:

Началом «генерального наступления» на инакомыслие можно считать 3 ноября 1979 г. Похоже, к этому дню КГБ получил «добро» на осуществление плана последовательного разгрома независимого общественного движения в стране, разработанного еще в 1977 г.. Не сразу аресты были осознаны как решительный поворот от сравнительной сдержанности к тотальному, последовательному искоренению любого проявления гражданской независимости. Поначалу они были восприняты как всплеск репрессий, неизбежный в связи с приближением Московской олимпиады. Однако вторжение советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и высылка А. Сахарова в Горький в январе 1980 г. не оставили сомнений, что это — не очередной зигзаг политики разрядки, а крутой поворот внешней и внутренней политики СССР в сторону от нее.

По отношению к Сахарову была применена та самая мера пресечения его общественной активности, которая планировалась в 1977 г., — высылка — незаконная сама по себе, так как была она осуществлена без суда и даже без какого-либо официального предписания, по устному сообщению чиновника из прокуратуры.

«Мягкость» меры с самого начала была обманчи- вой. Высылка на самом деле превратилась в строгий арест (даже не домашний, поскольку осуществлен он в Горьком, а не в квартире Сахарова в Москве), без права переписки и свиданий. Условия этого ареста становились год от года все более жесткими, а пове- дение стражей — все более наглым.

Отличие репрессий, начавшихся в 1979 г., от всех прежних — в одновременном наступлении сразу на все направления инакомыслия, причем всюду репрес- сии распространялись в первую очередь на открытые общественные ассоциации и всюду метили прежде всего по ключевым фигурам, а также по «связным» в неподконтрольном властям механизме распространения идей и информации..

В течение 1980 г. были арестованы ведущие деяте- ли всех национальных движений, а также всех неза- регистрированных церквей.

Ужесточение репрессивной политики проявилось в увеличении женских арестов. Раньше они были ред- костью, особенно в Москве, которая более всего на виду... Новый этап репрессий начался с ареста Татья- ны Великановой — женщины, имевшей внуков. Она была осуждена на 4 года лагеря строгого режима и 5 лет ссылки. За ней последовала 60-летняя Мальва Ланда (член МХГ) — 5 лет ссылки.

В 1982 г. в лагерях находилось более сотни жен- щин, осужденных по идеологическим мотивам.

Увеличение числа арестов сочеталось с резким ужесточением приговоров. Особенно потрясают сроки повторникам — многие получили максимум при вто- ричном осуждении по статье 70 — 10 лет лагеря осо- бого режима плюс 5 лет ссылки, что налагалось на прежний срок, тоже обычно многолетний. Так, у Ана- толия Марченко, арестованного в марте 1980 г., новый 15-летний срок наложился на прежние 15 лет неволи. Судьи стали просто щеголять нарушением элемен- тарных правил судопроизводства. Стало частым явле- нием лишение обвиняемого последнего слова.

Из-за

этого распространился в самиздате новый документальный жанр — заявления на случай ареста. Такие заявления оставили Анатолий Корягин, Виктор Некипелов, Феликс Серебров, Иван Ковалев. Эти заявления, как и последние слова на суде, — поразительные человеческие документы, свидетельствующие, что жертвы политических преследований — лучшие граждане советского государства, бескорыстные, благородные и смелые люди.

И еще одна особенность судов в 80-е годы: невозможность найти адвоката, согласного защищать обвиняемого по политическим мотивам, так как это стало опасно для самого адвоката.

Положение в стране, создавшееся в результате новой карательной политики, Анатолий Марченко в последнем слове на суде охарактеризовал как гражданскую войну правителей против народа.

Война эта велась все 80-е годы. Продолжается она и сегодня — теми же людьми, но другими методами. Я не приемлю разговоров о «перестройке», «демократизации» и т. п., ибо все это было затеяно одними и теми же людьми: государствами СНГ руководят люди, занимавшие самые высокие посты в партии во время «последнего удара».

Если отбросить «шелуху слов», то, за исключением освобожденных из тюрем диссидентов и немногих не успевших туда в свое время попасть, «демократическая гвардия» 90-х сформировалась из «кадров» тех же 70–80-х годов, если и не принимавших прямого участия в «гражданской войне» коммунистов против собственного народа, то поддерживающих ее (коль не осуждением инакомыслия, то полным молчанием). «Дермократы» — очень точный термин, на 90% — это вчерашние коммунисты. И в пропасть мы летим благодаря им: «рынок» строят именно они, свои страны грабят именно они, они у руля всех государств, заводов и фабрик, колхозов и совхозов, институтов и пароходов. Если что-то существенное изменилось, то стало больше свободы унижать народ. Но унижают все те же... И мафия, и «новые русские» в массе своей вербуются тоже из них — благоопытнее занимать..

Посткоммунизм — не переход к рынку, а переход от тоталитаризма к бандократии: тайная банда стала явной..

И все это на фоне роскоши, беззащитного разграбления государства, тотальной коррупции, разложения и разврата «кристальных» и «беззаветно преданных» рыцарей революции, сросшихся с организованными преступными бандами советской мафии и рэкетиров.

Министерство внутренних дел получило для служебных целей из-за рубежа девять красавцев автомобилей. Один «мерседес» тут же стал личной машиной министра, другой — его сына. Дочери — третий. Бесплатно, конечно. Не забыты и остальные члены этой дружной семьи: на имя министерской жены оформили машину марки «БМВ», а на имя невестки — «мерседес» прошлогодней модели: как-нибудь перебежит... Органами БХСС разоблачен крупный спекулянт и валютчик, обладатель музейных сокровищ. Они должны были после конфискации пополнить коллекции Кремля, Останкинского дворца и других крупнейших хранилищ страны. Но до музеев они не дошли: их присвоил себе министр. На сумму, как сказано в акте экспертизы без малого четверть миллиона рублей плюс картина Мартироса Сарьяна, которая в этом блистательном перечне проходит отдельной графой.

И совсем отдельной — 62 импортные люстры из хрусталя (их стоимость — более 50 тысяч), которые министр приказал закупить за счет, разумеется, министерства для себя, для детей, для родных и знакомых. Шестьдесят две — многовато даже для их нетесных апартаментов.

В разных районах города для служебных нужд министерства было арендовано у горисполкома немало квартир. Часть из них (и какая!) поступила опять же министру. Точнее, сыну министра — для известных утех, родным министра — для семейного благоденствия. И — многочисленной челяди: личному портному, личному стоматологу, и еще, и еще.

Штатными деятелями министерства были и другие умельцы: личный архитектор министра, «проведенный» каким-то инспектором, личный массажист (он числился лаборантом министерского НИИ), личный

фотограф, личный повар, личный биограф с огромным своим аппаратом. Домработница дочери состояла в штате союзного министерства как слесарь-ремонтник, а порученец по текущим семейным делам — как заместитель начальника отдела в скромном звании майора внутренней службы.

Министр-эрудит обобрал музей своего министерства, приказав доставить оттуда антикварные книги для личной библиотеки. Министр внезапно сделал майором и ответработником внутренних дел своего престарелого тестя — никелировщика мебельного комбината в городе Краснодаре. Перевел в столицу, повысил в звании, дал квартиру, обставил импортной мебелью. Не платя, разумеется, ничего. Апришел

час — и похоронил: тоже за счет государства. Так торжественно, так достойно, что погребальные почести пришлось потом отразить в следственном протоколе. Венки закупила хозяйка министерства, воткнув их цену в графу: «Возложение цветов к историческим памятным местам».

— Все женщины этого дома любили цветы — мог ли министр презреть эту их милую склонность? Она стоила государству всего лишь 36 тысяч рублей за неполных два года. Только за два.

Графа, по которой эта сумма «прошлан, значилась так: «Проведение юбилеев и других торжественных мероприятий».

В день юбилея министра первый зам от «работников аппарата» преподнес министру часы. По его, юбиляра, заказу. Взятые часы из Государственного хранилища ценностей — неприкосновенного фонда сокровищ нашей страны. Кража? Ничуть не бывало: подарок! Но не министру внутренних дел, — руководителю одной иностранной державы. Тот и не ведает, какая ценность ему причиталась. Уехал ни с чем..

Лишь за три последние года многотрудной деятельности Николая Анисимовича руководимое им ведомство закупило для нужд семьи мехов на сорок две тысячи, парфюмерии — почти на семь с половиной. Тратились масштабно, по-крупному, но и мелочью не бросались: кроваткой для внука — из «Детского мира», пудреницей для домработницы из ларька на ближай-

шем углу. За все «сувениры» платила казна: хозяин — барин!

Нет, не извращение марксизма примитивным сознанием и арифметическим рассудком, но последовательно проводимая в жизнь идея: социализм наступит тогда, когда не будет буржуев. А что может быть проще, когда в твоих руках власти оружие? Вот бродящие по стране «рыцари революции» и дела ли все, «чтоб к лету социализм из травы виднелся». А из отношения к вождям, как к богам — «Л-нда, Л-ни взяц» — и рождались будущие министры — рождались с неотвратимостью биологического закона: что зачато — то и родилось..

Есть такая «специальность» животных — козел, заводящий стадо на бойню. Существует даже фильм о таких козлах.

Бедные, милые утописты! Где же ваши утопии? А

вот антиутопия живет!

История переписывается, бедные беднеют, богатые богатеют, права исчезают, бесправие торжествует, итальянская мафия бледнеет..

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Изобретение мощных взрывчатых средств щедро вознаграждается и поощряется; инструктаж по производству оружия, военных кораблей, подводных лодок и артиллерии проводится на совесть, и специалисты инструктируют новичков со знанием дела и с твердым намерением преуспеть в нем. В результате — как и всегда — силы разрушения, которые не так-то легко со спокойным сердцем доверить безграничной мудрости и безграничному великодушию, отданы в руки патристически настроенных душегубов. Если они даже и наделены от природы некой толикой благородства, то с помощью образования превращены в невежд, простофиль или снобов, для которых война — своего рода религия, а убийство чуть ли не подвиг. Вы усомнились? Так раскройте газету! Что там у нас сегодня? Праздник по поводу сбитого аэробуса с 300 пассажирами на борту... Женщины, старики, дети..

ИЗ ПОУЧЕНИЙ РОБЕНА
МЕДОТОЧИВОГО ТРУБЛИОНАМ

Ed egleavca del cul fatto trombeta. (Он
сделал из зада трубу).

Д. Джойс

Скажите им: «Хотим успокоения — и все тотчас же поверят, что вы его хотите. Скажите это, дабы доставить им удовольствие. Это вам ничего не стоит, а между тем легче вам будет разбивать черепа вашим врагам и противоборцам, кои всегда жалобно блеяли: «Мир! мир! ибо сами они кротки, как овцы, — это и оспаривать невозможно. И вы скажете: «Они не хотели мира — мы их убили. Мы хотим мира, мы его установим, когда будем полновластными господами. Миролобиво воевать — что может быть похвальнее? Кричите: «Мир! мир! — и убивайте. Мир! мир! Этот уже не встанет! Мир! мир! Я уколошил троих! Намерение было мирным, а судить вас будут по намерениям вашим. Идите и говорите: — «Мир! — и бейте без пощады. Монастырские колокола будут заливатья всюю, прославляя вас за миролюбие, а мирные граждане будут провожать вас лестными похвалами и, видя ваши жертвы, распростерты на мостовой распоротым брюхом, скажут: «Вот это хорошо! Так и надо для мира! Да здравствует мир! Без мира — уж какая это жизнь!»

К трем силам, посредством которых можно овладеть совестью людей — чудом, тайной и авторитетом, мы добавили четвертую — животный страх.

Вольтер мог в XVIII веке дразнить и трепировать красных кардиналов. Попробовал бы он в XX — красных антихристов!

Конечно, это не внове, чтобы люди из боязни за свое благополучие не совершали бы бесчестных поступков. Но кто знает такие масштабы? Кто встречал такую глубину массовой бесчестности при столь тотальном страхе? Кто знаком с другими временами, где честные и неустрашимые казались бы всем остальным до такой степени безумными?

Но я страшусь!.. О, мир проклятый,
где каждый встречный —
соглядатай, где осторожность не
спасет...

Страх был летальным, глубинным, абсолютным, животным, бесконечным — в пространстве и времени. Страх культивировался, страх холился и лелеялся, страх взращивался, как растут редкостные, экзотические плоды. Для того, чтобы он никогда не переводился, и существовала мимикрирующая всемогущая организация, в целях конспирации вечно меняющая свои названия и своих бонз. Страх был парализующий, анестезирующий, подавляющий, лишающий воли.

Политические аресты нескольких десятилетий отличались у нас именно тем, что схватывались люди ни в чем не виновные, потому и не подготовленные ни к какому сопротивлению. Создавалось общее чувство обреченности, представление (при паспортной нашей системе довольно, впрочем, верное), что от ГПУ — НКВД убежать невозможно. И в разгар арестных эпидемий, когда люди, уходя на работу, всякий день прощались с семьей, ибо не могли быть уверены, что вернутся вечером, — тогда они почти не бежали (а в редких случаях кончали с собой). Что и требовалось. Смирная овца волку по зубам.

А. И. Солженицын обратил внимание на малодушие, беспомощность, безучастность, безмолвность, отсутствие малейших попыток сопротивления при арестах, допросах, пытках. Страх был столь велик, что становился как бы соучастником репрессий: люди испытывали облегчение от ареста, способствовали арестам своим паническим страхом и безмолвием.

Иногда главное чувство арестованного — облегчение и даже... радость, особенно во время арестных эпидемий: когда вокруг берут и берут таких, как ты, а за тобой все что-то не идет, все что-то медлят — ведь это изнеможение, это страдание хуже всякого ареста и не только для слабой души.

При дневном аресте обязательно есть этот короткий неповторимый момент, когда вас — неявно, по трусливому уговору, или совершенно явно, с обнаженными пистолетами — *ведут* сквозь толпу между сотнями таких же невиновных и обреченных. И рот ваш не заткнут. И вам можно и непременно надо было бы кричать! Кричать, что вы арестованы! что переде-

тые злодеи ловят людей! что хватают по ложным до- носам!
что идет глухая расправа над миллионами! И слыша такие
выкрики много раз на день и во всех
частях города, может быть, сограждане наши оцети- нились
бы? может аресты не стали бы так легки!?

Палачи знали, что страх жертв — это их сила, вот по-
чему репрессии были массовыми, иначе не было бы тоталь- ного,
доходящего до ужаса, биологического страха. А то,
что страх был генетическим, знаю по примеру своих близ- ких: моя
мать и сегодня, когда я пересказываю статьи из газет, прикладывает
палец к губам и шепчет: тсс...

Сегодня заговорили о памяти. Но почему вспоминаем мы
так мало, столь надсадно, столь неохотно? Не потому ли, что не
желаем вспоминать то, что изодня в день явля- ется взору?

Или мы все еще живем в эпоху Като: злой гений тата- ро- монгол, возрожденный Кобой, все еще стучится в наши сердц.

И совесть — очернительство?

Что такое очернительство?

Сознательная клевета на миллионы честных лю- дей
— от мужика до академика, от грузчика до мар- шала — это
не очернительство?

Сознательное уничтожение этих оклеветанных мил-
лионов, уничтожение их «во имя коммунизма» — это не
очернительство?

Травля, уничтожение ученых во всех без исклю-
чений областях науки?

Травля, уничтожение сотен, тысяч честных, талант- ливых
писателей, художников, музыкантов?

Это все — *не* очернительство культуры? Это все *не*
оттолкнуло от нас десятки миллионов наших сторон- ников
за рубежом?

А правда об этом — очернительство.

А раскрытие чудовищных преступлений — очер-
нительство.

А «Великая Реабилитация» — очернительство... Сначала
были оклеветаны, арестованы, уничтоже- ны миллионы людей.

Потом арестованы, сосланы, заточены факты об этом (расстрелять факты — это, казалось, никому не под силу, но многие факты действительно были расстреляны, испепелены, развезены, и никогда уже больше мы их не найдем).

Наконец, началось освобождение фактов.

И что же? Это освобождение вы и объявляете очернительством.

Вы пытаете факты точно так же, как ваши предшественники пытали живых людей.

Вы снова хотите их, эти факты, арестовать, заточить, испепелить.

Для вас преступлением является само раскрытие преступлений.

Почему?

Почему вы приходите в неистовство против тех, кто раскрывает преступления?

Почему вы не находите слов сострадания для жертв и слов негодования для палачей?

Почему — в лучшем случае — вы готовы признать черные страницы нашей истории «государственной тайной», до которой, мол, народ наш еще не дорос? До расправы над собой дорос, а до правды об этой расправе не дорос?

Почему?

Для вас, в сущности, и Мысль — «вредитель», и Мышление — «враг народа». Вы и учение свое хотели бы превратить в «закон и стержень», охранять его, чтоб не сбежал. Вот единственное, на что вы способны, вот единственная ваша функция, единственное ваше «творчество»: охрана. Но теперь вы даже и тут иссякли. Подорван источник вашего пустоцветного процветания. Вам грозит идеологическая безработица, ибо ваша идеология — это феномен уникальный, мутант, загадка природы: расширенное воспроизводство бесплодия, размножение интеллектуального импотентства.

Что добавить к этим огоньковским словам? Может быть, эти в свое время не понятые слова Андрея Платонова из Чевенгура?

Надо, товарищи, что-нибудь самим думать — Прокофия теперь на вас нет.... Город стоит открытый, идей нигде не написано — кто и зачем тут живет, проходим

товарищам будет неизвестно. То же и с полами — их надо вымыть, Жеев правильно заметил эту разруху, а дома ветром продуть, а то идешь — и везде еще пахнет буржуазией... Надо нам, товарищи, теперь думать, иначе зачем мы здесь, скажи пожалуйста!

Каждый чевенгурский большевик застыдился и старался думать. Кирей стал слушать шум в своей голове и ожидать оттуда думы, пока у него от усердия и прилива крови не закипела сера в ушах. Тогда Кирей подошел к Чепурному поближе и с тихой со-вестливостью сообщил:

— Товарищ Чепурный, у меня от ума гной из ушей выходит, а дума никак...

МИСТИКА ЯВИ, ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ НАДО ОТМЕНИТЬ

Страданиями своими русский народ как бы наслаждается.

Ф. М. Достоевский

Начиная же с этого времени, они полностью преданы капризам небес, то есть страдали и надеялись без всякого смысла.

А. Камю

Но, любезнейшие, господа, — сказал студент Ансельм, — разве вы не замечаете, что вы все вместе и каждый в частности сидите в стеклянных банках и не можете шевелиться и двигаться.

Не напоминаем ли и мы героев Золотого горшка, счастливых своей остеклованной судьбой?

Есть доля истины в том, что бытие определяет сознание. Когда погружен в бытие окружающих тебя «правоверных» марксистов — в их хамство, цинизм, хапачество, пьянство, разврат, суесловие, лицемерие, дурь, — невольно задаешься вопросом: для чего? как долго? чем, собственно, все это отличается от варварства, от эпохи фараонов, от столь недалеко 3-го рейха? — то же убожество, та же дикость, то же шаманство, те же беспросветность и безысходность — лишь все в невиданных масштабах, в крайних степенях, в

той гротескности, для которой не хватает даже мощи Свифта и Батлера.

А чего следовало ожидать? Какого чуда после всех несбывшихся чудес? Где те осчастлививатели, чья идея о-частливить враз — сбылась?

О, сладостная эйфория в обезумевшем от собственного насилия мире!

Когда на протяжении веков распадались тысячи ком- мун, коопераций или товариществ — от Оуэна до Эптона Синклера, — никто, по крайней мере, не пытался уверить, что этот развал — свидетельство торжества этих идей. Под- вижники смирились, ожесточались, озлоблялись, накладывали на себя руки, впадали в мизантропию или меняли взгляды. Но не экзгумировали трупы, чем мы занимались на протяжении прошедших 70 лет...

Когда начнется Страшный суд — процесс истории над нами — мир содрогнется.. Или — нет?..

Если бы была возможность отбросить всю нашу ложь, оставив работника лицом к лицу с реалиями его жизни, с ее качеством, с неприлизованной ее правдой, с ее невзгодами и ее радостями, то мы обнаружили б, что нет равенств и эксплуатаций, демократий и тираний, а есть — живая жизнь: бедная и богатая, свободная и за решеткой, насыщенная и пустая — всякая, и что всё заключено во всем, и каждый — сам себе.

Наше светлое будущее на поверку оказалось лишь на- шим темным прошлым — одним из многочисленных повто- ров «смутного времени, из коего состоит значительная часть нашей истории.

Что мы оставим в память о себе? Какие достижения? Какие завоевания? — вот хорошее слово — «завоевания», «война, война против человеческого в человеке... Искоре- нение человеческого..

Сколько времени утеряно?

Сколько гения человеческого загублено?

Сколько судеб искалечено?

Сколько раздавленных, безымянных, втопанных в грязь?

ЭПИЛОГ,

ИЛИ НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

Мечта Отцов растворится в
бездне!

Г.Мелвилл

И Господь поставил меня
среди поля, и оно было полно
костей...

И сказал мне: сын
человеческий! Оживут ли кости
сии?..

Библия

Ни доводы разума, ни
красноречие, ни даже
величайшие истины не в силах
надолго удержать от взрыва
страсти, возбужденной живыми
впечатлениями окружающего
мира.

Ч.Беккариа

Тебя зовут будущее,
ибо мы вечно ждем, что ты будешь.
Тебя зовут будущее
и надеются: ты придешь
и, как прирученный
зверь,
станешь есть у нас прямо из рук.
Но ты всегда остаешься
там, за гранью времен,
укрывшись, кто знает где.
...Завтра!

А завтра всего лишь еще один день,
такой как сегодня: среда или вторник.
Он может быть всем, чем угодно,
но только не тем, что мы
ждем. Ждем все еще, вечно,
всегда...

Это неизбежно: культура должна была опробовать нас, как эволюция — виды. Мы были необходимы, и нас нельзя было ни предотвратить, ни сохранить. Мы должны были возникнуть и изжить себя сами.

Культура — форма существования жизни. Она тоже развивается методом проб и ошибок. Мы — всего лишь одна из неудачных проб. Вслед за осознанием истинных плодов наших культурных и иных революций, вслед за реабилитациями, перестройками и решительными поворотами, после наших языкознаний, генетик-кибернетик и всех бесчисленных избиений-гонений, вслед за пониманием пагуб экономических и множеством самобичеваний — рано или поздно — но обязательно! — мы должны были прийти к ниспровержению святая святых... и — сколько памятников нам придется завалить? сколько дерьма расчистить? сколько «передовых» изгнать и сколько «отсталых» просить о помощи?

Наша стабильность зиждилась на множестве китов: таких свойствах масс, как доверчивость, холопство, вождество, надежда, любовь к лести, конформизм; природных богатствах, которые трудно разбазарить; милитаризации экономики; традиционной мощи сыска; штыках двадцатилетних роботов, которых всегда легко оболванить; восточном фанатизме; шовинизме; долго внушаемом патриотизме; на лагерном рабском труде, насилии, страхе и десятках других «нац, делающих такими устойчивыми колоссов наглиняных ногах сквадратными подбородками.

Любая культура интенсивна. Она тяготеет к экспансии и подчинению. Мы находились в состоянии эмбриона, когда один провидец сказал: «Как бы рьяно ни выступал сегодняшний социализм против экспансии, придет день, когда он с непреоборимостью рока будет ее главным носителем». Социализм, продолжал он, — не милосердие, не гуманизм, не мир, а воля к власти, «благоденствие в экспансивном виде», империализм духа. Как и во все времена, не противоречие бедности и богатства, но мощь и сила господствуют здесь над жизнью.

Для Шпенглера коммунизм был философией заката, смерти культуры. Вчерашние идеалы, великие религиозные, художественные, государственные формы подвергнутся отрицанию, предрекал он в 17-м, а взамен — как последний акт цивилизации — возникнет варварство отрицателя, его чистой воли к власти.

Распад любой системы начинается в тот момент, когда появляется первый человек, который не может сказать то, что он хотел бы сказать, именно трансценденция невысказанной мысли является зародышем реалии распада. У нас это произошло в момент... зачатия.

Мысль еще никому и никогда не удавалось упрятать — ни в охраняемых, как тюрьмы, архивах, ни в спецфондах библиотек, ни, тем более, в собственных головах. Когда их расстреливают и зарывают в одном месте, они воскресают и проклевываются в другом.

Прятальщиков мало, а думают все.

Всесилие сыска — это миф, придуманный фискалами для остраски.

Строительство коммунизма самим строительством подрывало собственные основы. Развитие, рост, эволюция неизбежно порождают множественность, спонтанность, самопроизвольность изменений. Элита, не желающая адекватно реагировать на изменения, оказывается в положении неудачливого чародея, который не в состоянии укротить вызванных им духов.

Сегодня, как никогда, ясно, что вся наша борьба — это борьба за сохранение нашей отсталости. До тех пор, пока мы не осознаем, что все, что было в нашей истории после 1478 года, — разные формы отстаивания отсталости, мы не сможем преодолеть ее. То, что делали Петр Великий и все индустриализаторы, было лишь стремлением усвоить конечные результаты других культур без желания проникнуть их духом и созреть до них. Один еврей из Трира своим утопическим учением довершил руссоистский «возврат к природе», дав в руки самому отсталому государству — нравы которого нелицеприятно описаны им самим в Разоблачении дипломатической истории XVIII века, — дав в руки самому отсталому государству самую разрушительную экономику, ведущую народ к травке уже не в переносном руссоистском, а в прямом смысле слова. Пощиплем травки, как говорил язвительный Вольтер.

Социализма с человеческим лицом не существует вовсе не потому, что мы свернули себе скулы. Его не существует потому, что нас зачали в эйфории, вдобавок разбили физиономию при рождении, а носы нам отгели бегущие в родильных домах крысы. И уже после всего этого разные проходимцы и негодяи тыкали этой мордой в грязь, чтобы показать нам мать Кузьмы..

Это непоправимо и несмылаемо как бы ни пошла дальше история. Вот нельзя же смыть с церкви — при всем ее величии — инквизицию или с гуманизма — при всем его альтруизме — острый дефицит Швейцеров.

Не будем строить из себя мессий и предсказывать, что будет. Что будет, то будет, но что бы ни было, без социального и иного плюрализма быть беде. И еще: в смертном мире несчастье неискоренимо, ибо всегда были и будут боль, страдания, уход близких. Есть движение вверх и движение вниз, есть сила и есть слабость, есть большие души и загребущие лапы, есть всё. Выкроить из этого только то, что нравится тебе, и пообещать всем, можно только из нехороших тайных побуждений.

Ему не по душе идеи об отступлении одного демиурга от учения другого — он уже говорил об этом. Он не верит в то, что Э. довел философию М. до степени «овеществленной» идеологии, а Л. вообще отступил от нее в практических целях революции. Никто ни от чего не отступал. Другое дело, Л. примитивизовал примитив далее, превратил философию-идеологию в революционную фразу, сделал диалектику с ее неисчерпаемыми возможностями инструментом оправдания политики и способом оправдания политических и иных колебаний и зигзагов, но все разнообразности «творческого развития» марксизма — в коконе, в свертке — находились в нем самом. При всех наших колебаниях, зигзагах, ревизиях и оппортунизмах сохранялся стойкий дух неприятия инакомыслия и незыблемости базиса — то, что Пoppers называл нефальсифицируемостью. А если учение построено так, что принципиально непроверяемо, то кто бы и что бы ни строил на нем, каким бы современным не казалось строение — оно не для жилья, ибо бесчеловечно. В нем хорошо гибнуть «за правое дело», но жить — нельзя..

В последний раз повторяю главную мысль: вся наша практика, вся наша история, весь опыт наших «меньших братьев» почти не оставляют шансов на социализм с человеческим лицом. Наверное, это не случайно: движение, проповедующее одинаковость, «чистую доску», уравнительность, массовость, всеобщность, — не способно иметь лица.

Утрата инициативы, рост безразличия, стадность, фанатизм, неверие — это тоже не случайности, не отклонения, а неотъемлемые наши черты.

Они возникли и будут возникать всякий раз, под каким бы прикрытием коммунизм не возрождался в грядущем.

Люди, будьте бдительны!

Впрочем, до сих пор никакого социализма — с лицом или без него — не было. Был государственный бандитизм, была мафия, захватившая страны и континенты и объявившая свое насильственное, деспотическое волеизъявление интересами народа. О том, что иного социализма не бывает, предостерегал еще Киркегор, писавший, что все это — насилие, бандитизм, обезличка, деморализация — заложено в глубинной сущности омассовляющих учений.

Не случайно и то, что из огромного количества течений в марксизме верх взяло самое одиозное. Иначе просто не могло быть: в борьбе вождений побеждает сильнейшее. Но не следует полагать, что победы Троцкий, или Бухарин, или Зиновьев, что-либо изменилось бы кардинально. Ведь сколько правителей менялось, каков спектр бесов, тиранов, ничтожеств, а результат? — Везде Пол Поты, Фидели, Ким Ир Сены... Впрочем, и Горбачевы хороши...

Я прослушал здесь уже несколько выступлений. В них звучит одно и то же имя: Сталин, Сталин, Сталин, Сталин, — читаю слова фронтовика в «Огоньке». — Используется очередной громоотвод в нашей истории, чтобы свалить на эту личность все наши беды и таким образом, может быть, проскочить какой-то очень сложный для нас отрезок. А может быть, удастся исамим чище выглядеть?

Во всяком случае, я не знаю, что страшнее и вреднее для нашей истории, для нас с вами, чем брежневские времена. На этом материале, на фоне этой личности, я считаю, и общество наше, и все мы выглядим просто неприлично! Все это имеет прямое отношение к истории. Хрущев — история. Брежнев, как бы ни хотели от него избавиться, — тоже история. Причем, я считаю, история весьма позорная. И особенно она позорна для нас, фронтовиков, которым удавалось в большинстве своем вести себя все-таки достойно на войне и очень недостойно в этот период.

КОНВЕРГЕНЦИЯ?

Ожидаемые
перемены
окалываются у
ворот. Отрицательные
примеры вдохновляют
наоборот.

Предаёт читателя книга,
и добронедостойно зла.
В ожидании скорого сдвига
жизнь — как есть напролет — прошла.

Б. Слуцкий

Любая общественная система шире тех идей, которые она исповедует. Можно создать теорию вопреки законам природы, но жить вопреки законам нельзя: жизнь возьмет свое. Никакой конформизм не сгладит наши различия, ни какое равенство не уравнивает нас, никакой стейтизм не обратит нас в роботов, никакая этактическая экономика не будет существовать без черногорынка.

Философия конвергенции — философия жизни.

После Сорокина были Нибур и Ростоу, Блэк и Мейер, Арон и Элю, Дюверже и Перру, Органский и Болл, Беттер, Раупах, Гофман, Вагенленер, Сульдбергер, Лабедз, Гэлбрэйт, Тинберген, Перру, Барг, Хук, Жувенель, Шаландон, Пьетер, Уайлс, Мехью, Лаукс, Бакингам, Берли, Лернер, Шумпетер, Гудмен, Ромеф, но все почему-то забыли

Бронштейна, который за двадцать лет до Сорокина сказал: либо мировая революция, либо перерождение.

Сегодня вторая часть дилеммы стала реальностью.

Сегодня ли?

Подобно тому как старение начинается в момент рождения, перерождение началось в момент свержения.

Можно сказать так: тоталитаризма не было никогда. И нигде. Ни квазиобщественная экономика, ни псевдоколлективизм, ни лжеобщество не изменили сущности человека, лишь слегка фальсифицировав ее. А как могло быть иначе? В конце концов, советская власть — это та же человеческая природа, со всеми ее достоинствами и недостатками, но больше с последними — с выпущенным на свободу зверем. Тоталитаризм — это доведенный до предела империализм с общественной собственностью на средства производства, а точнее — со всеми экономическими последствиями формулы «все — ничье».

Государственная собственность в тоталитарном государстве — это не просто разновидность этатически-капиталистической собственности, не просто капитал-собственность, отделенная от капитала-функции, но прежде всего ничья собственность. Это не экспроприированная собственность — для всех, для элиты или для фюрера, а экспроприированная собственность для никого. Чем выше положение иерарха, тем дальше плевал он на эту ничью собственность (отсюда — провалы всех гигантских проектов, необходимых не ради экономических выгод, не ради результатов, а ради личных плодов инаград).

Без учета ничейности собственности в тоталитарном государстве невозможно уяснить неизбежность его экономического краха, заложенного в самой основе тоталитаризма и ждущего лишь своего времени, необходимого на то,

чтобы из растущего снизу вверх наплевательства возник распространяющийся сверху вниз экономический коллапс.

Все разговоры о конвергенции, все параллели между двумя экономиками, все сравнения темпов несостоятельны

без учета степени отчуждения от собственности и «цены результата».

Вообще, когда речь идет о конвергенции, на первом месте должен стоять все тот же человек, ибо все остальное, на что обращают внимание теоретики сближения систем, — производно от человеческих качеств.

Конечно, природа техники и планирование имеют собственные императивы; конечно, автомобиль — это идеология на четырех колесах; конечно, внутренняя логика и экономические законы ведут к сближению индустриальных обществ; конечно, экономическое развитие ведет не к коммунизму, а к индустриальной цивилизации; конечно, индустриализованную Россию, мы сами подготовили условия для собственного исчезновения, но всё это — вторично.

Первичен же человек, его качества и культура! Тот человек, которого никакими декретами или законами не сделать другим.

Вот мы говорим: ничего не изменилось, ничего не изменилось. А почему, собственно, должно было измениться? От слов? От смены форм? От наших вожделений? От пафоса? От неистовства? Ничего не изменилось, потому что в сущности ничего и не менялось, ничего и не планировалось менять: человек — каким был, таким остался, если не стал хуже. И не в том даже дело, что нужны космические времена, но в том, что и во времена исторические ничего позитивного не предпринималось. Да и не могло предприниматься. Кем?..

Вера Уайлса в победу управляющих над идеологами и разума над догмой все еще остается верой, не подтвержденной опытом. Конечно, профессионализм и повседневный контакт с фактами вроде бы несовместимы с догматизмом, возможно, экстремист-идеолог может стать неплохим менеджером, но всё, что мы знаем из собственного опыта, свидетельствует о том, что ради идеи можно разрушить хозяйство, истощить ресурсы, загадить среду, но идею сохранить в святости, фанатической чистоте и божественной неизменности.

Ссылки на конвергенцию — это вера в торжество разума, идет ли речь о преодолении идеологической розни у Мехью, всеобщем характере экономических законов у Лакса и Шумпетера, сходстве социальных проблем у Ромефа или о единой экономической науке у Смита, — всё это позиции рассудка, а не той иррациональности, на которой зиждется любая идеология и которая никакими доводами не может быть поколеблена.

При желании можно до бесконечности перечислять наши тайные и явные общности: товарно-денежные отношения, хозрасчет, прибыль, стоимость, производительность, зарплата, менеджеризм (наши руководители — те же дельцы, но дельцы незаинтересованные и потому — плохие). Но все это — видимости, симуляции, подражания. Подражание капитализму навязывало нашей индустриализации буржуазные черты, а государству — статус империалистической сверхмонополии. Но в отсутствии реальных стимулов преодоление экономической отсталости имперскими средствами было малоэффективным, непроизводительным и приводило к большим жертвам и ущербным результатам.

Может быть, внешние признаки и совпадают: стандартизация, централизация, максимализация, специализация, синхронизация, дезинформация, гигантомания. Может быть, пришельцы с Марса и увидели бы повсюду одно и то же. Может быть, Мавр и Форд говорили одни и те же слова: «Самая развитая форма производства — это массовая продукция. Но всё это — форма, а не содержание, имитация, а не воспроизводство.

Открещиваясь от буржуазных ценностей, *наши* были только тем и заняты, чтобы имитировать: перефразировать и переобозначать экономические понятия, импортировать товары и идеалы, заимствовать проекты и идеи, копировать образ жизни и станки, ввозить зерно и мясо, догонять.

(Догнать и перегнать. Догнать и перегнать, не возобладав в производительности труда, — разве это не мистика яви?)

Если наша система была в чем-то динамична, то прежде всего в поспешности следования за другими. Большая

часть наших успехов — результат усвоения всего отрицавшегося нами: методов и техники «загнивающего капитализма». Вся наша 70-летняя история — это прогресс внешнего и внутреннего обуржуазивания.

Конвергенция — это эрозия социализма. То, что именовалось творческим развитием идей Маркса, на самом деле было перерождением идеологии. Начиная с Ленина, переинтерпретировавшего марксизм, приспособившего его к отсталой стране, коммунисты не только отходили все дальше от освобождения рабочего класса — от марксизма к тоталитаризму, но — как это ни парадоксально, — вынуждены были все чаще отклоняться от «коммунистического будущего Маркса к гибриднему индустриализму и модернизации Ростоу.

А, может быть, конвергенция в духе Вебера? — «Все общества идут к созданию иерархически организованного и централизованного управляемого общества, где индивидуум ничего не стоит. Капитализм и социализм это просто две стороны одного и того же неодолимого процесса».

Или в духе Ростоу-Блэка? — Не классовая борьба, не различия между производственными отношениями, не зависимость экономики от социального устройства, а стадии роста, модернизация, НТР и машинный прогресс определяют облик, уровень и качество жизни. Не будем детализировать, кто и на какой стадии находится, здесь важно другое: уровень жизни еще не есть ее качество, и, отставая на одну или две стадии в экономике, можно находиться в варварстве, а можно — на пороге грядущего. Что я хочу сказать? Я хочу сказать, что сведение жизни к ее экономической части — по Мавру ли, по Ростоу ли — это сильное ее упрощение.

Ростоу считает, что индустриальный рост ликвидирует культурную изоляцию, а рост потребления нивелирует различия в идеологии. Культура универсализуется, отражая нужды высокоразвитого промышленного хозяйства. В результате экономического развития происходит дифференциация и усложнение внутренних социальных структур и все большее движение к плюрализму. Рост зажиточности

при этом сопровождается спадом роли идеологии. Чем выше потребление, тем слабее влияние идей.

Социализм вероятнее всего отомрет в эру высоко-го массового потребления.

Если коммунистическая партия преуспеет в повышении уровня жизни народа, она не построит коммунизм, а похоронит его.

Прекрасно сказано, но возможна ли конвергенция без отказа от церкви? Разве так уж невысказано жить по-американски, а блатать по-русски. Экономика может подготовить смену идеологии, но не способна обеспечить срастание несовместимых идеологий или национальных традиций. Не говоря уже о том, что сами идеологии способны замедлять или ускорять экономический рост. К конвергенции в такой же мере ведет экономическое сближение, в какой дегенерация одной из систем, ее крах на намеченном ею пути. Система, действительно стремящаяся к росту, должна перерастать свои пути, растворить их. Перерастать или погибнуть.

Нет, сближение невозможно! Из фанатизма не образуется плюрализм. Отсутствие многообразия делает искусственной и нежизнеспособной любую систему, экономику, идеологию. Отсутствие полицентризма тянет экономику назад, ограничивая возможности приспособления к быстро меняющимся условиям НТР. Тоталитарные страны все больше отставали от стран рыночной экономики не столько по экономическим причинам, сколько из-за замораживающих жизнь идей. Не отказавшись от социализма, нельзя добиться процветания. Летария идей неизбежно приводит к летарии материи.

Даже сейчас происходит лишь имитация вестернизации, лишь механическое и поверхностное сближение систем, к тому же отягощенное деморализацией и растерянностью общества. Мейер правильно предсказал, что «партия изменит свои функции бесконтрольного командира в пользу групповых интересов и, возможно, эволюционирует наконец в многопартийную систему, но он не предвидел хаоса, который при этом возникнет.

Конвергенция — не столько экономический, сколько идейный, культурный, политический процесс: рынку должна предшествовать многовековая протестантская культура, готовящая к нему. Дело даже не в том, что марксизм несовместим с рынком, дело в том, что рыночный механизм несовместим с пещерным сознанием. Конвергенция не может быть поверхностной, она требует глубины, человечности, религиозности, эсхатологии.

И тем не менее конвергенция неизбежна, неотвратима!
Или конвергенция, или коллапс!

Вся человеческая история — это конвергенция идей. Вражда, противостояние, конкуренция невозможны без взаимного приспособления, сосуществования, банкротства. Сегодня мы являемся свидетелями банкротства коммунистических идей, подготовленного 70 годами тьмы.

Культура непреодолима. Ее можно притормозить, подморозить, засадить в тюрьмы и психушки, но преодолеть движение духа человеческого невозможно. Конвергенция неотвратима: не автомобиль, дача, ЭВМ — могильщики коммунизма, но сознание каждого, даже самого дремучего человека. Коммунисты 80-х — далеко не «ленинская гвардия», чекисты то же не те...

При всей скованности железобетонной идеологией, при изоцированной системе террора и подавления инакомыслия, общество медленно, но непрерывно эволюционизировало от первобытности и казарменности к человечности, прорывающейся тем сильнее, чем глубже ее загоняли. Подспудно шел глубинный процесс разрушения ленинских фаланстеров: жизнь, многообразие жизни требовали своего. Маркс и Ленин искали могильщика капитализма, они нашли его в пролетариате, могильщиком марксизма и ленинизма стала сама жизнь.

Только что я говорил о неизбежности конвергенции. Не боясь впасть в противоречие, скажу, что конвергенция невозможна! Нет, не сближение идеологий, экономических систем, но уход с исторической арены... Трансформирующее влияние экономики на природу коммунизма, его эволюция к плюрализму, демократизация тоталитарности так

же невозможны, как перерождение крокодилов в тритонов. Тоталитаризм может эродировать, но он не способен стать открытым обществом. Деспотия и демократия, обобществление и частная собственность несовместимы.

Все, что происходило в глубинах «развитого социализма», вело не к сближению систем, а к саморазрушению ленинизма. Мы еще не осознали сущности и отдаленных последствий событий, происходящих у нас на глазах, мы еще не знаем, куда приведут эти трагические и спасительные события, но пути назад, слава Богу, нет..

Мы живем в «перевернутом мире», в стране, где все непредсказуемо, где экономический подъем не означает оздоровления, где крах не есть драма, где «догоняли и перегоняли», оставаясь нищими и рабами, где нищета и рабство служили основаниями для народа-«богоносца», отсталость подпитывала «всемирность», а способность к страданию и самоотказу — «богочеловечность». Все наши великие и большие скачки вперед были укреплением канатов, удерживающих нас в неолите. Даже сегодня «скачок в рынок» вполне может оказаться еще одной «победой», за которую придется заплатить колапсом.

Но мир абсурда, продолжающегося и ныне, обладает тем свойством, что, откатываясь далеко назад, мы можем надеяться на спасение (при условии, что больше не будем «спасать» других, чем вековечно занимались).

Только что я говорил, что конвергенция абсурдна, теперь скажу другое: конвергенция predetermined! Конвергенция predetermined, как извечное сосуществование цивилизаций и культур. Грядущая обильная человеческая культура вберет в себя всю красоту, пышность и обильность того, что создает человечество. Как считал Тойнби, в ней сольются Конфуций, Лао-цзы, Сократ, Платон, Будда, Христос, Зороастр, Магомет, библейские пророки, Петр и Павел, отцы восточной церкви, Августин, Бенедикт Насурский, Климент, Ориген, Ибн-Халдун, Боссио, Ганди, Вашингтон и другие. И где-то на самом дне, как напоминание о земном аде, останется маленькая щелка для черного ущербного огня Мадзини и Ленина..

КОЛЛАПС ИЛИ НАДЕЖДА?

Коллапс опасен для того, кто падает в черную дыру, но безопасен для да- лекого «постороннего» наблюдателя.

Я. Б. Зельдович

Пристрастная история беспристрастна. Она не только оправдывает, но и судит. Когда вместе с людьми исчезают их страсти, когда выбеливается кровь и рассыпаются в прах кости, мы замечаем, что короли и папы, заботясь о собственной памяти, сооружали не только виселицы, но и соборы, библиотеки, кунсткамеры, университеты, дворцы. А радители братства, равенства и свободы, отправляя на гильотину или возводя тысячи лагерей для соратников, что создали они? Катки для культуры? Ничего не создавая, они крушили все, созданное другими. И если уж проводить параллели по Лобачевскому — до точки схождения, то даже построенные в Гизе пирамиды, это окаменелое свидетельство людской спеси, имеют гораздо большую культурную ценность, нежели жалкие и убогие фаланстеры воплощенной утопии, рассыпающиеся при жизни хмельных строителей грядущего.

Еще один утраченный рай...

От Мильтона к Голдингу простирается эпоха торжества разума — эта история зримого мрака, которую венчает наша бездуховность, мелкотравчатость и лагерность. Зримый мрак — вот наш символ. Мрачное торжество сатанинской идеи, не оставившей — ради человечества! — места для человечности и человека.

История все и всех расставит по своим местам: современное станет первобытным, возвысившееся примитивным, первейшее — напоследок. Разросшиеся до гигантских империй тоталитарные общины Кобы-Кабе распадутся из-за отсутствия воздуха, а их вожди лишатся святости и предстанут во всей своей омерзительной нагоде. И эти филиарствующие живодеи и новые фараоны уже никого не будут пугать, они будут столь безразличны, что не удостоятся даже плевков.

Никакой изощренностью ума нам не побороть беспристрастности этого пристрастного будущего. Сколько бы мы ни переписывали историю, ни уничтожали документы, ни пересматривали приговоры, нам не дано вычеркнуть великих и подменить их ничтожными. То, что мы каждодневно совершаем сегодня, — тщета и суета сует. Вся, что создано для суеты сегодняшней славы, торжества сегодняшних идей и укрепления могущества, развеется в прах. Будущее хорошо знает свое дело. И если оно изредка ошибается, то само же себя и поправляет, как это было с Данте, Рабле, Ронсаром, Шекспиром, Джойсом, — со всеми гениями. Это говорю не я — это говорят они сами, величайшие гении рода человеческого.

А когда дым иллюзий полностью развеется, а от бывшего величия останется только пепел, потомки обнаружат, что выдаваемое нами за высокие идеалы, за гуманизм и философскую мудрость — лишь прогоревшая кучка бессвязных, примитивных, лживых, убогих, испоганенных слов.

Совесь — всегда совесь гонимых. Ее не найти в гонителях. И искать ее следует — в концлагерях, в эмиграции, перед дулами ружей, вмогилах.

Всегда. Везде. Ныне и присно.

Снимем же шапки перед этими юродивыми. Вечная им память. Они страдали... напрасно..

Из страха родилась вера в Бога. Из страха родилась вера в человека. Из страха родилась вера в будущее — все из той же области божественного. И каждый раз вместо реальности — некий фетиш, идол, откровение потустороннего мира. И никому из фанатиков не пришло в голову, что и Бог, и сверхчеловек, и будущее лежат не в трансцендентной области идей, куда нет пути, а в нас, то есть между верой и неверием, добром и злом, рациональностью и хаосом, вчера и завтра. И когда подвижники, гонимые и презираемые, пришли и сказали: так начнем же разрабатывать эти человеческие недра — между адом и раем — и не на небе, не в будущем, а там, где они находятся, — в нас и сегодня, — благодетели человечества, нутром ощущая,

как ускользает хлеб их насущный и власть земная, ответили: «Агуих, агуиц»

Наше воплощение утопии, хотелось бы надеяться, будет последним из экстремистских экстазов. России давно пора бы прозреть: пути вперед нет, есть путь вглубь! Птицы давно идут по нему. Но и они не знают, куда повернет дорога и к какому храму приведет. Но надежда есть, даже если история учит, что нет надежды.

Тот кризис, в который мы входим, много десятилетий тому назад предсказан Ортегой. Масс-человек, возвращенный тоталитаризмом, больше не верит во внушенные ему идеи, так и не ставшие его достоянием. Накопив много общих слов, но так и не сделав их своими убеждениями, человек остался опустошенным. Не став творцом собственных ценностей, он остался без ценностей, ибо и старые, и даваемые ему взамен новые ему глубоко безразличны. Человек больше не знает, что ему думать о мире. Он глубоко презирает то, во что верил вчера, и больше ни во что не верит сегодня. Все это ведет к усилению варварства в человеке. Сегодня мы еще большие варвары, чем те, с которыми имели дело наши крестные отцы 2000, 1000, 70 лет тому назад. Мы остаемся без культуры и без мира, погруженные в хаос чистых обстоятельств. Тотальный цинизм — таков исход тотальной веры.

«Мы покидаем одно Время, чтобы вступить в другое».

СТРАДАНИЕ ВСЕГДА ДОСТОВЕРНО

(Дайджест, экстремизм, комедий, эбстрактс, oestrus)

Т.-С. Элиоту

Ужас и яма и
петля для тебя,
житель земли!

Т.-С. Элиот

Беспросветность
ь Лживость
Безнадежность
ь
Лицемерность

Тупость
Тошнотворность
Люди полые
Бесплодная
земля Каждый
— тля.

Воровитость
Подлость
Нетерпимость
Льстивость
Вкрадчивость
Неумолимость
Целомудреннос
ть
Казнокрадства
Вакханалия
Святогаства.

Беспощаднос
ть
Безмолвность
Безвольность
Безголовость
Безголосость
Беззаконность

Беззаветность
Безответность
Беззащитность
Безотрадность
Безотчетность
Безразличность

Безответственност
ь
Безрассудность
Безрассветность
Беспробудность

Безустанность
Безудержность
Безучастность

Безнравственность
Безусловность
Безызвестность
Безысходность

Безынициативность —
Безрезультативность.

Рожден в канаве этот
век И следующий век;

Как ни гляди, не
отличишь Здоровых от
калек;
Как распознаешь Грех,
когда В союзе Грех и Блеск..

Мимикри
я
Истерия
Тирания
Сверху
Вывеска:
Демо
Кратия.

Принципов нет,
Есть обстоятельства.

И некуда бежать от века-властелина..

Наш век — торгаш; в сей век

железный..

ВСЁ КРУГОМ

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тугое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко-
нечестное, Скользкое, стыдное,
низкое, тесное, Явно-довольное,
тайно-блудливое, Плоско-смешное
и тошно-трусливое, Вязко,
болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно
недостойное, Рабское, хамское,
пнойное, черное, Изредка серое, в
сером упорное, Вечно лежачее,
дьявольски косное, Глупое, сохлое,
сонное, злостное, Грустно-холодное,
жалко-ничтожное,
Непереносимое, ложное, ложное!

Была эра
Возрождения. Была
эра Просвещения.
Стала эра
расхищения. Будет
эра вырождения.

По одному у нас
Лойоле Под каждой
кровлей,
На каждом поле.

Но, впрочем, кончились Лойолы,
Везде лишь воры, воры, воры..

Вот ведь вид;
Революция
победит,
Революция
расхитит,
Революция всех растлит.

Эпоха построения
Тотального
растления.

И для равновесия
— Передовое
мракобесие,
Инструктора
героизма В области
онанизма.

Дурное всегда достоверно.

Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился.

На этой земле.

Я устал от бессонниц и снов,
На глаза мои пряди нависли:
Я хотел бы отравой стихов
Одурманить несносные
мысли.

Неофиты
Прозелит
ы Диадохи
Некрофил
ы
Демофил
ы И
пройдохи.

Vox populi —
Глас народа:

Вместе
Скопом
Соборно
Стадно
Сотвори
м:
Химерическое
равенство Сословную
демократию Вечно
воюющий мир
Кулачное право
Заказную культуру
Злобу доброты
Низость величия
Гнусность
благочестия
(Или благочестие гнусности?)

Симуляцию веселья
Праздник святой
Голодухи Дискредитацию
идеалов Голубые законы
кривосудья Лепрозории
якобинства Индекс
запрещенных книг

Минитмен!
Si vis pacem, para bellum —
Хочешь мира, готовься к
войне.

Пара
беллум!
Пара
беллум!

Верую ибо истинно
Верую ибо абсурдно
Верую ибо что
делать

Подобье божье
Человек без
свойств
Посвятивший
Жизнь
Правд
е И
Смыслоутрате.

От рвения
До варварства —
Один шаг.

Комплексы
откровения
Комплексы
отыквления
Комплексы
пустосвятства
Комплексы
фиглярства.

И маниям несть числа...

Дурное всегда достоверно...

Ученая чернь
Слепая Клио
Публичные мужики
словесности Хипесницы
судов
И Мессалины
исполкомов Апостолы
свободы Блудливые
царедворцы Жрецы
— саддукеи
Склеротические идеи
Молчанье.

Он, что жил ныне мертв
Мы что жили теперь умираем.

Пе — ре — стро —
им! Пе — ре —
стро — им!
Похлеще
Бардаки
Построй
м!

Абьютируе
м!
Оскотиним
!
Оносорожи
м!
А недовольных —
Стреножим!

Интерпретация — часть мира, реальность — наше творенье.
Мир-для-себя — фикция, подобная смерти: он существует и
обездуховлен, он есть, но он мертв. Без нас мир — это труп мира.
Отсюда плюрализм: мир один, но оживляет его бесчисленность
наших представлений. Чем больше срезов, тем богаче мир.

Без человеческого пира
Мир — это труп мира.
Даже убийством
Мы оживляем
его. Даже
убийством, Даже
вигийством, Даже
мыгарством,
Даже риторством..

Можно все
знать Об
омассовлении И
оставаться
Эврименом

Можно все

знать О
преступлении
Вовсе не будучи
Суперменом

Ми
р
Мо
р
Вы
л
Хо
р

Народ
мой, Тебе
ли

Я
Сдела
л Зло!

Я ничего не отвергаю
— Уравновешиваю
всё.
Я никого не обвиняю
— Себя — за слабость,
То да сә...

Passez nous le mot:
Высокий тонус
Опавший пенис
Моя страна
В победах
хрипов Уж не
хватает Нам для
у-р-р-а.

Удвоим
Утроим
Учетверим
—

Грим!

Народ мой,
Тебе
ли Я
Сделал..

Грим и
гримаса Вот
касса
Передового
Класса
Плюс пыл
Который
остыл Плюс
пузыри
Мыльные
Радужные
Обильные..

Народ мой..
Пой
Вой...

Тебе ли
Я.

Каюсь
Я грешен —

Почище
Венеры
Зараза —
Беккетовщи
на
Винниченковщи
на
Леонидандреевщ
ина
Арцыбашевщин
а

Как там? —
«Если не зверьзверем,
То свинья-свиньейц.

Стой — свой!

Ты чистенький,
— Значит, мой!

Если полон
Светлых идей
— Не пей!

Откуда
Только
Столько
Пойла
При
одной
Мойве?..

Или
Открыла
сь
Прорва
Куда
Утекают
Севан
И идеи?

Что-то там пересохло
Что-то промокло

Что-то разбухло
Что-то подохло

Народ мой,
Амнезия — наше
спасенье Спирт —
утешенье Сивуха —
забвенье

Плюс радужные
пузыри Забудь и
усни!
Спите, люди,

Бог не спит
Завс.

Пейте
И
спите
И забывайте
Совокупляйте
сь И
матюкайтесь
Пейте
И пойте —
Идеи
Чисты —
Табулы расы
Пустые листы..

Народ
мой, Тебе
ли.

Идеалы
хороши,
Пузыри
красивы,
В глубине святой души
Темные спят силы..

Глас поэта:

Здесь человека берегут
Как натурецкой перестрелке..

Да здравствуют уверенные в себе — им никогда
не придется ничего оплакивать.
Да здравствуют все агрессоры — вся земля
доста- нется им внаследство.
Да здравствуют те, кто добровольно несет людям
голод и жажду, — сами они всегда будут сыты.
Да здравствуют беспощадные — они-то и
завладеют всей властью.

Мир, который превыше всякого
разума — Да здравствует!

И только три вещи
Какие три вещи?
— Рожденье, и совокупленье, и смерть.

Брудастые
Фердыщенки
Бородавкины
Негодяевы
Угрюм-
Бурчеевы

Органчики
И Прыщи

—

Слава!

А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаяй
жадной,
Чтоб мощь России
неоглядной Размыкать и
продатьврагам:

Стноить ее пшеницы
груды, Ее бесчеститьнебеса,
Пожрать богатства, сжечь
леса И высосать моря ируды.

Несчастье
Всегда
Достоверн
о.

Альковный реализм
Девицы веселого
поведения Жаркозадые
женщины
Натрудившие члены
мужчины *Turgidus uinflatus*.
Что было пороками,
То ныне нравы
Все — нравы.
Salvatoribus mundi —
Спасителям мира
Учителям
человечества (*Monituni
te salutant*) Ясновидцам
Мертвопроходцам
Задопровидцам
Фиглярам
Наставникам праведности
Одуряющему
пустословию Клевретам

тирании Благовестам и
благословам Жертвам
словесного рабства
И рабам общего
благосостояния Малоумцам
Мерлокам
Пьяни-и-
рвани
Упадку именуемому
расцветом Отыквленным
героям
Давшим обет невежества
Скопцам мысли
Вскормленным
схоластикой

Легковерным
И развращенным —

СЛАВА!

И мракобесию
— Слава!

Массовой истерии —
Слава!

Эпохе
Сокращающих
ся Ожиданий
— Слава!

Аттилам
Несущ
им
Равенств
о
Смерти
И что там еще
— Слава!

De profundis clamavi —
Из бездны зываю...

Тише, — сказал я душе, — жди без надежды,
Ибо надеемся мы не на то, что нам следует, жди
без

любви, Ибо любим мы тоже не то, что нам
следует; есть

еще вера,

Но вера, любовь и надежда всегда в
ожидании. Жди без мысли, ведь ты не созрел
для нее:

И тьма станет светом...

Приятно и доблестно
Умереть за отечество
— Слава!

И торгующим
Телом и совестью
— Слава!
И честно...

Раскрываю газету
И в каждой
строке Вижу:
Слаб человек —
Слава!

Стране
Мрака —
Слава!

Всем князьям-Урианам...

Пимперлимпимпу
— Слава!

Словно воды Эврипа, изменчива жизнь
— Слава!

Науке
И обскурантизму —
Слава!

России —
Слава!

Пятикниж
ию Нового
Времени —
Слава!

Кризису
Совести
Слава!

Риносерит
у Слава!

Обетованная земля...
Сакральные
тексты.. Новые
наперсники И
наперсницы
Но уже не
Бога А
воздушного
Сообщения
Сегодня здесь
Завтра там.

Энтелехии

—
Королевств
у Где чтут
Квинт-
эссенцию
Лечат
Больных
Песнями
Прекрасно
му Новому
Миру —
Слава!

Шолизму
Слава!
Коммунальн
ой Культуре
Слава!

Бездумно-
Застойному
Существован
ию Слава!

Хочу я верить, а кругом неверье.
Свободу я люблю, но я служу.
Слова чужие нехотя твержу,
Который год ряжусь в чужие
перья.

Удобной
мудрости Слава!

Познай
истину И
истина
Сделает тебя
Свободным
— Слава!

Элизизуму
— Слава!

Кризису доверия
— Слава!

Эпохе страха —
Слава!

Интеллектуальному террору
— Слава!

Индустрии огулпления
— Слава!

И вождям нашим —
Слава!

Голему
И Молоху —
Слава!

Если утраченное слово утрачено
Если истраченное слово
истрачено Если неуслышанное,
несказанное
Слово не сказано и не услышано, все же
Есть слово несказанное, Слово
неуслышанное, Есть Слово без слова, Слово

В мире и ради мира;
И свет во тьме светит, и ложью
Встал против Слова немирный
мир
Чья ось вращения и основа
— Все то же безмолвное
Слово

Народ мой! Тебе ли я сделал зло?

Дидактике
Доктринерст
ву Витию
словес
Бредням
Красным требникам
Трублионам и
либертинам Этатизму —
Гегемонии
общества
Параноикам
Скопцам Духа
Пустозвонам
Рабству общего благосостояния
Шинельно-казарменному
искусству Казнокрадству
Газетному
благоденствию
Телеизобилию
Авантюризму
Сифилизации
Невежеству исторических
законов Диктатуре
бюрократии Добродетельному
сатанизму Смыслу истории
И исторической
бессмыслице Мечтам
безумцев
Духовному стриптизу

— СЛАВА! СЛАВА!

СЛАВА!

И мне —
слава И тебе
—слава
И задницам нашим
— слева и справа
— Слава!

Вчерашний смысл вчера утратил смысл..
Невозможное стало возможным
Трачу, значит, существую
Чем больше правды, тем гуще грязь

Homo
consumptions
Homo politic
Homo barbarus...

Человек потребляющий
Человек политический
Человек истребляющий
Человек онанический

Ум — в подбородке
Зад — насквородке.

Унылые дома, усталые
жены Блаженство безумия
Потребность в
обожествовании
Опустошение земли
Наказание наказуемых

Горе всегда достоверно.

Он видел всех, спускаясь в
преисподнюю, И ах, он говорит, какая
разница
Меж мертвецами и пифагорейцами!

Всё выходит чистым изрук Творца,
Всё портится в руках человека —
Слава!

Интерес к паранойе растёт—
Слава!

Керкопам
— Слава!
Танатосу
— Слава!

Гнусно
й
Снеди
Для
Масс
—
Слава!

Скудоумию

Сверхчелове
ка Сверхуму
Нелюди —
Слава!

Мортификации
— Слава!

Pro nummis...

Двуличье
Фарс
Неистовств
о
Схоластика
Искусство
Наживать
Состояние

—
Summum bonum —
Высшее благо
Для пекуса.

Пенитенциарным
системам Делинквентным
культурам — *Ultima verba!*
Последнее слово!

Народ мой!
Тебе ли я сделал зло?

Dignus, dignus... —
Слава!

Хрематисти
ке Слава!

Жертвам
равенства И их
палачам Слава!

Торквемада
м Слава!

Ликвидатор
ам Слава!

Убийца
м
Слава!

Беда

Всегда
Достоверн
а.

Синистроз
Идиосинкразия
Эпоха страха И
патетики
Разглагольствования

И космических
притязаний Эпоха
клеветы
И общественности
— Вива!

Клевещи, клеветщи,
Что-нибудь да останется
— Вива!

Эпоха
жульничества И
жулья

Лихоимст
ва И
скорби

Приобретательст
ва И психозов

Конкистадорст
ва и
алармизма —

Вива!

Пессимизму,
Не
теряющему
Надежды —
Вива!

Эпоха
скрижалей
Симонии
Шарлатанов
Ненависти
Истерии
правдоискательства И
кощунств.

Дурное всегда достоверно.

И всё — joie de vivre,
все — ради жизни.

Благослови нас Бог?

Богу такому — вечная память...

Всё ради жизни:
Беспощадность благоденья
Комитеты спасения

И общественной
безопасности Академии
новых Бедламов Министры,
правительства Полиция, газы,
Бузуки.
Все бомбы — ради ее

одной... Вива!

In risu veritas

Или в

слезах? Или

в муках?

Я мыслю —
Значит: я умер..

А, может,
Преступники все?

Огненные палаты
Огненные письма
Аввакумов Дань
тератологии
Дефицит
любви
Авантюризм

Апогей
— Но
чего?

Кровопролитью
— Осанна!
Страстям толп
Собирателям голосов
Забывчивости,
Что и себя

забывает Нашим
стрессам
Убедительности
лжи Упадку
Менестрелям культуры безумья
Трубадурам мздоимства и
стадности— Осанна!

Варавве

—

Осанна!

И Гуру,

Несущим новое откровенье...

Но прежде всего
— Осанна
Миру войн,
Объявивше
му Войну
миру...

Здесь человека берегут...

Гениальной бездарности —
Осанна!
Косности
Сумеречнос
ти
Сатириазу
Чему там еще?
— Осанна!

Прелесть бешенства
Скверноты леченья
надеждой Трагический
стоицизм Осмысливание
бессмыслицы Братство
Боли
Лига
болтунов
Слабоумие
Филерство
Скотство

У-р-р-р-а!

Немезида революций,
Карающая без
промаха.

Бей жидов!
Спасай
Россию
Неизвестно от кого!
От меня?

От тебя!

Бей жидов и кого хошь
— Только партию не
трожь!

Друзья народа
— Враги народа
Эпоха патетики и уродов
Нарциссизм
Совесть нации
— Летр де каше
Земля
обетований

Казенный яд (водка!)
Казенная
проституция
Казенная истина
Казенная свобода...

Бей жидов! У-р-р-ра!

Во все эпохи
У всех вождей
Все неполадки
От сихчертей.

И цинизму —
осанна! Парвеню —
осанна!
Умерщвлению непомазанных —
Осанна! —

Голос говорит: возвещай! И сказал: что мне возвещать? Всякая
плоть трава, и вся красота ее, как цвет полевой...

Возвещай что мне возвещать!
Всякая плоть — трава, включая
Награжденных Орденом Бани,
Кавалеров, О! Кавалеров! Ордена
Почетного Легиона. И Ордена
Восходящего Солнца.
Возвещай возвещай что мне возвещать!
Первым делом создать комитеты:
Консультативные, постоянные, тайные
советы, комиссии, комитеты и
подкомитеты.
Одного министра хватит на многиекомитеты.
Что мне возвещать?

Страданье всегда

достоверно.

Калибаны
Миксоксен
493

ы
Шарлатаны
Сен-
Жермены

Бей
!
Бей
!
Бей
!
В бой!

Распятый врач стальным
ножом Грозит гниющей части
тела;
Мы состраданьем узнаем

В кровоточащих пальцах, смело
Берущихся за тайное святодело.

Здоровье наше — в
нездоровье. Твердит сиделка
чуть живая, Сидящая у
изголовья,
Об отлученности отрая,
О том, что мы спасаемся, заболевая.

Для нас, больных, весь мир —
больница, Которую содержит мот,
Давно успевший разориться.
Умрем от отческих забот,
Но никогда не выйдем из ее ворот.

Озноб вздымается от ног,
Жар стонет впроводах сознания,
Чтобы согреться, япродрог,
В чистилище, где огонь — название,
Где пламя — роза, дым — благоуханье.

Господню кровь привыкли
пить, Привыкли есть
Господню плоть, При этом
продолжаем мнить,
Что наши — ввек не побороть,
И все ж святим тот день, когда распят Господь.

Dicis et non facis
Ты говоришь
И не делаешь
— Слава!

И вашим
Слава!
И нашим
Слава!

Апофтегма
м Вождей
И

изрекающи
м Их —
Слава!

Слава ессеям
Слава мессиям
Слава апатиям
Слава Россиям!

Бог, спаси!
Ноги унести..

Над страной моей родною встала — Смерть..

Довольно: не жди; не надейся —
Рассейся мой бедный народ!
В пространство пади и
разбейся За годом
мучительный год!

Века нищеты и безволя,
Позволь же, о родина-
мать, В сырое, в пустое
раздолье Враздолье твое
прорыдать..

Быть изгоем при всех царях и народоустройствах:
Совесь народа — поэт. В государстве нет места поэту!

Строки барочных стихов уже корчились от боли — не от
этой ли боли их дисгармоничность?

А как иначе писать в эпоху, когда все — боль?

И все разрешится,
и Сделается
хорошо, Когда
языки огня
Сплетутся в пламенный узел,
Где огонь и роза — одно.

Я стал умен, я лицемерю.

МОЕМУ ВНУКУ

Мой внук, когда тебе придется
прочитать О нашем времени
забавном,
В иные мелочи ты можешь не
вникать, Но думай лишь о
самом главном:

О том, что надрастали
души Пустопорожные врали,
Они нам лесть вливали в
уши И к черной пропасти
влекли; О том, что все
живые страсти Им были
попросту смешны, Их
опьяняла жажда власти За
счет ограбленной страны;

О том, что, меж собой условясь,
С улыбкой наглой на устах,
Они насильовали совесть
И культивировали страх;
Что в мире подкупа и гнили,
Средь этих гнусных
прощальг, Мы не
свидетелями были,
А попустителями их,

О том, что все имели долю,
Все, как один, в одной семье
— И император на престоле,
И депутаты на скамье;
И если к злодеяньям этим
Привыкли мы в конце
концов, То отвечать
придется детям За поведение
их отцов!

Мазохизм? Да! Но в чем причина мазохизма? Причина мазохизма в том, что страдания любят страдания. Сильные наслаждаются силой, слабые — тем, что не одиноки. А поскольку силы мало, а слабость — весь мир, нужно очень много страданий и боли, чтобы удовлетворить всех. Расцвет пессимизмаещевпереду..

НАДЕЖДА

В мире всегда происходит то, что должно происходить: всё будущее — результат всего прошлого. Оттого для Америки — Рузвельт и Кеннеди, для России — Ленин и Сталин. Революции изначально обречены на провал, ибо в «будетц может быть только то, что «было». Из темноты не построить света, как из рабства — свободы. Согласно принципу исторического фатализма, невозможно ни выпрыгнуть из собственной истории, ни «дать восторжествовать правде». Если историзм существует, то не как восхождение к высшему, а как предопределенность «было и будетц.

Пафос преходящ, будничность вечна.

История предсказуема, ибо будущее есть продленное

прошлое. Существует глубинная связь между исторической необходимостью и несвободой. Превращая историю в фатальность, мы должны прийти к выводу о метафизической

несвободе всех, как, впрочем, и к выводу о свободе исторического произвола во имя «всемирно исторического». Не потому ли книга Поппера Нищета историзма посвящена «памяти бесчисленных мужчин, женщин и детей, ставших жертвами марксистского заблуждения относительно неумолимого закона всемирно-исторического процесса?»

Кто мог бы десять веков Истории
Прочесть до последней строчки, когда
Под разными датами, в разном
порядке Всѣ тех же событий плывет
череда?
Всѣ те же войны, всѣ те же страны,
Всѣ те же тюрьмы, всѣ те же тираны,
Всѣ те же секты и шарлатаны,
Под разными датами, в разном
порядке Всѣ тех же поэтов плывет
череда!

Печально,
Как стар этот список событий,
Составленный кем-то для нас
навсегда!

Хотя элемент случайности в истории огромен, без 17-го не было бы 37-го, без Ленина — 17-го, а 17-й и Ленин могли появиться лишь там, где они появились. Исторический фатализм в том и состоит, что возникновение тираний не-возможно без массового согласия с рабством.

Как революции рано или поздно ассимилируют всѣ, что они разрушают, так и посттоталитарные общества остаются тоталитарными: те же люди, те же институты, тот же менталитет.

В историю можно вмешаться, но ее нельзя ни «повернуть», ни «испытать». Можно привести примеры «исторических поворотов», но при внимательном анализе все они либо кажутся таковыми, либо глубоко подготовлены историей. Антиутопия всегда берет верх над утопией, ибо жизнь победить нельзя. Реальное советское общество потому и имело мало общего с кабинетными химерами Мавра (кстати, принципиально неосуществимыми в силу наличных человеческих качеств), что

реальный человек всегда сильнее самой массовой химеры, даже безжалостные диктаторы типа Кобы не в силах осуществить свои тоталитарные намерения из-за бесконечного сопротивления жизни.

Мы жили лишь во внешне тоталитарном обществе, ибо, как живые люди, каждым своим помыслом и действием — своей человечностью — разрушали тоталитаризм изнутри.

Если сегодня есть надобность «выходить из тоталитаризма» или «преодолеть тоталитаризм», то лишь в том смысле, в котором надо совершить невозможное — преодолеть собственную историю и собственный менталитет.

Здесь я подошел к сакраментальному вопросу: есть ли выход? Ответу сразу: «Выхода нет!» Ни демократия, ни рынок, ни свобода не способны спасти страну: пока травка подрастет, лошадка с голоду помрет. Дело даже не в последствиях тоталитаризма — Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Восточная Германия, Страны Балтии их преодолеют — дело в тысячелетней истории, которая способствует этому преодолению у них и препятствует — у нас.

Формированию рынка в Западной Европе предшествовало длительное формирование особого типа личности. Как бы не относиться к Лютеру и Кальвину, «именно появление на европейской сцене этого нового (этического — по Веберу) типа личности, ориентированного на личный аскетизм, деловую честность, обязательность, самореализацию в профессии, привело к нынешнему ее процветанию.

Сегодняшний скачок в демократию, свободу, рынок в России — такая же химера, какой была большевистская революция в 17-м. Дело даже не в очередном разрушении системы большевиками — дело в отсутствии предпосылок. Даже возврат к 13-му невозможен, ибо 13-му предшествовало «русское чудо» — бурный экономический рост после отмены крепостного права, а 93-му — «русский коллапс» после 70 лет неолитического промышленного варварства.

Алданов был прав, предостерегая, что в наследство приемникам коммунизма достанется нечто непоправимое. То, что кажется концом ужаса, часто оказывается его продолжением.

Утешение и надежда необходимы человеку в беде, но нас слишком долго утешали и обнадеживали — до полного

разрыва с жизнью. В стране, где рабство отменено чуть больше века назад, в стране, где на смену рабству пришло еще худшее, в стране беззакония и разбоя — сверху и снизу, в стране, где нет надежащего социума и почти полностью уничтожен дух, в стране поправной человеческой личности — в такой стране надежд нет. Она обречена на перманентный кризис, на катастрофу, на мучительный распад, на уход с исторической сцены.

В этом — надежда! В этом единственная надежда для многих миллионов людей, которым впервые за тысячелетнюю историю открывается перспектива стать не «великим народом», а свободными личностями, творящими собственную судьбу.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО «ПРОМЕЖУТОЧНЫХ» ЛЮДЕЙ	
.....	3
ПАРТИЯ ИЛИ СТАЯ?.....	3
КОРМУШКА ДЛЯ СВИНЕЙ.....	9
О ФЮРЕРСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ЦЕНТРАЛИЗМЕ	1
НОМЕНКЛАТУРА. Почти по М. Восленскому	18
ЧУДОВИЩЕ. Дайджест.....	30
ГЛАВА 2. САМЫЙ ОРГАНИЗОВАННЫЙ ХАОС, ИЛИ СТАРЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ КОММУНИЗМА	
.....	41
АППАРАТ	48
ЧЕЛОВЕК-ЛОКАТОР.....	53
ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ.....	60
ОТ ШЕКСПИРА ДО БУШАРА, ИЛИ ОТ ГОРОДА ГЛУПОВА ДО ГОРОДА ГРАДОВА	
.....	64
МЫ	73
ГЛАВА 3. UN ROI, UNE FOI, UNE LOI.....	79
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТОТАЛИТАРИЗМА ... 87 ЭКСПИБИЦИОНИЗМ ДУХА	
.....	9
2	
КОЕ-ЧТО ОБ ОНОСОРОЖИВАНИИ	97
ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА?.....	99
ГОСУДАРСТВО — НОЧНОЙ СТОРОЖ	105

ГЛАВА 4. ЭКОНОМИКА ДЕФИЦИТА	11
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И КРИЗИСНЫЕ ЭКОНОМИКИ.....	16
МЫ И ОНИ.....	121
ПЛАНИРОВАНИЕ.....	131
НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА?	135
КАК ЙЕХУ СОБСТВЕННЫХ ГУИНГМОВ ИЗВЕЛИ	139
ЦЕЛИ.....	142

ПРАКТИКА	144
РЕЗУЛЬТАТЫ	156
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ИЛИ СВЕРХЭКСПЛУАТАЦИЯ?	159
ТЕМПЫ, СТАТИСТИКА	166
ПОХИЩЕННЫЙ РАЙ, ИЛИ ВОЗНЕСЕНИЕ КАМНЯ	176
ГЛАВА 5. МУРАВЕЙНИК ВМЕСТО БРАТСТВА.....	190
КОММУНИЗМ — РАЗДОЛЬЕ ДЛЯ НИЧТОЖЕСТВ.....	191
ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ.....	195
...И ЗАБВЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.....	200
ОДИН БРЕШЕТ, ОСТАЛЬНЫЕ СПЯТ.....	204
ПЕРЕДОВЕЕ НЕ БЫВАЕТ	208
РАБОЧИЕ НЕ ИМЕЮТ ОТЕЧЕСТВА?	219
ПОД МАСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	232
ФИАСКО	245
ГЛАВА 6. ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК	250
ГЛАВА 7. ДУХ, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ С ЧЕМ-НИБУДЬ ПОКОНЧИТЬ РАЗ И НАВСЕГДА, КОНЧАЕТ САМОУБИЙСТВОМ	268
ХИМЕРИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ, ИЛИ БЛАЖЕННЫЙ ИДИОТИЗМ	269
КРУШЕНИЕ АБСТРАКЦИЙ	292
КУЛЬТУРА ПОНОШЕНИЙ.....	298
БУВЕВЕСТНИК, ИЛИ ПЕРВЫЙ РУСЛАН.....	324
ПОЭТ ТОТАЛИТАРИЗМА	332
ОТСТУПЛЕНИЕ О ТАРАНТУЛАХ.....	345
ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ? ИЛИ ЕЩЕ ОДНИ ЦВЕТЫ ДОБРА	350
ЕЩЕ ОБ ENGAGE	355
ДОКУМЕНТАЛЬНО — БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ	

.....	359
ИСКУССТВО БЕЗ ИСКУССТВА	375
ПАРАЛЛЕЛЬНО	379
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.....	382
ВТОРАЯ КУЛЬТУРА.....	386
ГЛАВА 8. БЕССТЫДНЕЙШАЯ ЛОЖЬ.....	394
СТАР И СЛАВЕН ГОРОД ГАММЕЛЬН.....	394
MENTIRIS IMPUDENTISSIME, ИЛИ	

МДRCHEN UNSERES LEBENS UND WESENS	398
DICIS ET NON FACIS	408
ЗОВИТЕ КОШКУ КОШКОЙ	410
ВСЁ РАСХИЩЕНО, ПРЕДАНО, ПРОДАНО.....	412
ШУТОВСКОЙ ХОРОВОД	415
НОЧЬ БЫЛА ИСПОЛИНСКИХ РАЗМЕРОВ ...	419
ШИГАЛЕВЩИНУ — В ЖИЗНЬ!	422
МИСТИКА ЯВИ, ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ НАДО ОТМЕНИТЬ	
. 438	
Эпилог, ИЛИ НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА.....	440
КОНВЕРГЕНЦИЯ?	445
КОЛЛАПС ИЛИ НАДЕЖДА?	453
СТРАДАНИЕ ВСЕГДА ДОСТОВЕРНО. Дайджест..	455
НАДЕЖДА	477

ЙЕХУИЗМ

Исследование тоталитаризма
в шести томах

2

ВАРВАРСТВО
Книга вторая

Редактор Л. Н. Каминский
Художественный редактор Б.
Бублик Технический редактор
Л. Т. Ена Корректор Л.Н.
Папирова

Сдано в набор 7.06.94. Подписано в печать 12.11.94. Формат
84С108 1/32 Бумага типограф. Гарнитура обыкновенная
новая. Печать офсетная Усл. печ. л. 25,41. Усл. кр.-отт. 25,41. Уч.-
изд. л. 26,80

«Гариниздат»,
310108, Харьков, ул. Курчатова

